

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

21 (1)

ISSN 2411-8796
Санкт-Петербург
2019

ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTER
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
DEPARTMENT OF HISTORY
THE RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

21 (1)

ISSN 2411-8796
Saint-Petersburg
2019

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),

В.-Т. Васара, доктор исторических наук, профессор В. Е. Возгрин,
доктор исторических наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора), Д. Р. Лобанова,
доктор исторических наук, профессор А. В. Смолин,
доктор философских наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
кандидат исторических наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20019*

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 21 (1) /

Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — СПб.: Издательство РХГА,
2019. — 338 с.

ISSN2411-8796

Журнал рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений
Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов
докладов двадцать первой международной научной конференции «Санкт-Петер-
бург и страны Северной Европы».

© Авторы выпуска, 2019

© В. Н. Барышников, сост., 2019

© Издательство РХГА, 2019

The Editorial Board:

PhD in History, professor V. N. Baryshnikov (managing editor),
PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
PhD in History, professor A.V. Smolin, V.-T. Vasara,
D. R. Lobanova, PhD Doctor in Philosophy, professor D. V. Shmonin

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
Candidate of Historical science A. I. Teryukov
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries / Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. — SPb., RCHGA, 2019. — 338 p.

ISSN 2411-8796

The journal is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

The issue consists of scientific articles based on the materials of the reports of the twenty first annual international scientific conference «Saint-Petersburg and North European countries».

© Authors, 2019

© V. N. Baryshnikov, edited 2019

© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов двадцать первой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 3–4 апреля 2019 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и северо-западного региона. Традиционно в конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской Академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2019 г. отношения Санкт-Петербурга и России со скандинавскими странами и Финляндией.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»¹. Все материалы конференций размещены на сайте — <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001, № 2; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002, №3; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003, №4; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004, №5; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005, № 6; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006, №7; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007, №8; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008, №9; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.,

2009, № 10; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010, №11; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011, №12; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012, № 13; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013, № 14; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014, № 15; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015, № 16; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016, № 17 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы.. Выборг, 2016, № 17 (2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы.. СПб., 2017, №18 (1-2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2019, №20 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019, №20 (2).

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the twenty first annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 3–4 of April 2019. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2019.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»¹. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

¹ Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2001, №2; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2002, №3; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2003, №4; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2004, №5; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2005, №6; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2006, №7; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2007, №8; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2008, №9; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2009, №10; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2010, №11; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2011

№12; Saint Petersburg and North European countries. Pб., 2012, №13; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPб., 2013; Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2014, №15; Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2015 №16; Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2016, №17 (1); Saint Petersburg and North European countries. Vyborg, 2016, №17 (2); Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2017, №18 (1-2); Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2018. № 19 (1); Saint Petersburg and North European countries.. Vyborg, 2019, №20 (1); Saint Petersburg and North European countries. SPб., 2019. № 20 (2.)

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Т. К. Михалкова

ПАМЯТЬ О МИКАЭЛЕ АГРИКОЛЕ В ФИНЛЯНДИИ И НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Память о человеке, внесшем значительный вклад в историю и культуру, предполагает различные формы проявления. Это воспоминания современников, научные исследования, медийные события (конференции, фестивали), литературное творчество, учреждение разного рода грантов и премий, создание фондов и обществ, но прежде всего это увековечение памяти о человеке в произведениях изобразительного искусства: живописных полотнах, графических листах, скульптурных изображениях в виде возводимых ему монументов, памятных знаков, а также отражение его имени в топонимике — названии улиц, площадей, церковных зданий, музеев, галерей, библиотек. В данной статье нас будут интересовать два последних аспекта, а именно, как увековечена память о Микаэле Агриколе в местах, с ним связанных.

Прижизненных изображений Микаэля Агриколы не сохранилось, внешний вид его неизвестен, поэтому все его портреты достаточно условны.

Агрикола для финнов фигура, безусловно, знаковая. Он проявил себя на разных поприщах: административном, преподавательском, литературном, переводческом, богословском, дипломатическом, но прежде всего — духовно-просветительском как видный деятель финской Реформации. В честь «отца финской литературы» в 1957 г. Союз переводчиков Финляндии и Фонд Агриколы учредили премию его имени за лучший перевод на финский язык произведения мировой художественной литературы, опубликованного в предыдущем году.

Надо сказать, что личность Микаэля Агриколы вызвала к жизни большое количество разного рода публикаций о нем, причем не только в Финляндии, но и в России¹.

Жизнь и смерть Микаэля Агриколы окружена ореолом тайны, что неудивительно — родился он пять столетий назад, и сведения о нем противоречивы. Неизвестна, например, точная дата рождения просветителя — это 1510-е гг. Но в последнее время исследователи все чаще склоняются к версии, что это мог быть 1507 г., поэтому год 2017 г. был объявлен в Финляндии «годом Микаэля Агриколы», когда отмечалось 510-летие со дня его рождения.

Вокруг имени Микаэля Агриколы много и других загадок. До сих пор не установлено место его захоронения. Выдвигается несколько причин его смерти. Неясна также судьба первого памятника Микаэлю Агриколе — работы Эмиля Викстрема 1908 г. Можно выразить сожаление, что сквер Микаэля Агриколы в Хельсинки переименован в «Медвежий»².

Тем не менее память об основателе финской письменности живет как в Финляндии, так и в России (а точнее, на Карельском перешейке), где он очутился волею судьбы.

Агрикола родился в приходе Перная (сейчас в трех часах езды от Выборга), в деревне Торсбю. Согласно оброчной книге, их семья имела 5 коров, 3 нетеля, 2 лошади и 4 барана, так что не была бедной. Имя «Микаэль» было дано ребенку, по-видимому, по названию церкви в Перная — архангела Михаила, где мальчика крестили³. И сейчас перед этой церковью стоит бюст просветителя, точная бронзовая копия бюста работы Эмиля Викстрема 1908 г. (оригинал ныне утрачен), отлитая по выборгской форме и установленная напротив каменной церкви XV века в 1959 г. По занятию отца, зажиточного крестьянина, Агрикола выбрал себе «псевдоним», означающий «земледелец»⁴. Позднее эта «фамилия» стала знаковой — Агрикола сделался пахарем на ниве просвещения. Современниками Микаэля Агриколы были: Леонардо да Винчи, Николай Коперник, Фернан Магеллан, Микельанджело Буонаротти, Нострадамус и Парацельс.

Десяти лет от роду Микаэль был отправлен отцом учиться в Тривиальной школу в Выборге. Поразительно, что с этим городом окажется связанным не только начало, но и конец жизненного пути финского реформатора — здесь он упокоился. Связано с нашей землей и место гибели Агриколы — это мыс Кюренниemi (Ландышевый), выдающийся в бухту Желтая, на шоссе Зеленогорск-Приморск, в 36 км от Приморска; в сторону залива от дороги есть указатель «К памятнику Микаэлю Агриколе 1,5 км». Сейчас там установлен памятный знак и есть небольшой музей, работающий только для организованных групп. Эти факты делают личность Агриколы значимой уже и для нашей, российской культуры.

В данной статье нет возможности подробно остановиться на биографии Микаэля Агриколы. Скажем только, что после Выборга он был отправлен в Германию, в Виттенберг, где слушал лекции Филиппа Меланхтона и стал достойным учеником Мартина Лютера. В Кафедральном соборе города Хельсинки (К. Л. Энгель, 1852) установлены в конце XIX века статуи всех троих — Меланхтона, Лютера и Агриколы. От Меланхтона и Лютера Агрикола получил рекомендательные письма, что позволило ему по возвращении в Финляндию, которая в то время была частью Швеции по Кальмарской унии, поступить на службу к королю Густаву Васе (ставшему королем в 1523 г.). Агрикола, однако, безуспешно добивался стипендии, но, видимо, средства у него все же были, так как он приобрел необходимую литературу и занялся переводами.

Его амбициями было перевести на финский язык Библию. Но письменного финского языка в то время не существовало, поэтому сначала Агрикола создал «Букварь» — он назывался «ABC-kirja». Букварь насчитывал 8 листов азбуки и несколько религиозных текстов. Агрикола придумал порядка 8000 финских слов. Случилось это в 1543 г. — этот год считается годом создания финской письменности. День финского языка отмечается в Финляндии в день смерти Агриколы — событие это произошло 9 апреля 1557 г. Удивительное совпадение — именно в это число, только 359 лет спустя, родился Элиас Леннрот, собиратель рун «Калевалы». В этот день поднимается государственный флаг Финляндии. Таким образом, можно сказать, что для финнов Микаэль Агрикола — фигура той же величины, что для нас Кирилл и Мефодий.

Через год после «Букваря», в 1544 г., Агрикола приступил к переводу «Молитвенника», первой энциклопедии Финляндии — книга насчитывает 877 страниц. И. В. Макаров в своем исследовании отмечает, что «по мнению исследователей, за все XVI столетие не только в Финляндии, но и во всей Скандинавии не было создано другого столь же внушительного памятника данного жанра»⁵. В 1548 г. он перевел на финский язык Новый Завет. Книга состояла из 718 страниц, к ним прилагалось 96 гравюр, что было важно для понимания содержания. На знаменитой гравюре Альберта Эдельфельта (вторая половина XIX века) в руке у Агриколы гусиное перо, перед ним лежит раскрытым его знаменитый «Букварь». В предисловии к Новому Завету Агрикола написал: «Язык моего народа существовал всегда, своей заслугой я считаю лишь перенесение его на бумагу»⁶. Работоспособность Агриколы была потрясающей: за десять лет, совмещая свою переводческую деятельность с административной и преподавательской, он перевел десять книг! И. В. Макаров отмечает следующий факт: «Подсчитано, что Микаэль Агрикола перевел до 37% объема Библии: весь Новый Завет и примерно одну пятую часть Ветхого

Завета»⁷. И далее: «...напечатанные им (М. Агриколой. — Т. М.) труды насчитывают в совокупности 2 400 страниц. ...Словарь текстов Агриколы включает примерно 8 500 слов. Из этого состава три пятых слов продолжают полноценно функционировать в современном финском языке, еще одна пятая сохранялась в активном употреблении вплоть до начала XIX в., и лишь одна пятая нигде не встречается, кроме текстов Агриколы»⁸. Агрикола верил, что «...день придет, когда открыта в знание будет дверь. И недруг мой поймет тот дар, который он отверг теперь»⁹.

Однако же с учениками Агриколы по Духовной Академии в Або (Турку), куда он был назначен ректором после возвращения из Виттенберга, этого, видимо, не происходило. По сохранившимся записям просветителя он называл их не иначе как «грубыми животными». В Або Агрикола перебрался еще в 1528 г., туда же он вернулся после учебы в Германии. В 1550 г. он был назначен каноником, а в 1554 г. — епископом, став первым лютеранским епископом Финляндии.

Исследователи жизненного пути М. Агриколы отмечают, что взаимоотношения его с королем Густавом Васой были сложные — с одной стороны, король покровительствовал Агриколе, назначил его епископом, включил в состав дипломатической миссии в Москву, с другой — всячески ограничивал его власть как образованного человека и духовного лидера, уволил с поста ректора, даже Новый Завет Агриколе пришлось печатать за свой счет. Тем не менее след Агриколы в Або был настолько значим, что в 1958 г. перед Кафедральным собором в Або, единственным в Финляндии средневековым лютеранским собором, сохранившимся (правда, с перedelками) до наших дней (он насчитывает более 700 лет), был поставлен памятник «Агрикола-ученый», работы скульптора О. Яухианена. Реформатор одет в мантию и шапочку, в руках у него книга — его знаменитый Букварь. В 1910 г. внутри Кафедрального собора в Турку был установлен бюст просветителя, выполненный по Выборгской форме.

В течение XVI века шведский король часто привлекал духовенство Финляндии для улаживания конфликтов в восточных землях. Как уже отмечалось, король Густав Васа выбрал Агриколу в состав дипломатической миссии, которая в начале 1557 г., проехав Новгород, прибыла в Москву к Ивану Грозному для переговоров о мире между Россией и Швецией во время русско-шведской войны. Война эта началась в 1554 г. и не принесла ощутимых побед ни той, ни другой стороне¹⁰. В результате было решено заключить мир. Шведская делегация была очень представительной, она насчитывала 100 человек. 24 февраля 1557 г. она представила в Москве свои верительные грамоты. Наступивший пост прервал переговоры, и соглашение было достигнуто только в конце марта. На обратном пути 2 апреля мир был скреплен в Новгороде. Агрикола со своей миссией два-

жды проезжал земли, расположенные в черте современного Петербурга, но города как такового тогда еще не было, он был основан в 1703 г., то есть спустя 146 лет¹¹.

Существует несколько версий гибели знаменитого финна. Согласно первой — в Москве его отравили¹². Вторая — реформатор был измучен долгой дорогой, и организм его не выдержал. Третья — Агрикола простудился в пути. И, наконец, четвертая — он так залюбовался красивым видом с мыса Кюренниemi, где посольство сделало остановку, что упал с камня и убили.

Нет также единого мнения, скончался ли Агрикола тут, на мысе, или же был перевезен в ближайшую деревню Карялайнен (Лужки), где умер через пару часов. Есть еще версия, что он умер в деревне Муури-ла (Высокое), где и был похоронен¹³. Согласно этой версии, через год, по распоряжению Выборгской епархии, останки Агриколы были перенесены в Выборг¹⁴. По другой версии, Агрикола был похоронен сразу в Выборге 12 апреля 1557 г., то есть через четыре дня после смерти¹⁵. Мы более склонны верить данной версии, он пишет, что Агрикола был похоронен в первый понедельник после Вербного Воскресенья в присутствии архиепископа¹⁶.

Неподалеку от места гибели Микаэля Агриколы (мыс Кюренниemi) находится озеро Куолемаярви («Озеро смерти», ныне озеро «Пионерское»), но также спорно, связано ли это название с фактом гибели Агриколы в этих местах, или же имя возникло позже. Приход Куолемаярви теперь называется «Красная Долина».

Вряде источников ошибочно указывается, что памятный знак на месте гибели Микаэля Агриколы является якобы могильным камнем. В 1900 г. на этом мысу Молодежное общество города Койвисто (Приморск) водрузило мемориальный камень. В 1940-е гг. памятный знак исчез. Е. Ю. Андреева в своей книге «Финляндия. Творимый ландшафт» пишет, что ее дядя Е. В. Шадричев нашел однажды в лесу, недалеко от описываемого мыса поваленную стелу, обозначавшую место гибели Агриколы¹⁷. Шадричев позвонил в музей Выборга, и стелу приехал забирать крановщик, направленный оттуда, но разбил ее при погрузке. Но все-таки плита хранилась какое-то время в Выборгском краеведческом музее. В 2000 г. по инициативе и на средства директора Института экспериментальной кардиологии Минздрава России был установлен новый знак, который окружает ограда, с прикрепленной к ней табличкой, и открыт музей-сторожка. Проект был выполнен в трехмесячный срок. На церемонии открытия, состоявшейся в июне 2000 г., присутствовали посол Финляндии в России Маркус Люра, министр просвещения Финляндии Яакко Нумминен, вице-президент общества «Финляндия-Россия» Аско Рясянен.

В городе Выборге, на Подгорной улице, находятся руины Кафедрального собора Выборгских епископов, построенного в 1494 г. Судьба его печальна: этот католический собор дважды был лютеранским, дважды православным и в результате погиб под бомбежками. В 1913 г. в соборе был вскрыт пол и проведены раскопки, тогда в одном из склепов были найдены останки епископа с тиарой, посохом, и при нем был щит с гербом. Решили, что это захоронение Микаэля Агриколы, но дальнейшие исследования опровергли это предположение¹⁸.

3 декабря 1893 г. в Выборге была освящена церковь, построенная к югу от Эспланады по проекту архитектора Эдуарда Дипшеля в стиле модной тогда кирпичной готики. После переноса в 1929 г. епископства в Выборг эта церковь стала Новым Кафедральным собором. По некоторым сведениям, собор носил имя Микаэля Агриколы, поскольку 21 июля 1908 г. у главного входа со стороны Крепостной улицы был открыт памятник Агриколе работы Эмиля Викстрема. Этот памятник исчез во время «зимней войны». Есть мнение, что при отступлении финны зарыли его в песок, найден он не был. Существует также версия, что памятник этот был переплавлен в 1940–1941 гг. В начале 1950-х гг. Новый Кафедральный собор (Туомио-киркко) разобрали за ненадобностью. О соборе напоминает лишь небольшой холм в парке за библиотекой Алвара Аалто перед зданием Главпочтамта.

Как уже отмечалось, прижизненных изображений Микаэля Агриколы не сохранилось, его внешний вид неизвестен, и выборгская отливка стала определяющей в процессе создания скульптурных образов реформатора. Уже упоминалось о копиях с нее в Турку (1910), Перная (1959), копия имеется также в Лахти (1953).

Памятник Эмиля Викстрема состоял из двух частей. В верхней был помещен скульптурный бюст реформатора (одна рука его поднята, другая лежит на раскрытой книге — он читает проповедь). У постамента, напоминавшего церковную кафедру, Викстрем расположил композицию из двух фигур: старик слушает читающую ему девочку. Этим автор хотел подчеркнуть значение грамотности. Старофинская надпись на постаменте гласила: «Кто в души всех людей проник, постигнет финский наш язык».

Памятник Микаэлю Агриколе в Выборге был восстановлен в 1993 г. Данный бронзовый бюст был отлит в Финляндии при содействии фонда Выборга и фонда «Реставрация. Реконструкция. Развитие». Первоначально бюст находился в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской¹⁹. Бюст Агриколы простоял в библиотеке 16 лет. В 2009 г. он обрел новое место перед лютеранским собором Петра и Павла в Выборге. При этом нет уже ранее имевшихся на постаменте аллегорических изобра-

жений, однако стихотворная строчка на финском языке, как и прежде, повторена снаружи. К ней добавлено библейское изречение: «Блаженны миротворцы»²⁰. Проект нового памятника был разработан архитектором Ю. Ланкинемом²¹. В 2009 г., в год 200-летия финской государственности, из Каменногорска привезли постамент, выполненный каменотесом Иваном Избышевым. 12-тонный камень устанавливали полчаса. Плита, которая соединяет бюст и основание памятника, является элементом оригинального памятника, который спроектировал Викстрем. В мастерской парка Монрепо соединили бюст (копия утраченного оригинала) с плитой (подлинной деталью Викстрема). 27 июня 2009 г. новый памятник Агриколе был торжественно открыт. Он установлен перед лютеранским собором Петра и Павла в Выборге, единственным сохранившимся до наших дней лютеранским храмом города (Пионерская ул., д. 6). Храм проектировал губернский архитектор Йоганн Брокман, а дорабатывал проект Ю. М. Фельтен (1799 г.). Девятью годами ранее на мемориальной доске неподалеку были воспроизведены на шведском, финском и русском языках основные вехи биографии выдающегося финского реформатора.

В районе Пунавуори в Хельсинки находится церковь Микаэля Агриколы с окружающим ее красивым сквером. Это постройка архитектора Ларса Сонка — в стиле северного модерна, 1933–1935 гг. Церковь знаменита, в частности, своей 97-метровой колокольной (103 метра над уровнем моря). Тридцатиметровый шпиль, при необходимости, можно было задвигать внутрь башни. Это было сделано во время Второй мировой войны, чтобы шпиль не был ориентиром во время налетов советской авиации. Известно, что Ларс Сонк увлекался высотными постройками. Самая знаменитая его церковь-небоскреб, это Каллио, давшая название целому району города Хельсинки, 1908–1912 гг. постройки.

Подводя итоги, можно сказать, что память о великом финском реформаторе сохраняется и по сей день. В Финляндии — это памятник перед Кафедральным собором в Турку, бюсты просветителя перед церковью св. Михаила в Перная, в интерьере собора Турку, в Лахти, статуя Агриколы в Кафедральном соборе Хельсинки, церковь Агриколы в Хельсинки. В честь Агриколы названы улицы в Турку, Хельсинки, Перная и Лохье.

На Карельском перешейке — это памятник перед собором Петра и Павла в Выборге, памятный знак на мысе Кюренниemi.

Из утраченных памятных мест — сквер Микаэля Агриколы в Хельсинки, исчезнувший памятник Агриколе работы Викстрема, утраченное место захоронения Агриколы в Выборге, переименованная улица Агриколы в Выборге, разрушенный Новый Кафедральный собор в Выборге.

Из восстановленных памятных мест — памятник в Выборге, памятник на мысе Кюренниemi. Особенно хочется отметить этот последний

факт — восстановление утраченного на российской территории, все это — первое десятилетие XXI века, значит, память о Микаэле Агриколе живет и на Карельской земле.

В заключение следует сказать, что в юбилейный 2017 г. был организован ряд экспозиций, посвященных Микаэлю Агриколе, в историко-краеведческом музее города Приморска, в библиотеке имени Алваро Аалто в Выборге. В Выборгском замке существует небольшая постоянная экспозиция, посвященная деятелю финской Реформации. Кроме того, в юбилейный год был разработан специальный туристический маршрут, охватывающий все те памятные места, о которых говорилось в данной статье. Так совместными усилиями финской и российской сторон поддерживается память о человеке, внесшем значительный вклад в историю мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее фундаментальным трудом на русском языке является исследование: *Макаров И. В.* Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007. Помимо подробного разбора жизнедеятельности М. Агриколы и общей оценки его личности, в книге приводятся отрывки из сочинений М. Агриколы, переведенные со старофинского языка автором исследования. См. также: *Шкваров А. Г.* Микаэль Агрикола. 455-летие со дня смерти — Режим доступа: <https://www.proza.ru/2012/04/08/1786> (дата посещения: 01.04.2019); *Андреева Е. Ю.* Финляндия. Творимый ландшафт. СПб., 2017. С. 101–106; Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004.

Литературные источники: *Naavikko Paavo.* Agricola ja kettu. Helsinki, 1968. Эта драма посвящена как раз тем событиям, которые будут рассматриваться в данной статье, а именно, участию Микаэля Агриколы в дипломатической миссии в Москву к Ивану Грозному в 1557 г. Премьера драмы состоялась в Хельсинки в 1968 г. Агрикола в пьесе представлен как яркий участник политических интриг своего времени. Чтобы приблизить действие к современности, режиссер Холмберг одел Ивана Грозного во френч Иосифа Сталина. См. также: *Шкваров А. Г.* Проклятие рода. Воздвигну на тебя зло. Роман. Т. III, книга IV. СПб., 2012. Агрикола фигурирует в этом историческом романе как второстепенный персонаж.

² Переименование мативировалось тем, что там в 1931 г. была установлена анималистическая скульптура из красного гранита «Медведь, разоряющий муравейник» работы Юсси Мятюнена. Однако у примыкающей к скверу улицы сохранили имя реформатора, чего не произошло с улицей Агриколы в Выборге, переименованной в улицу Пушкина.

³ Каменная церковь архангела Михаила (1435 г.) сохранилась в почти не рестроенном виде. В ней имеется средневековая крестильная чаша — в этой купели в самом начале 1500-х гг. и крестили Микаэля Агриколу.

⁴ Настоящая фамилия Агриколы была Олафсон (швед.) или Олавинпойка (фин.), то есть сын Олафа. А. Г. Шкваров отмечает, что «агномен (прозвище) “Agricola” был весьма распространен среди немецких гуманистов того времени» (см.: Шкваров А. Г. Микаэль Агрикола. 455-летие со дня смерти).

⁵ Макаров И. В. Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.). С. 268.

⁶ vvyborg.ru/mikael-agrikola (дата посещения: 01.04.2019).

⁷ Макаров И. В. Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.). С. 297.

⁸ Там же. С. 303.

⁹ vvyborg.ru/mikael-agrikola /перевод Л. Г. Волковой/ (дата посещения: 1.04.2019).

¹⁰ Подробнее об этой войне, о дипломатической миссии, о составе шведской делегации и о ходе переговоров с Иваном Грозным см.: Шкваров А. Г. Микаэль Агрикола. 455-летие со дня.

¹¹ В вышеупомянутой статье А. Г. Шкваров пишет, что «епископ Турку Микаэль Агрикола сыграл значительную роль в переговорах, особенно в богословском споре». Далее А. Г. Шкваров указывает, что знания Агриколы о России, русских людях и Православии были весьма поверхностными, возможно, почерпнутыми от его первого воспитателя, отца Бертольда, настоятеля храма св. Михаила в приходе Перная. Отец Бертольд побывал в Новгороде в 1513 г. Также есть вероятность, что Микаэль Агрикола общался с русскими во время своего обучения в Выборге, пограничном городе. Но, как отмечает А. Г. Шкваров, нет никаких сведений о знании Агриколой русского языка. Не встречается также никаких собственных рассуждений Агриколы о Православии. Как пишет Шкваров, «в географическом пространстве епископства не было ни одного православного прихода» (См.: Шкваров А. Г. Микаэль Агрикола. 455-летие со дня смерти).

¹² А. Г. Шкваров ссылается на мнение финского историка Симо Хейнинена, что еще в Москве Агрикола заразился какой-то болезнью (Шкваров А. Г. Микаэль Агрикола. 455-летие со дня смерти). В воспоминаниях краеведа И. Карпинского говорится, что Агрикола заболел в результате «немилостивого обращения» с ним Ивана Грозного. Якобы Агрикола не оказал царю должного уважения, за что «был поучен немного батогами» (Карпинский И. О памятнике Микаэлю Агриколе в Выборге // Наша жизнь. 1983. № 4/238).

¹³ vvyborg.ru/mikael-agrikola (дата посещения: 01.04.2019)

¹⁴ Эта версия представляется правдоподобной, если признать тот факт, что Агрикола был болен «неизвестной, заразной болезнью», и везти тело сразу в Выборг было небезопасно.

¹⁵ А. Г. Шкваров подчеркивает, что глава шведской делегации, шурина короля, брат покойной королевы Маргариты, госсекретарь Стен Эрикссон Лейонхувуд не остановился в Выборге на похороны Агриколы, отправился дальше, в Стокгольм. Договор между Россией и Швецией вступил в силу с 1 января 1558 г. (См.: Шкваров А. Г. Микаэль Агрикола. 455-летие со дня смерти).

¹⁶ Эту теорию излагает, в частности, Симо Хейнинен в своем очерке о Микаэле Агриколе в книге «Сто знаменитых финнов» (См.: Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 32–45).

¹⁷ Это произошло в 1970-е гг. См.: *Андреева Е. Ю.* Финляндия. Творимый ландшафт. СПб., 2017, С. 105–106.

¹⁸ Среди каеведов-историков есть мнение, что могила Агриколы находилась на территории бывшего Доминиканского монастыря — см.: Прах Агриколы заасфальтировали? // *Выборгские ведомости.* 2009. 31.07.

¹⁹ В октябре 1994 г. библиотека была переименована и названа именем А. Аалто.

²⁰ Эта надпись размещена сбоку на трех языках.

²¹ Отцом Ю. Ланкинена был когда-то архитектором Выборга.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Е. Ю. Финляндия. Творимый ландшафт. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. 320 стр.

Макаров И. В. Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620 гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб.: ИП Генкин А. Д., 2007. 560 стр.

Мельнов А. В. Строительство шведско-немецкого собора Петра и Павла в Выборге // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* 2019, № 20 /2/. С. 214–226.

Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий: (арх. 18 дек. 2012) / ред. Т. Вихавайнен, перевод с финского И. М. Соломещ. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. 814 стр.

Шкваров А. Г. Проклятие рода. Воздвигну на тебя зло. Т. III. книга IV. СПб.: Изд-во Алетейя, 2012. 308 стр.

Шкваров А. Г. Проклятие рода. Воздвигну на тебя зло. Т. III. книга IV. Хельсинки: RME Group Oy, 2012. 304 с.

Шувалова А. Н. Церковь во имя Рождества Христова в Выборге в середине XVIII столетия // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* 2019, № 20 /2/. С. 144–147.

Т. Г. Фруменкова

**П. Г. ГАНЗЕН КАК ПЕРЕВОДЧИК-ПОПУЛЯРИЗАТОР
В РОССИИ СКАНДИНАВСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(конец XIX — начало XX в.)**

П. Г. Ганзен (1846–1930) — датчанин, получивший российское подданство, переводчик на русский язык Х. К. Андерсена, Г. Ибсена и других скандинавских писателей, сотрудник Мариинского ведомства, «уполномоченный Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах». Как автор и переводчик, он являлся, в первую очередь, популяризатором скандинавских педагогических идей, был пропагандистом скандинавских идей и практики призраения детей и взрослых.

Его переводческая деятельность, очевидно, началась с перевода сочинений С. Кьеркегора. Книга датского философа «Наслаждение и долг» состояла из трех частей — «Афоризмы эстетики», «Дневник обольстителя», «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» и вышла в 1894 г., но в предисловии П. Г. Ганзен сообщил, что первая часть издания появилась еще в «Вестнике Европы» в мае 1886 г., а последние в том же году — в трех номерах «Северного вестника», и теперь он переработал свои переводы. Во вводной статье П. Г. Ганзен назвал С. Кьеркегора «гениальнейшим писателем Дании» и показал, как представляется, глубокое понимание сути его взглядов. Он считал философа глубоко религиозным автором, надевавшим на себя различные маски, чтобы «врасплох поймать своих современников в ложных воззрениях на жизнь, выяснить их заблуждения и затем привести их к истинному этико-религиозному взгляду на жизнь». Комментарии П. Г. Ганзена к тексту С. Кьеркегора поясняли топографию Копенгагена, давали переводы цитат с разных языков и пояснения к ним¹.

Впрочем, П. Г. Ганзен уже не впервые в своей переводческой практике обнаружил интерес к морально-этическим проблемам. Еще в 1891 г. в его переводе была опубликована речь известного норвежского писателя, лау-

реата Нобелевской премии по литературе Б. Бьёрнсона (1832–1910) «Единобрачие и многобрачие: Призыв к северной молодежи». Переводчик предпослал тексту биографию автора, написанную возвышенным поэтическим слогом: «Скалистая родина Бьёрнсона вообще бедна и мало обработана, и вот он неутомимо трудится для ее блага, разбрасывая по ней семена знания и истины». Он сравнивает Б. Бьёрнсона с его земляком Г. Ибсеном: «Эти два представителя северной литературы самыми контрастами своими как бы взаимно дополняют и оттеняют друг друга». Их различает отношение к природе: «Ибсен — исключительно драматический писатель и не чувствует никакого влечения к описаниям природы; ...и если природа где и фигурирует в его пьесах, то более как символ, нежели действительность... Широкий поэтический размах Бьёрнсона, напротив, охотно захватывает и природу, перенося ее картины даже в драму». Б. Бьёрнсон по глубине знания сцены не уступает Г. Ибсену, но в своих пьесах не достигает такого мастерства техники, как последний. Его пьесы лучше читать, чем смотреть в театре. К тому же, «в противоположность многим даровитым писателям, не владеющим красноречием, Бьёрнсон — превосходный оратор, настоящий народный трибун»².

В качестве предисловия переводчик поместил еще и отрывок из письма, адресованного ему писателем, который сообщил, что речь «вызвана возмутительными нападками некоторой части печати на г-жу Грунтвиг, осмелившуюся потребовать одинакового целомудрия как от мужчин, так и от женщин, и поставившую целомудрие целью, к которой должен стремиться род человеческий»³. Автор собирался прочесть речь в Копенгагене и нескольких других городах во время обратной поездки из Парижа, но его, по собственным словам, осыпали просьбами со всех концов Скандинавии, и он выступил во всех значительных городах, собирая массы слушателей. Это свое дело, как и борьбу за мир, писатель считал главным делом своей жизни.

Сама речь посвящена проблемам семьи и брака, освещавшимся с морально-этических позиций. Б. Бьёрнсон призывал заключать браки в зрелом возрасте (не ранее 25 лет для мужчин и 20 для женщин), требовал, чтобы и юноши, и девушки сохраняли целомудрие до брака. Правильной семейной жизни должно было являться единобрачие, то есть обоим супругам полагалось хранить верность друг другу. Для формирования воздержанных высоко нравственных людей требовалось, чтобы с детьми работали учителя-воспитатели, «этические таланты», а в семье все хорошее светилось бы «ярким огоньком»⁴.

Следующее морализаторское сочинение, переведенное П. Г. Ганзеном вместе с женой и изданное в 1898 г., имело иную направленность. Это «культурно-исторический очерк» датского филолога К. Нюропа

(Ниропа) «О поцелуях». Переводчики открывают его введением, содержащим краткий, но точный анализ сочинения. Они поясняют, что подготовить русский перевод побудил их «выдающийся успех», выпавший на долю профессора Копенгагенского университета. Филолог попытался «разобраться в богатом материале, накопленном в течение веков мировой литературой, и дать... популярный очерк происхождения и жизненной роли *поцелуя*»⁵. Супруги Ганзен подчеркивают литературный талант К. Нюропа и свойственную ему «остроумно-изящную манеру изложения». Это придает очерку характер «непринужденной, живой, увлекательной беседы», чему вовсе не мешает «большая и серьезная эрудиция» автора. Работа включает стихотворные отрывки, которые в подлиннике приводились на языках оригинала. В русском издании стихи в основном даются в переводах с указанием имен переводчиков. Неподписанные переводы сделала А. В. Ганзен. Видимо, она же подбирала и русские переводы, написанные известными поэтами. К тексту очерка переводчики приложили комментарии, поясняющие имена мало известных в России скандинавских писателей. Они деликатно добавили и авторские примечания. Например, Е. Нюроп дает весьма неудачное определение поцелуя в датском словаре: «Прижатие рта к телу». Переводчики помечают, что «в русском [словаре] (Даля) целоваться значит приветствовать или здороваться кого целостно, всецело, приложиться устами, чмокнуть». Автор утверждает, что дружеские поцелуи распространены в Австрии, Южной Германии, Франции и Италии. Переводчики добавляют: «И в России»⁶. Содержание очерка, нужно думать, соответствовало нравственным исканиям П. Г. Ганзена. С опорой на литературу К. Нюроп выяснил, что такое поцелуи, посвятил большую главу «поцелуям любви между мужчиной и женщиной», обратился к «поцелуям любви вообще», в первую очередь, родительским, затем сосредоточился на «поцелуях мира», то есть «поцелуям христианской любви», и «поцелуям почитания», а в конце книги остановился на происхождении поцелуев.

П. Г. Ганзен явно являлся инициатором издания сведений о датской королевской семье. Еще в 1892 г. он выпустил небольшую брошюру «К золотой свадьбе датской королевской четы», включавшую краткие сведения официального характера о правящем монархе⁷. Одним из самых знаменитых уроженцев Скандинавии в то время был Ф. Нансен. Его подвиги и достижения не могли не привлечь внимания выходца из Дании и его жены. В 1896 г. в момент выхода из печати первого издания книги путешественник, судьба которого долгое время была неизвестна, сумел вернуться домой. Во второе издание вошел очерк Ганзенов, посвященный попытке героя покорить Северный полюс на шхуне «Фрам» «по подлинным сочинениям путешественника». Наконец, уже в конце российского периода

биографии П. Г. Ганзена, в 1915 г., супруги выпустили в свет авторизованный перевод сочинения самого Ф. Нансена «В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море»⁸.

К просветительскому направлению в деятельности П. Г. Ганзена следует отнести и выполненный им с Анной Васильевной перевод с немецкого языка объемной книги Э. Гессе-Вартега «Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи современного Китая». Труд был основан на личных впечатлениях автора, имел энциклопедический характер и был богато иллюстрирован⁹.

На рубеже XIX—XX вв. определился интерес П. Г. Ганзена к проблемам воспитания и образования. В 1895 г. в «Правительственном вестнике» он опубликовал статью «Ручной труд в Дании (датский слайд)». В 1905 г. вышло в свет сочинение «Педагогический ручной труд по датской системе: Указания для начинающих учителей. По сочинениям А. Миккельсена составил И. К. Каррель, учитель-воспитатель дома призрения малолетних бедных Императорского человеколюбивого общества». В качестве введения составитель «заимствовал» названную статью П. Г. Ганзена, «известного знатока и популяризатора у нас скандинавской жизни и литературы»¹⁰.

В 1903 и 1905 гг. вышли два издания главного педагогического перевода Ганзенов «Семья и ее задачи: Книга для родителей и воспитателей, составленная родителями и друзьями детей под редакцией А. Арстала». Труд был заявлен как «разработанный и дополненный для русских читателей перевод с норвежского подлинника А. и П. Ганзен». Книга открывается предисловием П. Г. Ганзена, Оно начинается «кратким изложением», скорее, подробным цитированием целей и задач труда, которое «предпослано было редактором А. Арсталем норвежскому изданию книги». «Наш двадцатый век уже окрещен „веком детей“, — заявлял редактор. Возникла «потребность в возможно ярком освещении множества вопросов, возникающих в семье». Редактор сообщил, что ему удалось заинтересовать своей задачей до 70 мужчин и женщин, каждый из которых пользовался авторитетом в своей области. Их совместным трудом и создавалась эта книга, преследовавшая чисто практические цели. Авторы, во-первых, стремились осветить вопросы, которые воспитание детей ставит перед разумными родителями. Во-вторых, они хотели, чтобы родители понимали природу и потребности ребенка, умели направлять, «как должно», физическое, умственное и нравственное развитие ребенка. Наконец, составители книги надеялись «помочь родителям развить в своих детях способность с успехом бороться с предстоящими им в жизни затруднениями»¹¹.

Далее автор русского предисловия приводит благожелательные отзывы скандинавской прессы на отдельные выпуски книги и делает вывод,

что за «трудом, изданным А. Арсталем, признается огромное истинно-национальное значение, и само появление труда приветствуется как наиболее современное». Этот вывод дал П. Г. Ганзену возможность перейти к изложению проблем, волновавших его самого. Он считал, что выдвигнутая общим ходом современной культуры «переоценка ценностей» захватила и область воспитания и образования. Новые условия требовали и новых методов воспитания, вырабатывавшихся в последней четверти XIX в. Итоги этой работы и подводит норвежское издание. В русской литературе имелось много статей по вопросам воспитания, но ни в русской, ни в какой другой литературе не появилось такого обобщающего труда.

Одно из современных требований — освещение проблем физического воспитания, включая вопросы половой жизни. Об этом, по словам П. Г. Ганзена, и «у нас в России в последнее время много пишут и говорят». Тем важнее выяснить постановку и решение этих вопросов в Норвегии, стране, по его мнению, с «образцово поставленной школой и... крепким, ...народом, который выдвигает и таких гигантов мысли, как Ибсен, и таких гигантов общественно-политической деятельности, как Бьёрнсон, и наконец, таких гигантов физической и духовной энергии, как Нансен». Впрочем, сетует П. Г. Ганзен, проводимый в книге принцип обсуждения «при открытых дверях» вопросов половой жизни, в России «еще не получил права гражданства, как в скандинавских государствах». Почва для скандинавского подхода, уверял переводчик, была подготовлена на Севере горячей проповедью Б. Бьёрнсона об обязанностях целомудрия и для мужчин, и для женщин. Сам писатель уверял переводчика, что после нескольких лет устной и письменной проповеди разумные родители «стали обсуждать этот предмет между собой и в серьезных беседах с детьми». Далее П. Г. Ганзен подробно проанализировал один из первых трудов по вопросам половой жизни мужчин, вышедший в России в 1886 г., — сочинение Р. М. Тарновского «Половая зрелость, ее течение, отклонения и болезни» — и стал популяризатором в России не только норвежского руководства по семейному воспитанию, но и медицинского пособия, знакомящего «молодых людей с ...требованиями гигиены от-носительно... половой жизни».

П. Г. Ганзен обращает внимание, что в русском издании книга вышла в несколько измененном виде. Переводчикам пришлось считаться, «во-первых, с русской литературой вместо норвежской по различным трактуемым в книге вопросам, а, во-вторых, с воззрениями и потребностями русских читателей, вследствие чего и предприняты некоторые сокращения, дополнения и изменения при сохранении, однако, в полной неприкосновенности характера и тона труда. Дополнения отчасти вошли в самый текст, отчасти составили особые примечания». Книгу одушевля-

ет «великая цель будущего — нравственный подъем всего народа путем рационального воспитания». П. Г. Ганзен был убежден, что «норвежцы, выдвинувшие из своей среды столько сильных и талантливых личностей, имеют что сказать, когда речь пойдет о воспитании». Работа адресована «читателям среднего достатка, образования и досуга», чем и ограничен круг затрагиваемых в ней вопросов. В их отборе авторы проявили чувство меры, а в освещении — «свежесть и бодрость», объясняемые любовью и воодушевлением. Ограниченный объем не помешал каждому из них сказать свое веское слово. П. Г. Ганзен был уверен, что труд принесет пользу и тем родителям, которые смогут «проверить свои действия и убедиться в своих промахах и ошибках. Наибольшую же пользу может принести книга тем, кто еще только вступает в самостоятельную жизнь, строит семью. Для тех она в полном смысле слова должна явиться настоящей книгой»¹².

Во многих разделах книги приводятся выдержки из норвежского законодательства. Комментаторы снабжают их ссылками на российские правовые нормы. Все главы снабжены списками русской литературы и переводных изданий на русском языке по проблемам воспитания и образования. Таким образом, сегодня книга является ценным справочником по историографии истории воспитания и образования в России. О том, где в Петербурге, положим, можно купить товары для матерей и ухода за младенцами, очевидно, сообщила А. В. Ганзен. Комментарии также содержат сведения, к примеру, о заведениях для «отсталых детей» и классах для тех, кто страдает расстройством речи, в российской столице. Приводится и информация о проектах по борьбе с детской преступностью, обсуждавшихся на Международном конгрессе криминалистов в Петербурге в сентябре 1902 г. В разделе «Что занимает и развивает ребенка?» авторы примечаний предлагали использовать русские народные песенки, игры, загадки, сказки и даже заменили в тексте норвежские загадки русскими.

Характерной чертой издания является то, что П. Г. Ганзен неоднократно ссылается на другие свои работы. Кроме перевода речи Б. Бьёрнсона, он многократно адресует читателя к своей статье о «слайде», сборникам о трудовой помощи и общественной самопомощи в скандинавских странах. Иногда переводчик в своих комментариях поясняет национальные особенности и черты повседневной жизни в Норвегии, которая выглядит более цивилизованной, чем Россия. Так, в разделе, посвященном семейной экономике, авторы утверждают, что хорошая хозяйка всегда лично делает покупки, хотя могла бы послать в лавку слугу или сделать заказ по телефону, благо «он теперь у каждого под рукой». П. Г. Ганзен поясняет: «В скандинавских странах трудно найти даже мелкую лавчонку, где не было бы своего телефона; также в редкость там и дома без телефо-

на»¹³. Б. Бьёрнсон написал для книги небольшой параграф, посвященный роли фантазии в процессе воспитания. Норвежцы представлялись ему народом «слишком сухим, трезвым, чтобы не сказать, скептиком. Как сравнительно мало у нас предприимчивости, особенно в смысле широких планов, обуславливаемых солидарностью», — утверждал он. Переводчик пометил: «Русский народ трудно упрекнуть в выше поименованных недостатках... Между тем, как отсутствием предприимчивости... он грешит не меньше, если не больше норвежского... Причины можно, пожалуй, искать в том же „отсутствии надлежащего ухода за фантазией“», на которое жалуется Бьёрнсон»¹⁴.

Таким образом, переводчика явно тяготят узкие профессиональные рамки. П. Г. Ганзен авторизует переводы, русифицирует их, подделывает под себя, возможно, делает это вместе с женой, выступает как популяризатор и пропагандист. Изредка чувствуется определенное желание переводчика сыграть цивилизующую роль европейца, проживающего в «более отсталой стране». Переводы П. Г. Ганзена лишний раз показывают, что он был человеком талантливым, активным, много сделавшим в России и для России, обрусевшим, но русским так и не ставшим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. СПб., 1894. С. 1, 2, 4, 62, 178.

² *Бьёрнсон Б.* Единобрачие и многобрачие: Призыв к северной молодежи. СПб., 1891. С. 3–4, 7–8, 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 13–55.

⁵ *Нюрон К.* О поцелуях: Культурно-исторический очерк. СПб., 1898. С. I — II.

⁶ Там же. С. 5, 103.

⁷ К золотой свадьбе датской королевской четы. СПб., 1892.

⁸ *Бреггер В. К., Рольфсен Н.* Фритьоф Нансен. СПб., 1896; *Бреггер В. К., Рольфсен Н.* Фритьоф Нансен, его жизнь и путешествия: По кн. В. Бреггера и Н. Рольфсена, а также по подлинным соч. путешественника пер. и сост. А. и П. Ганзен. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1901; *Нансен Ф.* В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.

⁹ *Гессе-Вартег Э. фон.* Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи соврем. Китая СПб., 1900.

¹⁰ *Карелль И. К.* Педагогический ручной труд по датской системе: Указания для начинающих учителей. СПб., 1905.

¹¹ *Семья и ее задачи:* Кн. для родителей и воспитателей, сост. родителями и друзьями детей под ред. А. Арстала. 2-е изд., стереотип. СПб., [1905]. С. 7–8.

¹² Там же. С. 9–14.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 362.

ЛИТЕРАТУРА

Бреггер В. К., Рольфсен Н. Фритьоф Нансен / Пер. А. и П. Ганзен. СПб.: А. Ф. Девриен, 1896. VIII, 365 стр.

Бреггер В. К., Рольфсен Н. Фритьоф Нансен, его жизнь и путешествия: По кн. В. Бреггера и Н. Рольфсена, а также по подлинным соч. путешественника пер. и сост. А. и П. Ганзен. 2-е изд., значит. доп. СПб.: А. Ф. Девриен, 1901. X, 460 стр.

Бьёрнсон Б. Единобрачие и многобрачие: Призыв к северной молодежи / Пер. П. Ганзен. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1891. 55 стр.

Ганзен П. Г. К золотой свадьбе датской королевской четы. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1892. 24 стр.

Гессе-Вартег Э. фон. Китай и китайцы: Жизнь, нравы и обычаи соврем. Китая / Пер. А. и П. Ганзен. СПб.: А. Ф. Девриен, 1900. VI, [2], 379 стр.

Жаров Б. С. Телеграфист-переводчик-литератор-общественный деятель: П. Г. Ганзен в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11 С. 29–35

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. С. 503.

Карель И. К. Педагогический ручной труд по датской системе: Указания для начинающих учителей. С прил. ст. П. Г. Ганзена. СПб.: изд. сост., 1905. XXXI, 193 стр.

Кьеркегор С. Наслаждение и долг / Пер. с дат. [и предисл.] П. Г. Ганзена. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1894. 415 стр.

Нансен Ф. В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Авториз. пер. А. и П. Ганзен. Пг.: изд. К. И. Ксидо, 1915. 415 стр.

Нюрпо К. О поцелуях: Культ.-ист. очерк / Пер. с дат. А. и П. Ганзен. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1898. — [4], IV, 140 стр.

Семья и ее задачи: Кн. для родителей и воспитателей, сост. родителями и друзьями детей под ред. А. Арсталя: Разраб. и доп. для рус. читателей пер. с норвеж. подлинника А. и П. Ганзен. 2-е изд., стереотип. СПб.: А. Ф. Маркс, [1905]. 461 стр.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы и России (1892–1916) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19. С. 276–287.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18 (1–2). С. 276–287.

Н. Р. Славнитский

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШАУТБЕНАХТА И. Ф. БОЦИСА
ПО ОБОРОНЕ ВЫБОРГА И ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ЕГО ГАРНИЗОНА ПРОВИАНТОМ В 1710–1711 гг.**

После взятия Выборга летом 1710 г. российское руководство получило сильный укрепленный форпост на территории Финляндии. Но в тоже время возникли и некоторые сложности, которые неизбежно приходилось решать. Во-первых, Выборг естественно находился под угрозой нападения шведских войск, как сухопутных, так и морских. Во-вторых, обеспечивать гарнизон крепости провиантом и другими необходимыми припасами было непросто.

Деятельность И. Ф. Боциса при обороне Санкт-Петербурга в 1708 г.¹ и особенно в ходе операции в Финляндии в 1712–1713 гг. (а также при создании галерного флота)² уже рассматривалась в отечественной историографии, а вот период 1710–1711 г. остается пока практически не затронутым. Роль шаутбенахта в те годы важна и интересна с той точки зрения, что в осадной операции и при обороне Выборга был задействован гребной флот. И собственно переписка И. Ф. Боциса позволяет проследить, каким образом это было организовано.

Отметим, во-первых, интересный момент — именно И. Ф. Боцису было поручено отправление в Швецию. 27 июня 1710 г. он доложил генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что «против приказу высокопревосходительства твоего послал болных и раненых шведов к команданту их шведскому числом 1016 душ, в том числе 811 мужчин, 165 женска полу и 40 маленьких ребят. Каравль командитской их имеет две палубы и 48 пушек на нем, а пушки 12-фунтовые нижние батареи протчие толко по единой палубе, и на них пушки 8-фунтовые»³.

Шведы в 1710 и 1711 гг. регулярно старались угрожать Выборгу с моря. Из донесения И. Ф. Боциса тому же Ф. М. Апраксину 20 июня 1710 г. известно, что 19 июня «после вечерней зари была стрельба на море впервые из одного ружья в другой из двух, близ нашей партии, и после

того с полуночи неприятели жгли маяки на своем берегу, а для чего про то невестимо»⁴. 7 июля шаутбенахт доложил, что пять шведских кораблей «уже вышли вон из устья, и стоят на море на якорях в толиком расстоянии что едва видно», и он отправил партию из 4 бригантин для разведки⁵.

После ухода шведских кораблей появилась возможность заняться вопросами обеспечения гарнизона Выборга провиантом. Но часть из этого, естественно, требовалась и для служителей гребного флота. 3 сентября 1710 г. выборгский комендант Г. П. Чернышев, среди всего прочего сообщил А. Д. Меншикову, что шведские шкуты вытаснены из воды и для помощи в их оснастке И. Ф. Боцис прислал офицера, а также, что «шаутбенах принимает на морских с удах разным служителям 1577 человеком на работе у нас каторжных толко 144 человека»⁶.

А. Д. Меншиков, в свою очередь, написал Ф. М. Апраксину: «Также пишет ко мне из Выборга господин Чернышов что шаутбенахт принимает провианту на морских судах разным служителям 1577 человекам. А на работе у них каторжных 144 человека. И вашему превосходительству не в указ предлагаю я, дабы изволили вы к нему шаутбенахту от своего лица кого русского отправить и приказать осмотреть куда оной провиант идет, понеже какая в том провианте в Выборге нужда о том самим вам известно»⁷.

То есть у коменданта и губернатора возникли подозрения, что часть провианта, идущего в Выборг, И. Ф. Боцис забирает для каких-то иных целей.

Обратим также внимание на междуведомственные отношения — губернатор не стал запрашивать И. Ф. Боциса напрямую, а обратился с предложением провести проверку к непосредственному начальнику шаутбенахта. Чем закончилось то «расследование», пока выяснить не удалось, можно лишь высказать предположение, что оно «заглохло».

Причем в случае необходимости Александр Данилович сам писал И. Ф. Боцису напрямую. К примеру, 28 октября губернатор написал: «По указу царского величества велено выборгскому коменданту отправить из Выборга в Нарву медные пушки и мортиры и ломаную медь на шкутах кои ныне при Выборху обретаютца. И ваша милость изволте от себя дать на те шкуты из морских служителей сколько пристойно, ибо на тех шкутах таких людей не обретаютца...»⁸. Речь шла о тех шведских судах, вытасненных из воды (очевидно, в период осады затопленных шведами), которые к тому времени были уже оснащены.

Одиночные шведские суда появлялись под Выборгом и осенью 1710 г., но в это время они не преследовали цели захвата укреплений. 1 ноября шаутбенахт сообщил генерал-адмиралу о появлении накануне вечером одной шлюпки, на которой прибыл шведский поручик, вру-

чивший российскому караульному офицеру письма (одно от командира неприятельской эскадры самому И. Ф. Боцису, а другое от князя Хилкова Г. П. Чернышеву)⁹.

Следующий год для команд гребных судов и шаутбенахта прошел примерно так же. Сначала возникла необходимость подготовиться отбивать атаки неприятеля, затем вопросы, связанные со снабжением гарнизона.

Кроме того, в марте 1711 г. в Выборг из Санкт-Петербурга (от Адмиралтейства) «для строения новых полугалер и для оснастки морских судов» были отправлены мастер конопатного дела Антон Петров, а также необходимые припасы, на наемных подводках¹⁰. Скорее всего, И. Ф. Боцис контролировал и его работу (гребные суда находились в ведении шаутбенахта).

22 мая 1711 г. И. Ф. Боцис сообщил А. Д. Меншикову, что в окрестностях Выборга появился шведский отряд численностью в 1500 человек, а остальное войско движется из Финляндии¹¹. 19 июня возле Выборга появился шведский флот, состоящий из 7 кораблей и 7 шняв¹². Полтора месяца спустя (29 июня) он доложил губернатору, что 17 числа отправился от острова Котлин с провиантскими судами и спустя сутки благополучно прибыл к Выборгу. После выгрузки провианта на те суда был посажен Пермский полк¹³ (очевидно, входивший до того в состав выборгского гарнизона, а в то время по каким-то причинам его решили перевести на другой участок). Из данного документа видно, что на ответственности И. Ф. Боциса был весь процесс доставки провианта в Выборг морским путем — он лично с эскадрой отправился к Кронштадту и оттуда сопровождал провиантские суда до места назначения.

В том же донесении шаутбенахт сообщил о результатах разведки (ее осуществляли силами двух бригантин). Когда те два судна вышли в море, на них напала шведская партия, состоявшая из нескольких пакетботов и пяти шлюпок, которые вынудили русских отступить под прикрытие батарей. После этого он отправил на разведку 4 бригантины, командиры которых после возвращения доложили о том, что неприятельский флот из 7 больших кораблей и более мелких судов стоит у Березовых островов (о них упоминалось выше). Эти сведения подтвердились и неделю спустя¹⁴.

Шведский флот, надо сказать, блокировал Выборг достаточно надежно. В тот период А. Д. Меншиков потребовал перевести из-под Выборга дивизию под командованием бригадира Иванишина, И. Ф. Боцис вместе с бригадиром проработали вариант отправки на лодках, но пришли к выводу, что это невозможно, и в начале августа полки выступили сухим путем¹⁵.

Санкт-петербургский обер-комендант Р. В. Брюс, находившийся в тот момент в Выборге, предложил сжечь шведские корабли при помощи двух брандеров. Морские офицеры выступали против этого, хотя и вынуждены были подчиниться¹⁶. 10 сентября Роман Вилимович сообщил А. Д. Меншикову, что брандеры были выведены к батареям и ждали «способного ветру», как только появилась возможность отправить их, он потребовал у шаутбенахта офицеров, которые были назначены для этой операции. И. Ф. Боцис прислал подпоручика и боцмана, однако те отказались вести брандеры. Р. В. Брюс арестовал подпоручика и потребовал прислать других офицеров, И. Ф. Боцис на это ответил, «что все его афицеры, которые при нем есть, в том ему весьма отказали и писменно объявили, что они на помянутых брандерах не пойдут»¹⁷. Никаких серьезных последствий для офицеров, судя по всему, после этого инцидента не было.

Шведский флот продолжал оставаться под Выборгом до глубокой осени, в частности, 29 сентября И. Ф. Боцис сообщил А. Д. Меншикову, что разъездной караул доложил ему, что 26 числа один линейный корабль с двумя бомбардирскими попытались приблизиться к батареям, и еще пять кораблей, а также более мелкие суда стоят на прежних местах. И там же он указал, что провиантские суда, «которые при Выборге, давно у меня готовы, толко ждем очищения пути от неприятеля»¹⁸.

Напомним, что в начале лета провиантские суда прошли к Выборгу под охраной И. Ф. Боциса, после чего ушли обратно. По всей видимости, позже к Выборгу прорвалась еще одна партия с провиантом, а вот отправить суда обратно в Кронштадт не удалось. Косвенно это подтверждается и сведениями, приведенными выборгским комендантом Г. П. Чернышевым, который писал, что в те месяцы с доставкой провианта возникли сложности, и когда хлеб был привезен «по зимнему пути», продовольственных запасов в крепости оставалось очень мало (всего на несколько дней)¹⁹. Скорее всего, именно по этой причине Р. В. Брюс так настойчиво стремился применить брандеры против шведской флотилии — иных возможностей добиться удаления неприятеля в тот момент не было, а это требовалось для того, чтобы обеспечивать гарнизон Выборга провиантом.

Из письма Ф. М. Апраксина К. И. Крюйсу 10 сентября 1712 г. видно, что И. Ф. Боцис и в следующем году, вплоть до отправления в поход в Финляндию, обеспечивал конвоирование судов с провиантом, причем в то время уже активно были задействованы скампаеви²⁰.

Подводя итоги, отметим, что И. Ф. Боцис в 1710–1711 гг. находился на переднем рубеже обороны и в целом справлялся с важными для того времени задачами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 46; Базарова Т. А. «Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки». СПб, 2014.

² Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 г. СПб., 1996; Мазур Т. П. Вице-адмирал К. И. Крюйс в морских кампаниях 1712 и 1713 гг. и суд над ним // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 7–16; Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017.

³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 305.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–25.

⁸ Там же. Д. 5. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 35.

¹⁰ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 61. Л. 35, 36.

¹¹ Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). Ч. I. СПб., 1865. С. 241.

¹² Там же. С. 245.

¹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4476. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ МИРФ. Ч. I. С. 251–253.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4613. Л. 1; МИРФ. Ч. I. С. 254.

¹⁸ Там же. Д. 4660. Л. 1.

¹⁹ Записки графа Г. П. Чернышева // Русская старина. 1872. Июнь. С. 795. С. 795–796.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 72.

ЛИТЕРАТУРА

Базарова Т. А. «За кивиковую станицю лесами и болотами...: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 12–19.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. 408 стр.

Дуров И. Г. Пищевые рационы нижних чинов русского и флотов западноевропейских стран в Северную войну (1700–1721 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003. С. 202–211.

Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 г. СПб.: Лики России, 1996. 248 стр.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 стр.

Мазур Т. П. Вице-адмирал К. И. Крюйс в морских кампаниях 1712 и 1713 гг. и суд над ним // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 7–16.

Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 1904. 236 стр.

Шлямина Е. О. Роль Ф. М. Апраксина в организации и проведении обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 102–105.

Г. М. Коваленко

ОТ СВЕАБОРГА ДО ЯРОСЛАВЛЯ. ДНЕВНИК ПРАПОРЩИКА БРАЙТХОЛЬЦА

Одним из ключевых событий последней русско-шведской войны 1808–1809 гг. была капитуляция «Северного Гибралтара» — построенной по последнему слову фортификационной науки и считавшейся неприступной крепости Свеаборг. 3 мая его гарнизон покинул крепость. Среди тех, кто вышел из крепостных ворот, был майор Ханс Густав Хаусвольф и его 18-летняя дочь Аделаида, описавшая в своем дневнике пребывание в русском плену как «удивительное и полное приключений путешествие»¹.

Вместе с ними крепость покинул 22-летний прапорщик полка Адлеркройца Бернтд Юлиус Брайтхольц. Во время пребывания в плену в России он также вел дневник, чтобы, как он пишет, «на закате дней, если я доживу до этого, в моей памяти воскресли события юности». Этот дневник, хранившийся в семье его брата Класа, был опубликован Т. Петрелли в 1902 г.² Он интересен тем, что проливает свет на условия пребывания в России шведских офицеров, попавших в плен во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. По сравнению с судьбами пленных каролинов, об их судьбах известно довольно мало. Воспоминания о жестоком обращении с полтавскими пленниками породило представление о тяжелой участи шведских пленников последней русско-шведской войны³. Между тем дневники Берндта Брайтхольца и Аделаиды Хаусвольф свидетельствуют о том, что шведские пленные, высланные в разные города России, вынесли довольно благоприятные впечатления о пребывании в русском плену.

Дневник Берндта Брайтхольца интересен также тем, что, как отметил М. Бородкин, «определяя воззрения русских на финляндцев и обратно, ...нельзя не внять голосу пленных. Они приходят в своеобразные и редкие соприкосновения с чуждыми народностями. Их мнениями не следует пренебрегать по той причине, что по возвращении на родину они

служат неопровержимым авторитетом в глазах соотечественников, и их заявления значат иногда более сведений, подчерпываемых из печатных листов»⁴.

Свой дневник Брайтхольц начинает словами о том, какое тягостное впечатление произвела сдача Свеаборга на гарнизон крепости: «О том, что чувствовали солдаты, свидетельствовали слезы в их глазах. Распались все военные связи... никто больше не командовал, никто больше не повиновался... Они получили приказ сложить оружие и подчиниться воле вероломного врага, вторгшегося на их землю»⁵.

По условиям капитуляции все шведские офицеры на все время продолжения военных действий должны были пребывать в стране по месту своего проживания. Поэтому Брайтхольц отправился к своим родителям в Экенес. Вскоре сюда прибыл генерал Сухтелен, он предложил пребывавшим здесь шведским офицерам перейти на русскую службу и принести присягу императору. В противном случае он угрожал им высылкой во внутренние области России. Брайтхольц не терял надежды еще послужить родине, поэтому он не принял предложение генерала и вместе с капитаном Егергорном решил бежать к шведам. Однако старые опытные офицеры отговорили их от этого, аргументируя это тем, что они дали слово не принимать участия в боевых действиях, а также тем, что еще неизвестно, как армия и король примут офицеров свеаборгского гарнизона. Взвесив все «за» и «против», они отказались от своего намерения и заявили коменданту о своем желании отправиться в плен⁶.

Утром 23 июля Брайтхольц вместе с капитаном Егергорном, лейтенантом Аминовым и фортификационным кондуктором Граншtedтом в сопровождении двух казаков был отправлен в Гельсинфорс, откуда 27 июля последовал в Петербург вместе с группой шведских пленных, состоявшей из 12 офицеров и 8 унтер-офицеров. В Выборге к ним присоединилось еще 15 офицеров, вместе с которыми 11 августа они прибыли в Петербург, где были расквартированы в артиллерийских казармах у Смольного монастыря по 3–4 человека в комнате. Здесь уже находилось около 150 офицеров, отказавшихся перейти на русскую службу, которых небольшими партиями отправляли вглубь России⁷.

На следующий день к вновь прибывшим финским офицерам приехал русский генерал с переводчиком и предложил им принести присягу российскому императору, после чего они могли выбрать полк, в котором хотели бы служить, или вернуться домой. На это они ответили, что считают позором принять это предложение в то время, когда никто не освободил их от присяги шведскому королю. Тогда генерал сказал, что они должны быть готовы ехать дальше. Но эта угроза не достигла цели. Офицеры заявили, что не желали бы большей милости, чем, как это принято

у цивилизованных народов, стать военнопленными, с которыми обращаются соответствующим образом. «После этого, — пишет Брайтхольц, — прекратились открытые попытки заставить нас отказаться от присяги, только бывший шведский генерал и перебежчик Спренгпортен и пастор здешнего шведского прихода Таваст приложили немало усилий к тому, чтобы уговорить своих пленных земляков нарушить долг чести, но только 4 или 5 человек позволили убедить себя»⁸.

В ожидании определения места своего будущего пребывания Брайтхольц решил познакомиться с достопримечательностями Петербурга. «Достаточно полно описать то, что являет Петербург глазам иностранца, выше моих сил, равно как и сохранить в памяти 14 дней моего пребывания здесь, но я хочу запечатлеть наиболее важное из того, что привлекло мое внимание». За две недели пребывания в русской столице он прогулялся по Невской перспективе, посетил Летний сад и Гостинный двор, осмотрел Михайловский замок, Мраморный и Таврический дворцы, Исаакиевский собор, побывал на императорском вахт-параде и в Кунсткамере.

Вместе с другими шведскими офицерами он присутствовал на богослужении в церкви Св. Екатерины, после которого пастор Таваст пригласил их на завтрак. «Мы с благодарностью приняли приглашение, но как только мы вошли, пастор начал с нами беседу, цель которой состояла в том, чтобы склонить нас к присяге императору, что его больше всего интересовало. Во время этой беседы мы один за другим молча начали покидать его, не притронувшись к завтраку. В конце концов, пастор осознал, что может остаться в одиночестве за своим щедро накрытым столом, поэтому он прекратил свои уговоры и был любезен с оставшимися»⁹.

Вскоре Брайтхольцу стало известно, что тот транспорт, с которым он прибыл в Петербург, будет отправлен двумя этапам: один 24 августа в Ростов Ярославской губернии, а тот, в котором был он сам, на следующий день в Ярославль. «Мы быстро собрались в дорогу. Поскольку нас должны были везти в открытых кибитках, нам посоветовали приобрести свои экипажи, или хотя бы купить тюфяки и подушки, чтобы смягчить ужасную тряску в кибитках без рессор на дурных дорогах»¹⁰.

25 августа Брайтхольц вместе с 16 офицерами и пастором Гревелиусом в сопровождении лейтенанта Нордбека и унтер-офицера покинул Петербург. Они ехали по 2 человека в кибитке по Шлиссельбургской дороге, созерцая приятный ландшафт, красивые здания, усадьбы, храмы и парки. Уже на первой почтовой станции они были приглашены на обед в имение бывшего шведского капитана Шарфа.

На следующий день пленники прибыли в Шлиссельбург, известный им как место заточения Ивана VI, откуда добрались до Ладоги и затем приехали в Тихвин. Здесь в ожидании лошадей они заночевали и ре-

шили здесь осмотреть местные достопримечательности, Они побывали на службе и посетили настоятеля, который принял их очень любезно и сам показал монастырские святыни¹¹.

1 сентября из села Сомино они последовали к месту своего назначения водным путем на баркасе по реке Соминке, впадавшей в Мологу, берега которой «представляли прекрасный вид». По пути они побывали в имении графа Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, который пригласил их к себе на обед. Адмирал был очень любезен и сказал, что он любит шведов и что в 1780-х гг. он был посланником в Стокгольме и пользовался расположением Густава III. На дочерей адмирала большое впечатление своими манерами, внешностью и эрудицией произвел пастор Гревеллиус, хорошо говоривший по-французски. Вернувшись на баркас, пленники были приятно удивлены, обнаружив там подарки графа: маринованных лещей и масло, приготовленное по шведскому образцу¹².

На десятый день пути, миновав город Мологу, они вошли в Волгу и 11 сентября «высадились у стен Ярославля — цели нашего путешествия, которое по милости Божьей благополучно завершилось преодолением 80 шведских миль¹³ от Петербурга».

Пленных разместили по квартирам обывателей по 2–3 человека в комнате. На следующий день они нанесли визит губернатору князю Михаилу Николаевичу Голицыну и пообедали в немецком трактире, где со словами благодарности простились с их «честным проводником» лейтенантом Нордбеком, который должен был вернуться в Петербург.

13 сентября они отправились на прогулку по Ярославлю. Никакие городские достопримечательности не поразили их воображения за исключением множества древних церквей, в связи с чем Брайтхольц заметил, что «число церквей в России превышает ее население».

Следует отметить, что пленные пользовались расположением у местного бомонда. Так один из его представителей некто Карнович, считавшийся одним из самых богатых землевладельцев, взял к себе на полное иждивение четырех шведских офицеров, ранее прибывших в Ярославль. Брайтхольцу стало известно, что 20 лет назад он радушно принимал у себя шведов, взятых в плен во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Карнович пригласил всех шведов к себе на обед, во время которого он сам и все члены его семьи проявляли к ним особое расположение. После обеда был дан концерт вокальной и инструментальной музыки. Его исполнителями были крепостные, которые на средства Карновича обучались музыкальному искусству в Петербурге и Москве¹⁴.

Следует отметить, что шведские пленники вели в Ярославле довольно насыщенную светскую жизнь, о чем свидетельствуют дневниковые записи Брайтхольца.

«7 ноября шведы были приглашены на бал и ужин к помещику Пишимскому и танцевали всю ночь.

18 ноября я и еще три шведа были приглашены на обед к губернатору.

23 ноября я и еще пять шведов обедали у губернатора. При прощании были приглашены приходить по средам и воскресениям.

9 декабря нас пригласили на бал-маскарад к губернатору.

19 декабря все шведы были приглашены на бал к помещику Барте-ньеву.

24 декабря был публичный бал-маскарад по случаю тезоименитства императора Александра I. Никто из нас раньше не видел маскарадов, в Швеции, поскольку после убийства Густава III они были запрещены.

28 декабря — обед у губернатора, на котором все шведы были приглашены на бал и ужин на следующий день.

29 декабря — бал у губернатора, продолжавшийся до 3 утра.

31 декабря все шведы были приглашены на обед к Карновичу.

2 января — бал-маскарад у госпожи Никифоровой».

3 января 1809 г. шведы узнали, что находившиеся в Петербурге депутаты финского сейма ходатайствовали перед императором об освобождении их соотечественников из плена. Император согласился на это при условии, что пока идет война, депутаты будут нести ответственность за их поведение. Поэтому те финны, которые имели знакомых среди депутатов, получили разрешение вернуться домой, остальные должны были остаться¹⁵. 7 января со слезами на глазах они провожали домой 16 соотечественников, которым посчастливилось иметь знакомых депутатов сейма.

После того как сейм в Борго принял решение о включении Великого Княжества Финляндского в состав Российской империи, по распоряжению Александра I пленным финляндским офицерам было предложено принести присягу императору и вернуться домой или дать письменный отказ с изложением его причин. Офицеры отказались от присяги императору, мотивируя свой отказ тем, что пока присяга, данная королю Швеции, не расторгнута, они как честные солдаты, не могут присягать другой власти. При этом они через канцелярию губернатора направили письмо военному министру с просьбой отпустить их по домам, как это было сделано с некоторыми их соотечественниками в январе, обещая, что пока длится война, они не будут предпринимать ничего такого, что могло бы нанести ущерб интересам России. 11 июля они получили письмо из Военного министерства, извещавшее их о том, что они не могут вернуться домой, поскольку не сложили с себя присяги королю¹⁶.

23 сентября губернатор сообщил им «печальную, но в то же время радостную новость» о том, что между Швецией и Россией подписан мир-

ный договор, по условиям которого граница между двумя странами была отодвинута от реки Кюммене до Торнео. Узнав об этом, пленники отправились в немецкий трактир, чтобы «заглушить горе и печаль о судьбе отечества и в то же время порадоваться надежде на скорое освобождение из плена и встречу с родными».

На следующий день в городских церквях объявили о заключении мира, но, как пишет Брайтхольц, многие присутствующие даже не подозревали о том, что Россия и Швеция находились в состоянии войны. Не случайно многие простолюдины спрашивали пленных о том, как они оказались в России¹⁷.

23 сентября губернатор объявил им о предстоящем отъезде домой, сроки которого зависели только от того, когда придут паспорта из Петербурга. Ждать их пришлось довольно долго. Только 8 ноября им сообщили, что на следующий день они могут уехать на родину. Провожаящих было довольно много. Многие предлагали свою помощь в длительном путешествии. Жена губернатора княгиня Наталья Ивановна пригласила к себе лейтенанта Ельмшерну и спросила его, не может ли она помочь отъезжающим деньгами или теплой одеждой. Но он с благодарностью отклонил ее любезное предложение, заявив, что недавно они получили хорошее жалованье (879 рублей) и поэтому ни в чем не нуждаются. Тогда княгиня подарила им салфетки с фамильными гербами Голицыных, вытканые на знаменитой ярославской ткацкой мануфактуре.

Описывая сцену прощания, Брайтхольц пишет: «Расставаясь с нами, губернатор расцеловал нас и пожелал счастливого пути домой. Тяжело было расставаться с этой благородной и почтенной семьей, которая сделала нам столько добра. Свою благодарность мы могли выразить только словами, и от души желали, чтобы с их соотечественниками, которые в Швеции испытывали ту же участь, что и мы, обходились так же дружелюбно, как с нами»¹⁸.

Сухопутный путь от Ярославля до Петербурга, проходивший через Рыбинск, Мологу, Вельегонск, Устюжну, Сомино, Ладогу и Шлиссельбург, Брайтхольц и его земляки преодолели за 10 дней и 20 ноября прибыли в российскую столицу «с более приятным чувством, чем год назад покидали ее». Здесь они остановились на подворье шведской церковной общины и были приняты шведским посланником графом Карлом Стедингом, пригласившим их на обед. Их культурная программа на этот раз включала посещение Эрмитажа, французской оперы и балета, а также фешенебельных ресторанов. 28 ноября, «потратив деньги на нужные и ненужные вещи», Брайтхольц вместе с лейтенантом Ельмшерной, прапорщиками Боргенстрёмом и Соссом покинул Петербург и 5 декабря «обнял своих любимых родителей»¹⁹.

К этому времени его брат Клас, вернувшийся домой вместе с остатками финской армии, взятыми в плен под Каликсом, переселился в Швецию, и Бернд Юлиус последовал за ним. В 1810 г. он уехал в Швецию и поступил на службу в Верmlandский полк. В 1838 г. он вышел в отставку в чине капитана и поселился в Карлстаде, где умер неженатым в 1863 г., оставив о себе память как о жизнерадостном и любезном человеке. Каждый год 3 мая он уединялся и оплакивал падение Свеаборга. Считается, что он был прототипом полковника Бееренкройца из Экебю в романе Сельмы Лагерлёф «Сага о Ёсте Берлинге».

Дневники свеаборгских пленников Бернста Брайтхольца и Аделаиды Хаусвольф — это заметки путешественников, изучавших окружающую их российскую действительность. Для обоих плен был своего рода образовательной туристической поездкой по России, которую они вспоминали с удовольствием. Вполне вероятно, что для обоих одной из самых ярких страниц их жизни был плен в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От Свеаборга до Новгорода. Своеручные подневные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809. Великий Новгород, 2013; Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб., 2016.

² Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok under fångenskap i Ryssland 1808 och 1809 // Personhistorisk Tidskrift. 1902. Сокращенный перевод дневника Брайтхольца был опубликован М. Бородкиным в 1906 г. в «Военном сборнике» (вып. 3–4).

³ *Шебалдина Г. В.* 1) Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М., 2005; 2) Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014; Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009.

⁴ *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 577.

⁵ Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok ... S. 24.

⁶ Ibid. S. 25.

⁷ Ibid. S. 25–31.

⁸ Ibid. S. 32.

⁹ Ibid. S. 35.

¹⁰ Ibid. S. 36.

¹¹ Ibid. S. 39.

¹² Ibid. S. 41–42.

¹³ Шведская миля = 10,7 км.

¹⁴ Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok ... S. 44.

¹⁵ Ibid. S. 95.

¹⁶ Ibid. S. 101–102.

¹⁷ Ibid. S. 103.

¹⁸ Ibid. S.106.

¹⁹ Ibid. S.108–110.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 стр.

Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб.: Крига, 2016. 444 стр.

От Свеаборга до Новгорода. Своеручные поленные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2013. 236 стр.

Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М.: РГГУ, 2009. 462 стр.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М.: РГГУ, 2005. 210 стр.

Шебалдина Г. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 192 стр.

Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok under fångenskap i Ryssland 1808 och 1809 // Personhistorisk Tidskrift. 1902. S. 22–48, 95–110.

А. Г. Шкваров

ГАРНИЗОН РОЧЕНСАЛЬМА В 1790–1850-х гг.

Первая попытка русских закрепиться в Роченсальме (Котка) была предпринята в 1789 г. После победы в Первом Роченсальмском сражении. На острове Котка тогда была возведена батарея на 12 орудий. Руководил работами и командовал батареей капитан артиллерии С. А. Тучков. Однако практического применения этой позиции не нашлось. В связи с наступившей морозной зимой и отсутствием теплых укрытий для артиллерийской прислуги, было принято решение батарею уничтожить, а людей и пушки вывезти во Фридрихсгам (Хамина)¹.

Заново строительство укреплений Роченсальмского порта началось сразу после заключения мира со Швецией в 1790 г. Одними из первых строителей были артиллеристы 1-го бомбардирского батальона гребного флота под командованием майора Б. А. Гермеса. Прибывший в мае 1791 г. для укрепления обороны Старой Финляндии, А. В. Суворов в июле того же года принял под свое командование от адмирала Карла-Генриха Нассау-Зигена работы по возведению укреплений и построек Роченсальмского порта². Одновременно строились Кюменьгородские укрепления полевого профиля для защиты Роченсальма с сухопутного направления. Все работы производились в крайне сжатые сроки, поскольку основной их объем выпадал на летние месяцы, а далее полки следовали на зимние квартиры. По всей «Старой Финляндии» помимо инженерных команд и вольных подрядчиков к строительству были привлечены в той или иной степени все полки Финляндской дивизии, имевшейся в распоряжении Суворова³. В Роченсальме постоянно трудились два морских полка (около 2 тыс. чел.)⁴. В 1792 г. они были усиленные Белозерским пехотным полком. Одновременно в Кюменьгородской крепости трудились еще 1035 чинов Невского полка, а также 656 чинов 2-го Егерского батальона и 113 чинов Рязанского полка⁵.

Основными приморскими оборонительными сооружениями стали форт «Екатерина» на острове Котка, форт «Елизавета» на острове Вари-

асаари и форт «Слава» на острове Куокори. Своим огнем они должным были прикрывать южный вход в пролив и далее на рейд. Форты дополнялись двадцатью батареями, редутами и люнетами. 8 сентября 1792 г. над Роченсальми был поднят кейзер-флаг⁶. Однако работы продолжались еще два десятилетия. Флот на зимовку уходил в Кронштадт или во Фридрихсгам, но некоторые корабли и команды оставались⁷.

В самой высокой точке острова Котка был возведен маяк, размещены казармы, госпиталь с церковью, магазины и прочие хозяйственные постройки. 12 сентября 1793 г. Адмиралтейств-коллегией был удовлетворен рапорт адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова об учреждении в Роченсальме школы, так как «из числа находящихся в роченсальмском порте служителей многие имеют детей, и ныне там есть оных от 7 до 11 лет 5 человек к обучению коих наукам, так как в русских школах преподается, по его адмиралу приказанию определен быть имеет учитель из подштурманов, а для надзирания из престарелых боцманов»⁸.

На начало XIX века согласно Генерального плана, выполненного Роченсальмской инженерной командой, от 31 января 1801 г., имелось шесть казарм для сухопутных войск, четыре матросских (т. е. для флотских экипажей) и шесть казарм для портовых экипажей и служб.

2 января 1798 г. из трёх морских батальонов Балтийского гребного флота генерал-майора А. У. Болотникова, полковника Г. И. Демидова и полковника Н. И. фон Бушена, в составе двух батальонов был сформирован Роченсальмский полк под наименованием гарнизонного генерал-майора А. У. Болотникова полка двухбатальонного состава. В соответствии с именными списками рот от 9 февраля 1798 г. численность полка составляла: 55 штаб- и обер-офицеров, 1607 нижних чинов. Некомплект рядовых нижних чинов — 341 (около 18%)⁹. В течение этого и последующего года некомплект был частично пополнен и по состоянию на сентябрь 1799 г. полку требовалось еще 191 рекрут (около 10%)¹⁰. В полку служило 4% «иноверцев» — католиков, магометан, лютеран. В батальоне полковника фон Бушена служило 197 семейных нижних чинов (23,8% из 828), из них 28 семей проживало вместе с мужьями в Роченсальме (14% от общего количества семейных и 3,4% от списочного состава батальона)¹¹.

С момента основания до 4 марта 1800 г. гарнизонный полк именовался по шефу¹², с 31 марта 1801 г. до расформирования в 1811 г. Роченсальмским гарнизонным полком¹³. С 31 марта 1800 г. приведен в состав трех батальонов. В 1808 г. Роченсальмский гарнизонный полк принял участие в русско-шведской войне, находился при осадах крепостей Ловизы и Свартольма, в 1811 г. преобразован в Подольский пехотный полк. 5 января 1798 г. из артиллерийского батальона Балтийского флота формируется шесть артиллерийских рот Роченсальмского гарнизона¹⁴.

Штатное расписание: 30 офицеров, 1212 нижних чинов¹⁵. По состоянию на сентябрь 1799 г. некомплект составлял 170 нижних чинов¹⁶.

Согласно Генерального плана Роченсальма 1801 г. для «партикулярного» (жилого) строения имелось 170 участков в северной части острова Котка, из которых застроено было 154, из них 82 участка находились в собственности нижних чинов (53,2%). На участках располагалось 190 частных домовладений, не считая вспомогательных строений. 61% домов (116) принадлежало нижним чином флота и армии, 28% (53) — офицерам и военным чиновникам, 11% — купцам и мещанам. Среди нижних чинов большая часть домов (108) принадлежала флотским (93%), среди которых унтер-офицеры составляли более половины (54%), мастеровые 22%, рядовые матросы — 24%.

Некоторые нижние чины владели не одним домом. Например, квартирмейстер 3-й эскадры М. Смородинников владел двумя участками и тремя домами, а в семье матроса 1-й эскадры И. Спичкина было два участка и два дома — один записан за матросом, второй за его женой А. Дмитриевой. По сухопутному ведомству среди домовладельцев числилось семь нижних чинов: шестеро артиллеристов, и один дом принадлежал М. Ивановой, жене барабанного старосты гарнизонного полка С. Толстошеева.

Для защиты Роченсальма с сухопутного направления возводилась и Кюменегородская крепость. В «Ведомости крепостей»¹⁷ она отсутствует, однако уже 8 февраля 1803 г. определяется сумма, необходимая для постройки укреплений — 757 660 руб., из них сразу же было выделено 264 415 руб., позволявших немедленно приступить к работам¹⁸. Однако строительство сразу же столкнулось с непреодолимыми сложностями. Проект новой крепости взамен выстроенного под руководством А. В. Суворова укрепления полевого профиля был фактически первым детищем только что учрежденной (23 октября 1802 г.) Инженерной экспедиции, и разрабатывался инженер-генералом П. К. фон Сухтеленем, начиная с 1796 г. По его мнению, среди всей оборонительной приграничной системы «Старой Финляндии» не было ни одного надежного укрепления, «хотя общее состояние военной силы Швеции в это время не представлялось настолько устроенным, чтобы можно было ожидать правильной атаки... Надежный укрепленный пункт в передовой линии приобретал серьезное значение и в случае наступления в сторону Шведской Финляндии... тогда как замкнутый между морем и озером Бамбеле Фридрихсгамн не обладал всеми условиями для активных действий и как депо находился слишком далеко, не говоря уже о Выборге, находящемся от границы в 120 верстах. Наконец, Кюменгородская крепость должна была охранять... тыл Роченсальма»¹⁹.

Место для постройки крепости было выбрано удачно — у разветвления левого рукава реки Кюмень на два новых, в 8 верстах от верхов Ро-

ченсальма, в 20 верстах от Фридрихсгама. Однако составленный в 1796 г. проект Сухтелена подвергся изменениям ввиду выяснившихся свойств почвы около Кюменгорода. Сплошная гранитная скала, представлявшая непреодолимое препятствие для осадных работ, одновременно влекла за собой большие расходы по взрыванию камня для образования крепостного вала. Это вынудило отнести весь вал назад. Новый проект был утвержден императором 6 октября 1804 г. При этом выделенные на 1803 г. ассигнования большей частью (250 000 руб.) были помещены в банк для «приумножения процентами»²⁰.

Следующая проблема возникла с рабочей силой. Вследствие запрета применять солдат на крепостные работы, требовалось привлечь вольнонаемных. Но в разоренном войнами крае это было весьма затруднительно. Генерал-майору К. И. Шрейтерфельду нужно было привлечь 3000 рабочих по 40 коп. в день, по такой цене их найти было невозможно. Было разрешено поднять цену до 65 коп. при казенной квартире, дровах и посуде. Позднее было разрешено отдать все земляные работы артели витебских крестьян по 9 руб. за куб. сажень хрящеватого грунта и 7 руб. 50 коп. песчаного²¹.

Очередная проблема заключалась в отсутствии в окрестностях камня, пригодного для выжигания извести. Ее пришлось заготавливать в Вильманстранде (Лаппеенранта) и доставлять зимой гужевым транспортом, а также в Нарве, что потребовало обзавестись собственной флотилией. Ну и наконец, оказалось, что скала, представлявшая сложность при осаде, в местах расположения верков была неровной и иногда уходила так глубоко, что никакие сваи не доставали до нее. В результате в 1807 г. произошло обрушение стены на длину в 28 ½ сажени (т. е. около 60 м), что потребовало разборки и перекладки 68 саженей. Все производители работ, включая Шрейтерфельда, были оштрафованы.

В итоге все планы окончания работ к 1810 г. были сорваны. В срочном порядке накануне войны 1808 г. было устроено 7 временных артиллерийских батарей, перед гласисом сделан палисад и установлены рогатки. По ходу военных операций крепости не пришлось играть какой-либо роли в войне 1808–1809 гг., а с переносом границы на север Ботнического залива она лишилась всякого стратегического значения. В Определении Инженерной экспедиции от 2 июня 1810 г. сказано, что сумма неоконченных работ составляет 478 170 руб., и начиная с 1811 г. работы производились в меньших масштабах до полной остановки²².

Гарнизон Роченсальми в 1804–1805 гг. состоял: по сухопутному ведомству — 77 офицеров и чиновников, 2989 нижних чинов, 35 невольников; по морской части — 98 офицеров и чиновников, 2828 нижних чинов²³.

8 ноября 1809 г. образован Старо-Финляндский округ артиллерии²⁴. Шесть артиллерийских рот гарнизона Роченсальма получили номера

№№ 13–18. Рота № 18 была представлена полуротой, вторая полурота была еще раз разделена на $\frac{1}{4}$ в гарнизоны Вильманстранда и Нейшлота (Савонлинна). Кроме того, существовал еще госпиталь Роченсальмского порта, который был рассчитан на 350 человек. Но в 1808 г. в связи с взятием Свеаборга и необходимостью открыть там новое госпитальное учреждение, а также с уменьшением количества людей в самом Роченсальме, было утверждено сокращение Роченсальмского госпиталя до 200 человек, «а на 150, все вообще вещи и материалы, из имеющихся в наличии, обратить на первое заведение в Свеаборг»²⁵.

Можно встретить упоминание Кюменегородского гарнизонного батальона. Однако его существование, судя по всему, осталось лишь на бумаге. 19 октября 1810 г. Гродненский гарнизонный батальон был переименован в Кюменегородский, но менее чем через три месяца — 17 января 1811 г. расформирован и обращен в Гродненский внутренний полубатальон. Причем три его роты были направлены на формирование 49-го Егерского полка²⁶. Поскольку завершение работ в крепости было сорвано, отпала и необходимость создания гарнизонного батальона, а появление его на три месяца, скорее всего, связано с недостаточной информированностью различных военных департаментов.

Дальнейшие перспективы Роченсальма нашли отражение в «Суждении о крепостях генерал-лейтенанта К. И. Опшермана от 25 января 1816 г.»²⁷. Кроме этого, в 1817 г. Роченсальм посетил В. И. Даль, гардемарин, совершавший плавание на бриге «Феникс». Он прямо указал: «В Роченсальме мы кроме крепости Екатерины мало примечательного видели... Помянутая крепость весьма расстроена и находится в худом и не порядочном состоянии. Почти все пушки валяются на земле, меж тем как станки сгнили и развалились... были мы в крепости Форт «Слава», построенном на весьма малом и круглом островке... На нижнем этаже находится 42 30-фунтового калибра пушки, а верхнем 48 12-ти фунтового... мы еще были в крепости Елизавете... помянутая крепость имеет 62 орудия, меж которыми есть 36-ти, 30-ти и 18-ти фунтовые, еще есть пять 5-ти фунтовых мортир»²⁸.

Далее с 1819 г. крепость Кюменьгород была окончательно исключена из списка крепостей, хотя она и не вводилась в строй, в ней оставлен «для наблюдения» один цейхвартер без постоянной инженерной команды²⁹. Претерпела изменения и артиллерия Роченсальма³⁰.

Форты Роченсальма предназначались для защиты морских путей, ведущих в пролив Руотсинсалми из Финского залива. Однако на деле оказалось, что все усилия, потраченные на строительство, оказались бессмысленны, сооружения в военных целях так и не использовались. Впоследствии форт «Слава» эксплуатировался в качестве тюрьмы. В частности, здесь в 1826–1827 гг. находились декабристы И. Д. Якушкин,

А. А. Бестужев, М. И. Муравьев, А. П. Арбузов и А. И. Тютчев³¹. В целом в 1830 г. гарнизон Роченсальма состоял из 13 офицеров и чиновников, 156 нижних чинов и 6 арестантов³².

Далее с 1835 г. в Роченсальме содержится только форт «Слава», в котором надлежало иметь гарнизонную артиллерийскую полуроту 24-й бригады Выборгского артиллерийского гарнизона. Также упразднено комендантское управление³³. В 1830–1850 гг. в Роченсальме временно размещались еще различные команды от линейных и стрелковых батальонов³⁴. В результате, когда в 1850 г. Роченсальм посетил мичман В. П. Мельницкий, будущий редактор «Морского сборника», то он прямо отметил, что, по его мнению, некогда многолюдный Роченсальм превратился в «незначительное местечко с несколькими десятками домиков», даже маяк тогда уже бездействовал³⁵.

С началом Крымской войны оборона Роченсальма предполагалась лишь за счет форта «Слава» при содействии канонерских лодок. В мае 1854 г. из Петербурга сюда прибыла флотилия, состоящая из 32 кораблей, укомплектованных охотниками, детьми «как крестьяне, в шапках с крестом и якорем»³⁶. Тогда весь гарнизон Роченсальма, включая форт «Слава», состоял из 9 офицеров и 254 нижних чинов. Кроме того, в сентябре 1854 г. сюда поступило 50 крепостных ружей. Однако для их использования просто не хватило людей, так как все уже были распределены на имеющиеся 42 орудия. В итоге уже в октябре Высочайшим повелением все укрепления Роченсальма были разоружены, «дабы не дать неприятелю, ввиду слабой защиты их, значительного числа орудий и снарядов». Все вооружение было свезено в Кюменьгородскую крепость³⁷. Также Роченсальмский порт покинула флотилия канонерских лодок³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766–1808. СПб., 1908. С. 37–41.

² Российский Государственный Архив Древних Актов (далее: РГАДА) Ф. 20. Д. 324. Л. 104. Высочайшие повеления 1791 г. Д. 56. Л. 125. Утверждено указом Екатерины II от 20.07.1791 г. Рапорт от 13.07.1791 г. Адмиралтейской коллегии; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 1227. Высочайшие повеления 1791 г. Д. 56. Л. 125.

³ РГВИА. Ф. 41. Д. 235. Л. 12.

⁴ РГАДА Ф. 20. Д. 324. Л. 102.

⁵ РГВИА. Ф. 41. Д. 165. Л. 75 и об.

⁶ РГАДА. Ф. 20. Д. 324. Л. 189.

⁷ Общее число морских чинов, в том числе бомбардирских рот, в Роченсальме зимой 1795 г. составило: 42 штаб- и обер-офицеров, 786 нижних чинов, артил-

лерийского ведомства — 3 офицера и 129 нижних чинов. В 1794 г. в Роченсальми были отправлены 406 пленных поляков — участников восстания Т. Костюшко, где их задействовали на крепостных работах до 25 ноября 1796 г. См.: РГА ВМФ. Ф. 212. Государственная Адмиралтейств-коллегия. 1717–1827. Оп. 11–2. Дела «по годам» и по канцелярии. 1743–1827, Д. 1923. Л. 41, 112; РГА ВМФ. Ф. 201. Канцелярия члена Адмиралтейств-коллегии адм. А. Н. Сенявина 1794–1797 гг. Оп. 1. Д. 95. Л. 30.

⁸ Материалы по истории русского флота. Ч. XIV. СПб., 1893. С. 436–438.

⁹ Именные списки. Rippikirjat. 1795–1798 (I Aa:1). S. 320–366.

¹⁰ Столетие Военного министерства. Главный штаб. Ч. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. СПб., 1902. Приложение № 88. С. 290.

¹¹ Rippikirjat. 1795–1798 (I Aa:1). S. 320–366.

¹² Шефы полка: с 02.01.1798 по 04.03.1800 г. — ген.-майор (с 20.03.1799 г. — л.) А. У. Болотников; с 03.07.1801 по 29.12.1801 г. — г.-л. А. У. Болотников; с 29.12.1801 по 04.09.1805 г. — г.-м. И. Е. Сутгоф; с 04.09.1805 по 23.11.1809 г. — г.-м. К. П. Гавро; с 23.11.1809 по 17.01.1811 г. — полковник А. А. Зайцев (См.: *Александр Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825)* // http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_r.html#Rochensalmski_garn_p. / дата обращения: 05.09.2018/).

¹³ Командиры полка: по 09.04.1798 г. — полковник Г. И. Демидов; с 02.07.1798 по 23.11.1798 г. — полковник Н.М. фон Бушен; с 27.03.1799 по 04.03.1800 г. — полковник Я. Е. Фролов; с 03.07.1801 по 22.04.1802 г. — полковник Я. Е. Фролов; с 01.07.1802 по 07.10.1802 г. — полковник В. А. Тромбаро; с 04.11.1802 по 26.05.1807 г. — полковник В. П. Карг (См.: *Александр Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825)*).

¹⁴ Полное собрание законов Российской Империи (далее: ПСЗ РИ). Выпуск 1. Т. 34. СПб., 1830. № 18308.

¹⁵ Столетие Военного министерства. Главный штаб. Ч. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года. СПб., 1902. С. 26.

¹⁶ Там же. Приложение № 88. С. 289.

¹⁷ Там же. Главное инженерное управление: Ч. 1. [Царствование Императора Александра I. [Очерк 2: Результаты деятельности инженерного управления. Строительство и инженерные войска]. Приложение LXI. СПб., 1902. С. 170–171.

¹⁸ Там же. С. 169.

¹⁹ Там же. С. 333–334.

²⁰ Там же. С. 336.

²¹ Там же. С. 336.

²² Там же. С. 337.

²³ Rippikirjat 1805–1822 (I Aa:5). Л. 1–96.

²⁴ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. X. СПб., 1851. С. 231.

²⁵ ПСЗ РИ. Выпуск 1. СПб, 1830. Т. 44. Ч. 1. С. 63–64.

²⁶ Там же. С. 169–171.

²⁷ В документе указывалось: «До присоединения к России новой Финляндии и с оною знаменитого Свеаборгского порта, *Роченсальмские укрепления* были весьма важны, ибо они служили сильным оплотом важнейшему тогда для греб-

ных наших судов порту, но теперь хотя гребную флотилию преимущественно будут содержать в Аланде, Або и Свеаборге, однако же, как Роченсальмские укрепления прикрывают не только порт, но и обширный рейд, которым неприятель в прошлые войны пользовался для учинения десанта в тыл нашим действующим войскам, то полезно будет из сих укреплений содержать те, которые служат к защите входов на означенный рейд. С прочих за тем, не разрушая их, свезти многочисленную артиллерию и с тем вместе прекратить издержки, как по Инженерному, так и по Артиллерийскому департаментам. Состоящие же по Роченсальми каменные казармы, офицерские дома и магазины должны быть в исправности, деревянные по мере того, как будут приходить в совершенную ветхость, сломать и более не строить.

Кюменегорская крепость. Заложена в 1803 году для прикрытия тыла Роченсальмского порта, а как оный по выше объясненным причинам уже не важен, крепость сия не окончена. Внутри кроме казармы на две роты и небольшого порохового погреба никаких зданий не имеет. Следовательно, на окончание оной и внутренних ее зданий понадобилась бы еще знатная сумма, то оставя неоконченную сию крепость в теперешнем виде, исключить из числа штатных, тем более, что на оной вовсе не имеет еще артиллерии». И в заключении: «Исключить из ведомства Инженерного Департамента Кюменегорскую крепость и Роченсальмские укрепления, кроме покрывающих вход на рейду...». (См.: Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление. Приложение LXVI. С. 188–199).

²⁸ Отдел рукописей РГБ (далее: РО). Ф. 473, Карт. 1. Ед. хр. 1. Дневной журнал, веденный на бриге «Феникс»... Л. 171–172 об.

²⁹ Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление. Приложение LXVI. С. 337.

³⁰ С 20 февраля 1820 г.: 13 роте был присвоен 17 номер, 14 роте — 15, 15 роте — 16; 16 рота была переведена в Выборг, 17 рота переведена на Аландские острова, 18 рота — ½ роты в Выборге, ½ роты в Нейшлоте (Исторической описание одежды и вооружения российских войск. Т.Х. С. 236–237). С 4 сентября 1826 г.: 15 роте был присвоен 3 номер, а в 4-й Гарнизонной артиллерийской бригаде номера 16, 17 были расформированы (ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 1. СПб., 1830. С. 927).

³¹ Записки И. Д. Якушкина. М., 1905. С. 67.

³² Rippikirjat 1815–1844 (I Aa:6). Л. 314–322. Именные списки.

³³ ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 10. Ч. 1. СПб, 1835. С. 815.

³⁴ Там же. С. 270.

³⁵ *Мельницкий В.* Шхеры Финского залива. СПб., 1852. С. 66–67.

³⁶ *Бородкин М. М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904. С. 56.

³⁷ Там же. С. 65–66.

³⁸ В окрестностях Роченсальма временно оставался лишь запасной стрелковый батальон (Там же. С. 393). В целом на момент обстрела и высадки десанта 17 июня 1855 г. в Роченсальме находилось 13 казаков. Причем в результате бомбардировки практически все здания в Роченсальме были уничтожены, за исключением церкви Св. Николая и десятка обывательских домов (Там же. С. 276–278).

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. М. Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Исторический очерк. СПб.: Государственная типография, 1904. 406 стр.

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография Морского министерства, 1872. 716 стр.

Записки И. Д. Якушкина. М.: Типография т-ва «Общественной пользы», 1905. 152 стр.

Записки Сергея Александровича Тучкова. 1788–1808. СПб.: Типолиитография т-ва «Свет». 1908. 295 стр.

Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Т.Х. СПб.: Военная тип., 1851. 603 с.

Ковалевский А. В. Эхо Крымской войны в финских шхерах // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. С. 187–199.

Коваленко Г. М. А. В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. С. 12–20.

Материалы по истории русского флота. Ч. XIV. СПб.: Типография морского министерства, 1893. 642 стр.

Митюрин Д. А. Военная и дипломатическая деятельность П. К. Сухтелена в Финляндии и Швеции // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. С. 10–14.

Столетие Военного министерства. Главный штаб: Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. Комплектование войск в царствование Императора Александра I: Ист. очерк. СПб.: Тип. «Бережливость», 1902. 326 стр.

Столетие Военного министерства. Главное инженерное управление: Ч. 1. Ист. очерк. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. 787 стр.

Суворов А. В. Письма. М.: Наука. 1986. 836 стр.

Шкваров А. Г. Крепость Вильманstrand и ее гарнизон в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019, № 20 /1/. С. 86–93.

Шкваров А. Г. Российское казачество в Финляндии в период автономии 1809–1917 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. С. 76–80.

Шкваров А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. С. 80–89.

Шкваров А. Г. Русский гарнизон Фридрихсгама в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018, № 19/2/. С. 190–208.

Ю. Д. Балащенко

**«БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ»
В ЖИЗНИ РУССКОГО ХУДОЖНИКА И. Е. РЕПИНА**

Великий русский художник Илья Ефимович Репин (1844–1930) в своем творчестве, как и многие его предшественники в России и других странах, уделял достаточно внимания изображению домашних животных. Это коровы, лошади, домашние птицы и другие «братья меньшие» — собаки, но не коты, которых практически нет на его работах.

На своем жизненном пути Илья Ефимович, независимо от того, где он жил — в родном Чугуеве, Санкт-Петербурге, Москве, имениях своих друзей и знакомых, когда он у них гостил, или позднее в своих усадьбах «Здравнево» на Западной Двине или «Пенатах» на Карельском перешейке, — встречал различную домашнюю живность. Она сопровождала его с раннего детства. Сам Репин писал о том, кто жил в его имении «Здравнево»: «были у нас и лошади, и коровы, и свиньи, и гуси, и утки, и индюки, и куры, и собаки...»¹. Художник писал и рисовал их, включая в композицию своих картин, этюдов и зарисовок. Правда, коровы и лошади не совсем похожи на «братьев меньших», во всяком случае, по размеру. Репин неоднократно изображал их в своих работах. Животные на них выполнены с большой любовью. Примером может служить картина «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне» и карандашный этюд к ней 1887 г. На них великий писатель, одетый в крестьянскую одежду и в белом картузе, идет по борозде с сохой вслед за двумя лошадьми. При этом можно вспомнить, что отец художника, военный поселенин Ефим Васильевич (1804–1894), торговал лошадьми. Нужно особо отметить, что некоторые «братья меньшие» удостоились отдельных портретов — это охотничий пес Пегас и лохматый красавец Норд, другие же попали только на фотографии, связанные с жизнью прославленного живописца. Таких фотографий в музейных архивах великое множество, причем часть из них опубликована в различных изданиях, посвященных И. Е. Репину.

Пожалуй, к первым из известных изображений домашних животных, написанных Репиным, следует отнести две небольшие красочные акварели 50-х — начала 60-х гг. XIX века. На более ранней акварели на первом плане видна непринужденно лежащая у скирды сена белая корова с большими рогами, изображенная на фоне Школы военных топографов в Чугуеве. Это учебное заведение было главной достопримечательностью города, где в военном поселении² родился будущий знаменитый мастер. И. Е. Репин учился в этой Школе черчению и рисованию с 1854 по 1857 г., пока Школу не закрыли в связи с ликвидацией военного поселения. На второй акварели 1861 г. изображен одинокий путник с посохом, бредущий по улице Чугуева, впереди которого, задорно подняв хвост, трусит маленькая черная собачка. Эти акварели, вероятно, можно считать первыми работами начинающего художника. После закрытия Школы Репин поступает в ученики к местному иконописцу и начинает выполнять заказы на иконопись и росписи церквей.

Возможно, к этим же годам относится и графическая работа художника, изображающая дом Репиных в Чугуеве, где на переднем плане сидит огромный пес. Вероятно, это Разбой. Ему Илья Ефимович посвятил несколько проникновенных строк в своих воспоминаниях «Далекое — близкое» в главе «Новый дом». «А какая у нас собачища Разбой, огромная, как волк; все говорят: на волка похож, серый, и голос страшно громкий; все боятся нашего Разбоя»³. Здесь нужно заметить, что в 5-м издании воспоминаний, вышедшем из печати в 1960 г., имеется отличие от 1-го издания 1937 г., в нем написано «...Разбой, *огромный*, как волк...»⁴. Несмотря на то, что оба издания опубликованы под редакцией друга художника К. И. Чуковского (1882–1969), но учитывая происхождение Репина из южного региона страны, где собакой называют как мужские, так и женские особи, можно полагать, что текст 1937 г. более соответствует оригиналу заметок Репина.

Здесь же следует отметить, пожалуй, единственное упоминание о кошках в эпистолярном наследии И. Е. Репина. В главе «Маменька строит новый дом» Илья Ефимович трогательно рассказал об одном из обычаев, сопутствующих новоселью. Для большей убедительности Репин передает прямую малограмотную речь плотников-строителей. «...А кошечку, точно, вы знаете сами, привезете вперед и все порядки, известно, справите по писанию, ведь вы же не то, что мы, деревенщина — ведь вы как читаете и священное писание знаете... Кто первый войдет в дом — непременно умрет». Далее Илья Ефимович продолжил повествование: «Маменька с Донышкой⁵ берут кошку на руки. Какого-то прохожего просят поставить внутри на середину дома чашку со съестным (посторонний не умрет, ничего ему не будет). Тогда отворяют двери в сенцы,

пускают туда кошку и запирают ее в доме одну. Слышим, замыкала — на свою голову. ...Отворяют двери в сени — можно!»⁶ В этом колоритном описании можно увидеть смесь отголосков язычества, христианства и народных верований о «колдовстве плотников». Надо заметить, что, судя по воспоминаниям, всем в доме заправляла мать Ильи Ефимовича Татьяна Степановна (урожд. Бочарова 18?-1880).

Всего несколько лет отделяют акварели, написанные в Чугуеве, от полноценного живописного полотна 1864 г. — «Приготовление к экзамену». Картина, написанная Репиным перед поступлением в Академию Художеств, изображает двух молодых людей — Александра и Алексея Шевцовых⁷. Юноши были старшими братьями будущей жены художника Веры Алексеевны. Один из них лежит на диване. Другой, сидя за столом у окна, заигрывает с девушкой, которую видит в окне противоположного дома. Ей он посылает воздушный поцелуй. Мирно спящий на ковре пес подчеркивает непринужденную атмосферу, царящую в комнате, где нет и речи о какой-либо подготовке к экзаменам, до которых, судя по всему, еще далеко. Впоследствии дочь Алексея Шевцова Людмила (1876–1965) прекрасно описала данную сцену. «Оба персонажа картины, вместо того, чтобы заниматься науками, сибаритствуют и бездельничают»⁸.

Следующим этапом в галерее работ Репина с участием «меньших братьев» можно считать небольшую лирическую картину «На дерновой скамье», написанную летом 1876 г. На ее создание, возможно, повлиял спокойный семейный отдых в Красном Селе под Петербургом. И. Е. Репин незадолго перед тем вернулся из Парижа, где он находился с 1873 г. как пенсионер Академии художеств. На картине изображены родственники художника — жена Ильи Ефимовича Вера Алексеевна, их дочери Вера и Надежда, тесть Алексей Иванович Шевцов с женой Евгенией Дмитриевной, и их сын Алексей Алексеевич с женой Марией Петровной⁹. Написав родственников, Репин не забыл и маленькую лохматую белую собачку, примостившуюся у ног бравого офицера Алексея Шевцова. Хотя собачка и не главный персонаж картины, но она выписана тщательно и с любовью. Составитель и автор текста альбома «Илья Репин» Екатерина Аленова, отмечая достоинства картины, писала, что на «картине соединены все те художественные уроки, которые Репин мог получить во Франции. Это не откровенно импрессионистическая манера, но в то же время это работа художника, который знает и учитывает открытия современной импрессионистической живописи»¹⁰.

Полотно «Проводы новобранца» 1879 г. стало одним из знаковых работ Репина. Работу над ним Илья Ефимович начал летом 1878 г., отдыхая с семьей в имении «Абрамцево» мецената и покровителя художников Саввы Ивановича Мамонтова (1841–1918). Картину украшают образы

двух прекрасно выписанных дворняг и понурой лошади, запряженной в телегу. Одна, черная с белыми лапами, сидя рядом с телегой, внимательно наблюдает за тем, что происходит на подворье. Вторая же, большая и лохматая, печально опустив голову и стоя спиной к зрителю, смотрит на будущего солдата. Вид второго пса как бы подчеркивает тяжесть момента расставания молодого парня с окружающими его родственниками. Сын мецената Всеволод вспоминал, что «на картине изображен двор Матвея Дмитриевича Рахмановского, крестьянина из соседней с «Абрамцево» деревни Быково»¹¹.

Весьма показательна фотография И. Е. Репина, сделанная на отдыхе в «Абрамцево». На ней Илья Ефимович в темном костюме сидит в окружении молоденьких девушек в белых платьях, а между ними в центре вольготно расположился белый пес, важно позирующий фотографу, с женской соломенной шляпкой на голове.

Пожалуй, одним из самых значительных произведений И. Е. Репина той поры является картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1888–1891). На ней также нашлось место изображению собаки в левом нижнем углу картины. Полотно было приобретено императором Александром III в 1891 г. для создававшегося Русского музея. Собрание Третьяковской галереи обладает небольшим репинским рисунком собаки, относящимся ко времени написания «Запорожцев».

Полученные от императора деньги позволили И. Е. Репину приобрести в 1892 г. имение «Здравнево» недалеко от Витебска. Ныне это территория Республики Беларусь. Там были написаны еще две картины, на которых изображен «меньшой брат» — друг художника Пегас. В 1894 г. Илья Ефимович написал портрет любимого охотничьего пса. Картина была представлена на 25-й выставке Товарищества передвижников в 1897 г. под названием «Собака Пегас». Прекрасную оценку этому портрету дал писатель С. Н. Сергеев-Ценский (1875–1958). «Помню, юношей в Харькове, я зарисовал в свою записную книжку, будучи на выставке, изумительного Пегаса Репина... легавую собаку, сидевшую на задних лапах. Она устала носиться на охоте... тяжело и часто дышала, язык ее вяло высунут»¹². В 1896 г. Репин создал портрет дочери Надежды (1874–1931) с лежащим у ее ног Пегасом на берегу Западной Двины в лунную ночь. Сейчас это великолепное полотно украшает экспозицию Государственного художественного музея Белоруссии в Минске. К великому сожалению, погибло еще одно изображение друга художника, о котором вспоминала Людмила Алексеевна Шевцова-Споре: «...другой портрет этой же собаки [Пегаса] был исполнен на печи здравневской усадьбы»¹³. Сейчас эту небольшую картинку можно увидеть только на фотографии, где Репин сидит за рабочим столом, а на заднем плане видна печь с пор-

третьем пса. Усадьба «Здравнево» была разграблена и сожжена после отъезда младшей дочери Ильи Ефимовича Татьяны (1880–1985) с семьей в Финляндию в 1930 г. Облик Пегаса дошел до нас и на фотографиях, где он сфотографирован вместе с Репиным, его учеником К. А. Вещиловым (1878–1945) и сыном Юрием (1877–1954). В настоящее время усадьба Репина восстановлена и там находится мемориальный музей.

Прошло менее 10 лет с момента покупки И. Е. Репиным усадьбы в Витебской губернии, как весной 1899 г. художник приобрел небольшое имение на Карельском перешейке. Оно находилось примерно в 50 километрах к северу от Санкт-Петербурга на берегу Финского залива в деревне Куоккала (ныне поселок Репино). Административно деревня принадлежала Великому княжеству Финляндскому, которое до 1918 г. входило в состав Российской империи. Имение, купленное на деньги Репина, было оформлено на имя Натальи Борисовны Нордман (1863–1914), которая в те годы была постоянной спутницей художника¹⁴. Усадьба была названа «Пенаты» в честь древнеримских богов-хранителей домашнего очага. Необычное название усадьбы было данью существовавшей тогда моде присваивать экзотические названия пригородным дачным владениям. Сейчас в ней располагается мемориальный Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты».

Наталья Борисовна Нордман (литературный псевдоним — Северова) родилась в Хельсинки. Несмотря на то, что у нее не было никакого специального образования, она была человеком чрезвычайно разносторонним. В юности она уехала в Америку, а после возвращения в Россию стала прозаиком и публицистом. Свои приключения в Новом Свете Наталья Борисовна описала в автобиографической повести «Беглянка», которая была опубликована с иллюстрациями Репина в журнале «Нива» за 1900 г. На одной из иллюстраций Илья Ефимович изобразил «Красавца Брэва», упомянутого Нордман в главе, посвященной ее жизни на ферме, затерянной в лесах Северной Америки. Необходимо отметить, что Илья Ефимович, переехав в «Пенаты», не перестал писать «братьев меньших».

На рубеже XIX — XX веков Наталья Борисовна придерживалась самых передовых взглядов на жизнь. Она выступала в защиту прав женщин, проповедовала вегетарианский образ жизни и идеи эмансипации прислуги. Нордман была одной из первых защитниц прав животных в России. Наталья Борисовна увлекалась фотографией. На ее снимках усадьба «Пенаты», ее обитатели и гости предстают перед зрителями. На фотографиях часто мелькают «братья меньшие» хозяев имения и их гостей. Это одноглазый черный королевский пудель Мик и названные в честь хозяйки — огромный лохматый красавец Норд и миниатюрный Натик. Причем Норд и Натик вошли в историю усадьбы не только на фо-

тографиях, но и на полотнах Ильи Ефимовича, а вот облик Мика можно увидеть только на фотографиях.

Дочь К. И. Чуковского Лидия, вспоминая свое детство в Куоккале, писала: «Разумеется, мы хорошо знаем всех окрестных собак, финских и русских, включая репинского одноглазого пуделя Мика...»¹⁵. В ту пору, когда хозяйкой имения была Наталья Борисовна, жизнь Мика была безоблачной. «...Мика каждую неделю купали, — писал внук Репина Гай Юрьевич, — и привязывали чистый свежий бант. Остриженный по последней собачьей моде, он лежал на мягкой подушке у камина»¹⁶.

Среди огромного живописного наследия И. Е. Репина можно выделить одно необычное полотно. Оно относится ко времени, когда в «Пенатах» уже в полной мере бурлила жизнь. Это «Нордман за рабочим столом» 1903 г. В центре картины изображена хозяйка «Пенатов», сидящая спиной к зрителю. Справа от нее на стуле сидит зевающий Натик. При создании этой картины Репин применил не совсем обычный живописный прием. Зритель, не видя лица Натальи Борисовны, может о нем судить только по бронзовому бюсту, находящемуся на заднем плане картины. Бюст Натальи Борисовны, считаясь одним из лучших скульптурных произведений Ильи Ефимовича, и сейчас украшает экспозицию Музея. Как это ни покажется странным, художник Я. Д. Минченков (1871–1938) отозвался об этом полотне весьма критично. «Рядом с ней [Нордман] на стуле, но мордочкой к зрителю, — писал Яков Данилович, — собачка, зевающая во всю собачью пасть. Прекрасно написанные язык и пасть собачки убедительно передают заразительную зевоту. Кажется, что зевает и Нордман за своим писанием, зевал, вероятно, и Репин, писавший эту скучную картину»¹⁷. Вполне возможно, Минченков не оценил своеобразный замысел полотна.

К 1908 г. относится живописный портрет Норда, вероятно, гуляющего по берегу Финского залива. Он был выставлен на 36-й выставке Передвижников, проходившей в залах Общества поощрения художников Санкт-Петербурга под названием «Собака Норд».

Интересную зарисовку из жизни репинских собак привела Александра Михайловна Пистунова, ссылаясь на переписку И. Е. Репина и В. В. Стасова. «Мы работаем вшестером, трое молчаливых финнов, две молчаливые собаки и я, всем известный говорун. Я — то пою или рассказываю им истории, а они трудятся. Но бывает — сядем на поваленную сосну и слушаем, как Наталья Борисовна играет Шопена»¹⁸. Про Норда и Натика она писала, что они «всюду ходили следом за Репиным», а «Норд умел даже держать в пасти конец резинового поливного шланга и подтаскивать его Илье Ефимовичу, когда нужно»¹⁹. К сожалению, Александра Михайловна не дает ссылки, откуда она узнала такие интересные подробности из жизни «меньшого брата» Норда.

В гостеприимный дом Натальи Борисовны и Ильи Ефимовича в «Пенатах» приезжало много разного народа, это были хорошие знакомые и друзья хозяев усадьбы, а бывала здесь и посторонняя публика, желающая познакомиться с художником и посмотреть его работы. Вместе с хозяевами нередко приезжали и их любимцы, так что можно сказать, что Мик, Натик и Норд тоже принимали гостей-соплеменников. Их можно увидеть на многочисленных фотографиях, сделанных в «Пенатах». На одной из них запечатлен скульптор князь Паоло (Павел) Петрович Трубецкой (1866–1938) с женой и небольшой белой собачкой. П. Трубецкой пользовался огромной популярностью в художественной среде Москвы и Санкт-Петербурга. Илья Ефимович, высоко оценивая талант князя, особенно с ним сблизился, написав в 1908 г. его живописный портрет. В конце мая 1909 г. на площади перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом Санкт-Петербурга появился конный памятник императору Александру III. Паоло Трубецкой был его автором. После завершения работы над монументом князь подарил Репину ломовую лошадь, которую он использовал в качестве модели для конной статуи. Репин был рад щедрому подарку. Он, как отмечала Е. В. Кириллина, «называл лошадь Любой, или, почтительно, Любовью Павловной»²⁰. Она стала не только другом, но и незаменимым помощником хозяев усадьбы. Изображение лошади осталось на фотографиях. На одной из лучших Люба запряжена в санки, которыми управляет сам Репин.

Всемирно известный русский певец Ф. И. Шаляпин (1873–1938) зимой 1914 г. приехал в «Пенаты», чтобы позировать И. Е. Репину. Певца сопровождали слуга китаец и черный французский бульдог Булька. Многие газеты и журналы той поры поместили на своих страницах многочисленные статьи и фотографии, освещавшие визит Федора Ивановича в «Пенаты». На фотографиях Булька постоянно вместе с певцом. Позировал Федор Иванович также вместе с Булькой, держа его на коленях. Сохранилась фотография одного из первых сеансов, без которой не обходится ни одна книга, посвященная Репину. Но портрет, по мнению самого художника, вышел неудачным, поэтому он его записал, оставив без изменения только пса. Об удивительной трансформации образа Шаляпина написал в своем дневнике К. И. Чуковский, посетивший Репина в октябре 1917 г. «Он [Репин] вытащил несуразную голую женщину, с освещенным животом и закрытым сверху туловищем. У нее странная рука — и у руки собачка. — Ах, да ведь это шаляпинская собачка! — воскликнул я. — Да, да... это был портрет Шаляпина... Не удавался... Я вертел и так и сяк... И вот сделал женщину...»²¹.

Изучая письменные и фотоматериалы, относящиеся к жизни И. Е. Репина в «Пенатах», удивляет отсутствие упоминаний и изобра-

жений кошек, за исключением колоритного описания новоселья в книге репинских воспоминаний. Нет их и на полотнах Ильи Ефимовича. Это довольно странно, так как в сельской местности, в отличие от города, всегда много полевых и домашних мышей. Загородный дом без котов — явление довольно необычное. Кто как не умелый и быстрый «брат меньшей» — кот может лучше всех справиться с этой напастью. Разгадка «тайны» обнаружилась в воспоминаниях о Передвижниках, написанных художником Я. Минченковым. В «Пенаты» Яков Данилович впервые попал в сопровождении художника-пейзажиста Ефима Ефимовича Волкова (1844–1920), который в те годы часто гостил у Ильи Ефимовича. Описывая конец визита, Яков Данилович приводит забавный рассказ Волкова, объясняющий отсутствие кошек. Причем рассказ приведен в воспоминаниях так, как его услышал автор: «Завелись они [мыши] у Ильи. Что делать? Сказано „не убий“, и объявила Нордман, чтобы мышей ловили и уносили в поле. Ну да, вот-вот! За мышью полтинник! А вышло так, что поймают мышью, отнесут в поле, а оттуда обратно — и опять полтинник, без конца! Доходной статьёй она стала! Вот то-то и есть!»²²

Короткая зарисовка Минченкова дает ключ к пониманию, вероятно, одной из основных причин отсутствия кошек на территории усадьбы. Как упоминалось выше, Нордман была активной защитницей прав животных и под ее защиту попали даже мыши. Как известно, кошки не только любят мурлыкать на руках хозяев, но и безжалостно истребляют грызунов и птиц. Каких-либо сведений о появлении кошек в «Пенатах» после кончины Натальи Борисовны нет.

Что стало с Нордом и Натиком после ухода из жизни Н. Б. Нордман, доподлинно не известно. А вот о жизни полной лишений и невзгод пуделя Мика, можно узнать из воспоминаний Гая Юрьевича Репина. «Вообще после смерти Нордман многое в Пенатах... стало терять свой смысл и значение... страдало хозяйство, страдала прислуга, ибо дедушка, занятый своей работой, был далек от всего... Особенно сильно пострадал, я считаю, комнатный пес, черный пудель Мик». Дворня издевалась над ним, «...стараясь невзначай ударить его метлой, запустить снежком или придавить его дверью...»²³. Этот драматический рассказ, как и эпизод с мышами, прекрасно характеризует наиболее негативные черты психологии прислуги, за чьи права многие годы боролась Н. Б. Нордман.

В целом 1914 г. стал переломным и для России, и для Репина. Смерть Нордман, начавшаяся война, а потом Революция и отделение Финляндии привели к огромным изменениям в жизни стареющего живописца.

О жизни «братьев меньших» в «Пенатах» после превращения Финляндии в независимое государство писать что-либо сложно. На сегодняшний день, кроме упомянутых выше воспоминаний Гая Репина, ка-

ких-либо письменных источников не обнаружено. На фотографиях той поры можно увидеть только Юрия Ильича с Ильей Ефимовичем и псом Неро у артезианского колодца. Судя по всему, у самого Репина, кроме козы, которая попала на документальные кадры фильма, показываемого посетителям «Пенатов» в конце экскурсии, никаких «братьев меньших» не было, ему было явно не до них. Это вполне можно объяснить в том числе и экономическими причинами. Репин после конца 1917 г. из весьма состоятельного дачника превратился в вынужденного пожилого эмигранта практически без денежных средств.

Смерть Натальи Борисовны, вероятно, также повлияла на Илью Ефимовича. К. И. Чуковский, посетивший Репина в начале 1925 г., привел в дневниковых записях слова Ильи Ефимовича: «Самое лучшее время было, когда была жива Наталья Борисовна, когда вы тут жили... Тогда здесь было много художников и литераторов... А потом никого»²⁴. Этими горькими словами Репин как бы подвел итог своей жизни в «Пенатах».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Репин И. Е. Далекое — близкое. Искусство. М. — Л. 1937. С. 578.

² Военные поселения были созданы в 1810 году в Могилевской и Новгородской губерниях, а также на Украине при императоре Александре I (1777–1825) с целью получить особое военно-земледельческое сословие. Управлять ими был назначен граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). Центром Украинского военного поселения являлся город Чугуев недалеко от Харькова. В 1857 году поселения были упразднены.

³ Репин И. Е. Далекое — близкое. С. 37.

⁴ Репин И. Е. Далекое — близкое. М. 1960. С. 48.

⁵ Доляшка (Авдотья Тимофеевна) — работница в доме Репиных.

⁶ Репин И. Е. Далекое — близкое. М. 1960. С. 43.

⁷ Шевцов Александр Алексеевич (1844–19?) — архитектор. Шевцов Алексей Алексеевич (1854–1919) — полковник, артиллерист. Отец Л. А. Шевцовой-Споре.

⁸ Шевцова-Споре Л. А. Воспоминания // Новое о Репине. Л. 1969. С. 152.

⁹ Репина В. А. (1855–1918) — жена Ильи Ефимовича (урожд. Шевцова). Репина В. И. (1872–1948), Репина Н. И. (1874–1931) — дочери Ильи Ефимовича. Шевцов А. И. (1815–1886/?) — академик архитектуры, отец жены Ильи Ефимовича. Шевцова Е. Д. (урожд. Губарева) — мать жены Ильи Ефимовича.

¹⁰ Аленова Е. Илья Репин. Альбом. М. 2000. С. 46.

¹¹ Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. Абрамцевский художественный кружок. М. 1951. С. 35.

¹² Подлипский А. М. Здравнево. Здесь жил И. Е. Репин. Минск. 1990. С. 28.

¹³ Шевцова-Споре Л. А. Воспоминания. С. 153.

¹⁴ Условия сделки держались в секрете из-за опасения возможных претензий, которые могли возникнуть впоследствии со стороны детей Ильи Ефимовича.

¹⁵ Чуковская Л. К. Памяти детства. СПб. 2001. С. 20.

- ¹⁶ Репин Г. Ю. Пенаты. Архив Юрия Репина в Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты». Машинопись. С. 15.
- ¹⁷ Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л. 1959. С. 177.
- ¹⁸ Пистунова А. М. Богатырь русского искусства. М. 1991. С. 135.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Кириллина Е. В. Репин в «Пенатах». 1977. С. 111.
- ²¹ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1921. М. 2011. С. 222.
- ²² Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л. 1959. С. 178.
- ²³ Репин Г. Ю. Пенаты. С. 15–16.
- ²⁴ Чуковский К. И. Дневник. 1922–1935. С. 199.

ЛИТЕРАТУРА

- Аленова Е. Илья Репин. Альбом. М.: Белый город, 2000. 64 стр.
- Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году // Репин. Т. 2. М. — Л.: Художественное наследство. 1949. С. 305–319.
- Кириллина Е. В. Репин в «Пенатах». Л.: Лениздат, 1977. 208 стр.
- Мамонтов В. С. Воспоминания о русских художниках. М.: Абрамцевский художественный кружок, 1951. 156 стр.
- Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1959. 358 стр.
- Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1959. 358 стр.
- Пистунова А. М. Богатырь русского искусства. М.: Детская литература, 1991. 176 стр.
- Подлипский А. М. Здравнево. Здесь жил И. Е. Репин. Минск: Полымя, 1990. 604 стр.
- Репин И. Е. Далекое — близкое. М.: АХ СССР, 1960. 510 стр.
- Репин И. Е. Далекое — близкое. М. — Л.: Искусство, 1937. 624 стр.
- Чуковская Л. К. Памяти детства. СПб.: Лимбус Пресс. 2001. 220 стр.
- Чуковский К. И. Дневник. 1901–1921. М.: Прозаик. 2011. 592 стр.
- Шевцова-Споре Л. А. Воспоминания // Новое о Репине. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 147–154.

В. Н. Барышников

**МАРШАЛ К. Г. МАННЕРГЕЙМ И НАСТУПЛЕНИЕ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ИЮНЕ 1944 г.
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ**

О государственной, военной и политической деятельности, а также обо всей жизни финского маршала К. Г. Э. Маннергейма существует масса литературы. Особенно ее много, естественно, издается в Финляндии. И она имеет самый разнообразный характера работ¹. Что же касается нашей страны, то здесь последний всплеск интереса к этой исторической личности приходится на 2015–2016 гг., когда в Санкт-Петербурге решили даже установить мемориальную доску в память о русском периоде жизни Маннергейма. Также с достаточным постоянством в России выходят различные работы о единственном финском маршале. Это даже создает определенную картину, схожую по своей сути с культурами того или иного отдельного государственного и политического деятеля, который ранее довольно долго существовал в СССР. Достаточно сказать о книгах, в которых раскрываются отношения Маннергейма с женщинами и лошадьми, а также о его жизни в Санкт-Петербурге или Польше². Есть даже работы «Маннергейм за 90 минут» или «Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий»³. Не удивительно, что и существующие об этом рассуждения обычно находятся в плоскости, которая достаточно далека от истории.

Тем не менее в данном отношении, пока в России особо не затрагивался вопрос о том, какую роль, при столь позитивном отношении отдельных авторов к финскому маршалу, он сыграл при организации отражения советского наступления на Карельском перешейке в июне 1944 г., начало которого он сам лично назвал «черным днем в нашей военной истории»⁴. Существует лишь общая констатация, что «у маршала Маннергейма не было ясного представления о планах наступления советской армии, однако интуиция подсказывала ему, что надо максимально усилить оборонительные позиции на Карельском перешейке и в Южной

Карелии»⁵. Тем не менее одной лишь «интуиции», очевидно, оказалось далеко недостаточно. Части 21-й армии, начавшие на Выборгском направлении свое наступление 10 июня, смогли всего за одну неделю прорвать серьезные финские укрепления, а на десятый день боев взять Выборг. Более того, в финских войсках в это время наступила общая паника. На фронте откровенно стали господствовать настроения, где признавалось, что вообще «всему пришел конец»⁶. В результате значительная часть отступающих, как можно раньше, стремилась покинуть зону боевых действий. Признавая это, начальник генерального штаба финской армии Э. Хейнрик «мягко» подчеркнул, что тогда просто «духовное состояние войск явно ухудшилось»⁷. Действительно, в армии стало нарастать массовое дезертирство. За 14 дней отступления из финских частей дезертировало 24 тыс. солдат, что составляло 4,5 процента всех войск. Это было равнозначным по численности двум пехотным дивизиям⁸.

В целом проведенная операция, безусловно, отличалась от той, которую осуществила Красная армия в период т. н. «зимней войны». Тогда, как известно, финские войска удерживали оборону на перешейке в течение трех месяцев, а Выборг наступавшие вообще так и не смогли полностью занять. Очевидно, что именно в 1939–1940 гг. имя Маннергейма, руководившего финскими войсками, прославилось на весь мир. В результате возникал вопрос, почему его армия в июне 1944 г. уже не смогла повторить прошлый успех?

Самым простым ответом на данный вопрос, конечно, может стать утверждение, содержащееся в отдельных финских исследованиях, что в 1944 г. «Выборг не имел такого военного значения, как во время зимней войны» и в результате «его защита тоже не была такой»⁹. Однако подобное достаточно примитивное суждение лишь направлено на то, чтобы показать большую «хитроумность» отдельных представителей финского командования в 1944 г.¹⁰

На самом деле, здесь существовали вполне объективные обоснования и они, естественно, не могли персонально завесить от действий или принимаемых решений со стороны финского военного руководства или лично Маннергейма. Безусловно, что главной причиной поражения финских войск являлось лишь то, что они оказались значительно слабее советской армии. В итоге даже существует мнение, что в момент наступления на Карельском перешейке в июне 1944 г. советскому командованию «сопротивление противника можно было не учитывать»¹¹. Как заметил не без доли самокритики генерал Э. Хейнрик, «20 июня русские оказались в Выборге, перешедшем в их руки, неожиданно [выделено В. Б.] легко»¹².

Действительно, на направлении главного удара руководство Ленинградским фронтом смогло сосредоточить колоссальное количество

войск, доведя их численность до 80 процентов от всех своих сил, находящихся на Карельском перешейке. Советская армия здесь превосходила финскую не только по численности, но и по количеству, а также качеству боевой техники¹³. Это, конечно, не могло не иметь определяющего значения для достижения поставленной задачи.

Но, с другой стороны, и в «зимнюю войну», как известно, советские войска тоже имели подавляющее преимущество. Поэтому важным отличием советских войск летом в 1944 г. от наступающих частей Красной армии в 1939–1940 гг. было то, что они еще превосходили финскую армию в уже сложившемся к этому времени боевом опыте. Длительная позиционная война, которую вели финские фронтовые части, несомненно, ослабляла их подготовку, по сравнению с советскими солдатами. Боевой дух наступавших был очевидно намного выше, чем у постоянно занимавшихся лишь обороной финских войск. Как справедливо заметил К. Г. Маннергейм, говоря о постигшей его войска в начале июня катастрофе: «Это было следствием не только огромного превосходства противника в силах, но и того, что [для финской армии. — В. Б.] продолжалась почти три года позиционная война». Далее же маршал пояснил: «Наоборот, Красная армия с 1942 г. шла от победы к победе и приобрела тем самым исключительный опыт наступления». Закончил же эти свои рассуждения он весьма примечательной фразой: «В ходе данного наступления мы также познали, чем объяснялись победы русского оружия на немецком фронте»¹⁴.

Тем не менее важным, как представляется, стало также еще и морально-волевое состояние войск. Маннергейм об этом особо не пишет, но к лету 1944 г. всем было уже предельно очевидно, что Финляндия, участием в войне против Советского Союза, главной своей цели добиться уже не сможет¹⁵. В отличие от «зимней войны», где финское командование стремилось лишь не допустить разгрома, в войне 1941–1944 гг. изначальной задачей, вместе с Германией, являлось уничтожение самого Советского Союза. Но к 1944 г. от этой идеи вынуждены были окончательно отказаться. Тем не менее, хотя война для Финляндии становилась уже бесперспективной, занимаемые войсками территории, в том числе и те, которые Финляндии никогда не принадлежали, возвращать тоже явно не собирались¹⁶.

Трагизм событий, произошедших на Карельском перешейке, для финского командования усугублялся еще и тем, что к отражению советского военного удара в Финляндии готовилась очень долго. На Карельском перешейке Финляндия сосредоточила до 26 процентов всех своих сухопутных войск и артиллерии¹⁷. Также были модернизированы и созданы новые укрепления, которые должны были исключить воз-

возможность какого-либо их прорыва¹⁸. У финского военного руководства вообще тогда существовала явная уверенность, что строившаяся и модифицирующаяся в течение трех лет оборона позволит удачно отразить всякое возможное наступление советских войск¹⁹. Но этого не произошло. Более того, советские войска вообще осуществили быстрый прорыв финских укреплений, сопровождавшийся стремительным отступлением армии противника.

Все это, несомненно, было связано еще и с рядом чисто субъективных обстоятельств. Они тоже оказали свое влияние на окончательный результат Выборгской операции.

Первое, что, вероятно, в данном отношении следует учитывать, стало то, что финское высшее военное руководство и прежде всего сам маршал явно переоценили возможности своих войск. Изначально в Ставке, очевидно, не учитывали саму возможность, что на Карельском перешейке финская армия будет очень быстро отступать и даже окажется на грани полного разгрома. Несомненно, правы отдельные исследователи, которые указывают на то, что «вина финского верховного командования заключается в том, что оно вовремя не составило продуманный план организованного отступления»²⁰.

Также безусловной ошибкой являлось решение финского командования возводить новую первую линию укреплений в непосредственной близости от фронта. Она даже «частично пролегла... по территории России»²¹ и, как метко замечают некоторые финские исследователи, «все-го лишь в 20 км от Зимнего дворца и центра Ленинграда»²². Более того, по мнению достаточно известного историка Х. Сеппяля, «в соответствии с планами эту позицию надо было укрепить так, чтобы можно было обеспечить оборону на Карельском перешейке и, с помощью имевшихся резервов, решительно отразить наступление»²³. Но даже не военным экспертам было понятно, насколько данное решение было опасным. Премьер-министр Финляндии Э. Линкомиес прямо затем отметит, что «маршал при одобрении плана недостаточно обдумал его, ввел себя в заблуждение, дав волю фанатизму»²⁴.

Действительно, близость укреплений к линии фронта приводило к тому, что они стали хорошо известны советской разведке. Более того, созданные укрепления оказались весьма уязвимыми для возможности, с помощью сконцентрированного огневого воздействия, быстрого и внезапного, их уничтожить²⁵. В итоге здесь присутствовал явный стратегический просчет, который хорошо почувствовали в июне 1944 г. финские фронтовые части.

Тем не менее важно учитывать, что эта ошибка рождалась не вследствие «непродуманности» или в итоге чисто военно-инженерных не-

доработок. Дело в том, что в Финляндии считалось, что строительство глубокоэшелонированной линии обороны «далеко от фронта могло создать впечатление, что предполагалась возможность сдачи противнику той части Перешейка, которую заблаговременно не укрепляли»²⁶. Таким образом, идея организации масштабных оборонительных позиций, создаваемых на линии фронта, была продиктована сугубо *политическими соображениями*, за которые затем уже заплатили своими жизнями финские солдаты.

Далее важным обстоятельством, которое тоже имело явно субъективный характер, стали ошибки в определении потенциальных возможностей войск Ленинградского фронта, а также места и, наконец, времени, когда следовало ожидать вероятное советское наступление. Как справедливо заметил исследователь Э. Кууссаари, финское командование, «в соответствии с главной задачей обороны основных позиций, заранее не смогло точно определить возможные направления наступления противника» и в итоге войска просто были «в начале лета равномерно размещены по всей линии обороны»²⁷.

С другой стороны, для финского командования и момент начала наступления тоже оказался во многом неожиданным. Причем этот сюрприз оказался реальным именно для высшего военного руководства, а не для фронтовых частей финской армии. Здесь солдаты уже вначале июня 1944 г. начали догадываться о готовящемся советском ударе, но не имели конкретных указаний по этому поводу от своего командования²⁸.

В исследовательской литературе вообще нет ясного ответа, почему финское высшее военное руководство особо не обращало никакого внимания на изменение положения за линией фронта. Даже существует представление о том, что «в генштабе между разведывательным и оперативными отделами наблюдался дуализм»²⁹. Как отметил в своих воспоминаниях сотрудник отдела разведки Ставки У. А. Кякёнен, к командованию шли запросы с фронта, в которых просили внести ясность — «будет ли наступление или нет». Но генерал А. Айро, занимавшийся в Ставке вопросами оперативного планирования, откровенно игнорировал данные военной разведки и уклонялся от ответов на данные запросы. Он лишь язвительно отмечал, что он «не знает, будут ли наступать русские или нет», добавляя при этом не без иронии: «Это знает только Сталин. Спросите у него!»³⁰

Тем не менее одновременно в финской литературе существует еще утверждение, что Айро все же «наступление советских войск летом 1944 г. не считал неожиданным»³¹. Но тогда возникал вопрос: Почему Айро явно не желал учитывать имеющуюся у командования разведывательную информацию?

Понять это, конечно, важно. Тем не менее в любом случае сейчас в литературе существует устойчивое мнение, что именно он должен был нести наибольший груз ответственности за допущенный просчет, поскольку Маннергейм ему «безмерно доверял»³². Однако мотивы действий генерала А. Айро, которые сейчас представлены в литературе, объективно выглядят мало убедительными. Как утверждают, в частности, его сослуживцы, он полагал, что финской военной разведке просто не следовало «запугивать» командование, поскольку она «своими обзорами обстановки лишь нервирует войска»³³.

Тем не менее показательно, что подобные взгляды тогда, по наблюдениям сотрудников Ставки, были и у начальника генерального штаба Э. Хейнрикса. Он тоже полагал, что о подготовке советских войск к наступлению не следует много говорить. Более того, существует твердое убеждение, что о реальной возможности советского наступления в полном объеме даже не информировали не только действующие войска, но и самого Маннергейма. Хейнрикс, в частности, как и Айро, считал, что разведсведения о возможном советском наступлении на Карельском перешейке лишь приведут к тому, что маршал «только разнервничается»³⁴. Таким образом, утверждения представителей высшего финского военного руководства как бы отводили от Маннергейма обвинения в том, что именно он должен был нести главную ответственность за допущенный военно-стратегический просчет.

Но то, что К. Г. Маннергейм мало по этому поводу мог «знать» или даже об этом ему особо «не докладывалось», как представляется, выглядит несомненным преувеличением. Очевидно, что маршал должен был получать необходимые сведения. Без них трудно было бы представить, чтобы он мог считаться главнокомандующим. Более того, в своих воспоминаниях он сам прямо утверждал, что «Ставка не какое-то коллегиальное учреждение, а орган, задачей которого является осуществление воли и решений главнокомандующего»³⁵. К тому же, как известно, Маннергейм лично заслушивал различные индивидуальные рапорты офицеров генерального штаба³⁶ и, таким образом, сам держал в своих руках общее руководство войсками. В этом плане трудно согласиться с мнением финского историка Х. Мейнандера, который в различных своих произведениях утверждает, что в 1944 г. «офицеры Ставки в чисто военном смысле лучше представляли ситуацию, чем Маннергейм», и маршал в это время просто утратил способность «анализировать поступающую информацию и делать из нее правильные выводы»³⁷.

В целом здесь надо сказать правду. Маннергейм оставался «прежним» и продолжал в 1944 г. руководить всей финской армией. Рассуждения же о том, что его попросту «не вводили в курс дела» или что он вдрут

стал «неспособным» к анализу тех или иных событий, представляются лишь примером стремления снять с маршала ответственность за явно допущенный им просчет. Об этом четко можно судить даже из того, что именно Айро в начале 1944 г. лично ему «с картой в руках указывал на необходимость увеличить количество войск на Карельском перешейке»³⁸, но Маннергейм это предложение отверг.

В целом допущенная Маннергеймом ошибка является вполне очевидной³⁹ и вполне его собственной. Это он хорошо понимал. Неслучайно именно тогда у него начал наблюдаться очень сильный психологический стресс, который даже обернулся одним из кожных заболеваний, заметных для его окружения⁴⁰. Всем, с кем в это время встречался Маннергейм, было очень хорошо понятно, что он «был крайне обеспокоен изменением обстановке на Карельском перешейке»⁴¹.

Что же касается подчиненных маршала, прежде всего Айро и Хейнрикса, то их предшествующие наступлению действия можно объяснить только тем, что они явно стремились строго учитывать взгляды Маннергейма, проводя в соответствии с ними и свою общую линию.

Но если это признать, то тогда становится уже важным понять сами мотивы, которые подталкивали Маннергейма к стремлению «не замечать» готовившегося советского наступления, лично направляя в этом отношении представления и своих подчиненных.

В данном случае, как это ни кажется удивительным, разгадка данной позиции содержится в воспоминаниях самого маршала. Эти воспоминания, как известно, подверглись весьма аргументированной и заслуженной критике⁴², поскольку составлялись в период, когда после войны от Маннергейма, находящегося в Швейцарии, требовалось оправдать действия всех тех, кто позволил Финляндии на стороне Германии принять участие в войне. Поэтому завершающаяся часть работы писалась во многом именно для этого. Более того, мемуары маршала готовились как плод коллективного творчества при участии его бывших подчиненных — того же Э. Хейнрикса, а также начальника разведки Ставки полковника А. Паасонена⁴³. Естественно, что в мемуары не должны были «просочиться» никакие дискредитирующие политику маршала или вообще Финляндии факты.

Тем не менее все же в них оказались, вероятно, и следы личных взглядов Маннергейма. Они, в частности, относятся именно к тем представлениям, которые существовали у маршала накануне советского наступления. Более того, эти взгляды были хорошо известны его «ближайшему кругу». Поэтому неслучайно затем практически полностью переключались также в собственные воспоминания его «соавтора» генерала Э. Хейнрикса⁴⁴. Также эти взгляды дословно пересказал в своих воспоминаниях

и руководивший финскими войсками на Карельском перешейке генерал К. Л. Эш⁴⁵.

Первое же, что видно из текста воспоминаний маршала, является то, что Маннергейм, конечно, знал о концентрации советских войск на финском фронте. Он даже прямо указывает, что еще «в мае разведдонесения сообщали об изменениях в составе войск противника» и что уже было установлено о «появлении нового, до сих пор неизвестного для нас штаба корпуса»⁴⁶.

Но выводы из этого маршал, если верить его воспоминаниям, делал несколько необычные. Маннергейм полагал, что появление новых войск на Карельском перешейке являлось типичной заменой частей, поскольку «состав русских войск на Карельском перешейке менялся каждую весну». Как записал Маннергейм, это происходило просто потому, что «русские имели обыкновение в это красивое время года отводить войска на отдых и пополнение в большие лагеря, расположенные севернее Ленинграда»⁴⁷. Таким образом, информация разведки маршала особо не пугала. Но при этом сами его взгляды по вопросам концентрации войск выглядели явно достаточно наивными.

Тем не менее самой главной причиной, почему советское наступление для Маннергейма оказалось большо́й неожиданностью заключалось в том, что он явно заблуждался в представлениях о советских военно-политических концепциях окончания Второй мировой войны. Здесь Маннергейм больше обращал внимание на, что называется, «здоровый смысл». Впоследствии он вполне откровенно заметил, что просто не верил в возможность на Карельском перешейке какой-либо особо масштабной операции советских войск. Подобные представления, кстати, можно было увидеть и в воспоминаниях других финских генералов⁴⁸. Генерал К. Л. Эш, в частности, тоже подчеркнул, что «для дивизий первой линии и руководства отдела Ставки это сильное наступление не являлось неожиданным», но далее с горечью подчеркнул, что «только его не ожидали именно такой силы»⁴⁹.

В целом, анализируя «с военной точки зрения» складывающуюся обстановку на восточном фронте, маршал, очевидно, не смог понять стратегического значения для руководства Красной армии необходимости проведения крупномасштабного наступления на Карельском перешейке. Он справедливо считал, что разгром Финляндии вообще коренным образом не изменил бы для СССР хода военных действий. Как военный человек, маршал даже не скрывал, что, по его мнению, «для решающих операций против немцев русским не нужна была территория Финляндии, в том числе и те районы, которые мы оккупировали»⁵⁰. С другой стороны, Маннергейм видел, что необходимая для прорыва финских

укреплений концентрация войск неминуемо должна была «ослабить наступательную мощь» на германском направлении, что, по его мнению, со стратегической точки зрения являлось бессмысленным. Маршал, пытаясь в ходе своих рассуждений стать на сторону советского руководства, не без общего здравого смысла, полагал, что для Москвы, в случае поражения вермахта, Финляндия «осталась бы в одиночестве» и «финская проблема... после разгрома германских вооруженных сил и так была бы решена», поскольку Финляндия неминуемо «одобрила бы умеренные условия мира»⁵¹.

В целом такие рассуждения выглядели вполне здравыми, но очевидно не учитывали общих масштабов Второй мировой войны. Естественно, задачи СССР в 1944 году были значительно более широкими, нежели чем, скажем, в 1941 или 1942 г. Вступление в 1944 г., например, советских войск на территорию Болгарии, которая тоже находилась на европейской периферии, яркое тому доказательство.

Финская же армия вообще занимала советские территории, и это тогда, естественно, в Москве допускать уже не собирались. Это тоже было хорошо понятно. Финский историк Х. Сеппяля затем неоднократно обращал внимание на данное обстоятельство. В нескольких своих работах он буквально слово в слово прямо пишет: «Политическое и военное руководство Финляндии не хотело понимать сложившуюся стратегическую ситуацию». Поясняя свою мысль, он подчеркнул: «Финские войска находились в непосредственной близости от Ленинграда... Наши войска перерезали кратчайший путь из Мурманска в Ленинград. Финны и немцы владели важными островами в Финском заливе, которые фактически закрыли Финский залив и фактически ограничили свободу действий флота Балтийского моря. Финская береговая артиллерия могла обстреливать с Карельского перешейка южное побережье Финского залива»⁵². Все это было вполне очевидным и это следовало учитывать, когда в финском военном руководстве весной 1944 г. задумывались о возможности военной операции советских войск на Карельском перешейке.

Иными словами, маршал К. Г. Е. Маннергейм в отношении военно-стратегических планов советского руководства просто допустил очевидный просчет.

Таким образом, в целом становится очевидным, что в основе ошибочных взглядов о предстоящем на Карельском перешейке советском наступлении лежат субъективные *политические представления*, которыми руководствовался финский главнокомандующий. В результате именно он, в первую очередь, так и не смог до конца предвидеть весь масштаб предполагаемой советским командованием операции на Карельском перешейке, что, несомненно, закончилось катастрофой для финских воору-

женных сил. В этом отношении, несомненно, был прав премьер-министр Э. Линкомиес, который в своих воспоминаниях просто сказал, что Маннергейм «не был непогрешимым гением... Он был человеком, к тому же еще старым и очень уставшим человеком, который также делал ошибки, как и все»⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. библиографию: *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa.* Hels., 2017. S. 314–325.

² *Власов Л. В.* «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!». СПб., 2010; *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб, 2003; *Власов Л. В.* Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2002; *Власов Л. В.* Маннергейм. М., 2004; *Власов Л. В.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005; *Власов Л. В., Власова М. А.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005.

³ Густав Маннергейм за 90 минут. СПб., 2006; *Жуков А. А.* Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий. СПб., 2007.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 440.

⁵ *Власов Л. В.* Маннергейм. С. 277.

⁶ *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Hels., 1976. S. 162.

⁷ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. Hels., 1959. S. 367.

⁸ См.: *Kulomaa J.* Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // *Historiallinen Arkisto*, 1986, N88. S. 196–197; *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Porvoo, 1975. S. 79; *Tiedonantaja*. 1984, 06.09.

⁹ *Viipuri 1944.* Miksi Viipuri menetettiin? Hels., 2007. S. 368.

¹⁰ *Ibid.* S. 361.

¹¹ *Барышников В. Н.* Советское наступление в июне 1944 года глазами финских солдат // *Война в зеркале историко-культурной традиции: От античности до Нового времени. Материалы международной российско-немецкой научной конференции.* СПб., 2012. С. 133.

¹² *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 366.

¹³ В целом в момент проведения Выборгско-Петрозаводской наступательной операции советские войска превосходили финскую армию в живой силе в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 5,2, по танкам и самоходной артиллерии — в 7,3, по самолетам — в 6,2 раза (*Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 246). По отчетным документам Ленинградского фронта накануне операции наступавшая на выборгском направлении 21-я армия превосходила финские войска по артиллерии в 13 раз, а по танкам и самоходной артиллерии — абсолютно (*Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А.* Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб., 2017. С. 94).

¹⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 464–465.

¹⁵ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 261–274.

¹⁶ Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 140–156. См. также: Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sana valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Helsinki, 1982. S. 328–329; Vilkuna K. Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944. Helsinki, 1962. S. 88.

¹⁷ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 245. Финский историк Х. Сеппеля, однако, указывает на то, что этих сил также было недостаточно. Он обращает внимание, что на переднем крае находилось лишь 75 050 войск (см.: Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo-Helsinki, 1974. S. 249). Историк подчеркиваем, что их тогда было даже в два раза меньше, чем в момент генерального наступления советских войск на Карельском перешейке в феврале 1940 г., когда финское командование имело здесь 150 000 своих войск (см.: Ibiem).

¹⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 244.

¹⁹ См.: Mannerheim G. Muistelmat. S. 456; Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Helsinki, 1956. S. 75; Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsinki, 1974. S. 142, 144; Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Helsinki, 1969. S. 234.

²⁰ Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 168; Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. Helsinki — Pietari, 2003. S. 198.

²¹ Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Helsinki, 1970. S. 179.

²² Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 166.

²³ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 234.

²⁴ Linkomies E. Vaikea aika. S. 179.

²⁵ Это обстоятельство затем вынуждены были признать и финские военные историки. См.: Suomen sota 1941–1945. Osa 7. Kuopio, 1957. S. 23; Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. S. 195.

²⁶ Linkomies E. Vaikea aika. S. 179.

²⁷ Ibid. S. 24.

²⁸ Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Paavo Rintala. Helsinki, 1966. S. 12, 15–16; См.: Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. S. 194–195.

²⁹ Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 389.

³⁰ Цит. по: U. A. Miehytyksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Helsinki, 1970. S. 87–88.

³¹ Brantberg R. Sotakenraalit. Jyväskylä, 1998. S. 18.

³² См.: Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А. Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. С. 74. См. также:

Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 174; Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? S. 361.

³³ *Lehtmus K. Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967. S. 174; Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 144.*

³⁴ Цит. по: *Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. S. 90.*

³⁵ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 450.*

³⁶ *Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. М., 2014. С. 169.*

³⁷ Там же; *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 256.*

³⁸ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 555.*

³⁹ *Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. S. 255, 256.*

⁴⁰ *Ibid. S. 247, 256; Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. С. 174.*

⁴¹ *Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005. С. 211; Erfurth W. Sota-päiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Hels., 1954. S. 167.*

⁴² См. например: *Lundin C. L. Finland in the Second World War. Blominngton, 1957. P. 15.*

⁴³ См.: *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 158–159.*

⁴⁴ *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. S. 358.*

⁴⁵ *Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.*

⁴⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 437.*

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ См.: *Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. S. 76.*

⁴⁹ *Ibid. S. 73.*

⁵⁰ *Mannerheim G. Muistelmat. S. 461–462.*

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 233–234; Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. S. 194.*

⁵³ *Linkomies E. Vaikea aika. S. 180.*

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 140–156.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 стр.

Власов Л. В. «Всадники-други, в поход собирайтесь!». СПб.: Европейский Дом, 2010. 232 стр.

Власов Л. В. Густав Маннергейм в Петербурге. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. 156 стр.

Власов Л. В. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб.: СПб.: Фонд «Отечество», 2005. 224 стр.

- Власов Л. В. Маннергейм. М.: Молодая гвардия, 2005. 320 стр.
- Власов Л. В., Власова М. А. Маннергейм и Польша. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2005. 224 стр.
- Густав Маннергейм за 90 минут. СПб.: Сова, 2006. 94 стр.
- Жуков А. А. Маннергейм в Петербурге: Методическое пособие по проведению экскурсий. СПб.: Д.А.Р.К., 2007. 112 стр.
- Каранкевич Л. Н., Козуненко Д. А. Июнь 1944 года. Хроника первых дней советского наступления на Карельском перешейке. СПб.: Издательство: «Гйоль», 2017. 448 стр.
- Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроение. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 400 стр.
- Мери В. Маннергейм — маршал Финляндии. М.: : Новое литературное обозрение, 1997. 208 стр.
- Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2005. 320 стр.
- Brantberg R. Sotakenraalit. Jyväskylä: Gummerus, 1998. 287 s.
- Erfurth W. Sota-päiväkirja vuodelta 1944. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1954. 292 s.
- Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II: Suomen marsalkka. Hels.: Otava OY, 1959. 487 s.
- Korhonen A. Viisi sodan vuotta. Porvoo: Werner Söderström OY, 1975. 662 s.
- Kulomaa J. Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // Historiallinen Arkisto, 1986, № 88. S. 196–197.
- Käkönen U. A. Miehityksen varalta. Päämajan tiedustelta 1943–45. Helsinki: Otava, 1970. 249 s.
- Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Helsinki, 1967. 243 s.
- Linkomies E. Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Helsinki: Otava, 1970. 445 s.
- Lundin C. L. Finland in the Second World War. Blominngton: Indiana University Press, 1957. 303 p.
- Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. Helsinki: Otava, 1952. 526 s.
- Meinander H. Gustaf Mannerheim. Aristokraatti sarkatakissa. Helsinki: Otava, 2017. 335 s.
- Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu kannaksella v. 1944. Helsinki: Otava,, 1956. 216 s.
- Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsinki: Weilin&Göös, 1974. 175 s.
- Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sana valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1982. 394 s.
- Salminen E. Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistustoiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Helsinki: Otava, 1976. 242 s.
- Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1974. 348 s.
- Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän voitto. Helsinki-Pietari: Johan Beckman Institute, 2003. 315 s.

Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström OY, 1969. 304 s.

Sotilaiden äänet. Kannaksen läpimurto taisteluista 1944. Yleisradion ääniarkistosta koonnut Paavo Rintala. Helsinki: Weilin&Göös, 1966. 358 s.

Suomen sota 1941–1945. Osa 7. Kuopio: Kustantaja Kivi, 1957. 598 s.

Viipuri 1944. Miksi Viipuri menetettiin? Helsinki: Werner Söderström OY, 2007. 376 s.

Vilkuna K. Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944. Helsinki: Otava, 1962. 188 s.

А. Б. Гехт, И. А. Цвериганашвили

КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ШЕЕЛЕ: ВЕХИ БИОГРАФИИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В истории стран Северной Европы найдется немало известных имён, оставивших научное наследие, актуальное и изучаемое и через много лет. Имя шведского химика и фармацевта Карла Вильгельма Шееле (1742–1786) безусловно относится к их числу. Открытые и исследованные им химические соединения и элементы положили начало серии дальнейших открытий в химии, которые ускорили становление современной научной картины мира. В зарубежных исследованиях, особенно на шведском языке, научное наследие и жизнь этого учёного достаточно полно представлены в виде ряда статей и монографий¹. Но значение опытов и исследований К. Шееле также, несомненно, велико и в контексте расширения отечественной историографии, поскольку в ней отсутствуют профильные научные работы, посвященные этому шведскому ученому и его научным достижениям. Краткая биографическая информация о его деятельности представлена в России лишь в ряде справочных изданий. Таким образом, настоящая статья призвана в числе прочего послужить и заполнению данной лакуны в отечественной историографии.

Карл Вильгельм Шееле, один из выдающихся европейских естествоиспытателей эпохи Просвещения, родился 1742 г. в немецком городе Штральзунд, который в то время находился на территории т. н. шведской Померании, расположенной на южном побережье Балтийского моря. Его отец Иоахим Шееле, известный немецкий торговец зерном и пивовар, владел большим магазином и имел возможность нанять для обучения своего потомства частных преподавателей, которые вели занятия с детьми на немецком и шведском языках. Карл был прилежным учеником и делал успехи в учёбе, и ещё в детстве проявил большой интерес к изготовлению лекарств: так любознательный мальчик называл самодельные настои из выброшенных на побережье водорослей разных видов, которые он собирал, обрабатывал и настаивал в специальных бутылках, живо

интересуясь результатами своих первых «опытов»². Когда Карл немного подрос, отец отдал его в школу, но и там он не оставил своего любимого занятия — собирать лекарственные травы, гуляя по окрестностям родного города.

Старший Шееле не препятствовал этому увлечению сына. Можно предположить, что опытный коммерсант смекнул — аптекарское дело при верном подходе может быть не менее выгодно, чем торговля. Когда сыну исполнилось четырнадцать лет, отец заручился согласием своего друга Бауха, аптекаря из Гётеборга, взять Карла к себе в ученики³.

По неписаным законам, унаследованным ещё со времён средневековых цехов, прежде чем стать аптекарем, нужно было сначала лет пять-семь поработать учеником-помощником, подмастерьем. Только после такого практического опыта можно было сдавать особый экзамен и, в случае успеха, начинать работать в качестве самостоятельного мастера. Почти все свое время будущий учёный проводил в аптеке — внимательно следил за сложными операциями своего учителя и его помощников и потихоньку учился изготавливать лекарства. Но для того, чтобы стать мастером своего дела, Карлу нужно было много читать и учиться, и немало часов он провёл в компании книг из собрания своего учителя. Любимой книгой Карла было руководство работавшего в Швеции немецкого учёного Иоганна Кункеля «Лаборатория». Он подробно изучал описания опытов и потом в свободную минуту пытался повторить их в лаборатории Бауха, порой даже не ставя его в известность о своих намерениях⁴.

Когда кончился шестилетний срок обучения, молодой Шееле успешно сдал необходимые экзамены и получил свидетельство о присвоении ему звания аптекаря. По всей видимости, его учителю Бауху не хотелось расставаться со своим трудолюбивым и талантливым учеником, и он предложил ему продолжить прежнюю работу в аптеке, но уже в качестве помощника⁵. Карл согласился, а его отец, в свою очередь, также не был против решения сына. Он часто навещался в Гётеборг по торговым делам и однажды познакомил Карла со своим другом Щельстрёмом, управляющим большой аптекой в Мальмё. И когда через четыре года, за которые младший Шееле не только в совершенстве освоил своё дело, но и расширил свои научные познания, один из помощников Щельстрёма ушел из аптеки, Карл принял предложение аптекаря поступить к нему на службу⁶.

Вскоре Карлу поступило еще одно предложение: известный аптекарь Шеренберг из Стокгольма нуждался в помощнике и пригласил Шееле перейти к нему на более выгодных условиях, к тому же пообещав, что поможет ему устроиться и в химическую лабораторию при Академии наук в Стокгольме⁷. Естественно, молодого учёного не могла не прельщать пер-

спектива не просто работать в столице, но и иметь возможность пользоваться библиотекой Академии наук, одной из самых больших в Швеции.

В аптеке Шеренберга Шееле нашел прекрасные условия для работы. Выполняя обязанности аптекаря, он приступил к исследованиям различных природных веществ. Поначалу его внимание привлек винный камень. На стенках бочек с вином, привезенных из солнечной Италии, образовывалась толстая красная корка. Изучая этот налёт, он заметил, что винный камень при нагревании с серной кислотой растворяется, а после охлаждения в чашке образуются красивые прозрачные кристаллы. Они были кислыми на вкус, растворялись в воде и по всем признакам походили на кислоту. Шееле назвал их винной кислотой⁸.

Еще более загадочным показался ему прозрачный кристалл, который называли «плавиковым шпатом». При действии на него серной кислоты выделялся удушливый газ, а стенки сосуда, в котором Шееле проводил опыт, теряли прозрачность — образовавшиеся газы неизвестного состава разъедали стекло. Шееле начал кропотливо изучать эти новые вещества и с головой ушёл и в работу, и в литературу.

Как-то раз, работая в Королевской библиотеке, Шееле познакомился с Торбьёрном Бергманом — известным химиком, преподававшего в Упсальском университете⁹. Карл пригласил его в лабораторию, чтобы показать и обсудить результаты своих исследований. Это знакомство привело к тому, что более опытный Бергман предложил свое содействие в переезде своего нового товарища в Упсалу, обещая помочь с поиском подходящей вакансии. Слова не разошлись с делом: прошло немного времени, и Шееле переехал в Упсалу¹⁰.

Ученые сильно сблизились — доверяли друг другу свои идеи, советовались, размышляли над результатами опытов. Постепенно имя Шееле-ученого стало известно не только в Упсале, но и в Стокгольме: многие из своих результатов и открытий он описал в статьях, публиковавшихся в изданиях Стокгольмской Академии наук, что позволило приобрести соответствующий авторитет в научной среде. К примеру, именно Шееле (по рекомендации своего друга Бергмана) демонстрировал наследнику прусского престола Фридриху Вильгельму, посетившего с визитом Упсальский университет, серию научных опытов¹¹.

В то время Шееле установил, что из черной двуокиси марганца, которую тогда ещё называли «магнезией нигра»¹², можно химическим путём получить соединение неизвестного металла марганца — перманганат. Совмещая работу в аптеке, Шееле продолжал изучать «этот черный порошок». Он заметил, что, когда к этому веществу добавляют соляную кислоту и нагревают, в колбе образуется зеленоватый едкий газ, вызывающий кашель, — теперь мы знаем, что это был хлор, но тогда он был

впервые получен химическим путём. Очевидно, этот газ был очень активным, потому что, спустя короткое время после образования, он снова исчезал. Шееле решил собрать газ в свиной пузырь, поглощая его водой.

Ученый вставлял в отверстие пузыря трубку для отвода газов и нагревал колбу с «магнезией нигра» и кислотой. Полученный газ, наполняя пузырь, постепенно раздувал его. В это время черная магнезия превращалась в белую марганцовую золу (то есть получалась окись марганца). Такое превращение Шееле наблюдал и при нагревании черного порошка с серной кислотой, но тогда из смеси выделялся бесцветный газ. Он назвал его «огненным воздухом», потому что вещества в нем сгорали очень быстро¹³.

Со временем Шееле смог получить «огненный воздух» и другими методами. Длительные наблюдения показали, что и в воздухе содержится тот же газ, но смешанный с каким-то другим газом — «негорючим воздухом». Шееле попытался разделить эти два газа, входящие в состав воздуха, попробовал даже оценить их объем, но результаты были не очень надежными. «Огненный воздух» (а это было не что иное, как водород¹⁴) приковал к себе внимание ученого. Он потратил немало сил и времени, пытаясь понять, что же такое «огненный воздух», но так и не смог справиться с этой задачей.

Во всем была виновата господствовавшая в те времена теория флогистона, по которой считалось, что всякое вещество может гореть только в том случае, если в нем много особой горючей материи — флогистона, а горение представляет собой распад сложного горючего вещества на особый огненный элемент — флогистон — и другие составные части. Шееле тоже был сторонником этой теории, поэтому он объяснял, что «огненный воздух» имеет большое сродство (влечение) к флогистону, поэтому и сгорает в нем так быстро, а «негодный» воздух не имеет влечения к флогистону, поэтому в нем и гаснет всякий огонь¹⁵. Это было довольно правдоподобно, но оставалась одна большая загадка, которая казалась совершенно необъяснимой. Куда уходил во время горения «огненный» воздух из закрытого сосуда? Наконец, он придумал такое объяснение. Когда сгорает какое-нибудь тело, говорил он, то выделяющийся из него флогистон соединяется с «огненным» воздухом, и это невидимое соединение настолько летуче, что оно незаметно просачивается сквозь стекло, как вода сквозь сито.

С флогистонам покончил другой великий химик XVIII века — француз Антуан Лавуазье. И когда это было сделано, то странное исчезновение «огненного воздуха» и многие другие непонятные явления сразу потеряли всю свою загадочность. Но Карл Шееле действительно был первым исследователем, получившим относительно чистую пробу кислорода ещё

в 1772 г.¹⁶ Однако он опубликовал свои результаты лишь пять лет спустя, позже, чем это сделал британец Джозеф Пристли, поэтому формально он не может считаться первооткрывателем кислорода. Но во многих академических изданиях и справочниках по химии приоритет отдаётся именно Карлу Шееле.

В процессе своих опытов Шееле накопил чрезвычайно много опытных данных: он смог приготовить синильную кислоту из угольного ангидрида, угля и аммиака. Этот опыт часто рассматривают как первый органический синтез, осуществленный за сорок лет до работ знаменитого немецкого химика Фридриха Вёлера¹⁷. В ходе работ по получению синильной кислоты Шееле также выделил краску, получившую название «берлинской сини». Изучал он и свойства фосфорной кислоты.

Теперь всё надо было систематизировать и подробно описать. Учёный начал составлять «Химический трактат о воздухе и огне», но непредвиденные обстоятельства заставили его на несколько лет прервать работу: скоростно скончался известный аптекарь Полер в городке Чёпинге. На совещании Медицинской коллегии было единодушно решено, что самая подходящая кандидатура на должность управляющего — Шееле, и в 1775 г. он обосновался на новом месте, где учёный смог полностью посвятить свое время занятиям¹⁸. Но прежде было необходимо заняться реконструкцией лаборатории, приобрести необходимые химикаты и реагенты. Но тут Карл получил приглашение президента Академии наук немедля приехать в Стокгольм. На торжественном заседании 32-летний Карл Вильгельм Шееле был избран в число членов Королевской Академии наук, став единственным учёным, который удостоился этой чести, не имея формального высшего образования¹⁹.

Лишь в конце 1775 г. он снова получил возможность вернуться к работе над своим «Химическим трактатом о воздухе и огне». Через два года книга вышла из печати и имела большой успех: за каких-то несколько месяцев тираж полностью разошелся²⁰. Шееле заключил договор с издателем в Упсале на второе издание. В том же году книга была переведена на французский и английский языки. Достижения Шееле не только значительно дополнили открытия Пристли, но и весьма способствовали дальнейшему расширению общеевропейской химической школы.

На большой гонорар, полученный от издательства, Шееле — теперь уже известный учёный — решил купить аптеку, в которой он работал. Владелица, госпожа Полер (вдова прежнего владельца, значительно уступавшая в возрасте своему супругу), не возражала. Не ответила отказом она и на предложение Карла Шееле выйти за него замуж, попросив лишь выждать ещё немного времени — всё-таки после смерти ее супруга миновала лишь пара лет¹⁰.

Встретив свою вторую половину, Шееле снова погрузился в работу и всего за несколько лет он сделал ряд научных открытий. Изучая растворы, полученные из плодов, корней и листьев различных растений, он открыл, что в них содержатся новые вещества, которые можно легко извлечь в виде бесцветных кристаллов, обладающих кислым вкусом. Сравнив их свойства, он установил, что это различные кислоты, и дал им соответствующие названия. В зависимости от сорта растения, в котором они содержались, Шееле назвал их лимонной, яблочной, галловой, щавелевой, молочной кислотами²².

На протяжении рубежа 1770-х—80-х гг. Шееле, отклонивший предложения о получении профессорской кафедры в Упсале и Берлине, а также отказавшийся от перехода на работу в Фалун, центр шведской горно-рудной промышленности²³, продолжал изучать и различные минеральные вещества. Так, он смог опытным путём получить и мышьяковую кислоту, которая, будучи смешанной с синим витриолом (медным купоросом), давала красивый зеленый осадок. Из него Шееле приготовил краску, которую торговцы долгое время продавали под названием «шеелевой зелени» (она также известна как арсенат меди).

Время от времени приезжая в Упсалу, Шееле всегда навещал своего друга Бергмана. Занятый изучением и классификацией минералов, Бергман не располагал достаточным временем, чтобы производить их химические исследования. Но в процессе работы он нашёл два особа интересных минерала. Один из них был черным, очень похожим на графит; Бергман назвал его «молибденовый блеск». У другого был желтовато-белый цвет, и он назвал его тангстеном. Бергман предложил Шееле заняться их исследованием. Необходимо было проанализировать и установить элементы, которые входили в состав новых соединений²⁴.

В процессе опытов Шееле растер в порошок черный минерал и начал подробное его изучение. Вскоре он убедился, что в этом минерале должен содержаться какой-то новый элемент. Заливая черный порошок азотной кислотой и продолжительное время нагревая его, он получал белый осадок. Шееле назвал вновь полученное вещество «молибденовой землей». Он установил, что это вещество обладает кислотными свойствами, иными словами, является кислотой. В результате многократных опытов Шееле удалось подробно описать ее свойства. И хотя он не сумел непосредственно открыть элемент молибден, именно работы Шееле положили дорогу, по которой потом шли первооткрыватели этого элемента, установившие, что «молибденовая земля» является окисью молибдена²⁵.

Из минерала тангстена Шееле также получил новую кислоту и назвал ее тангстеновой. Позднее испанские исследователи брата Эльгуйяр использовали открытие Шееле и путем восстановления получили содержа-

щийся в кислоте элемент. Они назвали его тангстеном, а мы же называем вольфрамом, а белый минерал, в котором он встречается в природе, — шеелитом, в честь Карла Шееле, впервые указавшего, что в нем содержится новая, особая кислота.

Бывало, что к открытию учёный приходил и вне целенаправленно-го исследования. Однажды, нагревая жир с глётом, чтобы приготовить нужную ему мазь, он заметил, что мазь получилась сладковатой на вкус. Конечно, возник вопрос: как сюда попал сахар? Шееле взял новые порции жира и глёта, варил их весь день и оставил на ночь остывать. На следующий день на дне сосуда он обнаружил желтоватую жидкость. Она обладала сладким вкусом, но совсем не походила на сахар. В воде эта жидкость растворялась как сахар, но при нагревании даже при очень высокой температуре не обугливалась, как это происходило с сахаром, а напротив — возгонялась и только частично разлагалась. Изначально Шееле назвал ее «сладким маслом»²⁶, но потом пришёл к более привычному нам названию — глицерин. Было немало и других открытий и достижений, ставших возможными благодаря труду и терпению талантливого учёного.

К сожалению, жизненные обстоятельства порой оказываются сильнее самого могучего человеческого интеллекта. В первой половине 1780-х гг. у Карла Шееле, далеко ещё не старого человека (даже по меркам своего времени), начались проблемы со здоровьем. Учёный одновременно столкнулся с подагрой, временами буквально приковывавшей его к постели, а также с недугом, в симптомах которого ряд современных исследователей видит заболевание почек²⁷. Также распространено мнение, что Шееле, как и многие другие учёные эпохи Просвещения, серьёзно навредил себе постоянным контактом с тяжёлыми металлами — сказались его бесконечные опыты с мышьяком, свинцом и ртутью²⁸. А ведь Карл не только, к примеру, нагревал те или иные вещества, а значит дышал их парами, но и пробовал результаты своих экспериментов на вкус. Сложно сказать, были ли проблемы с почками спровоцированы исключительно экспериментами химика, или они только обострили уже существовавшую болезнь. Не вызывает сомнений одно: учёный оказался на краю гибели не по возрасту рано, не дожив до сорока четырёх лет. В глаза невольно бросается мрачный парадокс: человек, всю жизнь готовивший лекарства для других и снискавший себе славу в том числе и на поприще фармации, не смог найти эффективного средства от своей болезни.

Понимая, что шансов поправиться немного, в марте 1786 г. Шееле решил официально объявить о помолвке со своей давней возлюбленной Маргаритой Полер. Вскоре, 19 мая 1786 г., состоялось и официальное бракосочетание²⁹. Буквально через два дня начался новый приступ

болезни. Боясь потерять сознание, Шееле послал за нотариусом и продиктовал завещание: все свое имущество он оставил своей (теперь уже официальной) жене³⁰. Согласно преданию, смерть наступила, когда он работал в своём кабинете, что впоследствии породило популярную легенду о том, что он якобы совершенно случайно отравился либо ртутью, либо синильной кислотой.

Так Швеция потеряла одного из самых великих своих приёмных сыновей, но постаралась сохранить память о нём: памятники великому учёному стоят и в Стокгольме, и в Чёпинге. Этот человек показал миру, что и в крохотном городке, в маленькой аптечной лаборатории можно делать великие открытия, о которых всегда будет помнить благодарное человечество — недаром в память о нём названы кратер на поверхности Луны и малая планета³¹. Любовь Шееле к химии, его незаурядная способность умело проводить самые сложные эксперименты, наблюдать явления и упорно искать истину нискали ему добрую славу в ученых кругах, хотя сам Шееле всегда оставался равнодушным и к славе, и к почестям — всю жизнь он был скромным аптекарем, более всего на свете влюбленным в науку. Работая в достаточно ограниченных условиях, преимущественно вдали от больших городов, он проводил исследования с завидной страстью и увлеченностью. И это не могло не принести своих плодов: многие соединения и новые элементы впервые были получены и описаны именно им. Имя Карла Вильгельма Шееле всегда будет блистать яркой звездой на небосклоне науки рядом с именами других ученых, посвятивших свою жизнь науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Andersson P. Svenska snillen: från Stiernhielm till Scheele. Stockholm, 1964. 324 s.; Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. Stockholm, 1987. S.83–97.*

² *Манолов К. Великие химики. Т. 1. М.: Мир, 1986. С. 123.*

³ *Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. Stockholm, 1987. S. 87.*

⁴ *Andersson P. Svenska snillen: från Stiernhielm till Scheele. Stockholm, 1964. S. 293.*

⁵ *Ibid. S. 294.*

⁶ *Манолов К. Великие химики. С. 126.*

⁷ *Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. S. 93.*

⁸ *Манолов К. Великие химики. С. 127.*

⁹ *Partington J. A History of Chemistry. London, 1970. P. 359.*

¹⁰ *Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. S. 94.*

¹¹ *Манолов К. Великие химики. С. 129.*

¹² *Фигуровский Н. А. Открытие элементов и происхождение их названий. М., 1970. С. 88–89.*

- ¹³ Манолов К. Великие химики. С. 131, 139.
- ¹⁴ Фигуровский Н. А. Открытие элементов и происхождение их названий. С. 175.
- ¹⁵ Partington J. A History of Chemistry. P. 436–453.
- ¹⁶ Ibid. P. 360.
- ¹⁷ Henry M. A Source Book in Chemistry, 1400–1900. New York: M., 1952. P. 107.
- ¹⁸ Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. S. 90.
- ¹⁹ Ibid. S. 91.
- ²⁰ Джуа М. История химии. М., 1966. С. 131.
- ²¹ Манолов К. Великие химики. С. 135.
- ²² Фигуровский Н. А. Открытие элементов и происхождение их названий. М., 1970. С. 313.
- ²³ Там же. С. 313.
- ²⁴ Манолов К. Великие химики. С. 133.
- ²⁵ Henry M. A Source Book in Chemistry, 1400–1900. P. 109–110.
- ²⁶ Манолов К. Великие химики. С. 141.
- ²⁷ Andersson P. Svenska snillen: från Stiernhielm till Scheele. S. 301.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Ibid. S. 302.
- ³⁰ Манолов К. Великие химики. С. 138.
- ³¹ См. подробнее: Gazetteer of Planetary Nomenclature. International Astrophysical Union. <https://planetarynames.wr.usgs.gov/SearchResults?target=MOON&featureType=Crater,%20craters> (дата обращения 05.02.19).

ЛИТЕРАТУРА

- Джуа М. История химии. М.: Мир, 1966. 450 стр.
- Манолов К. Великие химики. В 2 т. Т. 1. М.: Мир, 1986. 438 стр.
- Фигуровский Н. А. Открытие элементов и происхождение их названий. М.: Наука, 1970. 207 стр.
- Andersson P. Svenska snillen: från Stiernhielm till Scheele. Stockholm: Natur och kultur, 1964. 324 S.
- Ekström S. Carl Wilhelm Scheele: ett 200-årsminne. Stockholm: Medicinhistoriska museet, 1987. S. 83–97.
- Henry M. A Source Book in Chemistry, 1400–1900. New York: McGraw-Hill, 1952. 554 p.
- Partington J. A History of Chemistry. London: Macmillan, 1970. 1007 P.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П. Е. Сорокин

ВЗЯТИЕ ЛАНДСКРОНЫ

Крепость Ландскрона, построенная летом 1300 г. на Неве шведами, была взята и разрушена в следующем 1301 г. русскими войсками. Описание этих событий имеется в русских летописях и шведской хронике Эрика начала XIV в., которые взаимно дополняют друг друга, рассказывая о событиях с разных сторон и освещая различные детали. Новгородская I летопись сообщает, что в строительстве крепости участвовали мастера из Рима, присланные от папы, и она была укреплена — «твердости несказанной». Оборона крепости была усилена метательными машинами — пороками¹. Согласно хронике Эрика, она выглядела как мысовое укрепление: «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско»². Существование шведской крепости на Неве означало утрату свободного выхода с территории Руси в Балтику, через который велась основная торговля с Северной Европой. Кроме того, она могла успешно контролировать территорию Ижорской земли: «...Крепость та была так поставлена, что жителям того края ничего другого не оставалось, как подчиниться или бежать, если они хотели остаться в живых...» — отмечал хронист. Подошедшие к крепости русские войска не смогли взять ее штурмом. После их ухода и завершения строительства шведский флот отплыл в Швецию, оставив в Ландскроне гарнизон 300 человек.

Весной 1301 г. великий князь Андрей Александрович прибыл в Новгород и начал подготовку похода. Новгородская I летопись кратко описывает ее штурм: «приде князь великий Андрей с полкы низовьскими, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18... град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша...»³. Некоторые подробности штурма Ландскроны описывает Хроника Эрика. В ней сообщается

о больших силах, пришедших на Неву: «Русские тогда снова собрались и карелы, и язычники...», это было «...громадное войско...». С конца весны обороняющиеся могли рассчитывать на скорую помощь из Швеции, но она задерживалась. После того как русский конный отряд проследовал к устью Невы, шведы, числом «менее двадцати», отправились за ним. «Когда они подъехали к устью, то ничего там не заметили, кроме срубленных бревен, которые были туда притащены и свай, которые они собирались вбивать...». Убедившись, что русские хотели «забить сваями устье реки», шведский разведывательный отряд решил вернуться в крепость. Судя по всему, все это происходило у устья Большой Невки, которое было достижимо от Ландскроны по суше. Расстояние, названное в хронике, — две шведских мили от крепости, примерно соответствует такому расположению. Именно по этому рукаву Невы шел наиболее удобный и короткий путь к Ландскроне, при плавании по привычному для шведов маршруту вдоль северного берега Финского залива. Еще в XVII столетии на шведских картах этот вход в дельту Невы отмечен как «Старый путь к Ниену». На обратном пути в крепость «...прорвались они через все три засады...», устроенные русскими в лесу, в каждой из которых было по сотне человек. В столкновении получил ранение воевода Стен, «многие были выбиты из седел и вынуждены пробиваться пешими. Русские преследовали их до самых крепостных ворот». Отправка русского отряда к устью Невы, по мнению ряда исследователей, была попыткой выманить шведов и уничтожить их за пределами крепости⁴. Однако ход событий показывает, что нападение на них не было хорошо спланированной операцией и они беспрепятственно достигли места назначения, а затем смогли прорваться обратно, несмотря на значительное численное превосходство русских. Вероятно, это были дозоры охранения основных сил, находившихся поблизости и их осторожность объясняется тем, что они не располагали достоверной информацией о реальных силах противника.

Перекрытие входа в Неву во всех ее протоках, с помощью деревянных заграждений, чтобы отрезать крепость от помощи из Швеции, было технически невыполнимой задачей, учитывая значительную ширину и глубину реки, на что указывали большинство исследователей. И. П. Шаскольский предполагал, что заграждения могли быть плавучими⁵. Однако в создании водных преград не было ничего необычного — заграждения из рядов кольев, причем установленные и на значительных глубинах, известны в гаванях и заливах Скандинавии и они широко использовались в защите береговых объектов и водных путей того времени. Устройство их в узкой протоке Большой Невки — на вероятном пути следования шведского флота, создавали для него реальную угрозу.

Засады, устроенные на берегу в этом месте, могли нанести шведам урон и задержать их продвижение от устья Невы до Охты, в обычных условиях занимавшее около 6 часов при плавании против течения. Это дало бы возможность основным силам подготовиться к их встрече.

Из хроники известно, что за прошедшую зиму гарнизон крепости сильно уменьшился в результате голода и болезней и «...когда русские подошли, там было шестнадцать человек, способных к бою». Вызывает сомнение, что такие силы могли длительное время сопротивляться большому войску и выдерживать штурм даже в хорошо укрепленной крепости. Напротив, учитывая ее большие масштабы, рассредоточение их по разным направлениям делало ее фактически беззащитной. Вероятно, в хронике упомянуты только знатные воины и осажденных было значительно больше. Это показывает и дальнейшее развитие событий: «Русские штурмовали и днем и ночью, много было нанесено сильных ударов... язычники часто сменялись. Один отряд уходил, другой подходил».

Штурмующим удалось зажечь крепостные сооружения: «В крепости той вспыхнул огонь, и она загорелась, и русские вошли с рукопашным боем. Христиане тогда ушли с крепостных стен внутрь погребца и там защищались. Некоторые же были убиты на стенах». Серьезного сопротивления внутри крепости осажденные не оказали: «они были разбросаны, и каждый погибал в своем углу, многие были убиты и из тех, что лежали больные». Последние шведские воины закрепились в погребе, вероятно, представлявшем собой единственное укрытие, которое не подверглось огню. «...После того у них в погребе том была жаркая схватка... Они так защищались... что русские не могли их взять». Однако вскоре, осознав бессмысленность сопротивления, оставшиеся в живых воины, во главе с воеводой Стеном, сложили оружие.

«После того как пленных поделили и с этим было покончено, и добыча была взята, и крепость сожжена, все русские отправились домой и увели с собой пленных, немного уцелело от огня, так была взята крепость».

Крупномасштабные археологические раскопки на Охтинском мысу в 2006–2010 гг. впервые выявили остатки укреплений Ландскроны. Была исследована значительная часть территории крепости (около 70%), включающая центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и в значительной степени с южной и северной сторон крепости⁶. Результаты раскопок показали, что Ландскрона по своему устройству не была типичным мысовым укреплением, как можно понять из Хроники Эрика. Она была регулярной и хорошо защищенной крепостью — имела прямоугольные очертания стен и была окружена тремя линиями оборонительных рвов. Первый окружал по периметру крепостную площадку, второй располагался от него на удалении 15–18 м, третий перерезал перешеек

между Невой и Охтой в 40 м южнее второго рва. Все рвы были трапециевидные в разрезе и достигали в ширину — 11 м, 15 м и 18 м. Глубина их составляла соответственно — 2,8 м, 2,4 м и 2,5 м. Склоны двух первых были укреплены деревянными конструкциями. Реконструируемые размеры крепости по периметру второго рва достигают около 180 × 180 м. Можно предположить, что и с западной стороны — на берегу Невы были аналогичные укрепления, с тем лишь отличием, что здесь отсутствовал второй ров, так как он не вписывался в территорию мыса. Поэтому, вероятно, что в этой части он мог замыкаться на береговую линию Невы. С этой же стороны, вероятно, располагались крепостные ворота с подъемным мостом через ров, подходы к которым были защищены вторым рвом, выходящим к Неве через узкий перешеек между ней и крепостью. Косвенно такое расположение подтверждается отсутствием следов крепостного моста на других — хорошо изученных частях рвов.

На внутренней площадке крепости, окруженной первым рвом, площадью около 13 000 м кв., была исследована насыпная платформа, сnivelированная неровности мыса и укрепления мысового городища предшествующего времени. В основе платформы были периметральные линии деревянных сооружений — городней, сложенных и срубленных из основных деревьев. Многорядные линии бревенчатых городней, заполненных бревнами, ветками, дерном и песком, шириной около 21 м, располагались параллельно рвам крепости, образуя каре. Внутреннее пространство, пересекаемое в центре крестообразными линиями городней, также было заполнено грунтом. Сохранившаяся ко времени раскопок высота деревоземляной платформы на внутренней площадке крепости составляла 1–3 м. Платформа имела бревенчатые стенки, под углом обложенные дерном, и плоское завершение, на верху которого располагались по периметру крепостные сооружения. Судя по имеющимся аналогиям, платформа могла быть значительно выше сохранившейся высоты, поэтому уровень основных сооружений крепости оказался срыт при последующих перепланировках. Именно это сооружение — необычное для русского крепостного строительства, и получило название гора в ряде русских летописей. Реконструируемые размеры крепости, имевшей форму квадрата, были около 90 × 90 м. Упомянутые хроникой восемь башен располагались, вероятно, в углах стен и в их центральных частях. Ядром новой крепости, вероятно, должен был стать конвент — комплекс крепостных сооружений в форме каре, включавший общественные, жилые и хозяйственные помещения, располагавшиеся по периметру внутреннего двора. Его внешние стены выполняли при этом роль оборонительных стен крепости. Между ними и первым рвом, вблизи его края, могла существовать еще одна линия обороны в виде стены или частокола⁷.

Единственным подземным сооружением, обнаруженным в пределах внутренней площадки крепости в ее западной части, примыкающей к линии городской, был — подземный сруб с колодцем — резервуаром для воды в основании. Сруб, сохранившийся на высоту до 3,8 м, имел размеры 5,3 × 5,1 м. Основание его было опущено с древней дневной поверхности примерно на 1,7 м ниже современного уровня Невы. В верхней части сруба, заброшенного после пожара и обрушения, имелись вырубki под лаги перекрытия. В нижней части на двух уровнях были зафиксированы остатки настилов и обвязка колодца столбовой конструкции с досками, набранными в пазы в основании.

Следы штурма, пожара и разрушения Ландскроны в 1301 г. отложились в заполнении первого рва. С этим событием связаны нагромождения сторевших обломков крепостных стен на его внутреннем склоне, прокаленный песок, обожженные бревна, скатившиеся вниз с верхней крепостной площадки, слой пожара с древесным углем на дне рва.

В деревянных конструкциях и в заполнении рвов, преимущественно первого, были обнаружены многочисленные предметы вооружения — наконечники копья, сулицы, стрел и арбалетные болты. Большинство их — 27 найдены в слое разрушения Ландскроны 1301 г. со следами пожара и остатками рухнувших стен вдоль южной и восточной стен крепости, еще 26 оказались в поздних переложенных слоях. Со штурмом связана и значительная концентрация гранитных булыжников, использовавшихся в качестве метательных орудий⁸.

Скопление арбалетных болтов и два наконечника станкового крепостного арбалета с внешней стороны юго-восточного угла первого рва показывают, что обстрел атакующих велся в этом месте шведами с крепостных стен и башен. Значительная концентрация предметов вооружения зафиксирована также в центральной части первого рва с восточной стороны. На краю крепостной платформы, обращенной в его сторону, на небольшом участке найдено 9 наконечников стрел. Большинство их было воткнуто в дерновую облицовку склона и связывается с осаждающими, обстреливавшими противника во время штурма. Облицовка внутреннего склона рва в этом месте оказалась разобрана и хаотично рассредоточена по его дну. Под скоплением деревянных деталей на дне лежал пеньковый канат длиной 32,75 м, толщиной — 3 × 5 см, который мог служить как осаждающим для подъема на стену, так и осажденными для метательных орудий и других целей.

В других местах укреплений встречены единичные предметы вооружения, причем большинство в перемещенном состоянии, что может быть связано с последующей перепланировкой участка. Шведский гарнизон Ландскроны, несомненно, был вооружен арбалетами, наличие

в крепости метательных орудий — «пороков», в числе которых были как камнеметные машины, так и станковые арбалеты, подтверждают археологические находки. Отдельные арбалетные болты, найденные на внутреннем склоне первого крепостного рва, простреливаемом только с внешней стороны крепости, в том числе и в деревянных конструкциях его облицовки, может свидетельствовать о том, что осаждающие наряду с луками и дротиками также использовали арбалеты.

Наиболее распространенными способами взятия городов на Руси были захват их врасплох «наездом» или «изгоном» — молниеносным нападением на неподготовленную к защите крепость через ворота, или «облежание» — продолжительная осада⁹. Открытому штурму прибегали редко, и этот вид взятия городов становится более частым с XIII в., особенно после монгольского нашествия. Штурм крепостей мог сопровождаться рытьем подкопов, засыпкой рвов, использованием осадных башен, временных заграждений, штурмовых лестниц и метательных орудий. Но наиболее эффективным способом штурма деревянных укреплений на Руси был их поджог — «примет», приводивший к быстрому разрушению стен и башен и деморализации противника. Поджечь город можно было при приступе, когда осаждающим удавалось добраться до деревянных сооружений, либо посредством горящих стрел и метательных орудий. Последний способ приводил к локальным возгораниям и был менее предсказуемым, но мог вызвать пожар внутри крепости.

Учитывая эшелонированную оборону Ландскроны, рытье подкопов и засыпка рвов, так же как и прямой штурм с использованием приставных лестниц и размещение вблизи нее штурмовых башен — туров и метательных орудий, под огнем с крепостных стен, были затруднительны. Помимо основных крепостных сооружений, находившихся на центральной площадке, окруженной первым рвом, укрепления в виде стены или частокола должны были располагаться на межрвовном пространстве между первым и вторым рвами, а также, вероятно, перед третьим рвом между Охтой и Невой. Берега этих рек севернее его также могли быть укреплены частоколом, образуя, таким образом, форбург вокруг крепости. Однако защита таких мощных и масштабных укреплений могла быть успешной только при наличии в них достаточного гарнизона. Малочисленность его делала оборону крепости мало эффективной и позволяла осаждавшим использовать не защищенные внешние укрепления в качестве укрытия на подступах к ней.

Русские войска наступали с наименее защищенной напольной южной стороны. Третий ров, судя по всему, не оборонялся из-за недостатка сил, и наступающие заняли плацдарм между третьим рвом, рекой Охтой и вторым оборонительным рвом. Расположение находок предметов во-

оружения показывает, что основным направлением штурма Ландскроны было юго-восточное. Вероятно, какая-то часть осаждающих располагалась и на правом берегу Охты, обстреливая с закрытых позиций восточную стену крепости и обеспечивая прикрытие штурмующих на этом направлении. Проход вдоль левого берега в северную часть мыса был перекрыт дополнительным сухим рвом, соединявшим первый и второй рвы Ландскроны с Охтой. Во втором рву и на межрвовном пространстве также не было обнаружено явных следов боя, за исключением двух арбалетных болтов с южной стороны, таким образом, два первых оборонительных рубежа, вероятно, были заняты русскими без боя. Сложнее было преодолеть основную линию укреплений — первый ров и находившиеся за ним стены, которых вероятно было две. Концентрация предметов вооружения и обгоревшая облицовка склонов первого рва, особенно с южной и восточной сторон, свидетельствуют о наиболее интенсивном штурме на этом направлении. По колам и плахам, обгоревшим почти до самого дна рва, можно видеть, что они были сухими, а не наполненными водой, как считали некоторые исследователи. Деревянная облицовка и колы, забитые в основании, затрудняли подъем по склонам высотой около 2.8 м. За ним располагалось заграждение вдоль рва, далее следовал склон платформы и стена конвента.

Описанная тактика непрерывного приступа, изматывавшая осажденных, напоминает штурм городов монголо-татарами, когда значительное численное превосходство позволяло постоянно вводить в бой свежие силы, сменяя одни отряды другими. Они также славились умелым применением метательных зажигательных снарядов¹⁰. Начало активного использования осадных, в том числе метательных машин, в военном деле Северо-западной Руси относится к первой четверти XIII в. после столкновений с крестоносцами в Восточной Прибалтике¹¹.

С погребом — «kellare», упоминаемым в Хронике Эрика, может быть соотнесено срубное подземное сооружение в северо-западной части крепости. Но верхняя его часть, которая и могла быть последним пристанищем остатков гарнизона крепости после взятия штурмующими основных укреплений, не сохранилась. Обычно погреба располагались в нижних ярусах башен и в них хранились съестные и военные припасы, а в основании имелись колодцы. Большие башни, служившие для защиты гарнизона в случае захвата противником основных укреплений, обычно располагались внутри крепостей того времени. Нижний ярус таких башен, служивший погребом, возвышался над землей до нескольких метров, но в нем не было входных проемов, за исключением специальных окон для перемещения грузов. В нее можно было попасть только по специальному деревянному пандусу через дверь в нескольких метрах над

землей. Следует признать, что в источниках нет упоминания о существовании такой башни в Ландскроне. Но возможно, она не была завершена, так как ее предполагалось сразу возводить в камне и к моменту штурма из дерева была сделана только ее нижняя часть — с резервуаром для воды в основании. Находясь в стороне от основных сооружений конвента, заглубленный в грунт погреб в начале пожара уцелел от огня и поэтому в нем могли укрыться осажденные.

Разрушение Ландскроны характеризуется в русских летописях такими выражениями, как: «запалиша и разгребоша...»¹², «...гору раскопаша»¹³, а в шведской хронике — «...крепость сожжена... не много уцелело от огня». Из этого следует, что все деревянные сооружения были уничтожены пожаром, а земляные насыпи срыты. Однако раскопки показали, что рвы Ландскроны почти не были засыпаны после штурма и сохранились на местности, заплывая естественным образом вплоть до строительства здесь в XVII в. Ниеншанца, а основание деревоземляной платформы сохранялось на высоту до двух и более метров до нашего времени. Таким образом, дефортификация крепости носила ограниченный характер, что может объясняться большим объемом земляных работ, требовавшихся для нивелирования укреплений.

Следует отметить, что основные эпизоды штурма Ландскроны повторились спустя полстолетия — при штурме захваченного шведами Орешка. Крепость, осажденная новгородцами в августе 1348 г., полгода находилась в осаде и только 24 февраля по льду был начат ее штурм. Он также сопровождался поджогом городских укреплений и после того, как русские ворвались в горящий город, шведы пытались укрыться в единственной каменной башне — «костре»¹⁴. По-другому складывалась ситуация с Выборгом, который в 1293 г. сразу строился в камне, на возвышенном острове и в центре его была возведена большая башня, позволявшая контролировать подходы к крепостным стенам. Несмотря на неоднократные попытки штурма, русским войскам так и не удалось овладеть Выборгом до самой Северной войны. При осаде Выборга Юрием Даниловичем в 1322 г. использовались метательные машины — 6 пороков, привезенные из Новгорода, однако штурм, проведенный после месячной осады, оказался неудачным¹⁵, что и привело, наряду с другими обстоятельствами, к заключению в следующем 1323 г. Ореховецкого мира, закрепившего за Швецией Выборг и три западнокарельских погоста и на четыре столетия разграничившего владения Руси и Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 91.

² Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Петрозаводск. 1987. С. 18–25. Здесь и далее текст Хроники Эрика приводится по переводу И. П. Шаскольского (*Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan*, Helsingfors, 1926).

³ Полное собрание русских летописей.. С. 91.

⁴ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, СПб., 2003. С. 88.

⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. С. 59–60.

⁶ Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го научного семинара. Псков, 2013. С. 271–279; Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 27. Новгород, 2014. С. 301–310.

⁷ Сорокин П. Е. Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 2014. С. 32–36 (рис.1, 6).

⁸ Сорокин П. Е., Михайлов К. А., Короткевич Б. С., Гукин В. Д., Матвеев В. Н. Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным // *Stratum plus*. 2014, № 6. С. 103–113.

⁹ Ивануц М. Г. Тактика осадного боя на Руси (IX–XIII вв.) // Державни старожитности Центрально-Східної Європи VIII — X ст. Чернігов, 2003. С. 156.

¹⁰ См.: Плано Карпини (Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 77).

¹¹ Рабинович М. Г. Осадная техника на Руси в X–XV веках // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1951, Т. VIII, № 1. С. 67–68.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 91.

¹³ Там же. Т.VI. Вып. 1. Софийская первая летопись. М. 2000. С. 366.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848. С. 59.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 96, 339.

ЛИТЕРАТУРА

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. 472 стр.

Ивануц М. Г. Тактика осадного боя на Руси (IX–XIII вв.) // Державни старожитности Центрально-Східної Європи VIII — X ст. Чернігов: Сиверяньска думка. 2003. С. 149–157.

История монгалов. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911. 232 стр.

Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 77. С. 7–51.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 стр.

Рабинович М. Г. Осадная техника на Руси в X–XV веках // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. Т. VIII, 1951, № 1. С. 61–75.

Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2014. С. 301–310.

Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-археологического изучения // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го научного семинара. Псков, 2013. С. 271–279.

Сорокин П. Е. Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 2014. С. 25–55.

Сорокин П. Е., Михайлов К. А., Короткевич Б. С., Гукин В. Д., Матвеев В. Н. Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным. Штурм крепости Ландскрона по историко-археологическим данным // *Stratum plus*. 2014, № 6. С. 103–113.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море в XIV веке. Петрозаводск: Карелия, 1987. 139 стр.

Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1926. 421 S.

А. В. Востров

ПОЧТОВАЯ ДОРОГА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО КАК ФАКТОР ТРАДИЦИОННОГО ШВЕДСКОГО ВЛИЯНИЯ

На протяжении столетий дорога являлась не просто линией связи двух точек на карте, но выполняла множество разнообразных функций. Помимо обеспечения экономических контактов между различными регионами, приходами или замками, она позволяла осуществлять административное или церковное управление, налаживать контакты между общинами — в том числе для обмена идеями и новостями. В этом ключе королевская Почтовая дорога, соединявшая Стокгольм с Або (через Аландский архипелаг), представляет наглядный пример связи Запада и Востока: вначале двух административных частей Шведского королевства, а затем Швеции и Российской империи¹. Так как Юго-Западная Финляндия, Аланды, восточное побережье Ботнического залива и большая часть центральных финских земель долгое время тяготели к торговле в западном направлении, то влияние шведского побережья на них являлось определяющим (в некоторых муниципалитетах сохраняется и поныне).

Аландский архипелаг еще со Средних веков был вовлечен в систему перевозки пассажиров между Швецией и Финляндией — в первую очередь, паломников и должностных лиц. Поэтому сухопутные дороги на Аландах следовали паломническому маршруту, который существовал с XI века, однако оставались труднопроходимыми — особенно в межсезонье. Состояние сухопутных дорог, как на Аландах, так и в королевстве в целом, столетиями вызывало беспокойство у шведских властей, поэтому с XVI века они возложили ответственность за качество дорог, мостов и переправ на местных жителей и приходы, а королевские служащие проводили дорожные инспекции каждые весну и осень (эти положения позднее подтвердил закон 1734 г.).

Необходимость организованной доставки корреспонденции и транзита путешественников (чаще всего официальных лиц) подтолкнула

разраставшееся в XVII веке шведское королевство к учреждению собственной системы почтовых дорог, а ее учреждение на Аландах (как проблемного, но самого короткого пути между Стокгольмом и Або) представлялось из столицы делом несложным и недорогим — при условии принудительного задействования местных жителей. Так как в 1620-х гг. Швеция присоединилась к континентальной почтовой системе благодаря своим владениям в немецких землях, то с 1636 г. доставка почты начала осуществляться через Королевское почтовое управление, учрежденное в Стокгольме во время правления королевы Кристины.

Основание почтовой службы в Финляндии произошло в 1638 г. и связано с именами почтмейстера Бернарда Стеен фон Стеенхауссена и генерал-губернатора Финляндии Пера Брахе. Аландский архипелаг, незадолго до этого включенный в состав Або-Бьёрнеборгского лена², стал частью королевского почтового пути (шв. *Postrodden*), накоротко связывавшая Стокгольм и Або — административные центры западной и восточной частей королевства. Эта часть почтового пути получила наименование Почтовой дороги (шв. *Postvägen*). Почта покидала шведское побережье в старом местечке Грисслехам и, минуя остров Сигнильшер, попадала в Стурбю на острове Эккерё³; затем пересекала Фаста Оланд в направлении Бомарсунда и продолжала движение через острова Вордё, Кумлинге и Брэндё. После этого почта оказывалась на другой стороне пролива Шифтет в Густавс (фин. Кустави), откуда, следуя транзитом через несколько небольших островов, по прибрежной дороге попадала в Або.

Сухопутные почтовые перевозки через архипелаг не представляли большой сложности ввиду наличия старых, приведенных в порядок дорог, однако пересечение широких водных пространств между островами в восточной части архипелага (проливы Делет и Шифтет) и Аландского моря являлось опасным. Зимний почтовый путь часто становился короче летнего, но действовал непродолжительное время из-за недолговечности ледяного покрова. Помимо этого существовала проблема разметки зимней дороги (за нее отвечали крестьяне местного прихода), чтобы почтальон или путешественник не заблудились в снежных или ледяных просторах. Особенно важной являлась разметка в восточной части архипелага из-за широких водных пространств.

Доставляли почту специальные почтовые крестьяне (шв. *postbönde*), жившие вдоль дороги и поделенные на почтовые роты (шв. *postrota*) — по количеству требуемых лодок или лошадей. Почтальоны одной роты, предоставляя для работы свой транспорт, доставляли почту в строго определенном порядке, а за дополнительную плату сопровождали путешественников. Почтовая служба предпочитала нанимать крестьян, которые умели читать и писать, поэтому большинство почтальонов были гра-

мощными. Почтовая служба являлась опасной не только из-за суровых условий службы, но и по причине возможных нападений: в почтовых сундуках могли пересылаться деньги или ценности. Поэтому почтальоны и их помощники в XVII–XVIII веках обязательно вооружались саблями; в XIX веке, когда случаи разбойных нападений участились, почтальонов снабдили пистолетами.

После присоединения Аландов к Российской империи (по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г.) правила доставки корреспонденции еще долгое время оставались прежними. В 1810 г. Россия и Швеция подписали соглашение о почтовом сообщении между Швецией и Великим княжеством Финляндским, осуществлявшемся по двум направлениям: через Аланды почта доставлялась два раза в неделю, вокруг Ботнического залива через Торнео — раз в неделю. В зимнее время, когда лед препятствовал движению через Аландские острова, почта направлялась только один раз в неделю. Императорское распоряжение, изданное в Петербурге в 1816 г., сохранило систему почтовых дворов: доставка почты между ними осуществлялась почтовыми крестьянами, которые меняли лошадей на почтовых дворах, а в восточной части архипелага передвигались на почтовых лодках.

Почта перевозилась почтовыми крестьянами вплоть до 1846 г., после чего начали использовать гужевой транспорт — корреспонденция доставлялась вместе с путешественниками, следовавшими от одного постоялого двора до другого. Скромные условия размещения там путешественников не сказывались на ценах — простолюдины редко могли позволить себе подобные поездки. Журналы постояльцев, которые велись на каждом постоялом дворе или почтовой станции с 1762 г., показывают, что в основном путешествовали государственные чиновники, офицеры и обеспеченные горожане. Обыватели могли воспользоваться правом перевозки на лошадаы постоялого двора только по особому разрешению, и лишь с 1885 г. они его получили в полной мере. Но, впрочем, пользовались им достаточно редко из-за дороговизны.

После 1809 г. на Аландах существовало две почтовые конторы: на острове Эккерё и в Кастельхольме, причем контора на Эккерё являлась еще и таможенной. Поначалу она размещалась в маленьком деревянном доме в деревне Стурбю, затем было построено новое величественное здание в неоклассическом имперском стиле по проекту архитекторов К. Л. Энкеля и К. Басси, больше соответствующее «западным воротам России». В августе 1842 г. по требованию русских военных властей почтовая контора из Кастельхольма переместилась в гарнизонный городок Скарпанс близ возводимой крепости Бомарсунд. По окончании Крымской войны контора вернулась в Кастельхольм, и после нескольких вре-

менных решений в 1875 г. она окончательно переехала в недавно основанный город Мариехамн. В том же году сюда перенесли почтовую контору из Эккерё.

С конца XVIII века фрахтовые корабли (пакетсумпы) начали перевозить почту между Або и Стокгольмом, по пути следования останавливаясь на Аландах, обычно в Бомарсунде. И уже с 1820-х гг. почтовые перевозки из шведского Грисслехамна до западной оконечности Российской империи осуществлялось на специальных почтовых или попутных кораблях. Почтальоны с Эккерё отвечали теперь за перевозку путешественников через Аландское море до Грисслехамна: плата была высокой, если одновременно с путешественником не перевозилась обязательная почта.

С 1836 г. специальные почтово-пассажирские сумпы начали курсировать на линии Або-Стокгольм, поэтому количество путешественников на почтовой дороге через Аланды в летний период значительно сократилось. Появление паровых судов в середине XIX столетия не означало полное прекращение почтовых пересылок через Аландское море, а лишь упрощение крестьянского бремени: в летний период почта отправлялась старинным способом один раз в неделю. Первые почтовые пересылки на паровых судах между Стокгольмом и Або относятся к 1858 г., а четыре года спустя стало возможным отправлять почту только таким способом. Однако пароходы курсировали с мая по ноябрь — зимой через Аландское море, как и прежде, почту перевозили крестьяне с острова Эккерё.

В 1868 г. Россия и Швеция заключили новое соглашение о почтовом движении, согласно которому транспортировка почты в летнее время из Стокгольма в Гельсингфорс осуществлялась пароходами. Поэтому с 1 июня 1871 г. летнее почтовое движение из Грисслехамна до острова Эккерё полностью прекратилось. Регулярное пароходное сообщение привело к значительному уменьшению почтовых пересылок в летнее время через острова в восточной части Аландского архипелага, поэтому почтовые крестьяне в основном перевозили почту, отправляемую с островов Брендё и Кумлинге.

Регулярное зимнее пароходное сообщение было организовано только в самом конце XIX столетия, но периодическое движение через Аландское море началось в конце ноября 1870 г. Согласно соглашению со Швецией, заключенному десять лет спустя, в зимнее время почту стали отправлять по маршруту Стокгольм-Ханко. Поэтому крестьяне острова Эккерё снова были вынуждены перевозить как почту, так и путешественников через Аландское море, сквозь ледяные торосы и метели. Тяготы почтальонов продолжались вплоть до 1895 г., когда круглогодичное движение паровых судов окончательно стало регулярным. Однако почтальоны окончательно закончили свою многовековую работу лишь 31 декабря 1910 г.

Королевская Почтовая дорога имела огромное значение для перевозки почты и путешественников (обычно по официальным и торговым делам) — с момента основания в 1638 г. и вплоть до конца 1850-х гг., когда регулярное пароходное сообщение начало постепенно забирать основные ее функции. Своеобразным «водоразделом» стала Крымская война 1853–1856 гг., в своем балтийском театре военных действий наиболее сильно затронувшая Аланды. Падение крепости Бомарсунд вместе с демилитаризацией архипелага снизило значимость Почтовой дороги, оставив только почтовые и, частично, «путешествующие» функции: государственные служащие и военные чины стали пользоваться ею намного реже.

С точки зрения шведского влияния на Великое княжество Финляндское роль Почтовой дороги как наиболее удобной линии связи Стокгольма и Або начала снижаться также в середине XIX столетия. Этому способствовал значительный технологический прогресс: с началом движения паровых судов почти полностью прекратилась перевозка почты и путешественников в летнее время, а с конца 1880-х гг. — в зимнее. Однако первостепенной причиной можно считать значительное уменьшение экономической зависимости Великого княжества от Швеции, продолжавшейся вплоть до 1840-х гг.: только в результате денежной реформы 1840 г. шведские деньги на территории княжества были запрещены, что окончательно сделало Швецию заграницей. В идеологическом плане Швеция стала заграницей также в 1840-е гг. благодаря университету, который пропагандировал образ единой Финляндии, при этом сохраняя лояльность императору⁴.

Одним из важных факторов постепенного удаления от Швеции стало развитие Гельсингфорса как финского административного центра, осуществляемое под покровительством Петербурга: начиная с 1817 г., административный и торговый центр Або постепенно передавал новой «столице» свои функции, а после пожара 1827 г. по этому пути «проследовал» университет.

Немаловажной деталью являлось то, что развитие университета увеличивало влияние шведского языка на студенчество и элиту страны: до середины XIX века преподавание велось исключительно на этом языке. Ф. Сигнеус и Й. В. Снельман вели острую полемику, направленную против стокгольмских эмигрантов и кругов Хельсинки, выражавших восхищение Швецией и забывавших о важной связи Финляндии с Россией, которая была необходима стране для осуществления социально-языковой программы, а также для политических и экономических реформ. Главным оплотом свекоманов оставался уже губернский Або — приближенный к Стокгольму в географическом (в том числе благодаря

Почтовой дороге), историческом, языковом и идеологическом планах; здесь преобладала прошведская позиция местных шведоязычных судовладельцев и торговцев.

Таким образом, можно выделить основные причины значительной «западной ориентации» Великого княжества Финляндского Российской империи до середины XIX столетия: особенности финского ландшафта, позволявшие быстрее и дешевле добираться до Стокгольма (пороги на реках, три каменные гряды Салпаусселькя, затруднявшие движение между Або и Выборгом⁵); экономический фактор (традиционная торговая ориентация на запад) и шведская валюта; языковой фактор и университет; «старые» шведские законы; общая религия (лютеранство); развитие транспортной сети и технологический прогресс; шведские традиции и культурная память.

События Крымской войны показали, что социально-экономическое влияние Стокгольма, в большинстве своём, сменилось влиянием Петербурга, а на стыке двух «культурных дорог» оказались главные финские административные и культурные центры: Або, Гельсингфорс и Выборг. Географический фактор определял основные импульсы экономического и социального воздействия, но изменение транспортной инфраструктуры Великого княжества значительно ускорило процесс их смещения в сторону столицы империи.

Так во второй половине XIX столетия символом развивающейся Финляндии стали Сайменский канал и сеть железных дорог. Канал, соединивший Выборг с системой озер Саймаа, был открыт в 1856 г. и увеличил в несколько раз речные грузоперевозки с Россией. В 1870 г. было завершено строительство железнодорожного пути между Гельсингфорсом и Петербургом, ставшей главной финляндской транспортной артерией. Изначально Л. Г. фон Гартман и Й. В. Снельман планировали, что железная дорога соединит Або со столицей империи (с ответвлением до Гельсингфорса), но окончательное решение было принято в пользу финской столицы из-за важного оборонительного статуса Свеаборга⁶. Данное решение значительно снизило экономический потенциал Або и, как следствие, шведское экономическое влияние. А также окончательно нивелировало значение старой Почтовой дороги.

В конце XIX столетия Почтовая дорога использовалась только для почтовых перевозок внутри архипелага и для поездок аландцев. Во время Первой мировой войны, когда движение паровых судов значительно сократилось, вновь появились путешественники, добравшиеся старым путем из Або до Мариехамна в зимнее время (и, если имели особое разрешение — до Стокгольма). Но это стало лишь временным явлением — Почтовая дорога уже навсегда утратила свой былой статус.

Наибольшее влияние дорога оказала именно на аландцев, приобщая их к столичной жизни (Стокгольма, Або, Гельсингфорса, Петербурга): самые свежие вести следовали вместе с титулованными путешественниками, а почтальоны и работники постоялых дворов разносили их вглубь архипелага. Общение с путниками из различных слоев общества — вплоть до тайных советников и генералов — также являлось своеобразным вознаграждением: в почтовой лодке социальные барьеры стирались.

Местные жители активно пользовались Почтовой дорогой и в летнее, и зимнее время, что позволяет говорить об архипелаге как едином целом (за исключением, быть может, наиболее удаленных его островов). Например, почтовая дорога в восточной части архипелага круглогодично использовалась для поездок между приходами⁷. Возможность добраться до Стокгольма и Або помогала избежать полной изолированности, однако из-за дороговизны воспользоваться ей могли лишь немногие аландцы. Поэтому влияние Почтовой дороги, кроме описанных выше факторов, можно назвать определяющим в формировании особого мироощущения аландцев — вне финской и шведской идентичностей (вместе с «островным менталитетом»). Но все-таки со значительным шведским влиянием — в первую очередь, языковым.

В 1873 г. Закрис Топелиус в своих путевых заметках описал Почтовую дорогу спустя два с половиной столетия после ее основания. Он подчеркнул, что система являлась насколько удобной для путешественников, настолько тягостной для крестьян. Тем не менее границы между персонами из высшего общества и крестьянами оставались незаметными: «размытая граница проходила между пальто и домотканым жакетом»⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Продолжением Почтовой дороги стала Нижняя Выборгская дорога, соединявшая Або и Выборг, которая появилась в позднем Средневековье. В истории она сохранилась под названием Большой Прибрежной (фин. Suuri Rantatie) или Королевской (фин. Kuninkaantie). В дорожном атласе Якоба Теитта от 1556 г. дорога описывается как часть Большого Почтового тракта, начинающегося в норвежском Тронхейме, продолжающегося через Осло, Стокгольм и Або (вдоль берега Ботнического залива) до Выборга.

² Согласно «Форме правления» 1634 г.

³ Переправа через Аландское море существовала задолго до этого, так как в 1527 году король Густав Васа подтвердил право на переправу жителям Вэддэ, находившегося на шведском берегу.

⁴ Клинге М. Столица. Хельсинки, 2012. С. 215.

⁵ *Masonen J. Tracks, Paths and Roads. Infrastructure and Transport in Finland and the Baltic Sea Area from the Viking Age to Medieval Times (800–1500 AD) // Road Museum Reports. 1995, № 1. P. 7.*

⁶ Клинге М. Имперская Финляндия. Хельсинки, 2012. С. 286.

⁷ Подробнее см.: *Kuvaja C. Postvägen över Åland och dess betydelse 1809–1914 // Bottnisk kontakt XVI, Korpo, 2012. S. 94–98.*

⁸ Цит. по: *Andersson J. The mail road across Åland. Mariehamn, 2000. P. 17.*

ЛИТЕРАТУРА

Клинге М. Имперская Финляндия. Санкт-Петербург: Коло, 2005. 616 стр.

Клинге М. Столица. Хельсинки: Отава, 2012. 500 стр.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. Москва: Весь мир, 2008. 248 стр.

Юсила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. 844 стр.

Andersson J. The mail road across Åland. Mariehamn: Ålandstryckeriet, 2000. 72 p.

Edquist S., Holmén J. Islands of Identity: History-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm: Södertörn University, 2015. 418 p.

Kuvaja C., Hårdstedt M., Hakala P. Det åländska folkets historia IV. Från finska kriget till Ålandsrörelsen 1808–1920. Mariehamn: Ålands Kulturstiftelse, 2008. 664 s.

Kuvaja C. Postvägen över Åland och dess betydelse 1809–1914 // *Bottnisk kontakt XVI, Korpo, 2012. S. 91–98.*

Masonen J. Tracks, Paths and Roads. Infrastructure and Transport in Finland and the Baltic Sea Area from the Viking Age to Medieval Times (800–1500 AD) // *Road Museum Reports 1/1995. Helsinki: Finnish National Road Administration, 1995. 36 p.*

Villstrand N.-E. Riksdelen. Stormakt och rikssprängning 1560–1812. Helsingfors: SLS, 2009. 416 s.

А. А. Михайловская

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ «ПРОГЕРМАНСКИХ» ВЗГЛЯДОВ В ШВЕЦИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в.

Швеция на протяжении нескольких веков не нарушала принципа нейтралитета, не вступала в войны, не захватывала территории. Однако нельзя думать, что, сохраняя нейтралитет, шведское государство «отсиживалось в стороне» во время мировых войн. Шведская политическая элита достаточно четко определила свою сторону в Первой мировой войне, что видно по многим показателям, особенно экономическим. К моменту начала Первой мировой войны шведско-германские отношения представляли собой достаточно близкий союз государств-единомышленников, и этому были свои причины.

Первым, немаловажным фактором проявления «прогерманизма» следует считать личные симпатии королевского дома к Германии. Оскар II, будучи убежденным консерваторм, всячески выказывал свои благожелательные чувства в отношении кайзеровской империи, которая смогла вновь вернуться к сильной королевской власти, чего так не хватало шведскому монарху. Ранее король явно желал победы Пруссии во франко-прусской войне и был бескрайне рад объединению Германии. Всю свою жизнь Оскар II являлся убежденным «прогерманистом» и стремился построить шведское государство по образцу, которым являлась кайзеровская Германия¹. Приход к власти Вильгельма II не остался без внимания Оскара II, укрепление сильной власти правителя не могло не понравиться амбициозному шведскому монарху.

Однако одной любви короля к Германии не хватило бы для того, чтобы привить эту любовь всему шведскому народу. Не шло и речи о безоговорочной поддержке народом короля, подобную тенденцию можно проследить по газетам, на страницах которых еще живы были профранцузские идеи². Оскару II необходимо было добиться благожелательного отношения шведского общества к Германии постепенно, что в целом было не столь трудно, с учетом сложившейся внутренней ситуации в королевстве.

Вторым важнейшим фактором являлись экономические связи. Уже на протяжении многих лет Швеция являлась постоянным поставщиком в Германию железной руды³. Торговые связи обоих государств достаточно быстро развивались. По экспорту из Швеции к 1910 г. Германия занимала уже второе место после Великобритании, закупая продукции на 124 млн крон. По импорту в этом же году Германия занимала первое место, продавая на 230 млн крон. Великобритания же уступает практически в полтора раза⁴. Экономические обязательства обоих государств оказывали свой эффект в вопросе сближения в других сферах.

Также стоит вспомнить общие для обеих наций германские корни. Именно этой точкой соприкосновения достаточно часто будут апеллировать «активистские» круги. Единство языковой группы, схожие черты менталитетов, культурной традиции и многое другое, что заставляло шведов думать о немцах как о «братском народе»⁵. Единение также создавал и поддерживал общий враг обоих государств — Российская империя, к которой шведы испытывали «исторический страх»⁶.

«Исторический страх» был связан, в первую очередь, с потерей Швеции Великодержавия в период Северной войны, чему явно способствовала Россия. В связи с этим шведская общественность отказывалась признавать доминирование России на Балтике⁷, и именно поэтому в Швеции с большим энтузиазмом встретили немецкую идею «натиска на Восток»⁸ («Drang nach Osten»). Данный лозунг поддерживали в первую очередь прибалтийские немцы, которые страдали от политики русификации Александра III. Ярчайшим этому примером является общественная деятельность историка Теодора Шимана, которому после начала русификации даже пришлось перебраться в Берлин. Шиман считал необходимым создать немецкое объединение из стран Балтии, а для начала «убрать с этой территории» русских⁹. Идея ограничения влияния России в данном регионе не могла не радовать шведскую общественность.

Одним из важнейших пунктов в истории становления «прогерманских» взглядов в шведском обществе является болезненный вопрос Финляндии, где в конце XIX века стала проводиться политика русификации, нарушающая, как считалось, автономный статус Финляндии¹⁰. Практически каждый швед «с самого начала» думал о необходимости возвращения Финляндии Швеции, в чем они могли найти поддержку у Германии¹¹.

Но если в самом начале XX в. вопрос статуса Финляндии был достаточно эфемерным и все варианты решения данного вопроса представляли собой лишь разговоры или предположения, то тенденции к распаду самого Шведско-норвежского государства с каждым годом становились все более очевидными. Причем, как известно, Норвегия в своих стремлениях проводить независимую внешнюю политику все чаще обращала

свое внимание на Англию. Швеции требовалось колоссальное количество усилий, чтобы остановить центробежные тенденции, дополнительным источником же данных усилий справедливо могла бы послужить Германия. Однако попытки сохранить единое государство в качестве фактора проявления «прогерманизма» претерпели ряд неудач.

Вильгельм II поддерживал в этом шведского короля, поскольку Германии самой было выгодно, в случае начала войны, иметь на Севере в качестве союзника сильное государство. В письме Оскару II Вильгельм написал: «Швеция-Норвегия — одно из важнейших звеньев европейского союза германских народов»¹².

Бисмарк, на протяжении 1880-х гг. был также не прочь протянуть «руку помощи» шведскому королю, причем даже при условии привлечения России к решению в пользу Стокгольма вопроса, связанного с Норвегией. Однако в данном случае существовал ряд существенных проблем, которые свели данный план к нулю. Во-первых, российская сторона проявляла заметную пассивность по данному вопросу. Во-вторых, вмешательство России в существовавший конфликт явно вызвал бы бурную негативную реакцию у шведских консерваторов, которые определяли курс государства. В-третьих, в данный период конфликт еще не достиг той высшей степени накала и, следовательно, мог казаться тоже еще не столько существенным¹³.

Но с течением времени угроза разрыва унии Норвегией стала казаться Швеции куда серьезнее, чем раньше. Казалось бы, пришло время воспользоваться помощью Германии, которая раньше уже предлагала совместный план действий. Однако к середине 1890-х гг., когда ведущие страны Европы начали свой путь формирования военно-политических блоков, Швеция уже не могла найти безоговорочной поддержки со стороны Германии. Вильгельм допускал и предполагал помощь Швеции в решении вопроса борьбы с проявлениями «норвежского национализма», но только в том случае, если Швеция присоединится к Тройственному союзу. При этом важно еще учитывать, что само включение Норвегии в союз не предполагалось, поскольку она имела большое влияние Англии и России, что шло вразрез политике Германии. В результате, согласившись на подобный план, Швеция одномоментно подорвала бы любые отношения с Норвегией. В связи с этим в Стокгольме даже прогерманское правительство Эрика Бустрёма не пошло на подобный риск¹⁴.

Тем не менее в 1890-х гг. Швеция как никогда нуждалась в помощи Германии. Более того, кронпринц Густав подал даже прошение на конгрессе европейских держав о поддержке Швеции в вопросе о норвежской консульской службе. Но именно канцлер фон Бюлов и отклонил просьбу Густава, заметив, что, поскольку Швеция отказывается входить в воен-

ный союз с Германией, вмешательство Германии в вопрос норвежского консульства было бы «неуместно». Канцлер апеллировал возможной отрицательной реакцией России на подобное вмешательство в дела нейтрального государства¹⁵. Таким образом, Германия подписала смертный приговор шведско-норвежской унии.

В попытках вернуть авторитет в Норвегии шведы всячески пытались здесь поддерживать столь слабые прогерманские настроения, которые, в свою очередь, подкреплялись лишь доброжелательным отношением норвежцев к кайзеру в ответ на симпатии Вильгельма к Норвегии, а также торговыми связями между Германией и Норвегией¹⁶. Норвежские приверженцы прогерманской ориентации четко поддерживали курс на сохранение унии, поскольку она, по их мнению, была необходима в качестве инструмента усиления обороны государства. Но даже самые правые партии говорили о несправедливости в проблеме равноправия государств в совместной унии. Именно существующее правовое различие Норвегии и Швеции представлялось им самой настоящей опасностью¹⁷.

Несомненно, выход Норвегии из унии вызвал кризис в шведском государстве. Причем Германия явно пребывала в определенном замешательстве. Немецкий консул в Норвегии, неожиданно оказавшись в абсолютно ином, самостоятельном государстве, не получил никаких инструкций из Берлина¹⁸. Позже выяснилось, что Германия вообще не была заинтересована в решении данного вопроса. По утверждению шведского посла в Германии Арвида Таубе, это было связано с «неопределенностью будущего» данного вопроса¹⁹. Возможно, подобное поведение являлось ответом Германии и на отказ Швеции от включения в Тройственный союз. Но в любом случае Германия была явно заинтересована в стабильности на севере Европы.

Вильгельм II в ходе беседы с Оскаром II летом 1905 г., которая состоялась во время совместной их морской прогулки, вообще не обещал никаких гарантий помощи в решении норвежского вопроса. Кайзер ограничился лишь моральной поддержкой. В целом из произошедшего разрыва Германия смогла даже получить определенную выгоду, поскольку Швеция, оказавшаяся в глубоком кризисе, теперь как никогда нуждалась в защитнике, что помогло еще сильнее ее привязать к рейху²⁰.

Максимальную выгоду из сложившейся ситуации, получила Англия, которая смогла утвердить норвежский престол за родственником английского короля. Также Россия проявила большой интерес к новообразованному государству, признав первой его независимость. Таким образом, Петербург смог тоже достаточно безболезненно, мирным путем утвердить свое определенное влияние на Севере²¹. Германия же, в свою очередь, смогла укрепить лишь свои связи со Швецией. Однако сам факт

сохраняемого Стокгольмом принципа нейтралитета был все же далеко не на руку Берлину и выгода Германии здесь носила все же исключительно «теоретический» характер.

Однако в Швеции «прогерманисты», считая потерю Норвегии крупной неудачей своей страны, все чаще стали опять говорить о реванше, о восстановлении Великодержавия и о былом величии шведской короны на Балтике. Опору в подобных начинаниях они видели, несомненно, именно в Германии. Большинство «прогерманистов» осознавали необходимость отступления от «старых принципов» нейтралитета и считали важным готовиться к вступлению в грядущую войну. На основе данного мышления и появилось радикальное ответвление «прогерманизма» — движение шведских «активистов», выступавших за присоединение к Тройственному союзу, т. е. за восстановление былого величия Швеции.

Учитывая это, можно сказать, что расторжение шведско-норвежской унии являлось сильнейшим катализатором в становлении шведского «прогерманизма». Данное движение обрело большое количество сторонников в лице ярчайших политических и общественных деятелей, таких как Свен Хедин, Рудольф Челлен, Адриан Мулин, будущий король Густав V и др. Мнение прогерманских деятелей будет иметь вес в решении внутри- и внешнеполитических вопросов, а также в вопросах формирования общественного мнения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скотт С. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие. М., 2011. С. 54.

² Staden och länet. Verldsstyrelse ex kathedra // Tidning för Wenersborgs stad och län. 1898. 03.03.

³ Патрушев А. И. Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М., 2008. С. 353; Hedin S. Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig, 1938. S.9.

⁴ Ohlsson I. Statistiska Centralbyrån Historisk statistik för Sverige. Del 3. Utrikeshandel 1732–1970. Stockholm, 1972. С. 215.

⁵ Ibidem.

⁶ Мирской А. Европейская война и нейтральная Швеция // Русская мысль. 1914. № 11. С. 32.

⁷ Åselius G. The «Russian menace» to Sweden: The belief system of a small power security élite in the age of imperialism. Stockholm, 1994. S365.

⁸ Wippermann W. Der «deutsche Drang nach Osten»: Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981, P. 87.

⁹ Hirschhausen U. von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen 2006. S.364.

¹⁰ Шиловский Л. Введение // Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 4–5.

¹¹ Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionensupplösning. Åbo, 1969. S.176.

¹² Цит. по: Гриценко С. А. «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916) // Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2016. С. 87.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Lindberg F. Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Köln, 1970. S.43.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Секретная телеграмма посла России в Германии Н. Д. Остена-Сакена. 11 июня 1905 г. // Признание Россией норвежского независимого государства. Сборник документов. М., 1958. С. 15.

¹⁷ Гриценко С. А. «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916). С. 99.

¹⁸ Секретная телеграмма Ф. А. Будберга с ответом на запрос о позиции других держав в отношении Норвегии. 7 июня 1905 г. // Признание Россией норвежского независимого государства. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 26–27.

²⁰ Донесение русского поверенного в делах в Стокгольме К. Б. Сталь фон Гольштейна министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу. 21 июля 1905 г. // Признание Россией норвежского независимого государства. С. 30–31.

²¹ Lindberg F. Skandinavien und das Deutsche Reich. S. 174.

ЛИТЕРАТУРА

Гриценко С. А. «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2016. 280 стр.

История Швеции. М., 1974. 719 стр.

Мирской А. Европейская война и нейтральная Швеция // Русская мысль. 1914, № 11. С. 31–36.

Патрушев А. И. Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М.: Междунар. ун-т, 2008. 702 стр.

Признание Россией норвежского независимого государства. Сборник документов. М. Соцэкгиз, 1958. 102 стр.

Скотт С. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие. М.: Ломоносовъ, 2011. 401 стр.

Шиловский Л. Введение // Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1903. С. 2–5.

Hedin S. Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1938. 255 S.

Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionensupplösning. Åbo: Åbo akademi, 1969. 197 S.

Lindberg F. Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Köln: Verlag Wissenschaft u. Politik, 1970. S. 161–182.

Ohlsson I. Statistiska Centralbyrån Historisk statistik för Sverige. Del 3. Utrikeshandel 1732–1970. Stokholm: AB Allmänna Förlaget, 1972. 348 S.

Staden och länet. Verldsstyrelse ex kathedra // Tidning för Wenersborgs stad och lään. 1898. 03.03.

Ulrike von Hirschhausen: Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 430 S.

Wippermann W. Der «deutsche Drang nach Osten»: Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 153 S.

Åselius G. The «Russian menace» to Sweden: The belief system of a small power security élite in the age of imperialism. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 1994. 455 P.

Д. А. Бажанов

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ: КОНТАКТЫ ДЕПУТАТОВ СЕЙМА ФИНЛЯНДИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВКГД В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о политическом будущем Финляндии в контексте революционных событий поднимался неоднократно. В то же время в 1920 — начале 1960-х гг. эта проблема рассматривалась исключительно с позиции развития революционных событий в России¹. Как более или менее самостоятельный процесс ситуацию в Финляндии стали рассматривать в 1960–1970-е гг.²

Вторая половина 80-х гг. дала всплеск интереса исследователей к проблемам, посвященным национальной политике императорской России и отдельным ее направлениям в отношении Финляндии и финнов, который не исчез и сегодня³. В 1990-е гг. работа ученых по изучению положения Финляндии в революционный период истории России продолжилась⁴. В то же время обстоятельства принципов выстраивания взаимоотношений между Временным правительством и представителями финляндской политической элиты оставались в тени.

Главным отличием зарубежной историографии является восприятие общественно-политического положения Финляндии в 1917 г. в качестве самостоятельной проблемы. Однако основной акцент делается на рассмотрении аспектов политического противостояния органов власти Финляндии и русских центральных и местных властей⁵, либо на обстоятельствах признания суверенитета Финляндии Советским правительством⁶. Еще одним подходом исследований является институциональная история, рассматривающая становление и эволюцию политических институтов Финляндии в рассматриваемый период⁷.

В работах последних лет историки стали обращать некоторое внимание на положение дел в Финляндии в дни Февральской революции. Так, И. Н. Новикова в своих работах, посвященных борьбе за влияние на финляндское общество между Германией и Россией, отметила важность для

судеб Финляндии позиции представителей русских гражданских и военных властей в Петрограде и Гельсингфорсе в февральско-мартовские дни, что привело к ликвидации прежней администрации. Однако действия другой стороны она рассматривала лишь в рамках переговоров с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом А. И. Непениным 3 марта и затем через публикацию 7 марта Конституционного акта. В то же время она отметила дату отъезда делегации финляндских депутатов в Петроград⁸. Как шаг в выстраивании отношений с революционными властями в России этот визит оценен и в новейших работах⁹. Упомянул об этой поездке и Л. В. Власов, почему-то сделав акцент на встрече ее представителей с депутатами Петроградского совета¹⁰. Обстоятельства ареста Ф. А. Зейна и М. М. Боровитинова, а также контактов А. И. Непенина по этому поводу 2–3 марта с ВКГД попали в поле зрения профессора А. В. Смолина¹¹. Для него они, впрочем, представляли интерес как контекст деятельности командующего флотом в решающие революционные дни. Положение дел в Петрограде, в том числе и обстоятельства захвата стат-секретариата Великого княжества Финляндского, а также первые шаги назначенного Временным комитетом Государственной думы комиссаром Ф. И. Родичева, затронул в своем фундаментальном исследовании А. Б. Николаев¹². Однако, поскольку его интересовала в первую очередь деятельность ВКГД, то дальнейшая деятельность Ф. И. Родичева в Гельсингфорсе, позиция его товарища Д. Д. Протопопова остались неохваченными. Таким образом, основным выводом можно считать идею о процессе суверенизации Великого княжества, начатой по инициативе Временного правительства в конце первой декады марта. В то же время обнаруженные нами упоминания представляют картину иначе.

Революционные события в Петрограде оставались до 26 февраля 1917 г. практически неизвестными русским военным и гражданским властям в Финляндии. На эту мысль наводят, прежде всего, их действия в последние дни февраля. Так, командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин получил первое тревожное сообщение из столицы в 4 ч. 50 мин. утра 26 марта. В телеграмме из Морского генерального штаба (МГШ) за подписью капитана I ранга графа А. П. Капниста, ссылаясь на приказ командующего Петроградским военным округом генерал-лейтенанта С. С. Хабалова, содержался запрет на увольнение нижних чинов морских команд. О серьезности положения свидетельствовало дополнение: «Увольнение же по необходимым служебным делам ограничить до минимума»¹³. В то же время никакой информации о причинах распоряжения, о положении дел в столице не сообщалось. Полковник Д. Л. Казанцев, служивший старшим цензором Финляндской военной цензуры, отметил, что вечером 26 февраля «оборвалась связь

Петроградом по имперскому телефону, которым могли пользоваться исключительно военные власти»¹⁴.

О том, насколько слабо были информированы в Гельсингфорсе, свидетельствуют и еще два обстоятельства. Во-первых, 27 февраля в Петроград отправился начальник 2-й бригады контр-адмирал А. К. Небольсин, причем, по словам Д. Л. Казанцева, «для ориентации его [А. И. Непенина. — Д. Б.] в происходящем там»¹⁵. Во-вторых, 1 марта по приказанию командующего были допрошены моряки, вернувшиеся из столицы 27–28 февраля. Материалы их рассказов позволяют сделать вывод, что основной причиной стало желание понять особенности обстановки, роль личностей в событиях¹⁶.

27 февраля генерал-губернатор Финляндии получил извещение из столицы о взятии под контроль восставшими Финляндского вокзала. Далее генерал-лейтенант Ф. А. Зейн сообщал командующему флота: «Мною предложено главному директору Финляндских казенных железных дорог и начальнику Жандармского полицейского управления этих дорог принять все зависящие меры к поддержанию на дороге порядка и непрерывного движения с доведением поездов возможно ближе к Петрограду. Равным образом предлагаю губернаторам всеми имеющимися в их распоряжении средствами не допустить, чтобы беспорядки перекинулись в пределы края, а в случае возникновения таковых пресекать их в самом начале, безотлагательно задерживать агитаторов и зачинщиков и вообще действовать энергично и решительно, при недостаточности же полицейских средств обращаться, на точном основании закона, к содействию войск»¹⁷. Однако около 20 часов вечера того же дня в штабе была принята телефонограмма от помощника коменданта станции «Гельсингфорс» подпоручика И. Фиверского, в которой сообщалось, что «поезда, идущие в Петроград, будут доходить только до Белоострова впредь до особого распоряжения»¹⁸. Д. Л. Казанцев в своих воспоминаниях указывал, что на решение генерал-губернатора «изолировать край от заразы» повлиял начальник Финляндского жандармского управления генерал-майор А. М. Еремин¹⁹.

Тем временем в Петрограде без вооруженного сопротивления было занято здание статс-секретариата Великого княжества, расположенного на Екатерингофском пр., д. 39. По поручению Временного комитета Государственной думы 1 марта туда направился комиссаром Ф. И. Родичев, привлечший депутатов И. М. Рамота и Д. Д. Протопопова²⁰. Сам Ф. И. Родичев был весьма лаконичен в своих воспоминаниях, отметив только, что «делопроизводитель встретил меня как ни в чем не бывало и сразу стал докладывать о текущих делах»²¹. Поначалу особенной активности в принятии решений не проявили. Однако 2 марта ситуация изменилась.

Прежде всего, это изменение связано с оценкой из Петрограда положения дел в Финляндии.

Наиболее емкую характеристику дал А. П. Капнист в разговоре по прямому проводу с А. И. Непениным около 23 ч. 30 мин., сообщив, что в Петрограде говорят о «сильном возбуждении» против Ф. А. Зейна и председателя хозяйственного департамента Сената М. М. Боровитинова в Финляндии. В столице полагали, что местное население может выступить в ближайшее время против них, а первым шагом станет забастовка железнодорожников²².

Однако в Великом княжестве общественно-политическая обстановка была в это время спокойной, а железная дорога функционировала вполне исправно. Представляют показания, снятые с нижних чинов, прибывших из Петрограда 28 февраля. Нами были обнаружены рассказы двух групп военных моряков с линейного корабля «Полтава» об их пути в Гельсингфорс. В первую группу входили комендоры Ю. Климук и Г. Корнилов, которые пытались уехать из столицы в Финляндию около полудня 27 февраля. Сделать это им не удалось, т. к. в это время вокзал был занят толпой, и движение поездов было прервано. Они отправились по железнодорожным путям. Поздно вечером, по-видимому, уже после распоряжения Ф. А. Зейна, им удалось сесть на станции «Удельная» на товарный поезд до Выборга. Оттуда они беспрепятственно добрались в Гельсингфорс²³. Кочегар I статьи П. Я. Моисеев прибыл в Петроград на Николаевский вокзал около 9 часов утра. Затем он сумел добраться до Финляндского вокзала, но уехать оттуда не представлялось возможным. Тогда П. Я. Моисеев пешком добрался до Белоострова к 22 часам, отправившись оттуда на поезде в Гельсингфорс²⁴. Также 28 февраля и 1 марта из Петрограда в Гельсингфорс прибыли кочегарный унтер-офицер Лящук и кочегар II статьи Скворцов с миноносца «Лихой», причем также без значительных затруднений добравшиеся до Белоострова, а оттуда — к месту службы²⁵. Информация, сообщенная нижними чинами, также не дает оснований утверждать и о перебоях в работе железной дороги на территории самой Финляндии.

Каким образом сложилось это мнение в столице, и откуда оно исходило? Если рассматривать мотивы, то основным проявлением «неблагонадежности» финляндского генерал-губернатора считалось, по-видимому, прекращение железнодорожного сообщения с Петроградом. Однако есть еще одно обстоятельство, о котором сообщил Д. Л. Казанцев. 1 марта, по его словам, генерал-губернатор отправил в Псков «телеграмму с выражением верноподданных чувств государю императору от войск и населения Финляндии», которая стала известна в Таврическом дворце²⁶. Однако эти мотивы не дают возможности определить источник ин-

формации об упомянутом А. П. Капнистом «возбуждении» против представителей царской администрации. Представляется, что это мнение было либо вымышленным для оправдания решения о смене российских властей в Великом княжестве, либо основывалось на контактах с теми, кто был заинтересован в смене генерал-губернатора и намеренно искажал информацию, либо в завуалированной форме шантажировал ВКГД.

Основным сторонником этой точки зрения А. Б. Николаев, единственный затронувший проблему, счел Ф. И. Родичева. Аргументом служили уже упоминавшиеся переговоры А. П. Капниста с А. И. Непениным. Однако активную роль в событиях этих дней играл также и Н. В. Некрасов, взявший на себя вопросы охраны революционной столицы. А. Б. Николаев привел целый ряд примеров, подтверждающих его роль²⁷. К тому же вопросы, связанные с железнодорожным сообщением, были профессиональной сферой Н. В. Некрасова. Именно он, закончив Санкт-Петербургский институт путей сообщения и неоднократно выступая в Думе по этим вопросам, мог воспринимать действия Ф. А. Зейна как борьбу с революцией в Петрограде. Ф. И. Родичев же, вспоминая впоследствии события тех дней, считал саму возможность восстания в Финляндии маловероятной, т. к. это «было бы не похоже на финнов»²⁸. Немаловажной представляется и позиция Д. Д. Протопопова, не чуждого проблемам Финляндии, где он отбывал в 1895–1898 гг. административную ссылку. Именно он первым связался со штабом Балтийского флота и сообщил о необходимости замены представителей высшей царской администрации.

Итак, в Гельсингфорсе флотское командование впервые об этом узнало во время переговоров по прямому проводу между капитаном II ранга В. В. Романовым и Д. Д. Протопоповым. Также помощник Ф. И. Родичева настаивал на срочном вызове в Петроград профессора Гельсингфорского университета барона С. А. Корфа. При этом он предлагал «не стесняться ночным временем» и вызвать С. А. Корфа немедленно. Разговор состоялся около 23 часов 2 марта²⁹. Однако командующий флотом, по-видимому, посчитал для себя преждевременным делать выводы на основании этой беседы.

В дальнейшем, по-видимому, из статс-секретариата связались с представителями Временного комитета Государственной думы, в частности, с Н. В. Некрасовым, отправившим телеграмму А. И. Непенину и командующему 42-м корпусом генерал-лейтенанту А. А. Гулевичу о намерении Временного правительства восстановить «нарушенные старым режимом основные законы Финляндии и провести в связи с этим скорейший созыв Сейма и образование общественного Сената»³⁰. Также было оказано воздействие на МГШ. Именно этим мы объясняем небольшой перерыв

между сообщением Д. Д. Протопопова и упоминавшимися переговорами А. П. Капниста и А. И. Непенина, последовавшими в 23 часов 30 мин.

Помимо общей характеристики создавшегося положения в этих переговорах заслуживают упоминания три момента. Во-первых, А. П. Капнист, со ссылкой уже на Ф. И. Родичева, сообщил о необходимости ареста Ф. А. Зейна и М. М. Боровитинова для их же безопасности. При этом он добавил, вероятно, намекая на то, что это пожелание носит официальный характер, что Родичев, если это необходимо, готов организовать отправку телеграммы командующему от имени главы Временного правительства князя Г. Е. Львова³¹. Во-вторых, сам А. И. Непенин, соглашаясь на эту меру и даже говоря, что генерал-губернатора и председателя Хозяйственного департамента должна постигнуть одинаковая судьба, т. к. их «черт связал веревочкой», видел ситуацию в Финляндии по-иному. В частности, он высказывал опасение, что «резкое возвращение порядков управления Финляндией <...> прибавит лишь волнение и беспокойство в сравнительно спокойной стране»³². Можно согласиться с выводом А. В. Смолина, что знакомство думцев с финляндскими делами было «очень приблизительным»³³. И, наконец, в-третьих, в обнаруженной копии этого разговора, отложившейся в другом архивном деле, найдено дополнение, свидетельствующее в пользу версии, что источником информации для думцев были сторонники смены власти в Финляндии. А. П. Капнист упомянул, что «финляндцы также настаивают[,] и, по-видимому, правительство будет также требовать устранения русских сенаторов [из Финляндского сената. — Д. Б.] [с] заменой их финляндцами»³⁴.

В 3 часов 42 мин. 3 марта за подписью Н. В. Некрасова в штабе флота было получено новое распоряжение, по сути, дублировавшее предложение Д. Д. Протопопова. Вместе с Ф. А. Зейном аресту должен был подвергнуться и М. М. Боровитинов, которых предписывалось разместить «на одном из броненосцев эскадры». В дальнейшем Н. В. Некрасов указывал на необходимость «войти в сношения [с] вождями партий Финляндского сейма по вопросу о немедленном созыве сейма и образовании общественного Сената»³⁵. Это означало, что контакты русских официальных военных властей края и представителей финляндской политической элиты были санкционированы официально.

Распоряжение Н. В. Некрасова командующий флотом оперативно выполнил. Уже в 6 часов 20 мин. из штаба флота передали в Петроград телеграмму на имя М. В. Родзянко: «Генерал Зейн и камергер Боровитинов арестованы и содержатся под стражей на моем флагманском корабле. Завтра будут переведены на соответствующее судно. Приказал опечатать их кабинет и приставить часовых, что исполнено». Далее А. И. Непенин сообщил, что в исполнение обязанностей генерал-губернатора он при-

казал вступить сенатору А. И. Липскому, а заменить М. М. Боровитинова — вице-адмиралу А. А. Вирениусу. На утро командующий предполагал встретиться с лидерами партий, представленных в Сейме³⁶.

В декабре 1915 г. Финляндский сейм был распущен. Новый Сейм, выборы которого прошли 1–3 июля 1916 г., получил прозвище «красный». Это было связано с победой Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ), набравшей более 47% голосов и получившей 103 места из 200. 33 места получили представители Финской партии (часто называемой Старофиннской), 23 — Младофиннской, 21 — Шведской и 19 — Аграрного союза³⁷.

Установить полностью состав присутствовавших депутатов Сейма на сегодняшний день не удалось. Известно, что на встрече, состоявшейся около 17 часов 3 марта, были О. Токой, К. Каллио, Л. Эрнрут, Р. Холсти, Ю. Паасикиви. Также был приглашен не попавший в Сейм, но пользовавшийся авторитетом К. Стольберг³⁸. О значении, которое придавалось беседе, свидетельствует тот факт, что командующий флотом, несмотря на рост напряженности среди русских воинских частей в Гельсингфорсе, обусловленный задержкой информации об отречении Николая II, все же нашел время провести ее. Показательно также, что сообщение об этом было отправлено в Петроград в 20 часов, следом за двумя телеграммами о начале бунта среди экипажей. По-видимому, вице-адмирал А. И. Непенин сообщил о произошедших изменениях в столице и о планах нового правительства. В ответ он, по его словам, получил заверения К. Стольберга, что депутаты сейма и руководство партий «постараются поддержать порядок»³⁹.

Неизвестно, кто был автором инициативы, но после этой встречи финляндские депутаты быстро собрали делегацию в Петроград. Она выехала в столицу вечером 3 марта⁴⁰. По-видимому, они ехали тем же поездом, что и арестованные Ф. А. Зейн и М. М. Боровитинов, которые под охраной начальника шифровального отдела МГШ капитана II ранга В. В. Романова и четырех матросов были отправлены в специальном вагоне. Сообщение об этом А. И. Непенин отправил в столицу в 20 часов 20 мин., т. е. в разгар кровопролития на крупных кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы⁴¹. Отъезд делегации выглядит достаточно странно, если принять во внимание, что ставший комиссаром по делам Финляндии Ф. И. Родичев ожидался командующим флотом в течение всего 3 марта в Гельсингфорсе. Фактически он выехал туда в ночь на 4 марта⁴². Однако стоит принять во внимание отсутствие точной информации по этому вопросу, а также расчет депутатов на прямые встречи с членами правительства.

В результате сложилась ситуация, когда контакты финляндских парламентариев и представителей русских официальных властей шли в Петрограде и Гельсингфорсе. В Петрограде делегаты встретились 4 марта

с Д. Д. Протопоповым. В тот же день на заседании правительства было принято принципиальное решение «отменить действие закона 17 июня 1910 г., поручив министру-председателю представить проект соответствующего указа»⁴³. Получив это известие, депутаты отправили запрос о своих дальнейших действиях. В тот же день они получили разрешение возвращаться⁴⁴. Однако тогда по неизвестным причинам этого сделано не было. Возможно, что депутаты вели дальнейшие консультации с Д. Д. Протопоповым по формулировкам и ожидали документального подтверждения решения правительства. 7 марта была опубликована правительственная декларация, более известная как «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме»⁴⁵. В тот же день генерал-губернатором был назначен М. А. Стахович, а его товарищем — барон С. А. Корф. Была также подтверждена отставка А. И. Липского, директора канцелярии финляндского генерал-губернатора Н. Н. Горлова и чиновников особых поручений А. Н. Мясоедова и М. Ф. Ганскау⁴⁶. По сути, эти меры открывали возможности для изменений состава и роли Сената, т. е. произошло то, о чем говорил 2 марта А. П. Капнист. В этих условиях 8 марта представителям Сейма было повторно рекомендовано возвратиться, т. к. основной центр политических событий Финляндии опять оказывался в Гельсингфорсе. Вернуться предписывалось О. Токою, Л. Эрнруту, Р. Холсти, В. Таннеру. Делегацию должны были представлять Э. Гюллинг, Л. Холстен и К. Вийк⁴⁷.

В Гельсингфорсе 5–7 марта прошли встречи Ф. И. Родичева с К. Стольбергом и М. Туркия. На них присутствовал и новый командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. С. Максимов. Так как полномочия Ф. И. Родичева, ввиду работы по отмене ограничительного законодательства Д. Д. Протопопова, финской делегации и Временного правительства в Петрограде, выглядели несколько декоративно, то основным вопросом, который там затрагивался, стало восстановление финских войск. Эта идея, несколько раз поднимавшаяся в период войны, нашла отклик у Ф. И. Родичева. Он и А. С. Максимов отправили телеграмму в Петроград с предложением принять предложение, полагая, что эта мера «высоко полезная для обороны [и] привяжет финнов к России»⁴⁸. Однако в Петрограде на это смотрели сдержанно, о чем 7 марта от имени правительства Родичева проинформировал Д. Д. Протопопов, отметив: «Вопрос [о] финляндских частях вряд ли можно поднимать теперь[,] князь Львов того же мнения»⁴⁹. Назначение М. А. Стаховича делало излишним присутствие Ф. И. Родичева в Гельсингфорсе, и переговоры прервались. В то же время финляндскими политиками был поднят еще один вопрос, обсуждение которого станет существенным в контактах с новой российской администрацией в Финляндии уже весной 1917 г.

Таким образом, контакты русских военных и новых гражданских властей с представителями финляндской политической элиты в лице депутатов Сейма были санкционированы из Петрограда в ночь со 2 на 3 марта. Это было связано с ошибочным представлением в столице об общественно-политической обстановке на территории Великого княжества. Вопрос об источниках информации о положении дел в Финляндии остается открытым. Не исключено, что это представление формировалось через неофициальные контакты представителей финляндских политических кругов с думскими деятелями. Во всяком случае, оно соответствовало их пожеланиям.

Выразителями точки зрения, что гарантией спокойствия может стать полная смена гражданской власти в Гельсингфорсе, были товарищ комиссара Временного комитета Государственной думы в статс-секретариате по делам Финляндии Д. Д. Протопопов, член ВКГД и Временного правительства Н. В. Некрасов, а также, отчасти, комиссар по делам Финляндии Ф. И. Родичев. В этих условиях для них опора на влиятельных представителей Сейма и политических деятелей Финляндии представлялась гарантией спокойствия населения. В свою очередь, финляндские депутаты рассчитывали донести основные пожелания по реформированию системы управления Великим княжеством в пользу возвращения прав автономии.

Получив 3 марта на встрече с командующим Балтийским флотом вице-адмиралом А. И. Непениным информацию об аресте верхушки имперской администрации, а также об изменениях в органах власти в Петрограде, депутаты отправили на переговоры делегацию, куда вошли представители от основных партий, представленных в Сейме. Именно эти представители, приехав в столицу, прямо или косвенно повлияли на подготовку текста «Акта об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме» от 7 марта. Этот документ впервые обозначил новые реалии политического существования Финляндии.

В то же время в Гельсингфорсе велись переговоры представителей политической элиты с комиссаром по делам Финляндии Ф. И. Родичевым. На них были подняты другие актуальные проблемы, в том числе вопрос о восстановлении регулярных финских войск. Однако после известия о назначении нового генерал-губернатора эти переговоры потеряли значение. Главным итогом этих дней следует считать проведение подготовительной работы по реформе статуса Финляндии и установление круга вопросов для дальнейшего обсуждения. И важнейшую роль в этом процессе сыграло взаимодействие между депутатами Сейма и представителями ВКГД.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Торнийainen Э.* Рабочая революция в Финляндии. М. — Пг., 1919.; Финляндская революция. Сборник статей. М., 1920; *Смирнов В. М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933; *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965.

² *Сюкиайнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; *Дусаев Р. Н.* Образование независимого Финляндского государства // Вестник ЛГУ. 1975. Вып. 1. № 5. С. 88–95.

³ *Ошеров Е. Б., Суни Л. В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; *Соломещ И. М.* Финляндская политика в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) Петрозаводск, 1992; *Новикова И. Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX вв.). М., 1997. С. 5–17.

⁴ *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России. Партии, массы, власть. СПб., 1994. С. 308–323; *Чистиков А. Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // Интервенция на Северо-западе России 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 159–174; *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. СПб., 1997. С. 6–32.

⁵ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 — Toukokuu 1918. Porvoo-Helsinki, 1967; *Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo-Helsinki-Juva, 1983; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997; *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 564–570.

⁶ *Кетولا Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45; *Вихавайнен Т.* От февральского манифеста к Освободительной войне // Два лика России. Сб. ст. / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 151–163.

⁷ *Tuynilä M.* Senaatti: Tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809–1918. Helsinki, 1992; *Torvinen T.* Autonomian ajan senaatti: Itsenäistymisen ja valtiomuototaistelun aika 1917–1919 // Valtioneuvoston historia 1917–1966. Helsinki, 1977. Osa I. S. 119–127.

⁸ *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны (далее — «Финская карта» в немецком пасьянсе). СПб., 2002. С. 136–137; *Новикова И. Н.* От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 108–109.

⁹ *Витухновская-Кауппала М.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131; *Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н., Сюнберг К.* Изменения в Сенате Финляндии под влиянием Февральской революции в России // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. С. 313–323.

¹⁰ *Власов Л. В.* Междоусобная война в Финляндии на фоне революционных событий 1918 года. СПб., 2009. С. 28.

¹¹ Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. (далее — Два адмирала). СПб., 2012.

¹² Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года (далее — Думская революция). СПб., 2017. Т. 1. С. 530–531, 546–569.

¹³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁴ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 54.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 101–117.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 54.

²⁰ Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 460.

²¹ Rodichev F. I. *Vospominania I ocherki o russkom liberalisme*. Newtonville, 1983. P. 104.

²² РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 71 об.

²³ Там же. Л. 106–106 об.

²⁴ Там же. Л. 105.

²⁵ Там же. Л. 110–112.

²⁶ Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. С. 59.

²⁷ Николаев А. Б. Думская революция. Т. 1. С. 533.

²⁸ Rodichev F. I. *Vospominania I ocherki o russkom liberalisme*. P. 108.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 62.

³⁰ Там же. Л. 70.

³¹ Там же. Л. 71.

³² Там же. Л. 72; Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

³³ Смолин А. В. Два адмирала. С. 77.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 85–86.

³⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 29.

³⁷ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 115–117, 119; Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 137.

³⁸ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 136; Новикова И. Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 108; Витухновская-Кауппала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты. С. 119–120.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 94; Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 206.

⁴² См. подробн.: Бажанов Д. А. Процесс создания органов революционной власти в Гельсингфорсе 2–4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2018. С. 75–77, 80.

⁴³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март-апрель 1917 года. М., 2001. С. 48–49.

⁴⁴ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 151.

⁴⁵ Вестник Временного правительства. 1917. № 3. 8 марта.

⁴⁶ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 200; *Polvinen T. Venajan vallankumous ja Suomi, 1917–1920. S. 24; Витухновская-Кауппала М.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты. С. 120.

⁴⁷ РГАМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 114. Л. 25.

⁴⁸ Там же. Д. 538. Л. 191.

⁴⁹ Там же. Д. 113. Л. 200.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Процесс создания органов революционной власти в Гельсингфорсе 2–4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб.: Элексис, 2018. С. 72–84.

Витухновская-Кауппала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель — ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131.

Дусаева М. Р., Дусаев Р. Н., Сюнберг К. Изменения в Сенате Финляндии под влиянием Февральской революции в России // Альманах североευропейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. С. 313–323.

Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 592 стр.

Новикова И. Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 107–127.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 300 стр.

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 стр.

Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России. Партии, массы, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 308–323.

Polvinen T. Venajan vallankumous ja Suomi. O. I. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtio, 1967. 323 S.

В.-Т. Васара

ЗНАЧЕНИЕ ВЕСТЕРБОТТЕНА И ФИННМАРКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО КАРЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Интерес к судьбе финноязычного населения северо-запада Швеции (Вестерботтен) и Северной Норвегии (Финнмарка) стал частью общего подъема национального вопроса, породившего в 1840-е гг. в Финляндии так называемую «соплеменную» идеологию. В соответствии с ней национальность и язык образуют единое целое, и существование нации никак не связано с политической действительностью. В начале 1920-х гг. основные элементы той идеологии сохраняли свою актуальность. Но, несмотря на то что внешние условия и само финское общество коренным образом изменились и основная цель — независимость Финляндии — была достигнута, в крайне правых кругах по-прежнему вынашивались экспансионистские планы создания «великой Финляндии». Однако старая проблема Вестерботтена и Финнмарка с их финноязычным населением оставалась серьезным препятствием на этом пути.

Если говорить о «соплеменной» деятельности в Финляндии, то для неё «золотым временем» стали 1920–1930-е гг. Одним из главных пропагандистов политики «великой Финляндии» было Академическое карельское общество (*фин.* АКС), основанное 22 февраля 1922 г. студентами университета Хельсинки. Программа АКС предлагала присоединить Восточную Карелию и Ингерманландию к Финляндии, считая, что они исторически ей принадлежали. Поэтому эти районы должны были быть «освобождены» финнами. Эту идею мотивировали также задачами обороны Финляндии с Востока. Граница должна была проходить по линии Свирь — Онежское озеро, так как жители «великой Финляндии» еще 1000 лет назад населяли территорию от Ладожского и Онежского озер до Белого моря. Другое дело, что Швеция и Россия, начиная с мирного договора 1323 г., дробили эту «истинно финскую территорию»¹. В зависимости от времени понятие «великая Финляндия» получало различные

определения. В межвоенный период крайне правые обычно говорили о бесспорном праве Финляндии только на Беломорскую и Онежскую Карелию и Ингерманландию.

При этом о дальнейшей устройстве этих областей ничего не говорилось. Этот пункт программы оставался неясным и впоследствии. Судя по всему, Финляндия довольствовалась бы тем, что финно-угорские племена Вестерботтена и Финнмарка, ингерманландцы Эстонии и другие соплеменные народы, находившиеся на территории Прибалтики, получили бы защиту прав национальных меньшинств и гарантию сохранения гражданства и языка. Затем в терминологии АКС закрепилось её целевая установка «быть нечистой совестью нации по карельским делам»², то есть постоянно напоминать соотечественникам о нерешенной задаче освобождения Карелии.

Из-за отсутствия многих архивных документов Академического карельского общества, полностью судить о размахе его деятельности по проблеме Вестерботтена и Финнмарка сложно. Однако с помощью доступных современному исследователю архивных материалов и, прежде всего, публицистики АКС, можно получить представление о продолжительности и решительности соплеменной деятельности этого общества на Севере Швеции и Норвегии.

На страницах главного печатного органа Академического карельского общества «Суомен Хеймо» первая статья, посвященная Вестерботтену, появилась в 1924 г. Через год журнал опубликовал объемную статью в пяти частях о «шведизации» финноязычного населения Вестерботтена³. Надо отметить, что в «Суомен Хеймо» Вестерботтен и Финнмарк не пользовались столь пристальным, вниманием как советская Карелия и Ингерманландия, которые, безусловно, были главными объектами политики будущей «великой Финляндии». Но и о Вестерботтене и Финнмарке в журнале писали тоже, причем систематически. В нем публиковали не только статьи, связанные с историей и этнографией финнов этих районов и их современной повседневности, но также подробные описания развития национального и языкового вопросов на шведском и норвежском Севере. Публиковались письма жителей этих районов, а также теоретические материалы по этнической политике и пр. На страницах «Суомен Хеймо» образу квена (вестерботтенского финна) и финна долины реки Торнео придавались романтические черты. Их характеризовали смелыми и привлекательными, преданными чистоте и порядку. Их духовная жизнь находилась пока не на очень высоком уровне, но они обладали способностью жадно впитывать новую информацию, оставаясь носителями народной культуры. В этом качестве они служили основой Севера Швеции и Норвегии, без которой было невозможно представить вообще северную культуру.

Ситуация за северо-западной границей Финляндии значительно отличалась от положения соплеменных финнам народов на территории Советского Союза. Поэтому и практическая деятельность Академического карельского общества на Севере должна была быть иной. Ядром деятельности общества в Вестерботтене и Финнмарке стало распространение просвещения среди финноязычного населения. Эта деятельность АКС встречалась с немалыми сложностями. Уже в 1924 г. из Вестерботтена сообщили о препятствиях в распространении финской прессы и литературы. По сведениям общества, конфискация посылок шведской почтой была типичным явлением⁴. Чтобы избежать возможных конфликтов со шведскими властями, в обществе придерживались открытых действий в рамках закона. При этом главными методами работы оставались доставка финской прессы и литературы, отправление агитаторов в Швецию и Норвегию и основание там финских молодежных и просветительских клубов. Не менее важным считали распространение информации в зарубежную прессу о нарушении принципа свободы печати в Вестерботтене и Финнмарке, что могло поставить под вопрос репутацию Швеции и Норвегии на международной арене⁵.

В межвоенный период, когда в Финляндии сложилась непростая внутривнутриполитическая ситуация, Академическое карельское общество подчеркивало, что финнам надо забыть свои внутренние разногласия ради соплеменных народов. Важной частью соплеменной работы общества было распространение информации в Финляндии о вопросе в Вестерботтене и Финнмарке. С этой целью организовывались различные мероприятия и активные выступления в финской прессе. Уже начиная с 1922 г. студенты Хельсинкского университета вместе АКС организовывали этнографические экскурсии в Вестерботтен для изучения ситуации на местах⁶. В дальнейшем общество создавало свои планы действий согласно собранному таким образом материалам. Секция Вестерботтена, организуя митинги каждую вторую неделю, стала динамично развиваться⁷. Наметился и план организации специального «соплеменного радио». Отсутствие достаточной инфраструктуры, особенно в Северной Норвегии, и постоянные проблемы на границе, привело к проектам создания радиостанции в финской Лапландии, в городе Рованиеми, которую можно было бы слушать также в Вестерботтене и Финнмарке. Этот план обсуждали весной 1930 г. на общем собрании Академического карельского общества, где также прозвучало два доклада о «кризисе» в Вестерботтене. Использование радио в пропагандистских целях получило поддержку членов общества, и на собрании был избран отдельный комитет для осуществления этого проекта. Однако впоследствии идея рухнула из-за практических проблем⁸. Между тем в 1926 г. в норвежском консервативном

студенческом журнале «Минерва» вышла статья под названием «Северная угроза». В ней рассматривались как расовые подходы в этнической политике Финляндии, так и ее стремление «феннизировать» Финнмарк, чтобы получить выход к норвежской части Северного Ледовитого океана. Статья вызвала громкий резонанс в Финляндии, особенно в студенческих кругах⁹. Безусловно, в Академическом карельском обществе строго осудили статью. Можно даже говорить о том, что именно после нее в обществе активизировался вопрос о Финнмарке.

И неслучайно следующий, 1927 год стал переломным для организации соплеменной деятельности в Академическом карельском обществе. До этого в АКС существовал лишь общий соплеменный отдел, который в основном занимался помощью карельским беженцам в Финляндии. В 1927 г. соплеменный отдел разделился на четыре подсекции: карельскую, ингерманландско-эстонскую, вестерботтенскую и финнмаркскую¹⁰. В том году особый интерес уделяли именно Вестерботтену и Финнмарку.

Кроме статьи «Северная угроза» такой специализации предшествовали некоторые события, имевшие тот же результат. В 1927 г. на митинге студентов скандинавских университетов финны предлагали официально поставить вопрос о Вестерботтене. По инициативе землячества университета Хельсинки в течение 1926–1929 гг. студенты университета, многие из которых были членами АКС, начали открытую переписку со шведскими студентами университета Упсала по поводу ситуации в Вестерботтене и Финнмарке. Данная переписка была опубликована в 1929 г. сначала на финском, а потом и на французском языке, с целью распространения информации за рубежом¹¹. Главным вопросом по Вестерботтену стало укрепление в нем позиций финского языка. Как заявили в «Суомен Хеймо»: «финский язык является драгоценным наследством для финнов Вестерботтена. В наше время он все еще связывает их и финнов восточной части долины р. Торнео. Финский язык — мост, который открывает им путь к материальной и духовной культуре Финляндии — важной части их успехов»¹².

В Вестерботтене главной заботой финских крайне правых, кроме языкового вопроса, была угроза коммунизма. В «Суомен Хеймо» публиковались детальные описания успехов коммунистов на территории области с выводом: «Западная Швеция стала такой же свалкой коммунистов, как и азиатская Россия»¹³. Вину за создавшуюся ситуацию АКС возложила прежде всего на шведскую школьную систему, которая создавала питательную среду для развития коммунизма. Обвиняло общество и лютеранскую церковь Швеции.

Секция Финнмарка была самой малочисленной из соплеменных подразделений Академического карельского общества. В ней активно участ-

вовало лишь около 10 человек¹⁴. Одной из причин пассивного отношения основной массы членов АКС к Финнмарку являлось отсутствие материалов, подобных собранным в Вестерботтене. Сбор данных начался только после основания секции Финнмарка. Как в Швеции, так и в Норвегии к соплеменной деятельности финнов относились с настороженностью, что осложняло практическую работу в Финнмарке. Большой проблемой было получение норвежской визы, так как норвежцы обвиняли финнов в шпионаже¹⁵. Финская исследовательница Леена Каукиайнен справедливо считает, что главной причиной негативного отношения норвежских властей к соплеменной деятельности в Финнмарке была «финская угроза», аналогичная «русской угрозе»¹⁶.

Главной формой деятельности, особенно в первый период существования секции Финнмарке, были различные митинги, собирающиеся примерно раз в два месяца. Обычно в начале митинга звучал доклад с какой-то актуальной темой, связанный с Финнмарком, и его последующее обсуждение. Таким образом достигалось более детальное ознакомление членов секции с судьбой квенов. Остальным членам АКС также раздавали материалы по квенскому вопросу. Что касается конкретных мер помощи финноязычному меньшинству Норвегии, то, например, в 1930 г. общество отправило подборку из 70 книг на финском языке в библиотеку Вадсё (административный центр Финнмарка) и организовало сбор денег для помощи квенам. Обществом было также приглашено двое квенских девочек для получения образования в народном училище финского города Туусула. Им также была оказана финансовая поддержка южно-финляндского землячества Хельсинкского университета¹⁷.

В вопросе о Вестерботтене и Финнмарке Академическое карельское общество тесно сотрудничало с национальным «Союзом Феннизма», а также с землячествами Хельсинкского университета. Совместно они обеспечили примерно 30 финским торнедаленцам обучение в народном училище¹⁸. При каждой возможности в Вестерботтен и Финнмарк отправляли литературу разных жанров на финском языке. В результате на некоторых местах удалось открыть маленькие библиотеки для финского национального меньшинства. При этом особо важное значение придавалось религиозной литературе и распространению финских Библий¹⁹. Библиотеки, а также некоторые частные лица, подписались на финские газеты и журналы, которые АКС получило бесплатно от финских издательств. Распространение финской литературы намного облегчилось в 1931 г., когда АКС, с помощью «Союза Феннизма», создало общий регистр адресов финнов Вестерботтене, что также характеризует стремление общества к систематичной работе²⁰. В начале 1930-х гг. секция Вестерботтена относилась к своему будущему оптимистично. Хотя секция

была немногочисленна, она успешно работала. На митингах секции внимание уделялось центральным вопросам проблемы зарубежных финнов. В 1930 г. главной темой их дискуссий была история финского меньшинства в Вестерботтене, просветительная работа, гнетущая национальная политика правительства Швеции и дальнейшее развитие финских школ и духовной жизни. На мероприятиях Академического карельского общества члены секции активно выступали также с докладами на многие темы, касающиеся Вестерботтена. В том же году по инициативе общества и с финансовой поддержкой землячеств университета Хельсинки 5 финнам Лянсипохьи обеспечили обучение в местных народных училищах²¹. Акции такого рода предпринимались и в дальнейшем.

В конце 1931 г. председательство АКС объединило секции Вестерботтена и Финнмарка, чтобы активизировать их деятельность. Теперь в новой секции состояло 37 членов. Ее руководителем стал студент Эмели Салми²². В 1933 г. АКС отправило в Вестерботтен комплект из 500 экземпляров финской литературы. По данным общества, финские библиотеки Вестерботтена и Финнмарка пользовались значительной популярностью среди финноязычного меньшинства. Общество также финансово поддерживало трех финнов из Лянсипохьи, которые учились в Хельсинки в христианском народном училище²³.

С начала 1930-х гг. в программе Академического карельского общества наметилась некая радикализация. Касательно планов создания «великой Финляндии» высказывания стали более резкими, и их экспансивный характер выражался вполне определенно. В 1930 г. одно из подразделений АКС, участвовавшее в педагогическом семинаре города Ювяскюля, опубликовало книгу «Школа Великой Финляндии»²⁴, в которой Вестерботтену и Финнмарку было уделено много внимания. Кажется несколько удивительным утверждение её автора, что единственный угнетатель финского народа находится не за восточной границей страны. Важно отметить, что в данный период языковая дискриминация финнов Вестерботтена и Финнмарка была более категоричной, чем в Восточной Карелии, где до начала сталинских репрессий в школах разрешали преподавание на финском языке²⁵. В Швеции же и Норвегии финским детям запрещали говорить на родном языке даже во время перемен²⁶.

Особенно встревожены в АКС были тем, что шведам разрешили свободно поддерживать шведоязычные меньшинства в Финляндии, а деятельность финнов в Северной Швеции пытались редуцировать²⁷. Однако многим членам Академического карельского общества было также сложно смириться с тем, что большая часть финнов Вестерботтена и сама по себе не отличалась активностью и не была готова принимать конкретные меры с целью получения национальных прав. Этот факт

обычно игнорировали в обществе, считая, что их пассивность является лишь результатом лояльности к властям и слабого уровня национально-го пробуждения, что, в принципе, считалось положительным качеством в человеке²⁸.

Последние статьи, посвященные Вестерботтену и Финнмарку, были опубликованы в «Суомен Хеймо» в 1937 г. Деятельность же этих секций продолжалась до начала «зимней войны». Однако во второй половине 1930-х гг. главные акценты соплеменной работы были перенесены на советскую Карелию, а внимание к вопросу о квенах и финских торнедалцев постепенно угасало. Падение интереса к Вестерботтену и Финнмарку не было результатом никакого определенного события, а стало следствием естественного политического развития в Северной Европе, где, с одной стороны, отношения между Финляндией и Советским Союзом продолжали ухудшаться, а с другой — в Финляндии усилилась тенденция искать поддержку у скандинавских стран. Этот внешнеполитический курс повлиял также на деятельность АКС, в котором со временем возмело силу мнение о том, что не следует обострять отношения с западными соседями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kansallisarkisto (далее: КА). AKS: n kokoelma 8 (AKS).

² Neljätuhatta veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS: läinen elämänkerrasto. Porvoo, 1991. S. 14.

³ Ruotsalaistamistyö Länsipohjassa // Suomen Heimo. 1925, 11–18.

⁴ Suomen Heimo. 1924, 10.

⁵ КА. AKS1.

⁶ Ibidem

⁷ Ibid. AKS2.

⁸ Nygård J. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. S. 165.

⁹ *Kaukiainen L.* Avoin ja suljettu raja. Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940. Helsinki, 1997. S. 105.

¹⁰ КА. AKS1.

¹¹ Länsipohjan kysymys Suomen ja Ruotsin ylioppilaiden välisessä kirjeenvaihdossa. Porvoo, 1929. S. 7–9.

¹² Suomen Heimo. 1932, 5.

¹³ Ibid. 1932, 4.

¹⁴ КА. AKS2.

¹⁵ Ibid. 1.

¹⁶ *Kaukiainen L.* Avoin ja suljettu raja. Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940. S. 104–105.

- ¹⁷ KA. AKS8.
¹⁸ Ibid. AKS1.
¹⁹ Suomen Heimo. 1932, 1–2.
²⁰ KA. AKS2.
²¹ Ibid. AKS8.
²² Ibid. AKS2.
²³ Ibid. AKS1.
²⁴ Suur-Suomen koulu. Toim. Jyväskylän seminaarin Karjala-Seura. Jyväskylä, 1930.
²⁵ *Kaukiainen L.* Avoin ja suljettu raja. Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940. S. 105.
²⁶ *Räikkönen E.* Heimokirja. Helsinki, 1924. S. 201.
²⁷ Suomen Heimo. 1926, 4.
²⁸ Ibid. 1925, 15.

ЛИТЕРАТУРА

- Faravidin maa. Pohjois-Suomen historia. Jyväskylä: Gummerrus, 1985. 345 S.
- Huss L. Ja Wande E. Orastava emansipaatio? Tornionlaaksolaisten ja ruotsinsuomalaisten kielipoliittisesta kehityksestä // Kahden puolen Pohjanlahtea II. Enemmistöjen ja vähemmistöjen kesken. Helsinki: SKS, 2007. S. 253–297.
- Kaukiainen L. Avoin ja suljettu raja. Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940. Helsinki: SHS, 1997. 268 S.
- Neljätuhatta veljestä, sataneljä elämäntarinaa. AKS: läinen elämänkerrasto. Porvoo: WSOY, 1991. 502 S.
- Nygård J. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu: Otava, 1978. 342 S.
- Räikkönen E. Heimokirja. Helsinki: Otava, 1924. 253 S.
- Saressalo L. Keitä ovat kveenit? // Ulkосуomalaisia. Helsinki: SKS, 1982. S. 102–124.
- Suur-Suomen koulu. Toim. Jyväskylän seminaarin Karjala-Seura. Jyväskylä: Gummerrus, 1930. 325 S.
- Turja I. Arkisto auki. Helsinki: Kirjayhtymä, 1986. 363 S.

C.-F. Geust

FINNISH FIRE-CORRECTION AND OBSERVATION STATION IN PETERHOF 1942-1943

Lt.Gen. Paavo Talvela in Peterhof early March 1942. Lt.Gen. Paavo Talvela served as liaison officer of the Finnish HQ in the German Army HQ (Oberkommando des Heeres) from February 1942. Talvela's first frontal visit was made in early March 1942 to the German 18th Army, located near Leningrad on the southern shore of Gulf of Finland. During his trip Talvela visited i. a. 50th Army Group HQ in Gatchina (where he got an invaluable souvenir, a dinner menu signed by Empress Maria Fedorovna, widow of Czar Alexander III), 122th Division HQ in Nikolskoye, 121th Division HQ in Pavlovsk and also Tsarskoye Selo. On March 7 Talvela visited Peterhof ("*from where Leningrad was clearly seen*"), and was invited to lunch in Uritskiy by his German hosts. Unfortunately no detailed report from Talvela's trip has been found. It is however very likely that Talvela made a special personal report for Marshal Mannerheim, who had repeatedly visited all above mentioned Imperial Russian castles during his service in the Chevalier Guard¹.

The purpose of Talvela's trip was of course not a tourist tour to visit imperial castles, but the go-ahead minded Talvela was most certainly informed in detail of the long-prepared operation to capture and destroy Leningrad, including envisaged participation of Finnish forces. It is not known whether establishment of a Finnish observation station in Peterhof was discussed with Talvela. After his frontal visit General Talvela was received by Hitler on 18 March, when Leningrad was one of the main topic in Hitler's speech. Two days later Talvela flew to Finland, for personal reports to Marshal Mannerheim and President Ryti.

Finnish Navy tactical plan for 1942. The Finnish Navy tactical plan for the coming shipping season was dated 17 April 1942, with basic tasks as defined by Finnish Supreme Commander Marshal Mannerheim: «destruction of remaining enemy Baltic naval forces or disabling by barring them into the bottom of Gulf of Finland, and protection of own merchant shipping from enemy attacks»².

At this moment the only remaining bases of the Soviet Red Banner Baltic Fleet (KBF) were located in Kronstadt and Leningrad (Nevskaya guba or Kronstadtskiy zaliv), on the rather vast Oranienbaum bridge-head area and in Lavansaari (the only Soviet naval base in Gulf of Finland; now Moshchnyi). As the inner parts of Gulf of Finland are rather shallow all shipping routes to envisaged operational areas went through the narrow waterway between Seivästö (Stirsudden) on the northern (Finnish) shore and Shepelevskiy lighthouse.

The Finnish Navy HQ was already 5 April 1942 transferred to Kotka, and the Coastal Brigade of Eastern Gulf of Finland (Itä-Suomenlahden Rannikkoprikaati, C. O. Col. Pekka Enkainen), and Coastal Artillery Regiment 2 (Rannikkotykykistörykmentti 2, C. O. Lt.Col. Toivo Reponen) were subordinated to the Finnish Navy Commander, Captain 1st r. (kommodori) Eero Rahola. The Finnish naval units operated in close cooperation with the German Führer der Minensuchverbände Ost (FdM Ost). The FdM Ost C. O., Kapitän zur See Kurt Böhmer arrived in Kotka on board his Command ship Gazelle 17 May 1942³.

In May 1942 the objective of the Finnish and German naval forces was thus to secure possession of Hogland and Tytärsaari⁴, hamper traffic to Lavansaari and efficiently prevent Soviet naval operations on Gulf of Finland by locking up the Soviet Fleet in the Gulf bottom. Several mine fields were correspondingly laid by Finnish and German Naval forces: In late May 1942 the Finnish Navy laid the Rukajärvi-mine field between Kotka and Hogland, and the German navy laid simultaneously the Seeigel-mine field from Hogland via Tytärsaari to Kurgolovo. These so-called defensive mine fields were successively expanded during summer 1942⁵.

In order to further hamper and prevent maritime movements in the main operational area of KBF (Kronstadt Bay) and shipping routes between Shepelevskiy and Lavansaari, so called offensive mine fields were laid at the mouth of Kronstadt Bay (Finnish Sauna- and German Tiger-mine fields), and German Brumbär-mine field from Lavansaari in the north-western direction⁶.

In order to observe enemy naval movements, several new Finnish observation stations were established in summer 1942 in Hogland (Pohjoiskorkea), Tytärsaari, Ruuskeri and Kiuskeri, and an agreement was made with the German side to send a Finnish observation group (1 officer + 2 NCOs + 5 soldiers) to Znamenka (east of Peterhof), with following tasks: Fire control of Finnish coast artillery, alarming motor torpedo boats from Koivisto and Peipiya (at Koporskaya guba, where a reserve base for Finnish motor-torpedo boats was established with fuel and torpedo storage)⁷.

Several coastal artillery batteries were subsequently dispatched to the Karelian isthmus:

— Puumala: 1 Moottoroitu Raskas Patteri, (1st Motorized Heavy Battery, Finnish designation 4/152H/37),

— Seivästö (Stirsudden): 26 Raskas Patteri (26th Heavy Battery, 4/152/45C),

— Jukkola: 29 Raskas Patteri (29th Heavy Battery, 3/152/45C),

— Kellomäki (now Komarovo): 28 Järeä Patteri (28th Super Heavy Battery, 3/254/45D), arrived later.

— several fire positions were prepared between Jäppilä and Ino (now Privetninskoye) for 1st Railway Battery, with up to four T-1–180 war booty railway guns captured in Hanko (4/180/57 NRaut).

Osasto Pajanen (Detachment Pajanen) in Peterhof from 16 May 1942 to 25 January 1943. In May 1942 the Finnish fire control and maritime observation station, subordinated to Rannikkotyökistörykmentti 2 (RTR2), was dispatched to Peterhof at the German-occupied southern shore of Kronstadtskiy zaliv. The tasks included fire-direction of 1st Railway Battery, later also 28. Super Heavy Battery in Kellomäki, and maritime observation of traffic in the sea channel from Leningrad to Kronstadt⁸. Specific targets mentioned were Soviet big ships and area targets like MTB-, submarine- and minesweeper-bases in Kronstadt⁹.

The station was headed by Lt. Kasper Pajanen, intelligence officer of 1st Railway Battery¹⁰, and was located in the 30 m high tower of the Orthodox Holy Peter and Paul Cathedral in Peterhof. The observation level was thus some 80 m over sea level, with shortest distance to Kotlin Island only 12,5 km. Although the cathedral was located only some 500 m from the front line at the eastern border of Oranienbaum encirclement, it was considered relatively safe because of the exceptionally strong structure of the Cathedral (only 305 mm projectiles could penetrate the walls). Climbing to the observation level was not easy, a rope ladder had to be used at the top. Quarters conditions in the lower part of the cathedral were rather cold and primitive.

Regular radio contacts were taken to RTR2 in Koivisto. The selected personnel (in addition to Lt. Pajanen one radio NCO, one observation NCO and four observation soldiers) departed 11 May 1942 by aircraft from Helsinki to Tallinn. Special equipment for the station included:

— a direction finder and two Zeiss-Binocular 7 x 50 binoculars,

— 1:50.000 topographical maps "Kronstadtskiy zaliv", "Oranienbaum" and "Leningrad" etc. (of which at least one "Kronstadtskiy zaliv" was very accurate), and 1:20.000 air photo map (based on photographs taken summer 1941)¹¹.

— A long-distance camera with 70 cm focal length. As no own photo laboratory existed in Peterhof, all negatives were sent to Finland for development¹².

Pajanen's group arrived 13 May 1942 via Narva and Krasnogvardejsk (now Gatchina) to Znamenka. Upon arrival Pajanen established contacts with

Batterie Blücher/Marineartillerieabteilung 530 (MAA 530) and with field artillery unit Schweres Artillerieregiment 802, with had a separate observation station in the cathedral¹³.

Osasto Pajanen started its activities on 16 May 1942. Two so far unidentified "high Finnish officers" visited Peterhof 3 June 1942, observing how German Schweres Artillerieregiment 768 fired 40 grenades against Kirov factory in Leningrad¹⁴. On 10 June 1942 the Finnish Navy Operative Department sent Lt. Pajanen a list of coordinates for 10 planned targets of the Railway Battery. The list started with Fort Riff, and ended with Kotlin Island electrical power station¹⁵. The target list was continuously updated based on observations made, and 21 September 1942 Lt. Pajanen compiled an accurate list of 14 target coordinates (ship classes, ships and anchor locations, including battleship Marat and destroyer Minsk)¹⁶. Air surveillance was added to the station's task 11 August 1942, but the closed space in the cathedral did not permit observation of the entire sky, and only a few local flights were observed. On 12 October 1942 also meteorological observations were added to the task list. Because of lack of skilled personnel and necessary equipment the observations were not very accurate.

Cooperation with German MAA 530 was rather moderate, and the Germans were somewhat surprisingly mainly interested in preventing Soviet supply traffic to Kronstadt, not identifying the vessels observed. Regular contacts were kept with the Finnish MTB-base in Peipiya, from where a wind-driven battery charging-device was received in October 1942 (batteries were earlier charged in German Batterie Blücher)¹⁷. As the rotating propeller aroused the enemy's attention, the device was repeatedly damaged. The Finns were invited to Kamradenschaft evenings of the German garrison in the Znamenka Erholungsheim, and took also contacts to the Finnish-speaking Ingrian local population.

In October 1942 more powerful R-12-51 (DR38) and R-12-14 (Telefunken) radios, a efficient telescope and a second direction finder were received. As neither Kronstadt nor Leningrad were fired upon from the Finnish side, the "fire correction" unit did not get any experience of its prime tasks. After repeated observations of German artillery fire against Kronstadt, Pajanen drew the conclusion that he will not be able to send appropriate correction information for the heavy battery in Kellomäki, because of his unfavourable location 12–15 km from the target, with only insignificant deviation from the sighting line. Furthermore the Russians were emitting thick fog and smoke screens over the targets very quickly, in only 3–5 minutes after first shell impacts. All ships were also immediately moved to new anchor locations covered by the thick fog screen.

The main reason for the lack of activity of the Finnish artillery batteries is most likely political — with a high degree of probability it can be assumed

that Marshal Mannerheim did not permit any activities which might have been interpreted as offensive actions against Leningrad, although proofs of this assumption have not yet been found. The activity of Osasto Pajanen ended as the Gulf of Finland froze over on 25 January 1943, and the personnel returned to Finland via Estonia.

Osasto Granbohm in Peterhof from 10 May to 28 November 1943. During 1943 shipping season the tasks of the Finnish Coastal Forces was defined as follows: "Main tasks of our naval forces during shipping season 1943 are prevention of enemy naval operations, protection of own sea traffic from enemy attacks, and support to own forces when resisting enemy attacks."¹⁸

In spring 1943 a new Finnish observation group was sent to Peterhof, headed by 2st Coastal Regiment intelligence officer, Lt. Torsten Granbohm. The observation group was active from 10 May to 28 November 1943¹⁹. In 1943 the station was no longer named "fire direction station", as all activities were connected to maritime observations. In Granbohm's own short reminiscences published in 1953, he mentioned even Peterhof as a practically peacetime "coastal guard" station²⁰.

The activities continued like in 1942, with consideration of Lt. Pajanen's experience and development proposals. The quartering conditions were now somewhat improved, and a sauna was constructed in an empty former store house. Some Finnish visitors arrived in Peterhof in summer 1943: at the end of June military pastor Jussi Tenkku and his lotta-wife visited Peterhof during the evacuation of local Ingrian population to Finland²¹, and in August 1943 military correspondent Pauli J. Wirola took 48 photos in Peterhof. Wirola was apparently not allowed to write anything about his visit, but his photos are now available in the SA-kuva photo archive, which also includes 23 photos taken by Lt. Pajanen in 1942 (of which one batch is wrongly identified; "Petroskoi" instead of "Pietarhovi").

No long-distance photos taken in Peterhof have been located, and seem to be destroyed (or evacuated to Sweden during the Stella Polaris-operation). As mentioned there was no photo lab in Peterhof, but several pencil sketched of observed ships can be found among preserved documents. Granbohm inspected the Finnish air surveillance station in Kurgolovo 28–20 September 1943, because Finnish Navy was not satisfied with the quality of reports from Kurgolovo. One week later he sent new maritime observation instructions to Kurgolovo²².

End of operations. In autumn 1943 artillery activity from the Oranienbaum area grew considerably. Protected by smoke screens the Russians started to perform forciful POW-snapping, and on 21 November 1942 the main road from Peterhof to the south was cut. On 24 November 1943 Lt. Granbohm transmitted: «according to German information Second Assault Army, commanded by General Romanovski, has arrived in Oranienbaum... A major

attack from both directions, from east and from west is expected. Evacuation preparations continue²³. Next day Lt. Granbohm was ordered to stop the operation of the observation station, and to return to Finland²⁴.

On 27 November 1943 all activities ceased. Granbohm sent a radio message that all transports are overloaded, but he will try to arrange evacuation transport of the Finns next day, and to keep his radio transmitter online until his own departure. Two days later Lt. Granbohm informed that he will switch off the radio, and is ready to depart at any moment²⁵. It is a virtual wonder that Osasto Granbohm was able to depart before the Red Army liberated Peterhof. The Russians started already 5 November 1943 to transport considerable forces to Oranienbaum. The 2nd Assault Army had been replenished after its big losses in June-July 1942 in the swamp areas southeast of Leningrad. It can be noted that the former Commander of 2nd Assault Army, later leader of the Russian Liberation Army (ROA)

During Lt.Gen. Andrei Vlasov's frontal trip to Gatchina in early May 1943 he boasted to his German hosts that he is able to capture Oranienbaum bridgehead and Kronstadt fortress! Vlasov's overenthusiastic invitation to the German officers to arrive to St.Peterburg after HE had captured the city, caused a scandal in the German nazi party leadership. All further frontal visits by Vlasov were prohibited, and he was practically subject to house arrest in Berlin²⁶.

It is remarkable that the Finnish observation station in Peterhof did not notice any change of the situation in Oranienbaum before the above mentioned message 24 November 1943. The voluminous troop transports were efficiently masked, and only "usual" training and disturbance activities were observed. In fact some 53 000 soldiers, 2 300 trucks and tractors, 240 tanks, 700 cannons etc. were transported to the Oranienbaum area before 21 January 1944.

On 14 January 1944 the major attack by 2st Assault Army was initiated eastwards from Oranienbaum, and next day the 42th Army advanced westwards from Pulkovo. Less than one week later, 20 January 1944 the attacking Soviet forces met at Ropsha. All German troops were forced away from the southern shore of Gulf of Finland between Peterhof and Strelnja-Uritsk. Already 30 January 1944 the Red Army had liberated all German-occupied territory east of Kotly and Kingisepp. The Finnish high command faced thus a new, extremely serious strategic situation, which was furthermore demonstrated by the major bombing attacks against Helsinki by ADD in February 1944.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kansallisarkisto (далее: KA).Talvela's collection Pk 1542/26.

² Finnish Navy operation plan 1942, Oper.Dept. KD No. 1310/Op.2, 17.4.1942 (KA. T15758/1190). Acceptance by Supreme Commander Marshal Mannerheim 26.4.1942, and Realisation Order 5.5.1942 (KA. PM/Oper.Dept. spk 20920).

³ Müller W. Kriegsschauplatz Ostsee 1919–1945. Band 5 (1942). Köln, 2018. S. 286.

⁴ Hogland was captured by Finnish troops 28.3.1942. Tytärsaari was captured by Finnish troops 9.4.1942, who then withdraw after handing the island over to German troops.

⁵ Suomen laivasto 1918–1968. Os. 2. Helsinki, 1968. S. 80–84. Müller W. Kriegsschauplatz Ostsee 1919–1945. S. 289–296.

⁶ Suomen laivasto. S. 84–86.

⁷ Peippiya naval base was founded by KBF in October 1939. Finnish MTB-base establishment: Suomen laivasto. S. 85; Orvo Peuranheimo ym. Laivat puuta, miehet rautaa — moottoritorpedoveneiden taistelut Suomenlahdella 1941–1944 (1956), page 98

⁸ KA. T5769/20. Special instructions for Peterhof fire-direction group 6.5.1942.

⁹ Idid. Activity report of Peterhof observation station 5.5.1942–5.1.1943; 30.3.1943.

¹⁰ Kasper Pajanan (1919–2013; 1st Railway Battery intelligence officer 1942, 1st Railway Battery fire-direction officer 1943). Dipl.Ing. 1945, afterwards leading positions in Heavy Industry.

¹¹ KA. T5769/20 Activity report of Peterhof observation station 5.5.1942–5.1.1943; 30.3.1943; KA. T5775/8. Map covering letter 22.8.1942.

¹² Ibid. T5769/20. Special instructions for Peterhof fire-direction group 6.5.1942/

¹³ Batterie Blücher/MAA 530 was 2 x 150 mm railway battery. See: *Harnier W. von. Artillerie im Küstenkampf. München 1969. S. 76.*

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 300. Л. 75. Red Army Intelligence Administration, 4. Dept. German warbooty documents collection: Schwere Heeresartillerieabteilung 768, war diary (Russian translation).

¹⁵ KA. T5775/8. Target list, 1st Railway Battery.

¹⁶ Ibid. T5775/9. Target list, Lt. K. Pajanan 21.9.1942.

¹⁷ Ibid. T5769/20. Special instructions for Peterhof fire-direction group 6.5.1942.

¹⁸ Ibid. T16234/1688. Instructions for Coastal troops for 1943, Navy HQ, Op.Dept. KD No. 1056/Op.3 1.4.1943.

¹⁹ Captain 2nd rank Torsten Granbohm (1917–1991) served after the war in Finnish Naval Signal troops until 1977.

²⁰ *Granbohm T., Tiilikainen M. Karjalan kunnailta Pietarhovin pihoille // Tyyntä ja myrskyä: Taistelutarinoita rannikolta. Helsinki, 1953. S29–32.*

²¹ Inkeriläisiä siirtämässä — Jussi ja Liisa Tenkun päiväkirjat 1943–1944. Helsinki, 2008. S. 117.

²² KA. T5775/9. Mission of Lt. Granbohm to Kurgolowo observation station 28–29.10.1943.

²³ Ibid. T5775/4.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. T5775/10. RTR2. Peterhof observation station. Teleprinter messages of Osasto Granbohm 1943.

²⁶ *Geust C.-F. Vlasovin armeija — Stalinin sotilaat Suomen palveluksessa. Juva, 2017. S. 17–19, 108–110.*

ЛИТЕРАТУРА

Geust C.-F. Vlasovin armeija — Stalinin sotilaat Suomen palveluksessa. Juva: Bookwell Digital OY, 2017, 256 S.

Harnier W.von. Artillerie im Küstenkampf. München: J. F. Lehmann, 1969. 186 S.

Inkeriläisiä siirtämässä — Jussi ja Liisa Tenkun päiväkirjat 1943–1944, Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden Seura, 2008. 290 S.

Müller W. Kriegsschauplatz Ostsee 1919–1945. Band 5 (1942). Köln: Verlagshaus M&M, 2018. 400 S.

Suomen laivasto 1918–1968. Os. 2. Helsinki: Otavan, 1968. 512 S.

Tyyntä ja myrskyä: Taistelutarinoita rannikolta. Helsinki: Rannikkotyökistön upseeriyhdistys, 1953.: 240 S.

С. Г. Веригин

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНСКОЙ ДАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ В 1941–1944 гг.

Проблема противостояния советских и финских спецслужб на советско-финском участке советско-германского фронта в 1941–1944 гг. нашла определенное отражение в российской историографии¹. Но основное внимание в работах уделено деятельности финских разведывательных школ, созданных в полосе Карельского фронта, и заброске агентуры этих школ в тыл Красной армии. Вопросы деятельности отрядов финской дальней разведки отражены значительно слабее. Именно этой теме и посвящена данная статья.

Накануне вступления Финляндии в войну с Советским Союзом на стороне Германии 17 июня 1941 г. прошла реорганизация органов финской военной разведки. Было создано отделение разведки Главного штаба вооруженных сил Финляндии. Его начальником продолжал быть полковник Ларс Меландер, которого 27 апреля 1942 г. сменил на этом посту полковник Аладар Паасонен.

В составе отделения разведки на базе ее подразделов были созданы 4 отряда дальней финской разведки: в Лаппеенранте — 1-й отряд майора Вяхнияйнена (зона действия — Карельский перешеек), в Йоэнсуу — 2-й — отряд майора Куйсманена (зона действия — Петрозаводское и Медвежьегорское направление), в Кааяни — 3-й — отряд майора Марттина (Ребольское, Ругозерское и Ухтинское направление), в Рованиemi — 4-й — отряд майора Паатсало (зона действия — Мурманское, Кандалакшское и Кестеньское направление).

За две недели до вступлением Финляндии в войну против СССР летом 1941 г. перед всеми отрядами дальней разведки была поставлена задача провести разведку местности по тем направлениям, по которым предполагалось наступление финских войск: получить информацию по дорогам и мостам, а также по возможности взять в плен военнослужащих Красной армии, для определения готовности войск противника.

С начала наступления финских войск (конец июня — июль 1941 г.) задачи отрядов дальней разведки существенно менялись. Отряды дальней финской разведки должны были мешать отступлению войск Красной армии, устраивать диверсии в ее тылу: разрушать мосты, устраивать подрыв на дорогах (особенно железных), обрывать связь противника.

Отряды были относительно самостоятельны в своих решениях до 1 июля 1943 г., пока не был основан 4-й отдельный батальон (по российским архивным документам этот батальон называется 4-м отдельным разведывательно-диверсионным батальоном). Командиром батальона сначала был назначен майор Мартти Харола, затем его сменил майор Ханнес Вехнийянен, а в конце войны — подполковник Йохан Совио. Отряды дальней разведки были преобразованы в роты 4-го отдельного батальона: отряд Вехнийянена стал 1-й ротой, отряд Куйсманена — 2-й, отряд Марттина — 3-й, отряд Паатсало — 4-й. У всех рот имелись опорные пункты со снабжением и связью в разных частях Финляндии, а некоторые (2-я рота Куйсманена) находились на оккупированных советских территориях недалеко от линии фронта. В каждой роте насчитывалось по 156 человек, из которых 36 человек — офицеры, унтер-офицеры и солдаты, непосредственно осуществляли дальнюю разведку в советском тылу².

Что касается снабжения продуктами и снаряжением, то отряды дальней разведки первоначально получали все необходимое от ближайших войсковых частей финской армии. Но после основания 4-го отдельного батальона за это централизованно отвечало уже командование батальона. Оно вместе с главным штабом определяло набор продуктов для дальних разведчиков, которых в ротах дополняли своими видами. Обычно группа или отряд дальней разведки несли с собой недельную норму продуктов³.

Отряды дальней финской разведки доставлялись в советский тыл следующими способами: воздушным путем с заброской разведчиков на парашютах; воздушным путем на гидросамолетах с приводнением на озерах и реках и последующей высадкой десанта; водным путем — доставка до берега на катерах и лодках; пешим порядком — переход линии фронта пешком (зимой на лыжах).

Подразделения 4-го отдельного разведбатальона комплектовались из числа солдат финской армии, членов шюцкора, а также перебежчиков — бывших советских военнослужащих, добровольно перешедших в годы войны на сторону финнов. Все они проходили тщательную проверку на преданность Финляндии.

Наступление финских войск на Карельском фронте было остановлено в декабре 1941 г. и война между Финляндией и СССР приняла позиционный характер, продолжавшийся до июня 1944 г., когда началось наступ-

пление Красной армии по всему фронту. Позиционная война поставила и новые задачи перед финской дальней разведкой. Все роты 4-го разведбатальона в 1942–1944 гг. направляли в тыл Красной армии разведывательно-диверсионные группы и отряды (от 8 до 30 чел.), перед которыми ставились задачи по сбору информации путём визуального наблюдения за шоссевыми и железными дорогами, фотосъёмки военных объектов, получение сведений о фортификационных сооружениях, фиксация передвижения частей Красной армии и войск НКВД; захват пленных и проведение диверсионных и террористических актов. Особый интерес для финской разведки представляла Кировская железная дорога. Радисты разведывательных групп поддерживали связь со штабом с помощью портативных радиостанций.

Финское военное командование помимо информации, полученной непосредственно от разведчиков с помощью наблюдений, получало ее также из тех документов, которые они приносили с собой после возвращения из советского тыла на базы дислокации, а также допросов доставленных ими пленными.

Хотя на Карельском фронте в силу природных и географических условий не было сплошной линии фронта, в период позиционной войны 1942–1944 гг. финским разведывательно-диверсионным отрядам и группам стало значительно сложнее пересекать ее пешим порядком или зимой на лыжах. Происходило укрепление советской обороны, на базе Управления пограничных войск НКВД Карело-Финского округа 30 ноября 1941 г. было сформировано Управление войск НКВД по охране тыла Карельского фронта. В качестве одной из главных задач этого управления стала борьба со шпионажем противника, финскими и немецкими десантными и диверсионными группами.

В этой связи руководство финской военной разведки с 1942 г. сделало упор в заброске диверсантов в советский тыл посредством самолетов, в том числе и гидросамолетов. С одной стороны, это ускоряло доставку разведывательно-диверсионных групп в советский тыл, с другой стороны сокращало число потерь среди финских разведчиков.

В период позиционной войны (декабрь 1941 — июнь 1944 гг.) одна из главных задач, стоящих перед 4-м отдельным разведбатальоном и его ротами, состояла в выведении из строя Кировской железной дороги. И в этом плане следует отметить как некоторые успехи финских дальних разведчиков (подрыв отдельных участков железной дороги), так и неудачи, связанные с военным отпором как со стороны армейских подразделений, так и со стороны войск по охране тыла Карельского фронта.

Так, в начале декабря 1943 г. перед разведотрядом Илмари Хонканена из 3-й роты 4-го разведывательного батальона была поставлена задача

подрыва Кировской железной дороги в районе станции Майгуба. 6 декабря 1943 г. разведотряд проводил минирование в южной части станции Майгуба. Однако минирование было прервано в связи с появлением охраны дороги. Финским разведчикам удалось с помощью красного фонаря остановить поезд, который шел с южной части Медвежьегорска. Паровоз вел за собой 42 вагона. Поезд остановился рядом с заминированным участком. Диверсанты обстреляли поезд всеми видами вооружения. В это время фенрик Суло Уйтто закончил заряжать взрывное устройство, установил под последним вагоном 20-килограммовый тротильный снаряд и взорвал его. Когда подрыв произошел, разведотряд покинул место в западном направлении. Скорость хода на лыжах была такой высокой, что догнать финских разведчиков не удалось.

Но так было не всегда. В декабре 1941 г. разведывательно-диверсионная группа 3-й разведроты 4-го разведбатальона в составе 17 человек под командованием лейтенанта Корхонена совершила выход в тыл Красной армии на Ругозерском направлении с задачей совершить подрыв полотна Кировской железной дороги на участке севернее станции Кочкома и пустить под откос воинский железнодорожный эшелон. Не доходя примерно 8 км до железной дороги, разведгруппа попала на минированную лыжню, два человека погибло. Группа вернулась обратно, не выполнив задания. В феврале 1942 г. разведгруппа этой же роты в составе 15 человек (командир лейтенант Корхонен) вышла в тыл Красной армии с задачей разведать наличие советских частей в районе Кочкома. Группа, передвигавшаяся на лыжах, встретила на своем пути финскую разведывательную группу под командованием майора Маевского из 1-го батальона 10-го пехотного полка, возвращавшуюся с задания и собравшую разведывательную информацию о наличии частей Красной армии в районе Кочкома. Так как задание разведывательных групп было одинаковым, и оно было выполнено, группа лейтенанта Корхонена возвратилась обратно⁴.

В марте 1942 г. разведгруппа 3-й роты 4-го отдельного разведывательного батальона в количестве 15 человек (командир лейтенант Корхонен) получила задание выяснить обстановку в районе дороги Лехта — Тунгуда, установить состояние дорожного полотна, интенсивность движения, наличие оборонных сооружений, а также захватить советского пленного. Передвигаясь на лыжах, финская разведгруппа встретила советское подразделение и возвратилась обратно, не выполнив задания⁵.

Говоря о действиях финских разведывательно-диверсионных групп и отрядов во время позиционной войны на Карельском фронте (декабрь 1941 — июнь 1944 г.), следует подчеркнуть, что наибольший резонанс, как по одну, так и по другую линию фронта, вызвали действия финской диверсионной группы в феврале 1942 г. по атаке тылового гарнизона

Медвежьегорской оперативной группы войск Красной армии, расположенного в поселке Петровский Ям. Финская сторона высоко оценила результаты этого рейда. Однако о том, что в ходе нападения наряду с некоторыми военными объектами финскими диверсантами был уничтожен полевой подвижный госпиталь № 2212, погибли врачи, медсестры, раненые, ни в военный период, ни в настоящее время в Финляндии стараются не вспоминать. Эта трагическая страница тайной войны на Карельском фронте на базе анализа уникальных документов из российских архивов нашла свое освещение в книге П. Ю. Репникова «Петровский Ям. Запланированная трагедия», изданной в 2012 г.⁶ До сих пор вопрос о событиях февраля 1942 г. в поселке Петровский Ям остаются предметом острых дискуссий между российскими и финляндскими историками.

В январе 1942 г. в район села Пудож (расположен в 25 км от восточного берега Онежского озера) была направлена диверсионная группа дальней разведки лейтенанта Илмари Хонканена из подразделения майора Марттина (Каяньское отделение финской военной разведки) с задачей провести разведку в тылу Медвежьегорской оперативной группы войск и доставить пленного. Группа выполнила задание, недалеко от Пудожа устроила засаду, атаковала отдельную машину, убив водителя, двух красноармейцев, находившихся в кузове, и захватив в плен старшину одного из подразделений Медвежьегорской оперативной группы Красной армии. Пленного переправили через линию фронта, доставили в Петрозаводск, где он был допрошен. На основе показаний допроса пленного, а также данных воздушной разведки в разведотделе финской Ставки решили, что в поселке Петровский Ям находится крупная база снабжения Карельского фронта⁷. Однако данные финской разведки были неточными. Крупная фронтовая база располагалась в городе Сегежа и снабжала как Масельскую, так и Медвежьегорскую оперативные группы⁸.

Проведение операции по разгрому фронтовой базы и гарнизона в поселке Петровский Ям первоначально возлагалось на разведывательное подразделение Марттина. Но одному этому подразделению выполнить столь объемную задачу было сложно. Поэтому был сформирован сводный диверсионный отряд из 100 человек под командованием лейтенанта Илмари Хонканена, в который вошли 17 человек из подразделения Марттина, 35 — из подразделения Куйсманена и 48 — из 1-й егерской бригады генерал-майора Лагуса (дислоцировавшейся в Медвежьегорске)⁹. Отряд был разделен на 6 групп по количеству объектов нападения, одним из которых был госпитальный городок.

П. Ю. Репников отмечает, что встретить организованное сопротивление на территории госпитального городка не ожидалось, тем не менее для его уничтожения была запланирована самая сильная группа самого

И. Хонканена, но ввиду того, что Хонканен осуществлял общее руководство всем отрядом, командиром этой группы был назначен старший сержант П. Луккари. Очевидно, расчет был на то, что диверсанты, привыкшие выполнять любые приказы, не станут рассуждать, когда окажутся один на один с медсестрами и ранеными госпиталя. Согласно представлению к награде И. Хонканена, он пользовался у своих людей полным доверием, и они были готовы слепо следовать за ним на самые опасные и сложные задания¹⁰.

Отряд финских диверсантов 9 февраля 1942 г. скрытно перешел линию охранения на Ругозерском направлении и вышел к поселку Петровский Ям. Прибыв к месту проведения операции, отряд разделился на шесть групп, которые скрытно окружили советский гарнизон и стали дожидаться наступления ночи, когда основная часть советских военнослужащих уснет. Каждая диверсионная группа имела свою задачу: уничтожение продовольственного склада, автомобилей на стоянке, жилых построек, помещений госпиталя. В ночь с 11 на 12 февраля 1942 г. сняв бесшумно часовых, диверсионные группы приблизились к зданиям — объектам нападения, и ожидали сигнала к атаке. Но именно в это время была обнаружена одна из финских диверсионных групп в северной части гарнизона, и по ней был открыт огонь. Началась перестрелка, и Хонканену не оставалось ничего другого, как выстрелить из ракетницы, дав сигнал о начале преждевременной атаки всего диверсионного отряда¹¹.

Но еще до этого сигнала, услышав звуки выстрелов, П. Луккари, не дожидаясь общего сигнала, дал своему подразделению команду на атаку. Первыми жертвами стали два часовых госпиталя, которые были расстреляны. Разделившись на мелкие группы, диверсанты стали поджигать здания по пути следования от места проникновения к двум большим корпусам, в которых располагались первое и второе отделения госпиталя. В первую очередь были атакованы общежитие красноармейцев, где находились санитары и личный состав подразделения обслуживания госпиталя и общежитие медицинских сестер. Здания поджигались зажигательными шашками и бутылками с горючей смесью, забрасывались гранатами. Уцелевшие люди пытались выпрыгнуть из окон и выходя из дверей, но были расстреляны диверсантами из автоматов. Далее диверсанты вышли к зданиям первого и второго отделений госпиталя. В окна зданий со стороны двора были брошены гранаты и зажигательные шашки. У двух входов в первое отделение были выставлены автоматчики, которые расстреливали раненых и персонал, пытавшийся покинуть здание через дверь. Несколько диверсантов вошли в коридор первого отделения и открыли огонь по людям, находившимся внутри. Затем входы были подожены¹².

После отхода финского диверсионного отряда из поселка Петровский Ям Советской стороной было проведено расследование этой трагедии. Всего потери в гарнизоне, согласно донесению начальника гарнизона, составили: убитыми 68 человек, ранеными — 32 человека и пропавшими без вести — 8 человек. Однако в этот список не вошли 9 убитых из числа раненых и больных, находившихся на излечении в госпитале. Вместе с ними безвозвратные потери гарнизона составили 85 человек, из которых 52 человека (61%) пришлось на личный состав госпиталя, убитых в госпитале раненых и гражданское население¹³.

Совершенно иная оценка операции в Петровском Яме была дана финской стороной. После возвращения сводного диверсионного отряда Хонканена финская Ставка дала высокую оценку действиям участников рейда и результатам нападения на гарнизон Петровский Ям. Урон для Красной армии был признан значительным, что сорвало планировавшееся на повенецком участке фронта наступление советских войск. В связи с утратой базой снабжения прекратилось снабжение советских войск к востоку от Беломоро-Балтийского канала.

Одна из ведущих газет Финляндии «Хельсингин Саномат» 18 февраля 1942 г. вышла со статьей под заголовком «Наши диверсионные группы громят гарнизоны в глубоком тылу врага». В ней сообщалось, что диверсионный отряд прошел в тыл советских войск и уничтожил важный центр снабжения. Далее указывались потери противника из доклада Хонканена: «уничтожено не менее 500 красноармейцев, 300 лошадей, 90 автомашин и 60 зданий»¹⁴. За столь успешную операцию командир отряда лейтенант Ханканен с учетом его прежних заслуг был представлен к высокой награде — Кресту Маннергейма.

Естественно, что ни в докладе Хонканена, ни в финской печати военного времени не упоминалось об уничтожении госпиталя, убийстве врачей, медсестер, раненых и больных, находившихся под защитой Женевской конвенции 1929 г. Да и российские архивные документы свидетельствуют, что успехи диверсионного отряда И. Хонканена сильно преувеличены. Утверждения финнов о том, что с уничтожением крупной тыловой базы Карельского фронта прекратилось снабжение советских войск к востоку от Беломоро-Балтийского канала, что в свою очередь привело к срыву планировавшегося на повенецком участке фронта наступления, не имеют под собой оснований.

В финляндской историографии до сих пор ставится под сомнение сам факт уничтожения финскими диверсантами военного госпиталя в поселке Петровский Ям. Более того, некоторые финские историки утверждают, что террор, который вели русские диверсионные отряды, значительно превосходил аналогичные действия финских диверсионных отрядов.

Так, финский историк Тимо Вихавайне в книге «Сталин и финны» пишет: «В конечном итоге финны вышли из войны (имеется в виду война 1941–1944 гг. — С.В.) с минимальным моральным ущербом, как нация они не замарали себя больше, чем обычно бывает в таких случаях. Нет данных о широкомасштабных варварских акциях финнов против беззащитных людей. Среди русских ходили слухи о том, что финский разведывательный отряд уничтожил военный госпиталь. Если это действительно имело место, то это действительно прискорбно. Но как бы то ни было, если сравнить этот случай с тем террором, который вели русские диверсионные отряды, которые на сталинском жаргоне назывались партизанами, то следует признать, что в этом соревновании финны проиграли»¹⁵.

Во время позиционной войны (декабрь 1941 — июнь 1944 г.) отряды финской дальней разведки активно сотрудничали с немецкой разведкой, проведя целый ряд операций в глубоком тылу на территории Архангельской и Вологодской областей. Их целью были диверсии на Сорокско-Обозерской железнодорожной ветке, с целью срыва поставок грузов СССР от союзников по «ленд-лизу».

С началом наступления советских войск на Карельском фронте летом 1944 г. менялись и задачи дальней финской разведки. С одной стороны, необходимо было выявлять пути подвоза воинских частей и вооружения на основных направлениях наступления советских войск; с другой — минировать железные и шоссейные дороги, мосты, осуществлять диверсионные акты, максимально затрудняя продвижение советских войск вперед.

По данным Э. Эльфенгрена, М. Косонена и Э. Лайдинена, которые они приводят в книге «В тылу противника. Финская разведка в Восточной Карелии в 1939–1944 гг.», 4 роты 4-го отдельного разведбатальона совершили во время войны 1941–1944 гг. почти 300 походов, которые составили по длине в общей сложности 13 200 км и по времени заняли 873 суток. В батальоне служило 622 дальних разведчиков. Главный костяк составляли примерно 120 солдат, у которых за плечами было по несколько походов в советский тыл. Потери батальона за 1941–1944 гг. составили 83–86 погибших¹⁶.

Финские разведывательно-диверсионные группы находились в советском тылу вплоть до прекращения военных действий между СССР и Финляндией, которое было объявлено 4 сентября 1944 г. В этот момент разведотряд под командованием фельдфебеля Онни Мяттянена вел наблюдение за дорожным сообщением на дороге Медвежьегорск-Кондопога. На следующий день его забрали на самолете в Пялкъярви (Пуйккола). Разведотряд фельдфебеля Микко Пёлля находился в южной части Сегозеро, в 200 км от своих линий, когда пришло известие о прекращении

военных действий. Разведотряд Пёлля отправился в путь в направлении Финляндии и добрался до своих войск только 12-го сентября 1944 г. Это был последний из почти 300 походов в тыл советских войск отрядов финской дальней разведки войны 1941–1944 гг.¹⁷

В целом на основе всестороннего анализа имеющегося обширного архивного материала можно сделать вывод о том, что благодаря противодействию советской контрразведки, большинство планов финской дальней разведки, действовавшей на северо-западе СССР совместно с германской разведкой, несмотря на отдельные успешные действия, было сорвано: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу Красной армии, которые повлияли бы на военно-стратегическую ситуацию на Карельском и Ленинградском фронтах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Веригин С. Г.* Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск, 2018; *Христофоров В. С.* СССР — Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М., 2018.; *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 465–474.

² *Elfvengren E., Kosonen M., Laidinen E.* Vihoillisen selustassa. Päämajan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1939–1944. Helsinki, 2011. S.179; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (далее: Архив УФСБ РФ по РК). Фонд литературных дел (ФЛД). Д. 25. Т. 2. Л. 132, 282; Д. 21. Л. 2.

³ *Elfvengren E., Kosonen M., Laidinen E.* Vihoillisen selustassa. S.180.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Репников П. Ю.* Петровский Ям. Запланированная трагедия. СПб., 2012.

⁷ Там же. С. 102, 103.

⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 217. Оп. 1437. Д. 65. Л. 13.

⁹ *Репников П. Ю.* Петровский Ям. Запланированная трагедия. С. 105–106.

¹⁰ Там же. С. 106–107.

¹¹ Там же. С. 113–114.

¹² Там же. С. 121–123.

¹³ Там же. С. 156.

¹⁴ *Helsingin Sanomat.* 1942. 18. 02.

¹⁵ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 185.

¹⁶ *Elfvengren E., Kosonen M., Laidinen E.* Vihoillisen selustassa. S.180.

¹⁷ *Ibid.* S. 237.

ЛИТЕРАТУРА

Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 стр.

Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб.: Нева, 2000. 288 стр.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: Изд-во РГХА, 2013. С. 465–474.

Репников П. Ю. Петровский Ям. Запланированная трагедия. СПб.: Аврора-дизайн, 2012. 240 стр.

Христофоров В. С. СССР — Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2018. 440 стр.

Elfvengren E., Kosonen M., Laidinen E. Vihoillisen selustassa. Päämajan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1939–1944. Helsinki: Otava, 2010. 400 S.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

П. А. Кротов

ПРОЛОГ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА НА БАЛТИКЕ (НОВЫЕ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ ПО ИСТОРИИ ОСУДАРЕВОЙ ДОРОГИ 1702 г.)

Морская баталия 27 июля 1720 г., вошедшая в российскую историографию как сражение при Гренгаме, — наиболее масштабное сражение галерных флотов на Балтике в ходе Великой Северной войны (1700–1721). Оно произошло среди Аландских островов в месте, через которое шёл водный путь из Финляндии через пролив Сёдра-Кваркен в шхеры, ведущие к Стокгольму. Победный для россиян исход баталии послужил для шведов толчком к тому, чтобы первыми обратиться к Петру I с предложением начать прямые переговоры о подписании договора о мире. Сражение интересно в первую очередь с точки зрения военно-морского искусства и истории международных отношений. Явный исследовательский интерес к знаменитой баталии продолжает сохраняться¹. На этом фоне весьма выпукло выделяются очевидные не вполне прояснённые вопросы по её истории: состав шведской эскадры, атаковавшей россиян под флагом вице-адмирала К. Г. Шёблада, тип ряда шведских кораблей, подробности тактики россиян и шведов в ходе баталии и др.

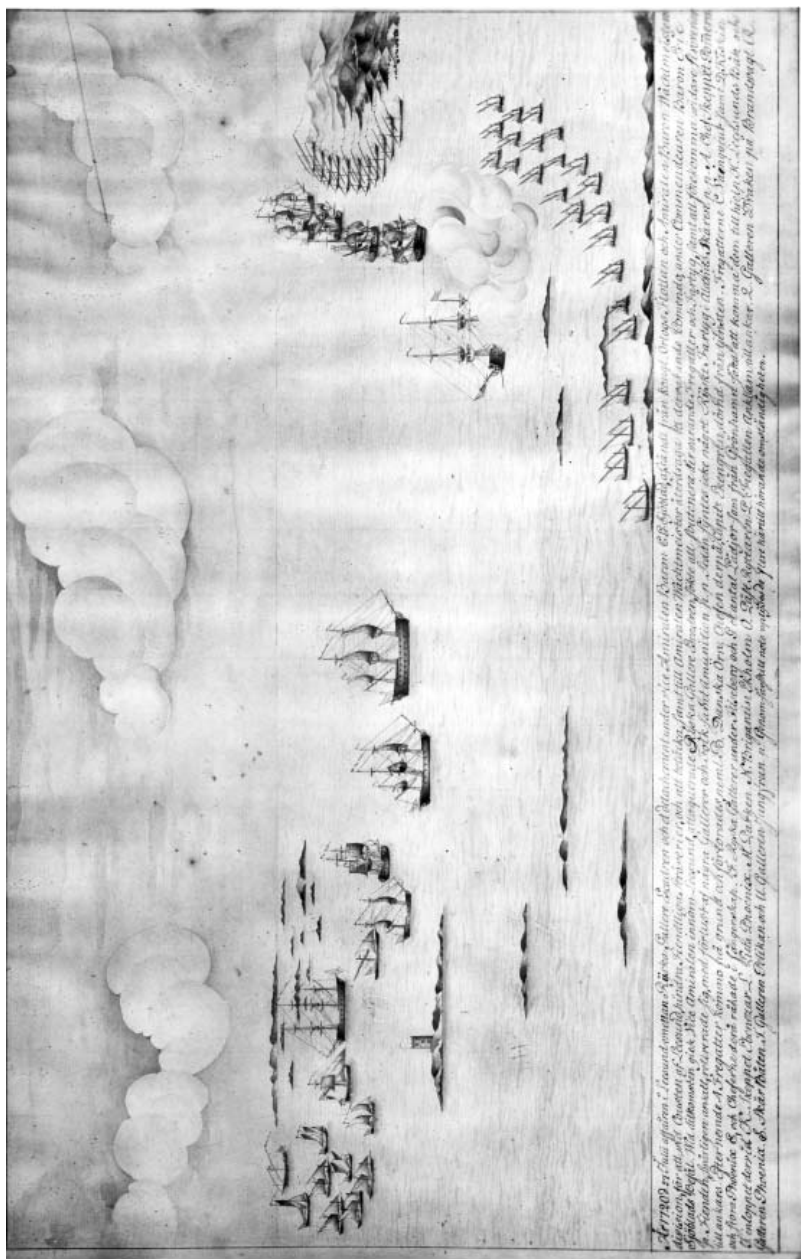
Тем важнее выявление и введение в научное обращение новых источников по истории баталии. Совсем недавно, 24 августа 2017 г., Морской музей (Marinmuseum) в Карлскруне (Швеция) опубликовал на своём сайте сделанные в 1937 г. фотографии двух рисунков с изображением баталии 27 июля 1720 г.² Рисунки выполнены профессиональным мастером, имеют как сходство, так и различия. Они едины по технике и стилистике исполнения и явно созданы в одно и то же время, думается, одним художником. Напрашивается предположение, что они были выполнены

для того, чтобы по ним по свежим следам с целью создания в стране ложного информационного поля была изготовлена и растиражирована пропагандистская гравюра. Дело в том, что оба рисунка отражают именно линию шведской пропаганды на распространение в значительной части лживых, выгодных шведской стороне, сведений о битве. Однако сражение завершилось убедительной победой россиян. Его многочисленные участники, ушедшие от русской погони, без сомнения, разнесли по Стокгольму вести о неудачном исходе столкновения с русскими. Напечатание такой гравюры было бы, следовательно, весьма неуклюжей мерой, слишком явно изобличило бы лживый характер пропаганды. Пожалуй, следует предположить другое. Показанная на рисунках пропагандистская версия хода сражения безраздельно господствовала в шведской историографии приблизительно до конца XX столетия³. Потеряв некоторые свои составные части, в своей основе она повторяется и в современных трудах⁴. Поэтому более вероятно, что рисунки были выполнены позднее. По стилистике изображений и почерку надписей они были созданы, скорее, в последней трети XVIII столетия. Безусловно, что при их подготовке были использованы богатые архивные материалы.

Один из рисунков имеет заголовок, звучащий в переводе со шведского языка: «Сражение 27 июля 1720 года между Королевской шведской эскадрой во главе с вице-адмиралом бароном К. Г. Шёбладом и русской галерной эскадрой, у которой случилось поражение». Ценность рисунка как исторического источника существенно возрастает в силу того, что у изображений на нём проставлены 20 латинских литер, к которым сделаны в легенде содержательные пояснения⁵. Второй рисунок озаглавлен так: «Сражение в Леесунде между русской галерной эскадрой и отрядом вице-адмирала К. Г. Шёблада, высланным из Королевского военно-морского флота и дивизии адмирала барона Вактмейстера, чтобы противодействовать пребывающему у берегов Леесунда неприятелю и, кроме того, прикрыть отход к адмиралу Вактмейстеру отряда под командованием командора барона Эрика Шёблада». В подрисуночной легенде также имеются 20 литер, к которым привязаны пояснения — ценные исторические свидетельства. Однако использование изложенных под литерами сведений затруднено тем, что на самом рисунке они не проставлены и не всегда можно с достоверностью определить, к какому изображению они относятся⁶.

Итак, что нового может принести в изучение темы морской битвы 27 июня 1720 г. введение в научное обращение шведских рисунков?

Происхождение русского наименования битвы. Прежде всего, любопытны новые данные о появлении в России устойчивого названия битвы — битва при Гренгаме. На обоих шведских рисунках сказано, что

Art. 1700. In this opinion I have written the history of the war between the British and the French in the year 1700. The British fleet was commanded by Admiral Roope, and the French by Admiral de la Bourdonnais. The British fleet was defeated at the battle of the Clouds, and the French fleet was victorious. The British fleet was then ordered to retreat, and the French fleet followed them. The British fleet was then ordered to return to the coast, and the French fleet followed them. The British fleet was then ordered to return to the coast, and the French fleet followed them.

русские двигались к месту главного действия сражения «с Гренгама» (*швед.* från Grönhamn), то есть шведы воспринимали место сосредоточения русских галер перед началом сражения не по названию острова, но по наименованию плёса Грэнхамн. В «Истории Свейской войны», готовившейся к публикации ещё при жизни Петра Великого, говорится «о счастливом бою» «при острове Грейнгама». В «Истории» упоминается, что накануне шведской атаки на военном совете галерному флоту было определено выйти «к острову Грейнгама (где было место для наших галер способное)»⁷. Сражение в Аландских островах названо на русской гравюре, выполненной А. Ф. Зубовым в 1721 г., также: «Баталия при Грейнгаме июля 27 1720».

Получается, что исторически закрепившееся русское название сражения появилось достаточно случайно. Главное событие баталии (захват четырёх шведских фрегатов) состоялось перед входом в пролив Флиссунд. С востока от пролива расположен большой гористый остров Флиссберг (или, как его называли русские, Фрисберг). Этот остров-гора определял вид места баталии, этого прибрежного урочища. Командовавший галерным флотом генерал М. М. Голицын так и писал в реляции, что после начала шведской атаки русские галеры стали отходить плёсом «в прежнюю гавань Фрисберг»⁸.

Грэнхамн (*швед.* Gränhamn) — в гряде из трёх островков южный. В русской огласовке он именуется Гренгам; современное наименование Грэнхамнскольм. Эти острова образуют защиту плёса (залива, гавани) от волн и ветров. Гряда островков расположена близ восточного побережья пролива Ледсунд (или Фёгле-фиорд, или Ле-фиорд). В действительности остров Грэнгам очень невелик (до 400 м в окружности). Соседний остров Рёдшер, главный в гряде, в два раза протяжённее. Именно с тихих вод плёса, отделённых от широкого пространства Ледсунда грядой островков и утёсов, М. М. Голицын начал свой отступательный манёвр к месту, где состоялось взятие 4 шведских фрегатов. Шведский атлас Н. Стрёмкрудны (1737) показывает за этими островками, на плёсе место якорной стоянки. Атлас также обозначает проход для мелкосидящих судов между Грэнгамом и лежащим восточнее большим островом Хаммарё⁹. Именно по этому фарватеру в случае, если стихнет ветер, решительный М. М. Голицын намеревался сам атаковать шведов. Шведы же атаковали российские галеры по главному фарватеру, идущему посередине Ледсунда.

Численность, состав и боевой порядок шведской эскадры. Данные исследуемых рисунков исключительно важны для выяснения численности, состава и боевого порядка атаковавшей россиян шведской эскадры.

В современных исследованиях продолжают повторять сведения, извлечённые из «Морского атласа» и тома описаний к его картам (1958, 1959)¹⁰. Авторы «Морского атласа» порядок размещения кораблей

в шведской линии баталии, не располагая соответствующими данными источников, показали предположительно. Они разместили корабли по убыванию боевой мощи: впереди линейный корабль, затем 4 фрегата, шнява, два вспомогательных судна и в конце — 6 парусно-гребных судов¹¹. Следует отметить грубую ошибку авторов. Вместо численности атакующей шведской эскадры они привели данные приблизительных наблюдений с расстояния более 10 вёрст М. М. Голицына за шхерной эскадрой капитан-командора Э. Шёблада. Эта эскадра стояла у входа в пролив Ледсунд. Генерал провёл удалённые зрительные наблюдения за день до сражения («26-го числа ездили мы... осмотреть»). Тогда М. М. Голицын предположил, что неприятельская эскадра состояла из линейного корабля, 4 фрегатов, шнявы, галиота, бригантины, 3 галер и 3 шхерботов¹². Авторы «Морского атласа» повторили и «обобщили» эти сведения. Они назвали галиот и бригантину двумя вспомогательными кораблями, 3 галеры и 3 шхербота обозначили на карте и в «Описании к картам» как 6 парусно-гребных судов (3+3=6). Однако это данные именно приблизительных наблюдений, выполненных за день до сражения, и они не учитывают того, что в день баталии к эскадре Э. Шёблада присоединились флагманский линейный корабль вице-адмирала К. Г. Шёблада и ещё 4 фрегата, которые приняли участие в атаке на русский галерный флот!

Согласно допросам офицеров шведского флота, сделанным в первые дни по окончании баталии, когда в 4 часа дня 27 июля внушительная шведская эскадра двинулась с целью атаковать русский галерный флот, сначала впереди шёл линейный корабль К. Г. Шёблада. На плёсе Ледсунда его обошли четыре фрегата. Сведения заслуживают полного доверия — так излагали действия эскадры, служившие на пленённых фрегатах офицеры. Порядок дальнейшего следования шведских судов назван в архивном источнике «Реэстр линее, учиненной к баталии, шведских судов...». Этот «Реэстр» был составлен на основании допросов пленных офицеров шведского флота и приложен к письму бригадира И. Ф. Барятинского генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину от 30 июля 1720 г. Он был введён в научный оборот автором настоящей статьи¹³.

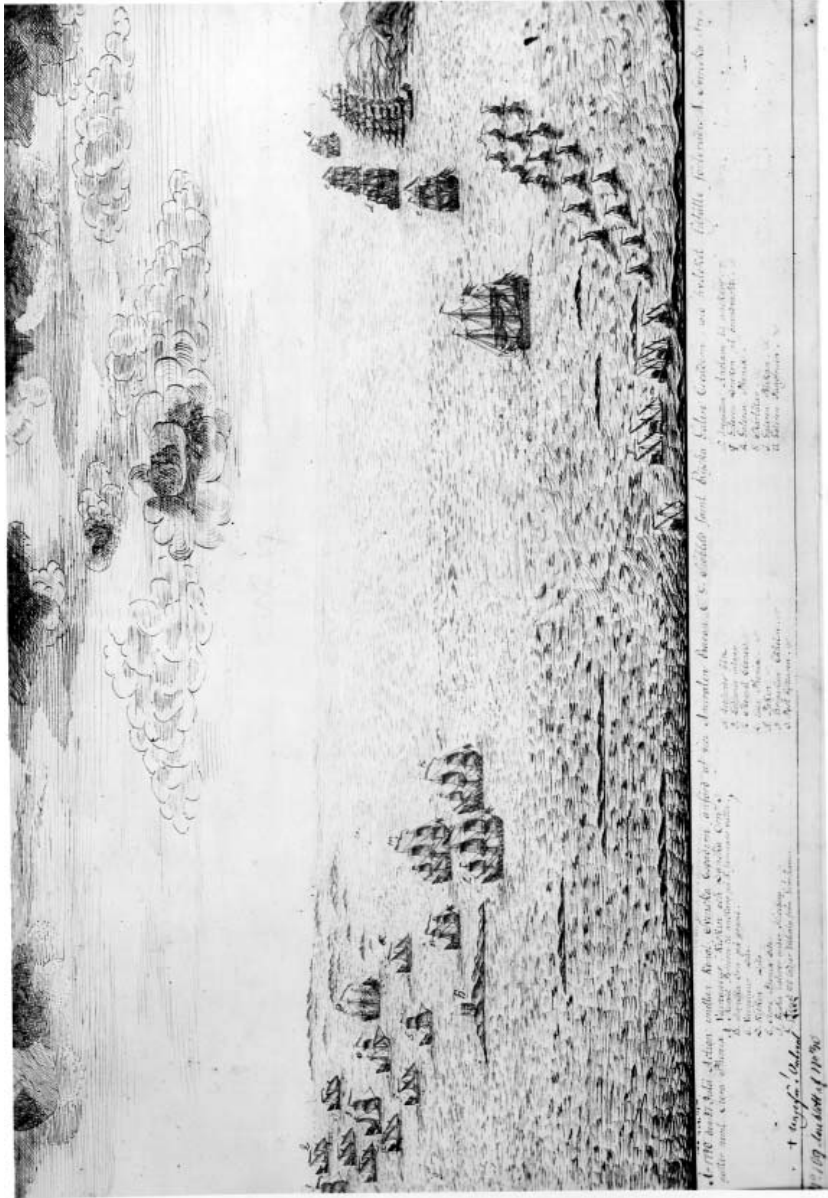
Первым навстречу противнику двигался фрегат с символическим названием «Венкер» (победитель). Вслед за ним следовали фрегаты «Данск Эрн», «Стор Феникс», «Кискин» и флагманский корабль «Поммерн». За флагманом шла галера «Пеликан» с Э. Шёбладом на борту. Галера показана следом за флагманским кораблём и на рисунке А. Фалкенгрена (1722)¹⁴. Далее следовали остальные корабли шведской эскадры (с небольшим отставанием). Это фрегат «Эбенецер», за ним галера, фрегат «Пакан», ещё одна галера, фрегат «Лилла Феникс», галера, фрегат «Анклам», бригантина «Икорн» и 3 шхербота¹⁵.

Данные шведских рисунков авторитетно подтверждают, что впереди атаковали российские галеры 4 фрегата. За ними следовал флагманский линейный корабль «Поммерн» (на значительном отдалении!). Однако порядок следования фрегатов назван другим: «Данск Эрн», «Венкер», «Кискин», «Стора Феникс»! На рисунке капитана А. Фалкенгрена¹⁶, командира фрегата «Венкер», нарисованном для оправдания во время судебного процесса против него, тоже показан, как можно считать, другой порядок размещения фрегатов. Далее всех зашёл вглубь расположения русских сил, почти к самому входу в пролив Флиссунд, «Венкер», чуть менее за ним углубился в сторону русских галер «Кискин», потом следовал «Стор Феникс», менее всех из фрегатов углубился в сторону пролива Флиссунд «Данск Эрн». Пожалуй, нельзя отрицать, что за флагманским «Поммерном» следовала флагманская галера Э. Шёблада «Пеликан». Имеется свидетельство очевидца, заявившего о повреждениях «Поммерна» в ходе сражения: «Оной карабль и одну галеру, коя была при карабле, видел... во многих местах над водою пробиты и с нуждою доведены в Ваксгольм и там починивают...»¹⁷.

Если попытаться подвести итог, по выявленным противоречивым материалам, включая обнаруженные два новых шведских рисунка, бесспорно, что флагманский «Поммерн» замыкал строй (не считая галеры «Пеликан»), следуя за четырьмя фрегатами, а «Венкер» шёл первым.

Важны и сведения, приведённые в надписях на рисунках, о наличии в составе второй, отставшей, части двинувшейся в атаку части шведской эскадры фрегатов «Анклам», «Эбенецер», малых фрегатов «Лилла Феникс», «Пакан», бригантины «Икорн» («Экхолм»), галер «Пеликан», «Феникс», «Юнгфруен», «Дракен» (стояла на дозоре), судна «Пост Рюттарен» и 3 шхерботов.

Атака русских галер в тыл передовой части шведской линии баталии. Начиная с 2004 г. в научных исследованиях приводятся сведения о таком важном элементе тактики русского галерного флота, как атака со стороны оставшихся на плёсе Гренгам русских галер в тыл вышедшей вперёд части шведской эскадры. Согласно «Экстракту о службах» М. М. Голицына, после того как четыре передовых шведских фрегата развернулись для стрельбы, «наши галеры пресекли курс», то есть перекрыли путь отступления неприятельским фрегатам, которые в итоге захода галер в тыл оказались окружёнными. Удачный манёвр был осуществлён тем отрядом из приблизительно 20 галер, которые, по наблюдениям шведов, медлили с отступлением с плёса к Горе Флиссё (Флиссёберг). Этим галерам ветер зюйд-зюйд-вест был попутным. Они могли поэтому стремительно выйти в тыл противнику¹⁸. Осведомлённый офицер-англичанин Д. Ден, служивший тогда в русском флоте, так писал об этом тактическом

Die Schlacht bei Trafalgar, am 21. October 1805. Die britische Flotte unter Admiral Nelson, bestehend aus 27 Schiffen, hat die französische Flotte unter Admiral Villeneuve, bestehend aus 33 Schiffen, vernichtet. Die britische Flotte ist durch die Schlacht in drei Hauptgruppen getrennt: die britische Flotte, die französische Flotte und die spanische Flotte. Die britische Flotte ist durch die Schlacht in drei Hauptgruppen getrennt: die britische Flotte, die französische Flotte und die spanische Flotte.

манёвре в тыл шведов: «...лишь только они вошли в шхеры, остальные галеры, которые укрывались невдалеке, явились на помощь своим товарищам и окружили шведов со всех сторон»¹⁹.

Шведские рисунки зафиксировали этот удар! На одном из них показаны 23, на другом 24 русских двухмачтовых галеры с подобранными парусами, идущие на гребле «с Грёнгамна» на выручку к вступившим в сражение под Горой Флисе под командованием М. М. Голицына остальным русским галерам. Движение русских галер с грёнгамского плёса к месту баталии обозначено и на рисунке участника баталии, командира фрегата «Венкер» А. Фалкенгрена (1722)²⁰. Таким образом, шведские рисунки надёжно подтверждают факт удара (23 или 24) русских галер в тыл передней части шведской эскадры.

Вступила ли в сражение вторая часть шведской линии баталии? Х. Тегенгрэн утверждал, что передовые линейный корабль и фрегаты, вовлечённые в ожесточённое сражение, «поддерживались огнём остальных кораблей»²¹. Э. Хурнборг писал приблизительно тоже: «...остальная часть шведской эскадры серьёзно влияла на сражение»²². Однако на шведских рисунках следовавшая за «Поммерном» и 4 фрегатами остальная часть эскадры изображена на слишком значительном удалении. При бывшем тогда волнении вести действенный огонь из орудий в таком положении было невозможно. Клубов пушечного дыма ни у одного из оказавшихся в большом отдалении шведских кораблей и не показано. Не сообщают о таком огне и русские материалы. Налицо противоречие надёжных источников с литературной шведской версией баталии. Более того, наиболее мощный из уклонившихся от вступления в сражение фрегат «Анклам» на шведских рисунках назван вставшим на якорь либо якоря (*швед. till ankar; til anckars*)!

Таким образом, сделанные в шведской историографии попытки героизировать действия уклонившейся от вступления в сражение наиболее многочисленной части шведской эскадры не находят опоры в шведских же источниках. Дополнительные данные со шведских рисунков позволяют заключить, что следовавшая с отставанием вторая часть шведской боевой линии, увидев развитие ситуации, встала на якорях либо легла в дрейф. Русские источники тоже не сообщают о том, что она существенно приблизилась к месту баталии, вела артиллерийский огонь, достигавший до русских галер. Напротив, М. М. Голицын в реляции написал, что прекращению преследования галерами «Поммерна» поспособствовало и то, что «також и с моря еще 2 судна показались»²³. Иными словами, русский флотоводец засвидетельствовал, что в самом конце баталии вдалеке лишь «показались» два приближавшихся шведских корабля. Идти на помощь было уже не к кому, и вскоре вторая часть швед-

ского боевого строя, понаблюдав происходящее впереди, развернулась и двинулась обратно.

Потерял ли «Поммерн» свой якорь при отступлении? Вопрос, кажется, третьестепенный. Однако по существу от ответа на него зависит суждение: отходил ли флагманский корабль шведов «с достоинством» или же пустился в безудержное паническое бегство?

Адмирал А. И. Нагаев (1704–1781) записал предание о манёвре, проделанном вице-адмиралом К. Г. Шёбладом, который позволил его флагманскому кораблю уйти от погони на завершающей стадии сражения. Если при «преследовании» им русских галер, отходивших к выгодному месту контратаки, ветер для шведской боевой линии был попутным, то для вынужденного отхода, — как тогда говорили, противным. Шведский вице-адмирал, «усмотря, что фрегаты его сдались россиянам и опасаясь сам подобной участи, решился бежать. При сём... должен был плыть прямо против ветра, сражаясь в то же время с галерами нашими, котория... напали на него со всею жестокостию»²⁴. Нагаев, закончивший курс Морской академии ещё в 1721 г., конечно, слышал множество рассказов о сражении от его непосредственных участников. Очевидно, что один из них он и передал в своём труде. Он сообщал, что при отступлении «Поммерн» не сумел повернуть оверштаг, то есть для перехода на другой галс пересечь линию ветра носом: «Опытный и искусный мореходец сей не потерялся от стечения толиких бедствий, но кинул якорь, не убирая парусов, и продолжал пальбу с обоих бортов. Когда корабль его пришёл против ветра, то он, отрубя канат, наполнил паруса и направя путь свой в пролив, избежал отлично искусным манёвром сим явного плена. Ежели бы сей искусный морской офицер, — продолжает адмирал Нагаев, — начал опять наполнять паруса на прежний галс, то стал бы непременно на мель; а ежели бы вздумал поворачивать через фордевинд (пересекая линию ветра кормой. — П.К.), то был бы верно жертвою галерного флота нашего»²⁵.

Использование двух шведских рисунков баталии позволяет подтвердить, что подробность с отрубанием якоря шведским флагманским кораблём, чтобы не быть захваченным русскими галерами, действительно имела место. На обоих пропагандистских рисунках «Поммерн» показан с подобранными парусами. В надписях к его изображению сказано, что он встал «на якорю на пяти сажнях глубины» (*швед.* til anckars på 5 famnars vattin; til anckars). На одном из рисунков корабль изображён ведущим сильнейший артиллерийский огонь — от него разносятся ветром густые клубы порохового дыма. На другом — клубов дыма нет. На обоих рисунках он изображён на известном удалении от вышедшей вперёд боевой линии из четырёх шведских фрегатов под парусами. Фрегаты атакуют

прижатые к берегу «русские галеры под Флисе́бергом» — число русских галер дано условное, приблизительно в три раза убавленное (11). Если подытоживать, вице-адмирал Шёблад действительно остерётся следовать далее за фрегатами из опасения встать на мель и уstraшившись наблюдаемой им ожесточённой контратаки русских галер под командой М. М. Голицына. Подтверждаются, следовательно, сведения А. И. Нагаева, что «Поммерн», наблюдая отчаянное положение ушедших вперёд фрегатов, «опасаясь сам подобной участи, решился бежать». Очевидно, что приняв такое решение, вице-адмирал, не снимаясь с якоря, поставил паруса и, как пишет Нагаев, «когда корабль его пришёл против ветра... он, отрубя канат, наполнил паруса и направя путь свой в пролив, избежал отлично искусным манёвром сим явного плена». С помощью шведских рисунков удаётся, как представляется, не только подтвердить реальность описанного эпизода, но и добавить подробности.

Пропагандистские подтасовки в подписях на шведских рисунках. С одной стороны, исследуемые шведские рисунки — важный исторический источник, с другой — они содержат пропагандистские вымыслы. Последние призваны были скрасить горечь поражения, списав часть причин на «объективные обстоятельства», и создать видимость успехов шведов в ходе баталии. Следует их кратко упомянуть.

При отходе основной части русских галер с плёса Гренгам якобы следовавшие параллельно шведские корабли вели орудийный огонь. В ходе этого боевого соприкосновения будто бы «неприятель, жестоко атакованный, ретировался с потерей нескольких галер и людей, также амуниции»²⁶. Этот «факт» не нашёл отражения ни в подробной ведомости об ущербе, полученном галерами в сражении, ни в донесении М. М. Голицына²⁷.

На обоих рисунках в подписях утверждается, что все четыре шведских фрегата оказались «на мели» (*швед. på grund*). Это устойчивая часть шведской пропагандистской версии баталии, дожившая в шведской научной литературе до наших дней. Автор статьи с 1999 г. показывает, что на мель сели только два шведских фрегата: «Данск Эрн» и «Стор Феникс». Двумя другими овладели «на парусах на свободной воде»²⁸.

Итак, общий вывод представляется очевидным — введённые в научное обращение шведские рисунки, изображающие морскую баталию при Гренгаме, являются ценным историческим источником, но использовать их следует, применяя методы критического анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доценко В. Д. Победа при Гренгаме // Доценко В. Д. Морские битвы России. XVIII—XX вв. СПб., 1999. С. 25–31; Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы // Кротов П. А. Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014. С. 99–124; Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 519–559.

² Морской музей (Швеция, г. Карлскруна). Identifier: IV 398; IV 399. Автор благодарит Д. А. Сидорова (Н. Уренгой) за сообщение о местонахождении этих изобразительных источников.

³ Из не столь отдалённых по времени публикаций см.: *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid* // *Acta Academiae Aboensis. Ser. humaniora*. 1942. № XIV, 3. S. 3–37; *Svenska flottans historia: Ölogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram till våra dagar*. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 152–153; *Hornborg E. Karl Siöblad och slaget vid Flisö* // *Skrifter av Sjöhistoriska Samfundet*. 1944. Bd. 4. S. 42–68; *Dreijer S. Slaget vid Flisöberg 1720* // *Åländsk odling. Årsbok 1989*. Mariehamn, 1990. S. 143–152.

⁴ Например: *Wolke L. E. Sjöslag och rysshärjningar. Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700–1721*. Stockholm, 2012. S. 158.

⁵ Морской музей (Швеция, г. Карлскруна). Identifier: IV 399.

⁶ Там же. Identifier: IV 398.

⁷ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 510.

⁸ Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1. С. 324.

⁹ Воспроизведение карты из атласа Н. Стрёмкруны: *Hornborg E. Karl Siöblad och slaget vid Flisö*. S. 44.

¹⁰ Доценко В. Д. Победа при Гренгаме. С. 26; Ростунов И. И., Агеев В. А., Осипова М. Н., Соколов Ю. Ф. История Северной войны 1700–1721. М., 1989. С. 168.

¹¹ Морской атлас. Т. 3: Военно-исторический. Ч. 1. М., 1958. Л. 12; Морской атлас. Т. 3: Военно-исторический Ч. 1: Описания к картам. М., 1959. С. 229.

¹² Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 2. С. 506.

¹³ Кротов П. А. Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным) // Меншиковские чтения. 2004. СПб., 2004. С. 72.

¹⁴ Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы. С. 113.

¹⁵ Там же. С. 108–109.

¹⁶ Фотокопию рисунка см.: Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 113, 115.

¹⁸ Кротов П. А. Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным). С. 78.

¹⁹ Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 102.

²⁰ Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы. С. 113.

²¹ Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid. S. 21.

²² Hornborg E. Karl Siöblad och slaget vid Flisö. S. 52.

²³ Кротов П. А. Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным). С. 84.

²⁴ Берх В. Н. Историческое известие о морской Гренгамской баталии // Славянин: Военно-литературный журнал. 1828. Ч. 5. № 5. С. 149–157. С. 152–153.

²⁵ Там же. С. 153.

²⁶ Шведский текст: Fienden, swårligen ansatt, retirerade sig med förlust af några Gallerer och Folk samt Amunition. — Морской музей (Швеция, г. Карлскуна). Identifier: IV 398.

²⁷ Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы. С. 108.

²⁸ Кротов П. А. Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты // Пётр Великий и его время. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 290-летию Полтавской победы. СПб., 1999. С. 85.

ЛИТЕРАТУРА

Берх В. Н. Историческое известие о морской Гренгамской баталии // Славянин: Военно-литературный журнал. 1828. Ч. 5. № 5. С. 149–157.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. В 2 выпусках. М.: Изд-во «Круг», 2004. Вып. 1. 632 стр.

Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. 192 стр.

Доценко В. Д. Победа при Гренгаме // Доценко В. Д. Морские битвы России. XVIII–XX вв. СПб.: Судостроение, 1999. С. 25–31.

Кротов П. А. Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты // Пётр Великий и его время. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 290-летию Полтавской победы. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. С. 84–87.

Кротов П. А. Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным) // Меншиковские чтения — 2004. СПб.: Историческая иллюстрация, 2004. С. 59–106.

Кротов П. А. Триумф российских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: факты и мифы // Кротов П. А. Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М.: Яуза: ЭКСМО, 2014. С. 99–124.

Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 стр.

Материалы для истории русского флота. СПб.: Изд. Мор. мин-ва, 1865. Ч. 2. VIII, 725 стр.

Морской атлас. Т. 3: Военно-исторический. Ч. 1: Листы 1–45. М.: Изд. Гл. штаба ВМФ, 1958. 45 л., 23 стр.

Морской атлас. Т. 3: Военно-исторический Ч. 1: Описания к картам. М.: Изд. Гл. штаба ВМФ, 1959. 942 стр.

Ростунов И. И., Агеев В. А., Осипова М. Н., Соколов Ю. Ф. История Северной войны 1700–1721 гг. М.: Наука, 1989. 215 стр.

Северная война: Документы 1705–1708 гг. // Сборник военно-исторических материалов. СПб.: Изд. Военно-учёного комитета Главного штаба, 1892. Вып. 1. XXXII, 336, 55, XXIV стр.

Drejjer S. Slaget vid Flisöberg 1720 // Åländsk odling. Årsbok 1989. Mariehamn, 1990. S. 143–152.

Hornborg E. Karl Siöblad och slaget vid Flisö // Skrifter av Sjöhistoriska Samfundet. 1944. Bd. 4. S. 42–68.

Svenska flottans historia: Örlogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram till våra dagar. Malmö: AB Allhems förlag, 1943. Bd. 2: Åren 1680–1814. I och II perioderna från Karlskronas anläggning till frihetstidens slut. 561 S.

Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid // Acta Academiae Aboensis. Ser. humaniora. 1942. № XIV, 3. S. 3–37.

Wolke L. E. Sjöslag och rysshärjningar. Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700–1721. Stockholm: Norstedts, 2012. 351 S.

Г. А. Гребенщикова

**«СТРАННО И НЕПОСТИЖИМО,
ЧТО АДМИРАЛ ЧИЧАГОВ НЕ ИДЕТ КО МНЕ НА ПОМОЩЬ»
(К вопросу о действиях главнокомандующего флотом
в войне России со Швецией в 1788–1790 годах)**

В царствование Екатерины II Российская империя выдержала две тяжёлые войны — с Турцией на Чёрном море и со Швецией на Балтике в 1787–1791 и 1788–1790 гг. соответственно. Ведение боевых действий на двух театрах одновременно зачастую ставило державу на грань катастрофы, но Россия выстояла, а на Чёрном море благодаря таланту и военно-морскому искусству адмирала Ф. Ф. Ушакова одержала блестящие победы, в результате которых подписала мир с Турцией на выгодных условиях, удержала Крым и приобрела новые земли. Но совершенно противоположная ситуация сложилась на Балтике, когда главнокомандующий флотом адмирал В. Я. Чичагов не реализовал имевшегося у него значительного преимущества над шведами по боевой силе, проявил нерешительность и — прямо говоря — преступную пассивность. Он сказывался больным в то время, когда ему следовало активно воевать, уклонялся от сражений и отстаивался на якорях, ссылаясь на мели и мелководье. В течение трёх лет произошло пять сражений корабельных эскадр — Гогландское, Эландское, Ревельское, Красногорское и Выборгское, но в Гогландском и Красногорском В. Я. Чичагов участия не принимал, в Эландском уклонялся от баталии на ближних дистанциях и фактически проиграл сражение, бой под Ревелем принял на якорь, позволив шведам свободно войти в Финский залив, а под Выборгом стоял на дальних дистанциях, выпустив из залива огромный парусно-гребной флот противника во главе с королём.

Вторжение шведов в пределы Российской империи произошло не случайно и не спонтанно: тому предшествовали особые причины и обстоятельства. Шведский король Густав III начал основательную подготовку к войне с державой, которой управляла его двоюродная сестра

российская императрица Екатерина II, ещё с конца 1770-х гг. Отец Густава III шведский король Адольф I Фредрик — бывший Голштинский (Голштейн-Готторпский) герцог и епископ Любский, приходился родным братом матери Екатерины II княгине Ангальт Цербстской Иоганне-Елизавете и был женат на родной сестре прусского короля Фридриха II Луизе Ульрике фон Гогенцоллерн.

Густав III вынашивал планы поквитаться с Россией за крупный проигрыш в Северной войне его предшественников на троне с момента вступления на престол в 1772 г., но в тот, начальный период правления Густава от столь необдуманного шага его удерживал великий дядя — прусский король Фридрих II. Обладая огромным политическим опытом и проведя большую часть жизни в военных походах, Фридрих убеждал племянника не совершать необдуманных поступков и предсказывал ему большие затруднения в будущем, если он не умерит своих амбиций. А Екатерина II в свою очередь, просила вице-канцлера И. А. Остермана предупредить шведского посланника барона И.-Ф. Нолькена, что «ежели шведскому королю придет охота пощипаться с Россией, то она не останется у него в долгу»¹.

Но желание «пощипаться с Россией» у шведского короля не исчезало, и мудрым советам Фридриха Великого он внимал не долго. В конце 1770-х гг. Густав вплотную приступил к реформированию вооружённых сил и наращиванию военной мощи Швеции. В тот период на главной кораблестроительной верфи в Карлскроне много и продуктивно трудился корифей шведского судостроения Фредерик Генрих Чапман, поставляя королевскому флоту первоклассные корабли и фрегаты. Так, по программе 1782 г. шведы строили корабли 64-пушечного ранга большего водоизмещения, чем российские мастера строили 66-пушечные. А шведские фрегаты 40-пушечного ранга были длиннее российских такого же ранга на 10 футов (3,05 м), и вооружали их крупнокалиберной артиллерией — 24-фунтовыми короткими пушками, а при необходимости ставили на открытой палубе 12-фунтовые вместо 6-фунтовых. Во время боевой кампании такие фрегаты могли нести до 50 орудий; их проектирование и постройка обуславливалась целями будущей службы — согласно стратегической концепции развития военно-морских сил и принятой наступательной доктрине. Такие фрегаты предназначались к построению в боевую линию (линию де баталии) вместе с кораблями для усиления плотности огня и увеличения массы выбрасываемого металла в снарядах с одного борта, поэтому фрегат на любой фазе боя мог заменить вышедший из строя корабль.

Замысел Чапмана в отношении проекта линейного фрегата чётко отразился в его высказывании: «Фрегаты имеют только одну батарею.

На сей батарее ставят пушки того же калибра, как у двухдечных кораблей на втором деке. Батареи больших фрегатов имеют в постановлении не более 15 пушек с одного борта; большие фрегаты должны иметь батарею выше от воды, нежели линейные корабли, для того, чтобы её открывать в том случае, если линейный корабль не сможет открыть нижних портов и вынужден будет действовать только верхними пушками. Поэтому на крупных фрегатах вся команда должна жить на нижней палубе, а значит вся провизия, канаты и прочие принадлежности должны помещаться в трюме»². Следуя такой концепции, мастер достиг удачного компромиссного варианта, и полученное им инженерное решение впоследствии позволило главнокомандующему шведским флотом ставить фрегаты в линию баталии вместе с кораблями. Но стоит подчеркнуть, что Чапман никоим образом не рассматривал фрегат с одной орудийной батареей и артиллерией главного калибра — 24-фунтовыми пушками как полный аналог корабля. По массе выбрасываемого металла в снарядах линейный корабль с двумя закрытыми батареями всегда превосходил фрегат.

Согласно принятой программе, с 1782 по 1785 г. Ф. Чапман построил десять тяжёлых фрегатов — «Bellona» (головной), «Minerva», «Venus», «Diana», «Froja», «Thetis», «Camilla», «Galathea», «Euredice» и «Zemire». Их длина составляла 150 футов (45,72 м), ширина без обшивки — 39 футов (11,89 м), глубина интрюма — 16 футов (4,88 м). Артиллерийское вооружение состояло из 26 24-фунтовых коротких пушек облегчённой конструкции в деке (на оба борта) и 14 6-фунтовых пушек на квартердеке и форкастеле. Экипаж составлял 342 человека³. Среди перечисленной серии особенно выделялся фрегат «Venus» постройки Ф. Чапмана, ставший военным трофеем россиян. Мастер применил тогда все новейшие достижения и разработки, с учётом предыдущего опыта, и его труд вполне оправдался. «Venus» отличался добротностью и качеством постройки, остойчивостью, отличной маневренностью и управляемостью, мореходностью и скоростью хода.

Об этих и других новостях из Стокгольма и в целом об обстановке у северных соседей в Зимнем дворце узнавали из дипломатических депеш, из перлюстрированной почты шведского посланника в Петербурге барона А.-Г. Нолькена и из поступавшей к нему корреспонденции из Швеции. Так, в письме Нолькену из Стокгольма от 2 (13) мая 1785 г. содержалась информация о предстоявшей инспекционной поездке короля на смотр двух конных полков, которые «будут производить военные экзерции». Затем Густав III намеревался выехать в Карлскрону, «чтоб обозреть флот и верфь, а после отправиться в Финляндию, где лагерь из 5000 человек войск будет». Посетив заодно Свеаборг, король в начале июня выехал «к финляндской эскадре осматривать армейский флот, по-

полнившийся судами новой конструкции — туремы, удемы и поемы, под начальством обер адмирала графа Эренсверда». В присутствии короля эскадра совершала маневры и эволюции и получила одобрение короля⁴. В состав армейского флота шведов входила галерная флотилия (32 единицы), базировавшаяся на Гельсингфорс и Стокгольм. Согласно шведской статистике, на начало 1788 г., в Карлскроне числилось 26 линейных кораблей 70- и 64-пушечного рангов⁵. Все шведские корабли и фрегаты по артиллерийскому вооружению отличались компактностью установки орудий и упорядоченностью калибров, в результате чего при стрельбе шведы достигали высокой огневой плотности.

В отличие от Швеции, для России открытие кампании на Балтике стало неожиданностью: Санкт-Петербург не планировал воевать со шведами и к той войне не готовился. С начала 1780-х гг. Кабинет Екатерины II целенаправленно занимался разработками в области глубокой стратегии в средиземноморском направлении, и в отношении главного потенциального противника на юге — Османской Порты (Турции) принял наступательную военную доктрину. Разработчиками доктрины являлись высшие сановники империи и военные деятели: адмирал С. К. Грейг, граф А. А. Безбородко, светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический, граф П. А. Румянцев-Задунайский и другие. Доминирующей концепцией новой доктрины стало осуществление Второй экспедиции Балтийского флота в Средиземное и Эгейское моря и вторжение в пределы Османских владений в случае войны с Турцией. После прихода флота в греческий Архипелаг предполагалось поднять мятеж среди христианских подданных султана и ослабить Турцию изнутри; важным пунктом предстоявшей масштабной операции являлся захват Дарданелл силами флота и десантных войск. Стержневая идеологическая составляющая замысла Екатерины II сводилась к выполнению хорошо известного в историографии «Греческого проекта», направленного на возрождение сильной Византийской империи под скипетром Российской державы, с воцарением на константинопольском престоле своего второго внука Константина Павловича. Начав подготовку флота к походу в Средиземное и Эгейское моря, в Санкт-Петербурге конечной целью ставили выведение Турции из числа потенциальных противников — так, чтобы у османов уже не оставалось возможностей и ресурсов для представления перманентной угрозы России. Санкционируя захват Черноморских Проливов, чтобы продиктовать султану условия России, Екатерина II намеревалась осуществить это с двух сторон — со стороны Мраморного моря силами балтийских эскадр и со стороны Чёрного моря, на что нацеливала создававшийся Черноморский флот. В 1780-х годах в Херсоне развернулось строительство первых линейных кораблей, предназначенных для службы

на Чёрном море, а на верфях Хопра строили линейные фрегаты — также для Чёрного моря⁶.

Екатерине II прочным гарантом для успешной реализации основных геополитических и стратегических проектов служило вхождение Крыма в состав Российской империи и создание в Севастополе базы Черноморского флота. Но крайне негативная реакция Высокой Порты на приобретение Россией Крымского полуострова побудила российское руководство поторопиться с практической реализацией средиземноморского похода. В Зимнем дворце понимали, что в создавшейся обстановке чрезмерного обострения отношений с Османского Портой вторая война с турками неизбежна, поэтому в Кронштадте к дальнему вояжу в Средиземное море приступили к подготовке балтийской эскадры из 15 линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских и нескольких транспортных судов. В состав эскадры включили три корабля 100-пушечного ранга — самых мощных на тот период линейных кораблей с высоким уровнем боевых возможностей, специально спроектированных применительно к службе в Средиземном море. Корабли получили наименования в честь своих героических предшественников, принимавших участие в Чесменском сражении русского флота с турецким в июне 1770 года: «Трёх Иерархов», «Саратов» и «Иоанн Креститель» («Чесма»). Главнокомандующим морскими силами Екатерина II назначила адмирала С. К. Грейга; ему ставилась задача обойти с флотом вокруг Европы и выйти в Средиземное и Эгейское моря, в тыл противнику. Затем, уничтожив турецкие эскадры, подойти к Дарданеллам и начать операции совместно с Черноморским флотом, который будет действовать со стороны Босфора.

Важно подчеркнуть, что для операций на Балтике специально проектировали и строили корабли, также несущие по 100 орудий, но осадку которых, нагрузку, водоизмещение рассчитали уже соответственно глубинам Балтийского моря, меньших по сравнению со средиземноморскими. Морские державы на протяжении всего XVIII века отдавали предпочтение строительству кораблей 100-пушечного ранга как самых мощных в ту эпоху. По боевым возможностям и суммарной силе бортового залпа эти корабли значительно превосходили 66-, а затем и 74-пушечные, из которых начальствующие эскадрами или флотами традиционно выстраивали линии баталии. С появлением во флотах 100-пушечников, их начали ставить в линию вместе с кораблями 2-го ранга — так, чтобы стоявшие в авангарде, кордебаталии или арьергарде корабли обладали примерно равной остойчивостью, чтобы качка одного не вызывала сильного волнового резонанса у стоявшего рядом другого, а орудия нижней батареи могли бы действовать с равной эффективностью. За счёт установки в нижних орудийных батареях артиллерии главного калибра —

36-фунтовых орудий, 100-пушечные корабли отличались высокой огневой плотностью и представляли для неприятелей грозную ударную силу. Исходя из обстановки на театре военных действий, им ставились задачи обороны, нападения, сопровождения торговых судов или транспортных конвоев. Иногда, действуя малыми тактическими группами, куда входил 44- или 36-пушечный фрегат, но чаще только в тандеме с 74-пушечным кораблём, 100-пушечный корабль успешно выполнял поставленные задачи и сосредоточенным огнём поражал даже превосходящего в силах противника. А находившийся с ним в крейсерском тандеме корабль 2-го ранга (или фрегат) за счёт преимущества в таком важном тактическом элементе, как скорость хода, предназначался для погони за неприятельскими судами.

В XVIII веке наличие в составе флотов морских держав Европы кораблей 100-пушечного ранга свидетельствовало о потенциальных возможностях государств, включая экономические, финансовые и промышленно-технические, и являлось одним из главных условий причисления державы к числу ведущих. В России начиная от правления Петра Великого до воцарения его дочери Елизаветы Петровны строительство 100-пушечных кораблей происходило по одному в царствование — настолько сложным, дорогостоящим и трудоёмким по всем затратам (материальным и людским — рабочей силы, строевого леса, железа, парусных полотен и др.) считался этот процесс. В период пребывания на престоле императрицы Екатерины II таких кораблей построили восемь, и они составили боевое ядро Балтийского флота в ходе войны со Швецией в 1788–1790 гг.

Несмотря на поступавшие из Стокгольма сведения о военных приготовлениях шведов, Екатерина II всё же не ожидала нападения от «братца Густава», тем более что никакой откровенной вражды от него не ощущала. Наоборот, из перлюстрированной корреспонденции явствовало, что Густав III постоянно отсылал своему представителю в Санкт-Петербурге барону А.-Г. Нолькену рескрипты с предписанием выказывать «верную дружбу Ея Императорскому Величеству и Российскому Двору», что Нолькен добросовестно и выполнял⁷. Более того, даже в преддверии войны, до конца апреля 1788 г. шведский дипломат работал в прежнем ритме, посещал официальные мероприятия при Дворе, присутствовал на светских раутах и особенно на большом приёме в Зимнем дворце 21 апреля по случаю дня рождения Екатерины II. Как представляется, такое поведение шведского короля в отношении российской императрицы объяснялось завуалированностью его истинных намерений, ведущих к наращиванию военного потенциала и внезапному нападению на Россию. И Екатерина II действительно потеряла бдительность, не ве-

рила в то, что Густав нападёт на неё, называла его безумцем и продолжала готовить флот и войска к военным действиям с Османской империей, разрыв с которой с каждым годом становился неизбежным. И лишь когда с мая 1788 г. в Стокгольм потекли длинные шифрованные реляции Нолькена, к цифровому коду которых сотрудники коллегии Иностранных дел не смогли подобрать ключи, то Екатерина осознала справедливость обвинений в адрес короля, а лишним доказательством намерений Густава служили поступавшие в Санкт-Петербург донесения российских и датских офицеров об интенсивной подготовке шведов к войне. Сам Густав III поступил расчётливо — в мае 1788 г. направил Нолькена уведомление о его отставке, которой Нолькен давно добивался, после чего привёл в действие задуманный план блицкрига⁸.

В сентябре 1787 г. турецкий султан Абдул-Гамид объявил России войну, на что Екатерина II ответила манифестом от 7 (18) сентября о войне с Оттоманской Портой. 20 октября 1787 г. последовал её указ в Государственную Адмиралтейскую коллегию: «Для отправления в Средиземное море приготовить и вооружить кораблей стопушечных три, семидесяти четырехпушечных семь, шестидесяти шестипушечных пять, бомбардирских два и шесть фрегатов. При сей части флота Нашего иметь восемь катеров, шебек или подобных сему роду судов вместо пакетботов, для всяких нужных посылок, тако ж потребное число гребных судов для перевозки войск и в случае поисков над неприятелем, и еще два госпитальных корабля»⁹. Главнокомандующим морскими и сухопутными силами в Средиземном море Екатерина II назначила адмирала С. К. Грейга. Для защиты акватории Балтийского моря и Финского залива предполагали оставить 10 кораблей, четыре фрегата и несколько лёгких парусно-гребных судов для крейсирования на мелководных участках. Для операций в шхерах Екатерина II приказала держать в полной готовности до пятидесяти галер¹⁰.

К началу боевых действий союзными России державами оставались Австрия и Дания, однако в Санкт-Петербурге понимали, что полностью рассчитывать на Данию как на «державу робкую», испугавшуюся «в полную мочь» выступить на стороне России против Швеции, нельзя.

С открытием навигации в Балтийском море капитаны иностранных купеческих судов часто замечали шведские военные корабли, выходявшие на практические плавания и производившие усиленную артиллерийскую подготовку. Российский посланник (полномочный министр) в Стокгольме А. К. Разумовский секретными депешами и реляциями извещал руководство о намерении шведов, прилагая записки с наблюдениями русских офицеров в Швеции о концентрации крупных сил шведского флота в главной военно-морской базе Карлскруне. А в самом Стокгольме при открытии в Риксдаге (Сенате) сессии Чрезвычайного Собрания король

для обоснования мотивов нападения на Россию пафосно объявил «опасность от России»¹¹. По шведской конституции королю запрещалось вести наступательную войну, поэтому Густав III понимал: без крайней необходимости парламент и сословия не одобряют развязывания войны против России и не поддержат его.

К середине мая 1788 г. в Кронштадте завершили подготовку флота и войск, и корабли готовились выйти на рейд, но долго и тщательно готовившаяся экспедиция не состоялась. Шведский посол в Лондоне собрал дипломатический корпус и сделал официальное заявление о вооружении Швецией 12 линейных кораблей, которые вместе с положенным числом фрегатов скоро выйдут в море. Посол пояснил: это проводится в ответ на активные военные приготовления России в Кронштадте¹². В результате оперативно-стратегические планы Санкт-Петербурга претерпели изменения и включили меры обороны на случай вероятной войны, хотя, стоит подчеркнуть, что несмотря уже на явную угрозу со стороны шведов, Екатерина II не верила в вероятность их нападения, что стало её крупным политическим просчётом.

5 (16) мая генерал-адмирал флота великий князь Павел Петрович направил адмиралу С. К. Грейгу распоряжение — разработать систему заграждений в акватории между Кронштадтом и Лисьим Носом, «чтоб оный пролив для иностранцев был непроходимым», а «свои суда могли проходить». По мысли Павла, средствами для этого могли бы стать особые «эстакады», а на глубинах — затопление старых и неспособных к плаванию судов при оставлении проходов, «известных для своих»¹³. Несколько дней спустя Павел известил Грейга: «Присланный от вас, Самуил Карлович, план проливов около Кронштадта и чертежи батареи со сметой представлены мною Ея Императорскому Величеству»¹⁴. Для ускорения кораблестроительных работ к Главному Адмиралтейству стали приписывать «обывателей из татар», которые населяли многочисленную Казанскую слободу в столице. Других таких же «обывателей из татар» стали из Санкт-Петербурга отправлять в Казанскую и Орловскую губернии на сезонные заготовки строевого леса, а в обмен на это представители всех гильдий казанского купечества, владельцы промыслов, мыльных и кожевенных заводов получили право льготной торговли на выгодных условиях.

25 мая 1788 г. российское руководство приняло решение о подготовке и вооружении эскадры «для охранения Балтийского моря», которая так и стала называться — Балтийская; её усилили пятью кораблями из состава эскадры, назначенной в Средиземное море, а к осени предполагался приход на Балтику ещё пяти кораблей из Архангельска¹⁵. Командование эскадрой для охраны Балтийского моря Екатерина II вверила адмиралу В. Я. Чичагову.

С каждым днём события принимали стремительный оборот. 25 мая 1788 г. шведский флот в составе 12 линейных кораблей и фрегатов под командованием родного брата короля генерал-адмирала герцога Карла Зюдерманландского вышел из Карлскруны. Однако Екатерина II, несмотря на явную угрозу войны, 5 июня при поддержке адмирала С. К. Грейга приказала вице-адмиралу В. П. Фондезину следовать с эскадрой к Зунду. Под командование В. П. Фондезина поступила первая архипелагская эскадра в составе трёх 100-пушечных кораблей — «Трёх Иерархов», «Саратова» и «Иоанна Крестителя» («Чесмы»), одного фрегата и нескольких транспортных судов. На эскадре находилось 500 человек сухопутных войск, которые вместе с личным составом составили боевую силу в количестве примерно 4 тысяч человек. В. П. Фондезин получил приказ дожидаться в Копенгагене подхода второй эскадры адмирала С. К. Грейга с оставшимся примерно равным количеством морских и сухопутных сил, выход которой из Кронштадта планировался позже, и соединённо следовать далее. Впоследствии Грейг пожалует о таком крупном просчёте, как разделение сил. Как представляется, большую роль в принятии решения об отправлении значительного военно-морского контингента в Эгейское море сыграло огромное желание императрицы и самого Грейга нанести Османской империи непоправимый урон, после которого она уже не сможет оправиться, захватить Проливы и утвердиться на Чёрном море.

Тем временем обстановка на Балтике осложнялась, и в связи со шведской угрозой, 15 июня 1788 г. Кабинет Екатерины II принял решение: «Небезопасно будет для пределов здешних отпустить флот в Средиземное море»¹⁶. Через день, 17 июня, императрица направила С. К. Грейгу именной рескрипт: для крейсирования и охраны берегов Балтики отправляться с флотом к Ревелю и ждать там дальнейших указаний. При встрече со шведскими военными судами избегать «всего того, к чему они могли бы придраться», но при явно возникшей необходимости «защищать честь флага Российского»¹⁷. В случае начала боевых действий Екатерина II предписала адмиралу В. Я. Чичагову выйти на поиски флота противника, соединиться с Грейгом и совместными силами атаковать и разбить шведов.

Таким образом, можно считать, что 17 июня 1788 г. руководство России сформировало новую позицию по военно-стратегическим вопросам, а С. К. Грейг принял меры тактического характера и с 8 по 12 июня выслал в крейсерство несколько разведывательных фрегатов. Командир одного из них — фрегата «Мстиславец» 17 июня 1788 г. доложил Главному командиру Ревельского порта генерал-майору Б. И. Воронову: «Сего месяца 13 дня повстречалась мне шведская эскадра в числе семнадцати военных

судов, которую я с порученным мне фрегатом преследовал, примечая их движение». Эти сведения подтвердил командир фрегата «Гектор» капитан-лейтенант И. Колокольцев: «В данной мне от господина адмирала Самуэля Карловича Грейга инструкции о крейсировании на вверенном мне фрегате между Стокгольма и Гангута для наблюдения и примечания движения шведских морских и сухопутных сил предписано: в случае, когда повстречаются со мной шведские военные суда и будут приближаться в близость берегов, принадлежащих Российской Империи, то немедленно об оном дать знать... Достигнув высоты Дагерортского мыса 13 числа сего месяца в исходе бога часа пополудни, увидел в мрачном горизонте до 14ти больших судов, к которым по способности тогдашнего ветра стал приближаться»¹⁸. Через некоторое время шведы — ещё до объявления войны — захватили в море эти два фрегата — «Гектора» и «Ярославца» и ввели в состав своего флота под теми же наименованиями.

А Густав III, дождавшись из Константинополя крупной финансовой поддержки, поспешил без объявления войны совершить нападение на Россию, а заодно и сорвать поход Балтийского флота в Средиземное море, в тыл Османской империи. Тем самым «братец Густав» вынудил свою кузину Екатерину II вести войну одновременно на двух театрах — на северо-западе и на юге.

Стоит отметить, что с открытием кампании война на море приняла у шведов наступательный характер. Король преследовал цель взять реванш за прошлые потери, овладеть всей Финляндией и прибалтийскими территориями — Эстляндией, Лифляндией и Курляндией, с последующим захватом Санкт-Петербурга, а если этого не получится, то запереть, наголову разбить русский Балтийский флот в Кронштадте. 20 июня 1788 г. на заседании Совета при Высочайшем Дворе состоялось обсуждение очень важной записки гофмейстера Двора Е. И. В. графа А. А. Безбородко с изложением задач армии и флота. Безбородко подчёркивал: сухопутные силы «не могут надёжным образом обеспечить всю нашу границу к стороне шведских областей, ибо войск имеем мы только 13000. Мыслить остается учинить королю шведскому диверсию, к чему удобен вооруженный наш флот». Безбородко предлагал «не теряя времени атаковать» флот противника и высадить сухопутные войска на шведские берега, что вынудит короля перебросить большую часть своей армии из Финляндии на отражение русского десанта, за счёт чего облегчится оборона в Финляндии. «А сверх того, — говорил Безбородко, — берега Эстляндские и Финляндские самым прибытием флота нашего в Балтийское море обеспечены будут».

Из-за малочисленности сухопутных сил, задействованных на театрах войны с турками и назначенных в Средиземное море, первенству-

ющая роль отводилась Балтийскому флоту, причём на начальном этапе ему ставились задачи наступательного характера. По плану Безбородко, адмиралу Грейгу следовало соединиться с эскадрой адмирала Чичагова «и идти прямо искать неприятельского флота, атаковать оный, а если Бог поможет, разбить его, преследовать до самой Карлскруны, стараясь не только суда шведские истребить, но и самый город Карлскруну, и в нем адмиралтейские и другие строения, заведения и запасы разорить до основания». Совет постановил предоставить Грейгу возможность действовать самостоятельно, особенно если потребуются «произвести поиски и на другие прибрежные места». Если три 100-пушечных корабля уже миновали Датскую проливную зону, говорил Безбородко, то они будут действовать соединённо с морскими и сухопутными силами Дании, в том числе «пуститься на Готенбург» (Гётеборг). Но в том случае, если 100-пушечники не успели пройти Зунд, то надо предписать им вернуться обратно для усиления флота¹⁹. Совет принял такой план.

На том этапе Балтийскому флоту назначалось не только активно вести боевые операции, но и наносить противнику наибольший урон путём нападения на военно-морскую базу Карлскруну с целью разрушения там инфраструктуры и системы жизнеобеспечения флота, и нападением на крупный торговый порт Гётеборг, поскольку на этот порт приходилась значительная доля коммерческого судоходства с высоким процентом морских грузоперевозок, в основном строевым лесом и железом. Поэтому ликвидация тыловой базы шведов и разрушение их торговли одновременно с операцией против Карлскруны были решением правильным и своевременным, для чего вполне хватало сил и средств, особенно в случае усиления российского флота датскими кораблями и мелкосидящими судами для прибрежных операций. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии Иван Григорьевич Чернышев уведомил А. А. Безбородко: «Карты Готенбурга и Карлскруны в Адмиралтействе есть, и думать надо, верные, ибо сняты были посланными флота офицерами в 1784 г. по именному указу, которые завтра и пошлю дабы исполнить скорее высочайшее повеление²⁰.

21 июня 1788 г. в Зимнем дворце получили информацию из Стокгольма об объявлении циркулярной королевской нотой от 16 числа российского дипломата А. К. Разумовского персоной *non grata* с требованием в течение восьми дней покинуть столицу Швеции. Ответную ноту с такими же требованиями и сроками выехать из российской столицы направили шведскому посланнику А.-Г. Нолькену, который под датой 23 июня отослал королю последнюю зашифрованную реляцию. В связи с изменившимися военно-политическими обстоятельствами Екатерина II назначила С. К. Грейга командующим морскими силами на Балтике; адмирал

В. Я. Чичагов поступал под его начальство с приказом поспешить выйти к Ревелю для обеспечения охраны Балтийского моря.

Но Чичагов не торопился выполнять высочайший указ, и по этому поводу историк В. Ф. Головачёв заметил: Чичагову «как старшему его [Грейга] по службе, для соблюдения приличия пришлось сказатьясь больным». Иными словами, В. Я. Чичагов не захотел воевать под началом С. К. Грейга, «сказался больным» и остался в Кронштадте. В. Ф. Головачёв рассуждал: «Василью Яковлевичу в момент назначения командующим было 63 года. Он был хорошим капитаном и хорошим начальником эскадры в мирное время, когда можно было спокойно расставлять корабли. Но он ни разу не был, во всю свою жизнь, в действительном сражении, и на 64 году своей жизни ему было трудно изучать сумятицу боя и все страсти, волнующие человека во время кровопролития»²¹. Говоря современным языком, В. Я. Чичагов не имел опыта ведения боевых действий, и вся его морская практика сводилась к учебным плаваниям балтийских эскадр в мирное время.

Документы свидетельствуют, что в кампании 1788 г. В. Я. Чичагов участия не принял, несмотря на направляемые ему именными указами императрицы. Первый рескрипт ему с изложением предписаний и повелений Екатерины II датирован 30 мая; в рескрипте говорилось: 1. Поспешить с выводом на Кронштадтский рейд пяти кораблей и двух фрегатов, и отправляться с ними к Ревелю. 2. Не допускать высадок шведских десантов в Ревеле или в каком-либо другом порту. 3. Регулярно посылать лёгкие суда для разведывательных операций вдоль побережья Финляндии и наблюдения за передвижениями шведского флота. 4. В случае значительного превосходства сил противника ограничиться охраной побережья и немедленно сообщить об этом в столицу. 5. Держаться в море, насколько позволят обстоятельства, ожидать подхода двух кораблей из Кронштадта и архангельской эскадры²². Но 2 июня в дневнике статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого появилась запись: «Получено известие, что шведский флот показался против Ревеля. Велено понудить Чичагова, чтоб его прогнал». Но «понудить» В. Я. Чичагова не удалось: он попросту не захотел подчиняться С. К. Грейгу и под предлогом болезни не вышел в море.

Второй высочайший указ Чичагову датирован 20 июня 1788 г.: «Назначенная прежде в команду вашу эскадра должна идти к Ревелю, и с флотом под командою адмирала Грейга соединиться; над нею останется контр-адмирал; когда же вы выздоровеете, то отправьтесь в Ревель сухим путем и там ожидайте моих повелений»²³. Но оба указа императрицы Чичагов не выполнил, причём проигнорировать их он, безусловно, не мог, поэтому и «сказался больным», о чём доложил во дворец. В этом контексте

сте важно обратить внимание на такой факт: среди многочисленных документов из военно-походной канцелярии Чичагова и из канцелярии И. Г. Чернышева не встретилось ни одного, в котором бы нашлось упоминание о болезни Чичагова. При внимательном изучении рапортов, собственноручно им подписанных и поданных в Адмиралтейств-коллегию в июне — начале июля 1788 г., не встретилось даже намёка о болезни. Скорее, наоборот — из документов явствует, что Чичагов продолжал выполнять свои обязанности, о чём свидетельствуют его рапорта, датированные 14, 19 и 21 июня²⁴. Остаётся также непонятным, почему секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий, заносивший в свой дневник все мелочи, также ни словом об этом не упоминает.

21 июня 1788 г. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин доложил вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву о двух эскадрах — отправляемой в Средиземное море и остающейся на Балтике²⁵: Этот документ подтверждает явное преимущество шведов при открытии кампании из-за ухода значительных сил Балтийского флота. В преддверии войны руководство России и морское начальство принимали меры обороны, и 21 июня вице-адмирал П. И. Пущин доложил в Санкт-Петербург: «По гнилости на Кронштадтских морских крепостях лафетов определил я плотников адмиралтейских починить старые и сделать вновь. Все способы употреблю к скорейшему исполнению». В другом письме Пущин пишет, что бомбардирские корабли «Перун» и «Гром» вооружены, но полностью ещё не укомплектованы людьми, а 24 июня выразил озабоченность в связи с возможной войной, поэтому предложил сформировать не менее трёх батальонов для защиты Кронштадта и островов.

На подступах к Выборгу, Фридрихсгаму и Ревелю (Таллину) выставили брандвахтенные суда, в круглосуточном режиме работали пороховые заводы для бесперебойного обеспечения порохом не только судов флота, но и морских укреплений, крепостей, гаваней и портов. Присступили и к выполнению указа Екатерины II об учреждении маяков от Выборга до Кронштадта — «для осторожности от неприятеля, дабы он мелкими судами не нанес беспокойства берегам нашим». Контроль за сооружением маяков возложили на инженера генерал-поручика А. В. Тучкова²⁶.

Большое оборонное значение имели ремонтные работы в Ревельском порту, начавшиеся ещё весной согласно указу императрицы от 24 марта 1788 г., данного Адмиралтейств-коллегии. В указе подчёркивалось: содержать Ревельский порт «в таком состоянии, дабы в нем некоторое число военных и других судов вмещаться и под надежную обороною пребывание иметь могло». В комплекс работ входило и возведение дополнительных береговых укреплений и батарей, особенно с восточной

стороны; для надзора за выполнением высочайшего указа коллегия командировала в Ревель «человека знающего и надежного», каковым оказался обер-интендант И. Баллей. Коллегия снабдила Баллея «повелением произвести исправление обще» с Главным командиром Ревельского порта генерал-майором Б. И. Вороновым, а генерал-губернатору Рижскому и Ревельскому графу Ю. Броуну рекомендовала оказывать упомянутым лицам всяческое содействие²⁷.

По прошествии трёх месяцев, в течение которых производились работы в Ревельском порту, 4 июля 1788 г. генерал-майор Б. И. Воронов доложил в Санкт-Петербург: «На военной гавани двадцать шесть пушек уже поставлено. Я требовал от здешней артиллерии на сделанную близ военной гавани каменную мортирную батарею поставлять пушки, чтоб весьма была хорошая помощь гавани и вред делать неприятелю, но они отговариваются неимением оных. Однако я еще продолжаю мое требование чрез обер коменданта».

Анализируя предвоенную обстановку в портах, стоит подчеркнуть: морское начальство принимало необходимые меры обороны, и никакой нерадивости или неразберихи не наблюдалось. Необходимо понимать, что Россия готовилась к войне не на Балтике, а на другом театре, в Средиземном море, для чего вооружила и подготовила сильную эскадру. Артиллерия всегда оставалась вещью дорогостоящей, а с учётом двух факторов — функционирования только одного пушечного завода под Петрозаводском и доставок пушек карронского литья из Шотландии можно говорить лишь о трудностях в снабжении флота морскими орудиями. Вот документ полностью, не в урезанном виде, свидетельствующий о напряжённой работе командования по укреплению Ревельского порта и гавани. Через десять дней после первого донесения, 15 июля Б. И. Воронов уведомил графа Чернышева: «Пушек у меня теперь постановлено на гавани тридцать три, и все заряжены, но только людей нет, однако в нужном случае обер-комендант обещал мне дать на отдельную часть... Я скоро поставлю пять пушек своих двенадцатифунтовых корабельных, и лафеты к ним три уже сделаны из дубовых адмиралтейских лесов. На батарее, которая близ гавани, обещали мне поставить три мортиры». А ещё через десять дней Воронов доложил: «Сего июля 26 числа пополудни в 8-м часу пришел на Ревельский рейд бригантин С. Петр, командир на оном лейтенант Ознобишин, с пушками. По вводе того судна в гавань выгружу [пушки], и по способности их, которая в которое место годится, поставлю в гавань»²⁸.

27 июня 1788 г. адмирал С. К. Грейг, вышедший с эскадрой в море 23 июня на поиски флота противника, поставил в известность П. И. Пущина о получении именного высочайшего указа от 26 июня, на основа-

нии которого он отправил обратно с флота в Кронштадт «все сухопутные орудия и запасное оружие на транспортных вольнонаемных судах под начальством генерал майора Ивана Васильевича Боувера», вместе с сухопутными войсками. В том указе Екатерина II предписывала Грейгу: «По скоропостижному нападению нового неприятеля Нашего короля Шведского, когда вы флот его настигнете и оный остановить успеете, можно и с сухого пути дать ему сильнейший отпор, тем более, что войск его собрано в гораздо превосходном количестве». Императрица надеялась на военное искусство и ответственность С. К. Грейга перед государством, а также на то, что он вне сомнения разобьёт шведов, так как по причине войны с Турцией сухопутных сил на Балтике не хватало. Одновременно руководство Россией принимало меры непосредственно для защиты Кронштадта («его крепостей, мещан и жителей города») и Санкт-Петербурга, где находились главные системы государственного жизнеобеспечения: Монетный двор, банки, Адмиралтейство, местопребывание самой императрицы и членов императорской фамилии. Кроме брандвахтенных, выставили плавучие батареи, размеры которых составляли: 108 и 98 футов (32,92 м и 29,87 м) с 24-фунтовыми пушками, и 60 и 54 футов (18,29 м и 16,46 м) с 12- и 10-фунтовыми пушками. Комендант Кронштадта докладывал начальству: «Расписал батальоны обороны по всем крепостям, в разных местах по берегам сооружают батареи, но на них требовалось дополнительно 60 орудий от 24- до 30-фунтового калибра, двадцать больших мортир со снарядами и 213 человек канонир²⁹. Требуемые орудия доставили в Кронштадт уже в июле.

Наряду с обороной столицы, Кронштадта, акватории Финского залива, Выборга, Фридрихсгама, Ревеля и других пунктов важно сказать и на деятельности Архангельского порта, входившего в структуру Балтийского флота. Когда военная угроза со стороны Швеции стала очевидной, 8 июня 1788 г. последовал указ Екатерины II поторопиться с постройкой в Архангельске к будущей весне одного 74-пушечного, двух 66-пуш. кораблей и двух фрегатов. В указе особо оговаривалось: в случае недостатка адмиралтейских мастеровых «нанимать вольных необходимо нужное число», а в условиях возникшей военной опасности идти на отклонение от нормы и «употреблять леса, кои будут сырые, для верхних частей кораблей, так, чтобы оные просыхать могли». Другими словами, мастера получили право нарушать технологию заготовки и сушки корабельного леса, но не для изготовления корпусов, что было принципиально важно, а только верхних частей — рангоута (мачт, стеньг, реев) и дать им какое-то время для просушки.

После получения высочайшего указа выяснилось, что для постройки названного количества судов (пяти) и достройки уже начатых листовен-

ничного леса не доставало, поскольку его много пошло на предыдущее строительство, «а получить нынешним временем никаким способом неоткуда». Архангельское морское начальство — Главный командир порта вице-адмирал И. Я. Барш, капитан над портом И. А. Баскаков и корабельный мастер М. Портнов предложили закупить лес у местного купца Фёдора Лыжина, а рабочих людей нанять в количестве 1085 человек, «да сверх оных к подгаске лесов и очищению из кораблей щеп 100 человек». Сложность летнего сезонного времени состояла ещё и в том, что большая часть рабочих вольнонаёмных людей наиболее востребованных специальностей — кузнецов, блоковых мастеров, резчиков по дереву, конопатчиков были заняты на крестьянском хозяйстве, о чём вице-адмирал И. Я. Барш доложил в Санкт-Петербург.

На поиски купечества, согласившегося помогать флоту, много времени не потребовалось: объявились архангельские и вологодские купцы, которые вызвались строить с подряда один 66-пуш. корабль и три фрегата, но запросили за это слишком высокую цену, поэтому И. Я. Барш посчитал нужным согласовать это с Адмиралтейств-коллегией. Вице-президент коллегии И. Г. Чернышев ответил: по причине дороговизны обозначенной купцами цены императрица предписала строить все пять кораблей и четыре фрегата казёнными средствами на Адмиралтейской верфи Архангельска, а у купцов закупить часть материалов и леса для изготовления рангоута, на что выделила деньги³⁰.

Когда войска шведского короля Густава III без объявления войны вторглись в сопредельные с Россией территории, Екатерина II распорядилась задержать шведские торговые суда «в портах Санкт-Петербургском и Кронштадтском, отобрав у них рули», а всех подданных короля, включая команды с арестованных судов, выслать за пределы Российской империи. 1 июля 1788 г. в Финский залив к стороне Выборга и Фридрихсгама вышел отряд парусно-гребных судов под командой капитана 1-го ранга П. Б. Слизова для операций в шхерах. Отряд состоял из семи каек (малых судов) и двух так называемых северных судов (также малых судов под командой унтер-офицеров с 16 матросами и одним канониром) в качестве прикрытия и сопровождения. П. Б. Слизову поставили задачи оказывать содействие сухопутным частям под командованием В. П. Мусина-Пушкина, наблюдать за передвижениями шведского флота, пресекать высадки шведских десантов на побережье в районе Выборга («чинить препятствия покушениям на Выборгские берега»), защищать российские купеческие и военные конвои с продовольствием и припасами, которые будут приходить в Выборг³¹.

Флотилия капитана Слизова успешно выполнила боевые задачи. 3 июля он с упомянутыми судами подошёл к острову Рогелю в Выборг-

ском заливе и занял позицию, откуда направлял суда в крейсерство в заданные районы, в том числе к Фридрихсгаму, Берёзовым островам и Транзунду. По принятии в команду 356 человек Павловского батальона, в составе флотилии стало 716 человек вместе с морскими артиллеристами, а в сентябре, по возвращении в Кронштадт, она усилилась ещё шестью крупными галерами (20-, 22- и 25-баночными) и вновь вышла на боевое дежурство. В середине октября 1788 г. П. Б. Слизов направил рапорт в Адмиралтейств-коллегию об оставлении флотилии в составе 14 судов в Выборгской гавани на зимовку, где он распоряжался деятельно и рачительно, исправлял дефекты, выдавал командам положенное жалование: «Суда поставлены между Шлоса и Санкт-Каронской крепостью, — докладывал он. — Такелаж за неимением магазина убран в интрюймы. Пушки со станками на судне Осторожном положены в интрюйме же, а на галерах оставлены куршейные пушки в куршелях, да спущены фальконеты на низ, прочие же пушки со всех галер и со всех других судов сняты и положены на берег против казенного инженерного дома. Порох со снарядами бомбардирского катера свезен в городской погреб. На судах определил караулы из морских служителей, а на берегу для охранения оных же истребовал из армейских четыре: один у пушек и у малых судов, а прочие три для галер и Осторожного судна. Бывшие в Выборге пленных шведских пять судов отправил в Кронштадтский порт»³².

Ввиду опасности со стороны многочисленного армейского (гребного) флота шведов с крупнокалиберной артиллерией, 6 июля 1788 г. Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин получил именной указ Екатерины II о защите северного фарватера и заграждении подходов к порту и к острову Котлин военными кораблями. А Иван Григорьевич Чернышев в личном письме просил адмирала С. К. Грейга «наказать дерзких и коварных неприятелей. Во Фридрихсгамской бухте, в которую думать надо, они теперь зашли, сделать подобное пожарище после Чесменской баталии, тогда бы и решился их жребий, как и турок в прошедшую войну». Чернышев прямо говорил, что «шведы забавляются около Фридрихсгама, к которому немалое число своего армейского флота привели» с целью бомбардировать и овладеть городом, поэтому просил Грейга уничтожить противника подобно тому, как в июне 1770 г. русский флот под командованием графа А. Г. Орлова сжёг турецкий в Чесменской бухте³³.

Когда Чернышев отправлял это письмо, он ещё не знал о произошедшем сражении эскадры С. К. Грейга со шведской под командованием герцога Карла Зюдерманландского. Выполняя предписания Екатерины II, Грейг упорно искал неприятеля и обнаружил шведский флот у острова Гогланд со стороны Свеаборга. После ожесточённого пятичасового сра-

жения шведы отступили к Свеаборгу, несмотря на перевес в артиллерии, а значит и преимущество в массе выбрасываемого металла в снарядах с одного борга. Русские корабли не смогли маневрировать и преследовать противника из-за сильно повреждённых парусов, перебитых снастей и рангоута. Исправив повреждения прямо в море, Грейг начал блокаду шведов. Сражение 6 июля 1788 г. у острова Гогланд стало первым крупным боевым делом россиян со шведами, в котором принял участие только один российский 100-пушечный корабль, а В. Я. Чичагов — наоборот, участия не принял и не соединился с Грейгом.

После сражения у острова Гогланда кронштадтское начальство регулярно отправляло к флоту транспортные суда с пушками, в основном 36-фунтового калибра, и с порохом, запасы которого быстро расходовались. Хорошим подспорьем Грейгу послужил привоз пороха на купеческих судах из Лиссабона в Кронштадт, после чего порох без промедления отправили к флоту, поскольку в планы Грейга входило повторное сражение. В архивной документации имеются ведомости доставленных ему из Кронштадта якорей, якорных канатов, кабельтов, верпов, адмиралтейских служителей для починки судов — корабельных подмастерьев, плотников, конопатчиков, откомандированных из порта на корабли; доставили и морской провиант на 2000 порций. Большую помощь флоту оказывало российское купечество: по приемлемым ценам поставляли на верфи Петербурга и Кронштадта мачтовые и дубовые деревья, железо, пеньку, смолу, продовольствие, сукно для пошива обмундирования и кожу для сапог. Например, дворяне Костромского наместничества направили в Адмиралтейство 300 человек своих крепостных, знавших плотническое ремесло, частные заводчики из Вологды привозили железо³⁴.

Обратим внимание и на финансовую сторону в вопросах снабжения и обеспечения флота, что в условиях военного времени являлось особенно важным. В течение всей кампании 1788–1790 гг. Екатерина II не подписала ни одного отказного документа по этой части, не отклонила сумм, предлагаемых коллегией или генерал-прокурором; исключение составляли лишь завышенные купцами-подрядчиками цены на строевой лес, и в тех случаях обходились казёнными средствами. Императрица безоговорочно утверждала сметы расходов на нужды флота, личного состава и госпиталей, о чём свидетельствует архивная статистика. Так, в сентябре 1788 г. Адмиралтейств-коллегия целевым назначением получила 200 тысяч рублей на ремонт повреждённых в сражении кораблей и пополнение различных «припасов»; 323 250 рублей на постройку малых и транспортных судов; свыше одного миллиона рублей на строительство и вооружение кораблей, в том числе 100-пушечных. Первая и вторая суммы предоставлялись одновременно, третья — двумя траншами. Ежегод-

но в ходе боевых действий из казны отпускалось около 384 тысяч рублей на «содержание служителей», то есть на полноценное питание и обмундирование матросов и на их содержание в госпиталях. По тем временам названные средства считались очень большими.

Недели через две после сражения у Гогланда граф И. Г. Чернышев представил великому князю Павлу Петровичу статистику по госпиталям: в трёх госпиталях на излечении находилось 3165 человек, умерших числилось 95 человек³⁵. Общее количество заболевших было значительно, но умерших не так велико, и Екатерина II неослабно лично контролировала прохождение лечения больных и раненых в госпиталях, динамику их выздоровления и рацион питания. В перечень основных вещей и провизии, поставляемых в госпитали и на госпитальные суда, входили: тёплые одеяла и халаты, холстина для перевязок, из провизии «сушеный хрен, крепкое русское пиво, вместо водки спирт, вместо клюквенного сока клюквенный сироп, вино белое португальское», сушеные яблоки, груши, вишня, чернослив и изюм, солёные лимоны в бочках, «куры, без соли сушеные в печи, аглицкая сухая горчица, перец цельный, имбирь, чеснок сушеный, лук сушеный, патока хорошая, капуста кислая»³⁶.

Несмотря на то, что в Гогландском сражении Грейг одержал над шведами решительную победу и сорвал их планы, включая блокаду русского флота в Кронштадте, всё же надо признать, что война на море не приняла у россиян наступательного характера и перешла в оборонительную. Не состоялось и повторного сражения, которого так искал Грейг, и от которого противник всячески уклонялся. Чтобы окончательно разбить ещё оставшегося сильным противника, Грейгу требовалось соединиться со второй балтийской эскадрой В. П. Фондезина, но сделать этого по вине последнего Грейгу не удалось.

Блокада Свеаборга русскими судами продолжалась, и с наступлением осени противник начал испытывать острый недостаток в провианте и снабжении, личный состав заболел, но выйти из порта шведы не решались. В период блокады Свеаборга С. К. Грейг предписал вице-адмиралу В. П. Фондезину, находившемуся с эскадрой в Копенгагене, выйти в море и приступить к блокаде Карлскруны: «Хотя нынешний ваш предмет должен быть блокадою Карлскрона, но необходимо надобно иметь крейсеров и в Каттегате у Дернеуса с превосходною силою тех трех шведских фрегатов, которые там находятся. И для того вы можете отрядить один из 66 пушечных кораблей, пришедших от города Архангельского под командою контр-адмирала Повалишина, еще два фрегата и английский катор под командою г. Кроуна для сего крейсерства»³⁷.

5 сентября 1788 г. В. П. Фондезин уведомил графа Чернышева о получении рескрипта императрицы выйти в море совместно с датскими суда-

ми, поэтому он со 100-пушечными кораблями и отрядом датских судов (два 70- и один 60-пушечных корабля, один фрегат) снялся с рейда Копенгагена и перешёл через мелководье, чтобы выйти в Балтийское море.

12 сентября к В. П. Фондезину подошёл посланный от С. К. Грейга фрегат «Брячеслав» с известием о попытке шведов прорваться из Свеаборга и приказом поспешить на соединение с Грейгом, чтобы дать противнику сражение и разбить его. Но Фондезин не выполнил приказа — как он объяснил, по причине сильного встречного ветра, помешавшего ему идти на соединение, и крейсировал у Карлскруны. Не сложно понять, какую мощную боевую силу составила бы объединённая эскадра, которую так долго и напрасно ожидал Грейг, но В. П. Фондезин предпочёл поступить иначе³⁸.

8 октября 1788 г. адмирал С. К. Грейг, будучи уже больным, получил рескрипт императрицы о завершении кампании по причине наступивших осенних штормов и холодов, и возвращении в порты. 15 октября Самуил Карлович скончался на своём флагманском корабле «Ростислав» — по неофициальной версии, в результате отравления шведами. 29 октября секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий оставил в дневнике важную запись: «Резолюция: послать в Данию курьера и велеть брать Готенбург, а Прусскому двору сказать, что нападение на Данию есть объявление войны России». Однако в тот же день, 29 октября, В. П. Фондезин уже совершил разгрузку трёх 100-пушечных кораблей для перехода через мелководье и вернулся обратно на Копенгагенский рейд на зимовку. В целом его совместный с датчанами отряд действовал неэффективно и ограничился крейсированием у Карлскруны и захватом мелких торговых судов шведов. По этому поводу А. А. Безбородко в письме князю Г. А. Потёмкину-Таврическому напишет: «Наш вице адмирал Фон Дезин, имев в своей команде три стопушечные корабля, шесть других рангов и три датские корабля с 4 фрегатами и снабден быв точным повелением противиться неприятельскому входу в Карлскрону, по первым известиям, что принц Карл (главнокомандующий шведским флотом. — Г. Г.) собирается отправить шведский флот, учиня консилиум, решился заранее убраться в Датские порты»³⁹.

Более того, В. П. Фондезин отправил из Копенгагена в Кронштадт транспортное судно с пушками, даже не обеспечив ему охрану и положенного сопроводительного конвоя. Шведы захватили судно вместе с пушками, и когда это известие дошло до Санкт-Петербурга, А. В. Храповицкий лаконично высказался: «Ея Императорское Величество изволит замечать, что на транспортном судне шведами взято с лишнем сто пушек, но каким образом и зачем то судно из Копенгагена отправлено было, зная, что шведские фрегаты тут крейсируют, да взято в виду трех сто пушечных кораблей, бывших зрителями того?». Закончил Храповицкий

запись риторическим вопросом: «Повалишин был столь близок, что ему можно было доехать, взяв свои пушки в Копенгагене с судов транспортных, буде же шли к городу Архангельскому, то зачем их отпустили без конвоя? Возьмет ли в оном Адмиралтейств коллегия отчет с вице адмирала Фондезина?»⁴⁰ Отчёт этого адмирала не состоялся — не только коллегии, но и самой императрице.

Главными итогами кампании 1788 г. стали: 1. выигранное россиянами сражение под Гогландом и срыв плана блицкрига Густава III. 2. несостоявшиеся блокада шведами русских портов и Кронштадта и вторжение в Петербург. 3. после смерти адмирала Грейга, глубокой осенью шведский флот свободно перешёл из Свеаборга в Карлскрону. 4. по обоюдной вине В. П. Фондезина и союзной Дании не произошло важной и необходимой в условиях войны совместной операции против шведских портов Гётеборга и Карлскроны с целью уничтожения тыловых баз противника. 5. адмирал В. Я. Чичагов в кампании участия не принял («сказался больным») и прибыл в Ревель только 15 декабря 1788 г.⁴¹

На кампанию 1789 года Екатерина II назначила В. Я. Чичагова главнокомандующим Балтийским флотом — вопреки желанию большинства флагманов и капитанов видеть на этой ответственной должности вице-адмирала А. И. фон Круза. К весне 1789 г. базирование Балтийского флота разделялось на Ревель, Кронштадт и Копенгаген. В Ревеле находилось десять кораблей, из них один 100-пушечный, в Дании — одиннадцать, в том числе три 100-пушечных, в Кронштадте шесть, резервных десять, включая довооружавшиеся и достраивающиеся. Всего на Балтике Россия располагала 46 кораблями⁴².

В марте Екатерина II направила в Копенгаген контр-адмирала Т. Г. Козлянинова с предписанием привести зимовавшие там корабли и фрегаты в Россию на соединение с главными силами флота. Понимая, однако, что эта эскадра вряд ли сможет безопасно пройти Карлскрону, где стоял шведский флот, Екатерина II рекомендовала Козлянинову держаться от Карлскруны на безопасном расстоянии до тех пор, пока не подойдут обе балтийские эскадры. И тогда соединённый флот ударит на шведский и поставит его в два огня. В случае, если противник уже покинул главную базу и пошёл к Финскому заливу, то Козлянинову следовало идти за ним, стараясь соединиться с обеими российскими эскадрами⁴³. Ревельская эскадра поступала под командование адмирала В. Я. Чичагова, кронштадтская — контр-адмирала А. Г. Спиридова. Командующим резервной эскадрой для защиты Финского залива императрица назначила вице-адмирала А. И. фон Круза.

Оборонять Финский залив назначалось пяти кораблям — одному 100-пушечному, одному 74-, трём 66- и двум фрегатам. Рассчитывая

на скорое вступление в строй судов архангельской постройки, 11 января 1789 г. главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин адресовал Адмиралтейств-коллегии предложение: «Еще вооружа, иметь в запасе пять 66-пушечных кораблей. Приготовить из пленных шведских судов, которые более надежнее для помещения орудий и подвозки провиантов, а буде надобно, и войск». П. И. Пущин проинформировал, что для подвоза провианта в Ревель он подготовил 15 судов общей грузоподъемностью 135 840 пудов, в основном шведских арестованных судов, которые также будут перевозить войска и артиллерию. Той зимой на флоте ощущался недостаток старослужащих опытных матросов, поскольку, по словам Пущина, многие «за дряхлостью и старостью на море быть не способны». Например, для укомплектования команд требовалось 625 человек, но недоставало 140 человек, но Пущин рассчитывал на рекрутские партии новобранцев, которых успеют обучить в течение весенних месяцев. В документе встретилась запись: перед началом боевых действий на 32-пушечный фрегат «Брячеслав» добавили артиллерию, увеличив количество пушек до 44: 24-фунтового калибра поставили 28, 6-фунтового — 16⁴⁴. Сведение действительно важное, поскольку позволяет сделать вывод о хороших прочностных характеристиках этого фрегата, который мог нести 44 орудия.

28 марта Екатерина II направила Адмиралтейств-коллегии указ: выделить «сухопутный провиант с июля прошлого 1788 г. по июль месяца нынешнего года двести тридцать тысяч триста девяносто рублей восемьдесят одну копейку с половиною, да на морскую провизию для наступающей кампании на шестимесячное время семь сот сорок четыре тысячи восемь сот осмнадцать рублей тридцать три копейки, и сверх того на заплату за заготовленный в продолжение минувшей кампании для употребления во флоты больным служителям провиант, сверх штатных двадцать одну тысячу пять сот двенадцать рублей шестьдесят три копейки с четвертью... А всего миллион пятнадцать тысяч семнадцать рублей. Генералу прокурору князю Вяземскому отпустить в Адмиралтейскую коллегию из Государственных доходов». Только на медицинские нужды флота — «лекарства, хирургические инструменты, посуду «и разные аптекарские припасы» предназначалась сумма расходов в 109 тысяч 440 рублей⁴⁵.

Стоит особо обозначить важный факт: в 1789 г. под командование адмирала Чичагова поступила значительная боевая сила — 20 линейных кораблей. Екатерина II предписывала ему соединиться с контр-адмиралом А. Г. Спиридовым, чтобы шведы не смогли разбить их по частям, затем возобновить боевое дежурство и вооружённый пост у мыса Гангут и поспешить с выходом на соединение с эскадрой Т. Г. Козлянинова. Импера-

трица обращалась к Чичагову: «Желательно, чтобы означенная эскадра могла с вами соединиться прежде дела с неприятелем, или же, шествуя по его следам, поставить его между двух огней»⁴⁶. В высочайших инструкциях подчёркивалось: Чичагов должен успеть соединить главные силы флота до прибытия шведов в Финский залив, затем спешно следовать на соединение с эскадрой Козлянинова, и только после этого позволить шведскому флоту выйти из Карлсруны и дать ему генеральное сражение. Но этих приказов В. Я. Чичагов не выполнит и генерального сражения шведам не даст.

Из делопроизводственной документации графа И. Г. Чернышева под названием «Записная книга» явствует, что Ревельский рейд освободился ото льда 28 апреля, а 4 мая 1789 г. В. Я. Чичагов вывел корабли⁴⁷. Простояв десять дней, он устроил депутатский смотр, совершенно ненужный и нецелесообразный в тех условиях. В личном журнале он записал: «15 числа при юго восточном маловетрии получен от штурмана, в Балтийском порте находящегося, репорт, что он видел с 3 по 11 число сего мая лавирующих со стороны Гангута 16 судов, которые как днем, так и ночью делали пушечные выстрелы. По чему тогда же отправил я отряд, состоящий из одного корабля, одного фрегата и одного коттера под начальством капитана 2 ранга Шешукова»⁴⁸. Но с какой целью В. Я. Чичагов направил в тот район малочисленный отряд, когда в целом обстановка была ясна, все инструкции получены и оставалось только проявить инициативу и действовать, решительно атаковав противника.

Тем временем 14 мая 1789 г. Екатерина II адресовалась к И. Г. Чернышеву: «В уважение надобности во флоте артиллерийских снарядов и балласте, доставление которых с заводов с тою поспешностью, как сего требуют военные обстоятельства, подвержено затруднению, повелеваем первое: имеющиеся в Кронштате в негодных и ненадежных прежнего литья пушках и в других вещах чугуна перелить в кипели, бомбы, гранаты, брандскутели, дробь и балласт, чего для построить в Кронштате ответственное прямой надобности число воздушных печей... употребив на то деньги из суммы на действие Александровского пушечного завода отпущенной»⁴⁹. Весной 1789 г. в Кронштадте шло строительство «плавильной воздушной печи», и граф Чернышев рекомендовал П. И. Пущину переплавить весь непригодный чугун на снаряды. В переписке Пущин посетовал, что завершать постройку печей просто некому, так как все работники заняты на подготовке флота к кампании или же больны, поэтому Чернышев рекомендовал нанять вольных, что Пущин и сделал.

Тем временем прошла ещё неделя стоянки на рейде, и 20 мая 1789 г. В. Я. Чичагов, уже точно зная о свободном передвижении флота шведов по Финскому заливу, невозмутимо информировал графа Чернышева:

«Здесьняя эскадра еще на рейде, а потому военное морское правило требует иметь крейсирующие или разведывающие суда, что от меня и исполнено посылкою господ капитанов Тревенена к Гангуту, а Шешукова к Швеабургу, придав к кораблям их по одному фрегату и по два малых суден на случай о присылке о разведываниях своих»⁵⁰.

Главкомандующий вывел флот в море только тогда, когда шведы уже беспрепятственно передвигались по Финскому заливу. А июле 1789 г. этот адмирал фактически проиграл сражение у острова Эланд. Он не выполнил указа Екатерины II о соединении с эскадрой контр-адмирала Т. Г. Козлянинова и тем самым упустил возможность соединёнными силами разбить шведский флот, позволив ему уйти к своим портам. Упомянутый историк В. Ф. Головачёв недоумевал: почему Чичагов после получения высочайшего указа «провёл целый май месяц в бездействии, и только 29 числа стал спрашивать у Безбородко, что ему делать дальше, когда имел уже с 31 марта указание — спешить на соединение с Козляниновым?»⁵¹. Наверное, другие историки тоже не найдут ответы на эти и другие вопросы, связанные с поступками В. Я. Чичагова в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. и с игнорированием высочайших приказов.

Адмирал Чичагов встретил шведов 14 июля 1789 г. у острова Эланд, но не атаковал их, а с двух часов пополудни и всю ночь на обратном северном курсе выжидал нападения и не предпринял мер для того, чтобы отрезать отступление противника к Карлскруне. Чтобы начать сражение, Чичагову было достаточно дать сигнал флоту совершить поворот на правый галс и в шахматном порядке, стараясь держаться сомкнуто, идти на сближение с противником. Но русский адмирал позволил шведскому командующему на следующий день взять инициативу и атаковать русский флот. Более того, Чичагов не воспользовался благоприятной для себя переменной ветра, не занял более выгодную позицию и не вынудил противника вступить в сражение. Главная цель маневрирования Карла Зюдерманландского состояла в том, чтобы не позволить русским отрезать его флоту путь в Карлскруну, что принцу Карлу и удалось.

Вот как о тех событиях Чичагов доложил И. Г. Чернышеву: «Отправляясь в Балтийское море со флотом в числе двадцати линейных кораблей, шести фрегатов, двух бомбардирских, двух коттеров, двух госпитальных и трех транспортных судов, и прошед остров Готланд, 14 числа прошедшего июля встретился с неприятельским флотом под предводительством самого герцога Сюдерманландского, в числе 20 кораблей, 11 фрегатов, в котором числе были два двухдечные, да шести мелких судов и одномачтовых коттеров. На другой день, то есть 15 числа, был я атакован от него в числе тридцати поставленных в линию кораблей и фрегатов. Отразил, без видного вреда вверенному мне флоту, кроме что корабль «Дерись»

от разрыву своих трех пушек весьма много поврежден, так что принужден был отправить в Ревель для починки. После сражения, продолжающегося особенно между авангардиями неприятельскою и нашею около шести часов, неприятель на другой день начал уклоняться от меня». В следующем донесении Чичагов добавил: «Неприятель отрядил 7 кораблей, чтоб бить конец нашего правого фланга», а потом представил собственноручно подписанную Ведомость с указанием количества выстрелов, сделанных с каждого линейного корабля⁵².

Анализируя рапорт адмирала, историки вправе задаться вопросом: а почему главнокомандующий не оказал помощи и не подкрепил свой правый фланг, заметив, что этот фланг атакуют семь шведских кораблей? В том сражении соотношение сил россиян примерно равнялось с противником и, кроме того, шведы не имели в составе своего флота кораблей 100-пушечного ранга с тремя закрытыми орудийными батареями, а в распоряжении Чичагова их имелось три — «Ростислав», «Дву-на-десять Апостолов» и «Святой Равноапостольный Князь Владимир». Более того, русский главнокомандующий, судя по его донесению в Петербург, издавля (скорее всего, от страха) принял шведские тяжёлые фрегаты, о которых упомянуто выше, за двухдечные (!), чего вообще никак не могло произойти. Фрегаты имели только одну орудийную батарею (один закрытый дек), что подтверждал в своём труде шведский классик кораблестроения Ф.-Г. Чапман, и в этом деке стояли крупнокалиберные 24-фунтовые пушки. На открытой палубе на период боевой кампании шведы ставили 12-фунтовые орудия.

Далее, после внимательного знакомства с «Ведомостью» о количестве выстрелов, также напрашивается вопрос: почему флагманский В. Я. Чичагова 100-пушечный «Ростислав» сделал всего 20 выстрелов, когда по всем правилам боя корабль командующего флотом должен находиться в центре боевой линии, то есть кордебаталии. Почему командующий не подошёл к шведам на ближние дистанции, как полагалось вести бой? С других кораблей было сделано от 500 до 2300 выстрелов, а больше всего с корабля «Дерись» — 2892. В ходе исследования выяснилась важная деталь: в РГАВМФ, равно как и в других федеральных архивах, отсутствует вахтенный журнал «Ростислава» в Эландском сражении. А вот на 1788 г., когда «Ростислав» был флагманским С. К. Грейга, журнал имеется, и в нём отражён ход Гогландского сражения. В другой «Ведомости», переданной Чичаговым в Адмиралтейств-коллегию и датированной 16 августа 1789 г., то есть через месяц после сражения у острова Эланд, представлены сведения о повреждениях кораблей и количестве убитых и раненых (убитых — 34, раненых — 170), но отсутствуют такие же данные по «Ростиславу». В вахтенных журналах чётко показано, что русский

авангард под командованием контр-адмирала А. Г. Спиридова оказался в эпицентре боя и принял на себя массированный огонь противника, а капитан Г. И. Муловский — внебрачный сын Ивана Григорьевича Чернышева, был убит, о чём Чичагов также сообщил Чернышеву.

О сражении у острова Эланд и о свободном уходе шведов в Карлскруну в Санкт-Петербурге узнали 6 августа. При этом адмирал Чичагов доложил о «неудобности сделать поиск флотом на Карскруну», и что он не стал отряжать отдельный отряд «для разорения неприятельской торговли за Зундом». Секретарь императрицы А. В. Храповицкий отметил в дневнике: «Замечено, что не хотел сам Чичагов драться, желая лучше охранить берега Лифляндские, хотя ему точно предписано искать и атаковать неприятеля», а Екатерина II обратилась к своим сотрудникам: «Из полученных реляций Адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не он их. Что он с ними имел перестрелку, что на одной потерял капитан бригадирского ранга и несколько сот прочих воинов без всякой пользы империи. Что, наконец, он возвратился к здешним водам, будто ради прикрытия залива Финского. Я требую, чтоб поведение адмирала Чичагова в Совете сличено было с данною ему инструкцией и мне рапортовано за подписанием Совета, выполнил ли выше помянутый Адмирал инструкцию, ему данную за Моим подписанием, или нет, дабы Я могла взять надлежащие меры»⁵³. Брать надлежащие меры, она, однако, не стала. Более того, по неясным до сих пор причинам адмирал В. Я. Чичагов не только не дал никаких объяснений по поводу своих действий, но и вообще избежал ответственности.

В заключительной и решающей кампании 1790 г. под начальством В. Я. Чичагова также поступила мощная боевая сила в количестве 20 линейных кораблей, из них семи 100-пушечного ранга, вооружённых 36-фунтовыми пушками в нижних батареях. За счёт этого русский Балтийский флот по суммарной силе бортового залпа значительно превосходил шведский, в составе которого 100-пушечных кораблей не имелось, однако в сражении у Красной Горки в мае 1790 г. Чичагов намеренно участия не принял и не оказал поддержки второй эскадре под начальством А. И. Круза. Пока личный состав этой героической эскадры мужественно выдерживал тяжёлое сражение, главнокомандующий флотом отставался на якорях у острова Нарген, держал там свежую, не задействованную в бою эскадру. В письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву А. И. Круз сдержанно упомянул об этом — на его взгляд — совершенно неприемлемом на войне факте: «Странно и непостижимо для меня, что гос. адмирал Чичагов по сие время не идет ко мне на помощь. Вот уже четыре дня, что я сражаюсь и благодарю Бога за успех, но войску становится уже весьма тягостно»⁵⁴.

К весне 1790 г. статистика по флоту оказалась не вполне благополучной⁵⁵. На основании полученной статистики Кабинет Екатерины II принял срочные меры. И. Г. Чернышев доложил императрице, что ко флоту отправлена дополнительная партия матросов, а известный доктор А. Г. Бахерахт выехал в госпитали Кронштадта и Ораниенбаума, чтобы лично осмотреть нижних чинов, проследить за ходом их лечения и выписать тех, кто уже выздоровел и сможет выйти в море. Положение дел поправили и действия Адмиралтейств-коллегии в отношении лечения рекрут, которые следовали в Санкт-Петербург и Кронштадт из российских губерний: Симбирской, Вятской, Казанской. Так, 7 мая 1790 г. Новгородское наместничество уведомило коллегию, что в Тихвине осталась партия рекрутов, следовавших из Вятки с прапорщиком Фрыгаловым. По распоряжению Екатерины II, для выяснения обстановки коллегия направила в Тихвин капитана Тарасова и лекаря Юскевича, которые доложили в Коллегию, что «из числа означенной партии рекрут в 539 человек умерших 148, бежавших 10, больных в лазарете 181, а остальные 200 человек 23го числа апреля отправлены с прапорщиком Фрыгаловым в Петербург, а больные находятся в не опасных болезнях». Лекарь Юскевич принял меры для лечения заболевших, а вскоре по личному распоряжению императрицы в Тихвин к капитану Тарасову поступили деньги с приказанием «в скорейшем пользовании больных обще с лекарем приложить крайнее старание, употребляя лекарства и другие вещи, какие по искусству того лекаря надобны будут»⁵⁶.

В решающей 1790 г. кампании россиян со шведами из-за бездействия главнокомандующего флотом кабинет Екатерины II вынужден был окончательно признать войну оборонительной, и главной задачей поставил не допустить шведов в Финский залив. Но адмирал В. Я. Чичагов проигнорировал все высочайшие предписания и рескрипты и не только допустил противника к российским берегам, в частности к Ревелю, но и позволил шведскому флоту свободно перемещаться как в Финском, так и в Выборгском заливах. Адмирал занял выжидательную позицию и не торопился с выходом на поиски противника. В течение всего апреля 1790 г. он докладывал в Зимний дворец, что «флот В. И. В. со всем его экипажем в совершенной готовности к выходу на рейд, но удерживают оный в гавани переменные крепкие северо-восточные ветры». Затем уведомлял о выходе кораблей на рейд, но с моря иногда «наносит льды», хотя Ревельский рейд очистился ото льда ещё 16 марта, и эскадра могла свободно выходить в море на соединение с кронштадтской. Море для шведов осталось свободным, и королевский флот беспрепятственно подошёл на вид Ревеля.

После того, как главные силы шведского флота оказались в Выборгском заливе, В. Я. Чичагов объявил об их блокаде. Нет сомнения — бло-

када запертого в портах флота противника рассматривалась как одна из эффективных мер борьбы с ним и, как правило, заканчивалась его разгромом при попытке прорыва в открытое море. Таких примеров из военно-морской истории множество, а к классическим относится блокада английскими эскадрами французских и испанских портов в Атлантике и в Средиземном море, в результате чего происходили сражения или уничтожение главных сил противника.

В случае под Выборгом в планы В. Я. Чичагова не входило ни то, ни другое. Главнокомандующий длительное время не предпринимал никаких действий против флота противника, запертого в Выборгской губе, объясняя это тем, что он мерит глубину или ветер ему неспособный, и такая постановка вопроса является примитивной отговоркой и нежеланием уничтожать шведов. Имевшиеся в распоряжении Чичагова корабли 100-пушечного ранга специально проектировали с учётом их будущей службы в водах Балтики, рассчитав водоизмещение, нагрузку, артиллерийское вооружение и т. д. Другую часть 100-пушечных кораблей проектировали уже с учётом операций в Средиземном море и, следовательно, с иными тактико-техническими элементами. Поэтому говорить о намерении Чичагова сберечь корабли означает оправдать его в неприменении сил флота по прямому назначению для решения оперативно-тактических задач на театре военных действий. Стоит заметить, что в Великобританском королевском флоте подобные действия расценивались как преступление и государственная измена, и виновный начальник эскадры подлежал суду и расстрелу на шканцах корабля.

Подводя итоги действиям В. Я. Чичагова, особенно в решающем сражении под Выборгом 22 июня 1790 г., когда этот адмирал предоставил шведам свободный коридор и выпустил их флот вместе с королём из Выборгского залива, современные историки пишут: за подобные поступки в такой морской державе как Англия В. Я. Чичагова непременно ожидал бы военный трибунал и смертный приговор⁵⁷. Это высказывание достойно солидарности. Однако вопреки всему с Чичаговым произошла сказочная метаморфоза: вместо трибунала именно он, а не адмирал Ушаков, получил высший военный орден Святого Георгия 1-го класса и стал единственным из моряков кавалером этой степени.

Кампания на суше и на море стоила империи колоссальных финансовых и людских затрат.

После завершения кампании со Швецией обе державы подписали мир на условиях довоенного status-quo, по которым Россия не получила ни пяди земли, ни рубля контрибуции, ни каких-либо других территориальных или денежных приобретений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 15. СПб., 1881. С. 609.

² Чапман Ф.-Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. СПб., 1836. С. 116–117.

³ Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 548–549.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ) ИДД МИД РФ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1786–1788 годы. Оп. 6 / 2. Д. 505. Л. 27–27 об., 43–43 об.

⁵ Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 346–351.

⁶ Подробнее об этих событиях: Гребенщикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. 1. СПб., 2012.

⁷ Из перлюстрированной корреспонденции: АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1786–1788 годы. Оп. 6 / 2. Д. 505.

⁸ Там же. Д. 507. Л. 90, 149.

⁹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 50. Л. 61.

¹⁰ Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 46. Л. 71.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 323.

¹² АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 391. Л. 68–68 об.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 60. Л. 41. Генерал-адмирал Павел Петрович — адмиралу С. К. Грейгу, 5 мая 1788 г.

¹⁴ Там же. Л. 46. 14 мая 1788 года.

¹⁵ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 323, 333. Решения Совета при Высочайшем Дворе от 25 мая 1788 года.

¹⁶ Там же. Л. 360 об.

¹⁷ Там же. Л. 374.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–6.

¹⁹ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 391 об. — 392, 394–399.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 395 б. Л. 15.

²¹ Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. Т. 1. СПб., 1871. С. 31, 94–95.

²² Материалы для истории Русского флота (далее: МИРФ). СПб., 1886. Ч. XIII. С. 259–260.

²³ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 247.

²⁴ Там же. Ф. 212. Канцелярия, 2 отдел. Д. 653. Л. 33–59; Д. 175. Л. 12–13.

²⁵ В Средиземное море:

100-пушечные «Трех Иерархов», «Чесма», «Саратов» [помета Пущина: «Июня 5 числа пошли в путь»]

74-пушечные: «Ярослав», «Владислав», «Елена», «Мстислав», «Всеслав», «С. Петр», «Кир Иоанн»

66-пуш: «Вышеслав», «Родислав», «Болеслав», «Мечеслав», «Изяслав», «Победоносец» — госпитальный

Фрегаты 32-пуш: «Возьмислав», «Подражислав», «Надежда Благополучия», «Слава»

38-пуш: «Брячеслав»

Бомбардирские «Победитель», «Страшный»

Транспортные суда: «Холмогоры» — госпитальное, «Смелый», «Соловки», «Турухтан», «Сокол», «Хват», «Удалой»

В здешнее море [на Балтике]:

100-пушечный «Ростислав», 74-х «Иоанн Богослов», 66-пуш. «Память Евстафия», «Виктор», «Дерись» [«Из города Архангельского 74-пуш. Александр Невский, № 8, № 9, 66-пуш. Северный Орел, № 75]

Фрегаты 26-пуш: «Гектор», «Мстиславец» 42-пуш, «Ярославец», 20-пуш «Марк», «Проворный». [«Из города Архангельского Архангел Гавриил»]. (РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 344. Л. 22–24. Там же. Д. 367. Л. 40).

²⁶ Там же. Д. 395 б, Л. 29 об. Там же. Д. 396. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 367. Л. 202, 212–212 об.

²⁸ Там же. Д. 347. Л. 14–16, 31 об., 28 об., 33, 54 об.

²⁹ Там же. Д. 344. Л. 31, 49, 93–93 об. Там же. Д. 367. Л. 24.

³⁰ Там же. Д. 371. Л. 3–5, 37, 103.

³¹ Там же. Д. 396. Л. 22.

³² Там же. Д. 365. Л. 5, 39, 61.

³³ Там же. Д. 396. Л. 29, 36. Письмо от 9 июля 1788 года.

³⁴ Там же. Д. 344. Л. 129, 149, 324–325, 327, 340. Там же. Д. 395 б. Л. 39 об., 90 об. — 91 об.

³⁵ Там же. Д. 395 б. Л. 49 об.

³⁶ Там же. Д. 395 б. Л. 59, 84, 101. Там же. Д. 349. Л. 30. Там же. Ф. 212. Канцелярия, 2 отдел. Д. 487. Л. 34–35.

³⁷ АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 8.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 353. Л. 28, 34–35, 36 об.

³⁹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Академии Наук. Т. 26. С. 302–303 (А. А. Безбородко — Г. А. Потёмкину, 23 ноября 1788 г.)

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 390. Л. 34. Копия с записки А. В. Храповицкого. Без даты.

⁴¹ Там же. Ф. 212. Канц. 2 отд. Д. 185. Л. 1, 47, 48.

⁴² Там же. Д. 372. Л. 5–5 об. Из всеподданнейшего доклада И. Г. Чернышева.

⁴³ МИРФ. Ч. XIII. С. 501–502. 23 марта 1789 г.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 345. Л. 3, 73.

⁴⁵ Там же. Ф. 212. Канц. 2 Отд. Д. 477. Л. 13, 40.

⁴⁶ Цит. по: Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. С. 98.

⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 398. Записная книга графа И. Г. Чернышева. Л. 25.

⁴⁸ Отдел рукописи Библиотеки академии наук (далее: ОР БАН). Ф. 34. 7. 16. Л. 9–9 об.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. 2 Отд. Д. 477. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 351. Л. 85.

⁵¹ Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. С. 127.

⁵² РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 351. Л. 85, 105–105 об., 107 об., 180, 231–233.

⁵³ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 9. Л. 78 об. — 82.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 352. Л. 240–240 об., 248 об. Край документа с указанием даты оторван.

⁵⁵ Согласно «Генеральному Табелю», на начало апреля в Балтийском флоте числилось:

капитанов — 53. Из них 22 «в кампании быть не могут».

капитан-лейтенантов — 89. Из них 59 «в кампании быть не могут».

лейтенантов — 262. Из них 162 «в кампании быть не могут».

мичманов — 197. Из них 170 «в кампании быть не могут».

штурманов — 138. Из них 81 «в кампании быть не могут».

шкиперов — 69. Из них 28 «в кампании быть не могут».

лекарей — 35. Из них 30 «в кампании быть не могут».

подлекарей — 102. Из них 50 «в кампании быть не могут».

боцманов — 128. Из них 53 «в кампании быть не могут».

тимерманов — 29. Из них 10 «в кампании быть не могут».

матросов — 20859. Из них 10117 «в кампании быть не могут», а 1693 — «в госпиталях за болезнию».

Солдатских команд — 7091. Из них 3160 «в кампании быть не могут», а 550 — «в госпиталях за болезнию».

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 189–190.

⁵⁷ Созаев Э., Махов С. Все переломные сражения парусного флота. М: Эксмо, 2012. С. 100.

ЛИТЕРАТУРА

Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. Т. 1. СПб: Тип. Морского министерства, 1871. 290 стр.

Гребенищикова Г. А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Т. 1. СПб: Остров, 2012. 511 стр.

Материалы для истории Русского флота (МИРФ). СПб: Тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. 633 стр.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб: Тип. Императорской Академии Наук. Т. 15. СПб., 1881. 712 стр.

Созаев Э., Махов С. Все переломные сражения парусного флота. М: Эксмо, 2012. 382 стр.

Чапман Ф.-Г. Опыт теоретического разсуждения о удобнейшем образовании и надлежащей величине линейных кораблей, а равномерно фрегатов и других меньших военных судов. Перев. с франц. СПб: Тип. Морского Министерства, 1836. 180 стр.

Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. 650 s.

А. М. Пашков

**РОЛЬ СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ
В СНАБЖЕНИИ РУССКИХ ВОЙСК
В ПЕРИОД РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1808–1809 гг.**

В 1808–1809 гг. Северное Приладожье, завоеванное Россией еще при Петре I, оказалось вовлечено в события очередной русско-шведской войны, завершившейся подписанием 5 сентября 1809 г. Фридрихсгамского мирного договора, по которому территория Финляндии отошла от Швеции к России.

Война началась в феврале 1808 г. и была для Швеции заведомо бесперспективной. Население России составляло около 40 млн человек, а население Швеции не более 2,5 млн человек, в том числе на территории Финляндии по переписи 1806 г. проживало около 909 тысяч человек¹.

Русская армия имела большой боевой опыт после двух войн с Наполеоном, а шведская армия за последние 20 лет почти не воевала. Но Россия понесла большие потери в войнах с Наполеоном, а также находилась в 1808 г. в состоянии войны с Персией, Турцией и Англией. Поэтому для вторжения в Финляндию была собрана армия численностью только в 24 тысячи человек. У шведов в Финляндии было примерно 19 тысяч человек.

Первоначально боевые действия развивались успешно для русской армии, шведы отступали на север. Первые успехи русских войск поставили на повестку дня проблему взаимоотношений с местным финским населением. Лютеранским пасторам было дано указание внушать, чтобы прихожане соблюдали тишину и спокойствие после появления русских войск. Русским войскам было строго указано «о благонравном обращении с жителями». Было приказано снять все таможи и таможенные заставы между Старой и Новой Финляндией (т. е. Выборгской губернией и завоеванной шведской Финляндией), чтобы жители беспрепятственно могли пересекать границу для «облегчения торговли и промыслов». Взятых в плен шведов отсылали в Россию, а пленных финнов распуска-

ли по домам. 20 марта Александр I обратился с манифестом к населению Финляндии, в котором объявил о присоединении Финляндии к Российской империи и необходимости всем жителям принять присягу на верность русскому царю². Какого-то активного сопротивления со стороны финского населения в первые два месяца войны не было.

По мере продвижения русских войск на север возникла проблема их снабжения продовольствием и фуражом. Финляндия традиционно не была территорией развитого сельского хозяйства, за исключением южных приморских районов. Отступающая шведская армия забирала с собой продовольствие и фураж, угоняла скот. Местное население не было настроено на сотрудничество с русскими войсками, а вскоре вообще начало партизанскую войну. Поэтому подвоз боеприпасов, продовольствия и фуража из России был крайне затруднен.

Историк К. Ф. Ордин писал: «Население поднялось против русских и началась ужасная партизанская война. Шедшие к войскам транспорты атакывались и по большей части расхищались, леса наполнились вооруженными людьми, действовавшими враспыленную и находившими убежище по деревням; курьеры перехватывались и отряды оставались без сведений о взаимном положении»³.

Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский приводит сведения об одном из таких нападений финских партизан на русский обоз. Относящийся к маю-июню 1808 года: «Однажды ночью ударили они на подвижный магазин, расположенный в самой близости от корпуса, истребили его, повозки и находившиеся при нем понтоны роты Дитерихса сожгли и побросали в воду, большую часть людей перекололи, а 400 лошадей подрезали жилы передних ног»⁴.

К этому можно добавить еще и неурожай, охвативший в этот период Северную Европу, включая Финляндию и северные губернии Европейской России. В ноябре 1806 г. был даже издан царский указ, запрещающий вывоз ржаной муки и зерна из России через порты Балтийского моря и по сухопутной границе от Балтийского до Черного моря⁵.

Отвечал за снабжение русской армии генерал-провиантмейстер Д. Б. Мертваго. Он сразу оказался в сложном положении, поскольку обеспечить русскую армию продовольствием и фуражом в условиях Финляндии был делом сложным. Д. Б. Мертваго писал: «Побывая в Финляндии, удостоверился я о том, что знал предварительно. Земля испещрена озерами, лесами и скалами кремнистых, утесистых гор. Жителям для собственного их пропитания недостает своего хлеба. Народ ленив и скуден. Во всей Финляндской губернии считалось до 7000 лошадей малосильных. Неудобство дорог причиною, что повозки у них двухколесные, на коих по мере сил лошадей их возят и 20 пуд тяжестей»⁶.

По расчетам Д. Б. Мертваго, сделанным в конце февраля, до наступления весны («по приспечения транспортов водою») для обеспечения кавалерийских и обозных лошадей русской армии фуражом предполагалось перевезти в Финляндию из Твери 12.000 четвертей⁷ овса по зимнему пути. Кроме того, какой-то объем овса, но в основном сена, предполагалось доставить из Новгородской и Олонецкой губерний. Фураж закупался у населения, его перевозка также оплачивалась. Перевоз четверти овса из Твери на финскую границу обходился казне в 5 руб. 50 коп., при этом допускалась потеря в пути не более двух гарнцев⁸ с четверти.

Сохранилось свидетельство о том, что заседатель Олонецкого уездного суда титулярный советник М. С. Петров по распоряжению губернатора Олонецкой губернии В. Ф. Мертенса дважды был командирован в 1808 г. для сопровождения транспортов с казенным сеном: в феврале со ста подводами из Олонца в Ловизу (Ловийса), и в марте с 43 подводами из Сердобольского уезда в финскую Карелию⁹.

Для выяснения на месте ситуации со снабжением войск Д. Б. Мертваго и военный министр А. А. Аракчеев выехали в конце февраля 1808 года в Финляндию. Д. Б. Мертваго подсчитал, что для бесперебойного снабжения войск нужно, чтобы ежедневно до 15 апреля на перевозке военных грузов было занято по 1660 подвод. Ему удалось убедить вице-губернатора Финляндской губернии И. Я. Бухарина мобилизовать местных жителей на перевозку военных грузов с оплатой деньгами, хлебом и сеном.

На весенне-летний период Д. Б. Мертваго предложил организовать подвоз военных грузов по Ладожскому озеру и водной системе Сайменского озера, тянувшегося по Финляндии с севера на юг. Он писал: «Поелику граф Буксгевден¹⁰ меня уверял, и офицер, канцеляриему управляющий обнадуживал, что шведская флотилия на озере Сайме совершенно истребится, то для споспешествования продовольствию армии предложил я хлеб, в Петербург идущий, сложить в Ладоге, и, перевезя на гальботах¹¹ к противулежащему берегу озера Ладожского, перевозить сухопутно к берегам озера Саймы (отколе на военных судах Вильманштрадской¹² флотилии возить сколь можно будет далее по Сайме, на 700 верст простирающейся, почти параллельно Ботническому заливу). Для изведывания, где найдутся те места, кои сблизят расстояния между Ладожского и Сайменского озер, послал я двух чиновников провиантских, приказав одному ехать по берегу Ладожского, а другому по берегу Сайменского озер, спрашивая жителей о близости. Вследствие чего на озере Ладожском найдено селение, а на Сайменском пустое место, где хорошая есть натуральная пристань. Сухопутного расстояния только 67 верст»¹³.

Водным путем было легче, дешевле и безопасней, чем перевозить грузы по суше. Чиновники, отправленные выяснения, где Сайменское

озеро ближе всего подходит в Ладоге, доложили, что самый короткий путь начинается в Якимваара (на территории современного города Лахденпохья). Для перевозки грузов от Якимваара до пристани на Сайменском озере в распоряжение Д. Б. Мертваго была выделена «пионерная» (инженерная) рота и 300 лошадей с повозками. За дальнейшую перевозку провианта и фуража по Сайменской системе на канонерских¹⁴ и «обывательских» лодках от Нейшлота (Савонлинна) до Улеборга (Оулу) через пороги отвечал командующий Выборгским гарнизоном генерал-майор К. Е. де Жерве.

Для охраны перевозки грузов было решено использовать русские канонерские лодки из небольшой флотилии, базировавшейся в Вильманстранде (Лаппеенранта). Об этом есть интересное замечание в работе П. К. Сухтелена: «Штаб русской армии предпринял самые легкие из сих судов перенести из озера Займы в Калавези. Их надлежало перетащить чрез перешеек, простирающийся на несколько верст и чрез тесный проход к югу от Варкгауза. Твердость и решимость россиян преодолели сии естественные преграды. 25 июня (5 июля) семь канонерских лодок, которые то переносились на плечах, то везены были лошадьми, то вытаскивались на берег, то опять спускались в воду, наконец, явились в озеро Калавези. Число сего необыкновенного на пресных водах флота впоследствии постепенно возрастало...»¹⁵

Инициативу Д. Б. Мертваго по организации снабжения русских войск по Сайменской системе высоко оценил русский историк М. М. Бородкин: «Когда наши войска перешли границу, то для их продовольствования пришлось устроить подвижные магазины и нанимать большое число подвод из Новгородской и Тверской губ. В Куопио учрежден был продовольственный магазин. Припасы для него отправлялись из г. Ладоги по Ладожскому озеру до с. Якимвари, а оттуда гужем до ближайшего Сайменского берега у с. Путино. План этот осуществлен по мысли Д. Б. Мертваго, желавшего возможно больше пользоваться водным путем...»¹⁶

Таким образом, благодаря оригинальному решению генерал-провинантмейстера Д. Б. Мертваго была создана схема бесперебойного снабжения русской армии в Финляндии боеприпасами, продовольствием и фуражом, основанная на использовании Сайменской водной системы, которая позволила успешно снабжать русскую армию всем необходимым и, в конечном счете, обеспечила ее победу в войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 годов. СПб., 1910. С. 33.

² Манифест. О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России [1808 г. 20 марта] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 30. № 22911. С. 146–147 (далее ПСЗРИ).

³ Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1. СПб., 1889. С. 33.

⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 163.

⁵ Именной, данный Сенату. О запрещении отпуска хлеба из Балтийских портов и по сухопутной границе от Балтийского до Черного моря [1806 г. 11 ноября] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 29. № 22349. С. 863.

⁶ Мертваго Д. Б. Записки. 1760–1824 // Русский архив. 1867. № 8–9. 2-я паг. С. 229.

⁷ Четверть — старинная русская мера объема сыпучих тел, равна 209,91 литра.

⁸ Гарнец — старинная русская мера объема сыпучих тел, равна 3,28 литра.

⁹ Пашков А. М. Две заметки о Карелии в эпоху 1812 года // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 210.

¹⁰ Буксгевден Федор Федорович (1750–1711) — командующий русской армией в период русско-шведской войны 1808–1809 годов.

¹¹ Галиот — парусное судно военного или рыболовного флота в Северной Европе в XVII–XVIII веках, имел плоскодонный, почти коробообразный корпус с мощным килем и массивными форштевнем и ахтерштевнем, достигали в длину до 30 метров, в ширину до 8,5 метров и водоизмещения до 500 тонн, обычно имели две мачты, использовались в качестве грузовых, пассажирских, посыльных и экспедиционных судов, а также для выполнения гидрографических работ.

¹² Вильманstrand — современное название Лаппеэнранта.

¹³ Мертваго Д. Б. Записки. С. 254.

¹⁴ Канонерская лодка (канонерка) небольшой боевой корабль с артиллерийским вооружением, предназначенный для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, русские канонерки конца XVIII — начала XIX в. имели 7–15 пар вёсел, были вооружены фальконетами (артиллерийские орудия калибром 1–3 фунта или 4,5–6,5 см) и имели от 1 до 3 орудий крупного калибра.

¹⁵ Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. СПб., 1832. С. 84.

¹⁶ Бородин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 52.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. М. История Финляндии. Т. 2. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 21, 3, 635 стр.

Гаврилов С. В. Интендантское снабжение русской армии в Финляндии в период войны 1808–1809 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009, № 10. С. 87–89.

Мертваго Д. Б. Записки. 1760–1824 // Русский архив. 1867. № 8–9. 2-я паг. С. 1–340.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 524 стр.

Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 годов. СПб.: Военная типография, 1910. 10, 420 стр.

Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. 1. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. 599 стр.

Пашков А. М. Две заметки о Карелии в эпоху 1812 года // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Ч. 2. Вологда: б. и., 2000. С. 208–214.

Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1832. 223 стр.

Е. Ю. Кобчиков

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИЗИТ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ В КРОНШТАДТ 1824 г.

Этот визит трех французских кораблей (фрегата «Аретуза»/ «*Aréthuse*» и трех корветов «Саламандра»/ «*Salamandre*», «Эжерия»/ «*Egerie*» и «Сенна»/ очевидно, «*Seine*») под командованием капитана 1-го ранга барона Луи-Жан-Батиста Ле Купе практически никак не отмечен в научной исторической литературе, причем как отечественной, так и зарубежной.

Единственное доступное упоминание — это газета «Альгемайне Цайтунг» (№ 220), 7 августа 1824 г., где на странице 878, об этом сообщается в 7 строках: «Граф де ла Ферроне отбыл 9 июля из Кронштадта на корвете „Эжерия“. Корвет „Саламандра“ и фрегат „Аретуза“, из состава французской флотилии, находятся в одной из гаваней в ожидании благоприятного ветра, чтобы доставить судостроительные материалы, приобретенные французским правительством в России»¹.

Примечательно, что в этом сообщении упомянут посол Франции в России в 1820–1827 гг. Пьер-Луи-Огюст Феррон де ла Ферроне (Pierre-Louis-Auguste Ferron de La Ferronnays), граф де ла Ферроне (Comte de La Ferronnays), сеньор де Сен-Марс Ла Жайе (Seigneur de Saint-Mars La Jaille), известный французский государственный деятель и дипломат, генерал-лейтенант, состоявший в длительных очень доверительных отношениях с Великим князем, а затем и императором Николаем Павловичем.

Примечательно, что если о посещении русских балтийских портов иностранными купеческими судами и о визитах военных кораблей, в том числе французских, известно с периода раннего Санкт-Петербурга, то, что касается данного визита, он не упоминался совсем. Ничего не известно о порядке встречи французских кораблей русскими моряками, особенностях пребывания французских моряков в Кронштадте и Санкт-Петербурге, о характере и количестве «судостроительных материалов», приобретенных Францией, и о доставке их на борт кораблей французской эскадры.

«Журнал 44⁸ пушечного фрегата Быстраго, веденный в компании сего лета под командою флота Г. Капитан лейтенанта Василья Федоровыча Болуговскаго, занимая пост брантвахты 1824^м Года», зафиксировал «тихое» появление на кронштадтских рейдах французского фрегата и одного корвета 12 июня 1824 г.², через двое суток после инспектирования кораблей Балтийского флота и Кронштадта императором Александром I³.

Второй корвет прибыл 13 июня и, обменявшись с фортом Кроншлот салютом из 21 выстрела, в $\frac{3}{4}$ 7-го часа по полудни встал поблизости от «Быстрога» на якорь⁴. Третий корвет встал на Большом Кронштадтском рейде 14 июня⁵.

При этом вечером (в $\frac{1}{2}$ 5-го часа) 14 июня корвет «Саламандра» снялся с якоря и стал лавировать к востоку от места своей прежней якорной стоянки, через 3 часа сел на мель и потребовал помощи 2 пушечными выстрелами. В $\frac{1}{4}$ 9-го часа корвет «Саламандра» снялся с мели и начал верповаться к востоку⁶, а к концу следующих суток, в исходе 11-го часа, втянулся в гавань Кронштадта⁷, где простоял на ремонте 3 недели — до вечера 4 июля⁸.

При почти постоянных неблагоприятных западных ветрах, как только задул «посредственный» северо-восточный ветер, вечером (в $\frac{3}{4}$ 9-го часа) 16 июня в море ушел корвет «Сенна» (в журнале также записан как «Сена») ⁹.

Утром (в 4 часа) 28 июня — корвет «Эжерия»¹⁰.

Фрегат «Аретуза» (в журнале везде — «Рейтуз») и корвет «Саламандра» (в журнале, кроме того, записан, как «Саломандо» и «Саманда»), обменявшись 21 выстрелом с Кроншлотом, утром (в $\frac{1}{4}$ 9-го часа) 10 июля снялись с якоря и при восточном ветре ушли в море¹¹.

Интересен политический фон, а также некоторые итоги этого визита, которые можно рассматривать как откровенный курьёз.

Ещё 9 июня 1824 г. вице-канцлер Российской империи и Управляющий иностранной коллегией граф К. В. Нессельроде отправил управляющему Морским министерством и начальнику Морского штаба Его Императорского Величества адмиралу А. В. фон Моллеру «весьма секретное» письмо, где сообщал: «...по дошедшим сюда из Парижа сведениям должно полагать, что кроме известного поручения сделанного тамошним Правительством прибывшей в Кронштадт французской эскадре, она имеет секретное предписание осмотреть берега Балтийского моря, вымерять проходы и проч.»¹² Далее морякам предписывалось по решению императора Александра I учредить за французами «надзор самый тщательный», но сделать это следовало «весьма искусным образом и с величайшей осторожностью и пристойностью, одним словом так, чтобы сей надзор был вовсе незаметен»¹³.

Соответствующие указания адмирал А. В. фон Моллер отправил своему старшему брату — Кронштадтскому Военному губернатору и Главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Ф. В. фон Моллеру, а также Ревельскому генерал-губернатору и Главному командиру Ревельского порта адмиралу А. Г. Спиридову и вице-адмиралу Р. Р. Галлу — в Ригу.

Действительно, 14 июня командир кронштадтского брандвахтенного фрегата «Быстрый» капитан-лейтенант В. Ф. Болговской (впоследствии — контр-адмирал) доложил по команде, что в условиях тумана им были замечены две французские шлюпки, которые ходили по южному фарватеру «между береговыми южными батареями и Цыдодельской крепостию (форт Цитадель. — Е. К.)...». Когда с «Быстрого» послали на берег плавсредство с офицером, французские шлюпки, обнаружив движение русских, разошлись по своим кораблям¹⁴. 17 июня о случившемся было доложено императору¹⁵.

Оценив обстановку, было приказано, не «употребляя имени Его Императорского Величества», расставить между французскими кораблями свои корабли так, чтобы можно было постоянно отсылать друг другу и на берег шлюпки, «с тем вероятно и без всякого подозрения намерение их промерить фарватер уничтожится»¹⁶. Так или иначе, в течение всего периода нахождения французских кораблей у Кронштадта, на кронштадтских рейдах, под Ораниенбаумским берегом и у Петергофа стояли на якоре и постоянно маневрировали отряды и отдельные корабли и суда Балтийского флота, отмеченные в журнале брандвахтенного фрегата «Быстрый», в том числе: фрегат «Проворный», шлюпы «Мирный», «Мезень» и «Свирь», 2 учебных фрегата Морского корпуса, бриги «Олимп», «Аякс», «Форвард» и [«Мера»], малые корабли (тендеры «Эол» и «Пегас», яхты), легкая эскадра.

Сын героя Чесмы и сам бывший участником в 1770 г. этого величайшего сражения на море адмирал А. Г. Спиридов отвечал из Ревеля (Таллинн) А. В. фон Моллеру в своём секретном послании: «ежели примечено будет, что станут делать промеры, тогда учтиво объясню командующему, что они принимают напрасный труд, потому что наши описи и морские карты (которые, без сомнения, у них находятся) столь верны, что на оные без всякого опасения полагаться можно»¹⁷.

Видимо, поразмыслив над последним, Моллер — младший и решил на широкий жест. «От Начальника Морского Штаба Его Императорского величества... Господину Командору французской Эскадры Барону Ле Купе» на Большом Кронштадтском рейде под расписку были передан тук с пятью атласами и две карты, которые, в отсутствие Ле Купе, получил штурман корабля («Получил два пакета в отсутствии месье ЛеКупе./

Штурман, капитан второго ранга./ [Фамилия, инициалы]/ 1824/ [Подпись)]¹⁸.

Как это напомнило события ещё времён Великой Северной войны, когда в мае 1721 г. царь Пётр лично показал чрезвычайному послу Швеции генерал-адъютанту Марку Виттенбергу все выстроенные укрепления на острове Котлин, заметив при этом: «Хотя и не обычай между воюющими показывать крепости неприятельскому офицеру, но зато теперь Швеции не надобно терять денег на шпионов, понеже посланник все видел».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Allgemeine Zeitung. 1824, 07. 08.

² Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 870. Оп. 1. Д. 3712. Л. 35об.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ Там же. Л. 36об.

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 46об.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 43об.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5031. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 3-3об.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 15.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов В. Г. Международная хронометрическая экспедиция в Балтийское море (1833 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003.

Allgemeine Zeitung. 1824, 07. 08.

Д. Ю. Козлов

**ПРОБЛЕМА «МИННОЙ БЛОКАДЫ»
ПРОЛИВОВ ОЛАНДСГАФ И КВАРКЕН
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В годы Первой мировой войны важнейшей для Германии коммуникационной линией на Балтийском море являлась трасса протяженностью до 700 миль, соединяющей балтийские порты Второго рейха со шведским побережьем. Немцы импортировали из Швеции древесину, целлюлозу, рыбу, продукцию животноводства. Однако наиболее значимой статьёй шведского экспорта являлся один из важнейших видов стратегического сырья — высококачественная железная руда, вывозимая в Германию из шведских портов, по большей части из Лулео, Умео и Гевле (Евле), расположенных на побережье Ботнического залива.

Еще до начала войны Швеция стала крупнейшим экспортером руды в Германию: в 1913 г. из добытых здесь 6440 тыс. т во Второй рейх было вывезено 4977 тыс. т (77%)¹. При этом в «Акционерное общество Гренгесберг» («Aktiebolaget Grängesberg Oxelesund»), эксплуатирующее железорудные месторождения, были вложены значительные немецкие капиталы, что, кстати, заставило Россию отказаться от возникших в 1915 г. планов закупки части шведской руды².

С началом войны, когда на фоне резкого сокращения объемов добычи руды собственно в Германии (уже в 1914 г. — на треть) английская морская блокада лишила немцев возможности ввозить этот вид сырья из Испании³, Швеция осталась для Германии единственным источником импорта железной руды необходимого качества. Объемы ее поставок, даже на фоне общего снижения импорта (до 40% от довоенного уровня) еще более возросли: в 1914 г. они составили 6600 тыс. т, в 1915 г. — 6800 тыс. т, в 1916 г. — 6900 тыс. т, в 1917 г. — 6200 тыс. т, в 1918 г. — 6600 тыс. т⁴. Поддержание бесперебойных экономических перевозок на Балтийском море переросло для Центральных держав в проблему, без пре-

увеличения, стратегического масштаба. По наблюдению О. Грооса, «Германия была в силах поддерживать свою боеспособность только до тех пор, пока были обеспечены пути подвоза шведской руды»⁵.

Наиболее уязвимым участком этой коммуникационной линии являлся пролив Оландсгаф⁶ шириной около 20 миль, разделяющий побережье Швеции и Аландские острова. Здесь же пролегал наиболее удобный в навигационном отношении маршрут проникновения в Ботнический залив германских морских сил, решавших задачу нарушения экономических перевозок между Швецией и российскими портами в Финляндии — так называемого шведского транзита.

Впервые вопрос о минировании всего або-аландского района от Гангэ (Ханко) до побережья Швеции был поставлен командованием флота Балтийского флота уже в конце первой военной кампании, после того, как 23 ноября (6 декабря) 1914 г. германский вспомогательный заградитель «Дойчланд» беспрепятственно вошел Оландсгафом в Ботнический залив и поставил у финляндских портов Бьернеборг (Пори) и Раумо (Раума) 200 мин, на которых погибли три шведских парохода⁷. Через три дня по представлению командующего Балтфлотом адмирала Н. О. фон Эссена морской министр адмирал И. К. Григорович 1914 г. обратился к шефу внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонову с просьбой предложить шведскому правительству заминировать западную часть пролива Оландсгаф, в то время как русский флот заградил бы минами восточную. Шведский министр иностранных дел К. Валленберг ответил, что официальный Стокгольм «не встречает препятствия к минированию нами этого пролива», но сам от постановки мин отказался, сославшись на нейтральный статус Швеции⁸. Поэтому в первую военную кампанию русские ограничились семью небольшими оборонительными заграждениями (в общей сложности 150 мин) в абоских шхерах. В 1915 г. появление в районе Аландских островов, а затем и в Ботническом заливе германских подводных лодок⁹, а также опасения высадки неприятельского десанта на побережье Финляндии заставили русский флот ставить мины перед ботническими портами Кристианштадт, Николайштадт (Вааса) и Якобштадт (Пиетарсаари) — 97 мин и у Каскэ (Каскинен) — 44 мины; тогда же 569 мин было поставлено в або-аландском районе — у Логшера и Нюхмана. В 1916 г. в Ботническом заливе была выставлена 191 мина в районе Нюкарлебу (Уусикаарлепуу) и к северо-западу от Снипана¹⁰.

Летом 1916 г. в штабе флота Балтийского моря возвратились к идее о «минной блокаде» Оландсгафа¹¹. 17 (30) июля командующий флотом адмирал В. А. Канин вошел с ходатайством к начальнику Морского штаба верховного главнокомандующего адмиралу А. И. Русину о дозволении минировать Оландсгаф вне трехмильной полосы шведского территори-

ального моря. Это заграждение, по мнению В. А. Канина, должно было «весьма существенно облегчить нашему флоту выполнение боевых его задач», в том числе стеснить неприятельское судоходство и облегчить борьбу с ним. Поэтому комфлот пришел к выводу о «необходимости теперь же начать постановку минных заграждений в Оландсгафе... в районе, ограниченной параллелями 59° 40' и 60° 00'». Свое ходатайство Василий Александрович подкрепил ссылкой на тот факт, что весной 1916 г. немцы выполнили подобную постановку в проливе Зунд, близ маяка Фальстербо, оставив свободным проходы лишь в пределах датских и шведских территориальных вод. В июне того же года германский флот поставил мины у опушки Стокгольмских шхер на широте Норчепингской бухты — в районе, ограниченном маяками Коппарстенарне, Ландсорт и Хувудшер. При этом, хотя часть последнего заграждения оказалась внутри трехмильной прибрежной полосы, шведское правительство отнеслось к действиям немцев «без заметного недовольства»¹².

Предложенная же В. А. Каниным акция не затрагивала нейтралитета шведов, что и констатировало министерство у Певческого моста, куда проект командующего Балтфлотом был направлен на согласование. Товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов, адресуясь к помощнику начальника Морского генерального штаба капитану 1-го ранга графу А. П. Капнисту заключил, что «право наше минировать Оландсгаф до предела шведских территориальных вод не может подлежать сомнению»¹³.

Существовала, правда, вероятность того, что шведы на основании договора 1810 г. заявят претензию на то, что границей их территориальных вод в Ботнике является линия, проходящая по середине проливов Кваркен и Оландсгаф¹⁴. Однако А. А. Нератов и случившийся в это время в Петрограде А. В. Неклюдов (посланник в Стокгольме) полагали, что протесты такого рода могут быть парированы ссылками на предыдущие заявления, в которых «шведское правительство само определило ширину своих территориальных вод в три мили». Более того, дипломаты обязались убедить власти сопредельного королевства в том, что «принимаемая мера, имея в виду обеспечение безопасности мореплавания в Ботническом заливе, не может не отвечать торговым интересам Швеции»¹⁵. Получив одобрение Министерства иностранных дел, 31 июля (13 августа) Ставка дала командующему флотом «добро» на «выполнение минирования Оландсгафа с одновременным оповещением о том Шведского правительства через Министерство Иностранных Дел»¹⁶.

Минную постановку намечалось выполнить силами минных заградителей «Ильмень» и «Лена», четырех эскадренных миноносцев 1-го дивизиона и двух эсминцев 2-го дивизиона. Кроме того, корабельному

отряду заграждения были приданы посыльные суда «Ствол», «Дуло», «Цафа», «Тумба», пароходы «Снег», «Лед» и несколько моторных катеров (типа «Шашка» и номерных) для траления выходов, обеспечения навигационной точности постановки, а затем ограждения опасного района для исключения подрыва нейтральных судов до официального уведомления Швеции. Охранение заградителей на переходе, а затем оборона района постановки от неприятельских подводных лодок, резко активизировавшихся осенью 1916 г., была возложена на 7-й дивизион миноносцев. Командование этими силами командующий флотом поручил начальнику Або-Аландской позиции контр-адмиралу барону О. О. Рихтеру (флаг на эсминце «Инженер-механик Дмитриев») ¹⁷.

Корабли отряда вышли в море в 14.00 17 (30) августа: «Лена» (брейд-вымпел временно командующего отрядом заградителей капитана 1-го ранга И. С. Денисова) и «Ильмень» с миноносцами 7-го дивизиона «Инженер-механик Дмитриев» и «Бурный» — от о. Корсе, остальные корабли — от банки Ярамас. Заградители имели на борту по 280 мин, эсминцы 1-го дивизиона — по 50, 2-го дивизиона — по 20 мин. К 23.00 корабли заняли исходные точки и через 50 минут начали постановку. «Ильмень» и «Лена» выставили две линии мин западнее маяка Логшер (углубление 3–4,4 м, расстояние между линиями полтора кабельтова, минный интервал 46 м). Минзаг «Лена» успешно поставил все мины, на «Ильмене» же якорь одной из мин зацепился за кормовой минный скат, и в течение десяти минут, потребовавшихся для очистки якоря, мина буксировалась кораблем. В результате из имевшихся на борту 280 мин «Ильмень» поставил только 162, и в заграждении образовался разрыв длиной около полумили. На остальных кораблях все прошло благополучно, и в течение ночи на 18 (31) августа в Оландсгафе была поставлена в общей сложности 821 мина ¹⁸. 19–20 августа (1–2 сентября) под руководством начальника 7-го дивизиона эскадренных миноносцев капитана 1-го ранга В. К. Кедрова линия, частично поставленная заградителем «Ильмень», была продолжена на две мили к маяку Флетиан пароходами-заградителями «Кимито» и «Киви-ма» ¹⁹.

В тот же день российский поверенный в делах в Стокгольме Б. Н. Евреинов, заблаговременно уведомленный о готовящемся заграждении Оландсгафа Министерством иностранных дел по конфиденциальным каналам, получил открытую телеграмму, содержание которой ограничивалось словом «Да». Это был условный сигнал, по которому дипломат тотчас уведомил шведский кабинет о том, что «Императорское правительство по военным соображениям и в целях ограждения как русского, так и шведского мореплавания сделало распоряжение погрузить мины

в Оландсгафе, до пределов трехмильной полосы шведских территориальных вод...»²⁰.

О постановке заграждения в Оландсгафе командующий флотом проинформировал и Главное гидрографическое управление, которое на следующий день официально объявило для сведения судоводителей, что «в целях обеспечения свободы мореплавания торговых судов в Ботническом заливе правительство сочло себя вынужденным поставить в ночь с 30 на 31 августа минное заграждение в Балтийском море в районе, ограниченном с запада пределами трехмильной полосы шведских территориальных вод, с севера параллелью 59 градусов 54 минуты и с юга — параллелью 59 градусов 40 минут. Правительство слагает с себя всякую ответственность за случайности, могущие произойти со всякими судами, зашедшими в очерченное выше запретное пространство»²¹.

Вице-адмирал А. И. Непенин, вступивший в должность командующего Балтийским флотом 7 (20) сентября 1916 г., сразу позиционировал себя как сторонник возобновления активных действий на неприятельских сообщениях и предложил верховному командованию на утверждение два варианта таких действий. Первый предусматривал уничтожение германских транспортов за пределами территориального моря Швеции без предупреждения, дабы лишить суда противника возможности укрыться в водах нейтрального королевства. Второй вариант предполагал постановку минных заграждений в районах, прилегающих к границе шведских территориальных вод. Начальник Морского штаба верховного главнокомандующего счел оба предложенных варианта «мерами не радикального, а чисто паллиативного характера, ибо успех их основывается на случайном выходе неприятельского корабля из пределов территориальных вод». Внешнеполитическое ведомство, мнение которого на сей счет было запрошено адмиралом А. И. Русиным, заключило, что «риск ухудшения отношений со Швецией и материальный ущерб нашему транзиту, неминуемо последующий вслед за ухудшением отношений, не окупается тем незначительным уроном, который мы можем нанести неприятельскому торговому движению»²². В этом духе и был составлен доклад по Морскому штабу главковерха, представленный Николаю II 5 (18) октября и на следующий день получивший высочайшее одобрение. Ставка санкционировала только второй вариант («минирование прилежащих районов, но и то в исключительных случаях, когда эти действия смогут нанести противнику рассчитанный, а не случайный ущерб»), причем обязала штаб флота согласовывать каждую минную постановку с Министерством иностранных дел²³.

Однако из-за огромного расхода мин на подновление и усиление существующих и создание новых оборонительных заграждений (речь, 204

прежде всего, идет о передовой минно-артиллерийской позиции, на формирование которой было затрачено более 4 тыс. мин²⁴), деятельность Балтфлота по постановке активных заграждений носила весьма ограниченный характер. До конца кампании 1916 г. на морских сообщениях противника было выставлено лишь два небольших заграждения, одно из которых — в Ботническом заливе.

В ночь на 12 (25) октября минный заградитель «Урал» (командир — капитан 2-го ранга К. П. Гертнер), сопровождаемый миноносцами 4-го дивизиона (его начальник капитан 1-го ранга П. В. Вилькен руководил постановкой) выставил 120 мин в Кваркене (Северном Кваркене) — проливе шириной 40 миль, соединяющем серверную и южную части Ботнического залива²⁵. Этой постановкой имелось в виду, с одной стороны, нарушить неприятельские сообщения в Ботнике, а с другой — защитить по представлению Министерства торговли и промышленности свое каботажное судоходство и коммуникацию, соединяющую порты западной Финляндии со Швецией. По завершении постановки корабли оставались в районе до следующего дня с целью предупреждения капитанов нейтральных судов об опасности. 13 (26) октября правительство опубликовало извещение о минировании Кваркена²⁶.

Таким образом, история с минированием проливов Оландсгаф и Кваркен стала иллюстрацией балансирования российского верховного командования, военно-морского руководства и внешнеполитического ведомства между собственными военно-политическими и оперативно-стратегическими устремлениями с одной стороны и опасением нарушить нейтралитет сопредельного королевства — с другой. Как известно, в целом ряде случаев российские командиры разного уровня проявляли несколько пренебрежительное отношение к нейтральному статусу Швеции²⁷, что укрепляло позиции шведских «активистов» — влиятельной партии сторонников прогерманской ориентации. Вероятно, наиболее вопиющий пример такого рода — захват 10 (23) августа 1916 г. подводной лодкой «Крокодил» под командованием лейтенанта В. В. Тихомирова парохода «Дестерро», впоследствии отпущенного по решению призового суда. В этом эпизоде лодка действовала в территориальном море Швеции под шведским флагом, и, более того, командование флота пыталось скрыть этот факт, что заставило адмирала А. И. Русина сделать командующему Балтфлотом энергичное внушение по поводу «недостаточного уважения командиров наших судов к Шведскому нейтралитету»²⁸. Инцидент с «Дестерро», вызвавший резкий протест официального Стокгольма, стал одним из поводов скорого смещения с должности командующего флотом адмирала В. А. Канина, обвиненного в «бессилии заставить частных начальников-исполнителей безусловно выполнить волю командования»²⁹.

В нашем же случае совместными усилиями военных моряков и дипломатов удалось выработать и реализовать решение, вполне корректное с точки зрения международного права и не вызвавшее нареканий со стороны шведских властей. Последние, более того, проявили, как и в ситуации с милитаризацией русскими Аландских островов, понимание проблем, с которыми столкнулся российский флот на Балтике, и не настаивали на излишне формальном толковании некоторых международных соглашений — в данном случае «Акта разграничения» 1810 г. и Парижского трактата 1856 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Флот в первой мировой войне. Т. 1: Действия русского флота. М., 1964. С. 106.

² Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 51, 51 об.

³ 8 (21) сентября 1914 г. английские власти внесли железную руду в список «условной контрабанды», которая «могла быть захвачена, если она предназначалась для агента вражеского правительства или любого лица, находящегося под контролем властей вражеского государства». См. подробнее: *Грей Э.* Немецкие подводные лодки в Первой мировой войне. 1914–1918 г. М., 2003. С. 58, 59; *Osborne E. W.* Britain's Economic Blockade of Germany, 1914–1919. London; New York, 2004. P. 65.

⁴ *Guichard L.* The Naval Blockade 1914–1918. London, 1930. P. 275.

⁵ *Гроос [О].* Основы морской стратегии // Оперативно-тактические взгляды германского флота. М.; Л., 1941. С. 84.

⁶ От шведского Ålands Hav (Аландское море). Ныне этот пролив именуется Южным Кваркеном (Södra Kvarken).

⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 347. Л. 92; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л., 1940. С. 59; *Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации. Л., 1926. С. 262–272.

⁸ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 424. Л. 33.

⁹ *Ролльман Г.* Война на Балтийском море. 1915 год. М., 1937. С. 442, 443.

¹⁰ *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. С. 17, 24.

¹¹ В мае 1915 г. шведская газета «Hufvudstads bladet» опубликовала свидетельство капитана шведского судна, согласно которому «немцами поставлено два минных заграждения в Оландском море, которыми загражден вход в Ботнический залив. Южное заграждение от маяка Флейтон (Flöjtans fur) и северное от маяка Меркет (Märkets fur) на русской стороне. Оба идут по направлению к В к шведскому берегу. Немецкие пароходы имеют распоряжение держаться в шведских водах» (Российский государственный архив военно-морского флота /далее:

РГАВМФ/. Ф. 481. Оп. 1. Д. 8. Л. 32, 33). Информация о минных постановках германцев, которая была доведена до сведения командования Балтийского флота, действительности не соответствовала.

¹² АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 424. Л. 29–32.

¹³ Там же. Л. 33, 33 об.

¹⁴ Статья 1 русско-шведского «Акта разграничения», подписанного в г. Торнео 8 (20) ноября 1810 г., гласила: «От впадения Торнео в море граница продолжается вдоль по заливу Ботническому по середине Кваркена и Аландс-Гафа (выделено мной. — Д. К.) до Балтийского моря так, что к северу сего залива лежащие острова Доккгольм, Селлен с гаванью Рейтегамнскою, а также остров Эстра-Сарвен-Маат, а к югу Аландские острова и остров Сингельскерн, суть оконечности владений России...» (Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Том XXXI. 1810–1811. СПб., 1830. С. 430, 431.)

¹⁵ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 424. Л. 33 об.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 33–35.

¹⁷ Там же. Л. 36, 37; Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 240.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 188; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. С. 24.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 59, 60.

²⁰ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 424. Л. 37, 38.

²¹ Цит. по: *Денисов Б.* Минно-заградительные операции русского флота в Балтийском море в 1914–1917 гг. // Морской сборник. 1934. № 8. С. 171.

²² РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 76, 77.

²³ Там же. Л. 79; Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 240, 241.

²⁴ Впрочем, справедливости ради отметим, что целью создания передовой позиции являлось, среди прочего, обеспечение «возможности, пользуясь шхерными выходами Або-Оландской позиции, выполнять возможные активные операции, предусмотренные директивой» (Морского штаба верховного главнокомандующего от 3 (16 марта) 1916 г. — Д. К.)» (РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 127).

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 328. Л. 135–136; Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 68–73; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 555. Л. 247; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. С. 24.

²⁶ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 241.

²⁷ Согласно «Справке об инцидентах в Балтийском море, вызвавших протесты шведского правительства», составленной Морским генеральным штабом 20 июля (2 августа) 1916 г., таковых случаев было зафиксировано шесть (АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 178. Л. 27–28.), не считая более позднего захвата парохода «Дестерро». По оценке А. И. Русина, «ни в одном из семи инцидентов нет полной уверенности в нашей правоте. Можно даже сказать, что всякий раз мы были или не вполне правы, или же совершенно неправы» (РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 28.).

²⁸ РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 24.

²⁹ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 102–104 об.

ЛИТЕРАТУРА

Гончаров Л. Г., Денисов Б. А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. 176 стр.

Грей Э. Немецкие подводные лодки в Первой мировой войне. 1914–1918 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 286 стр.

Гроос [О]. Основы морской стратегии // Оперативно-тактические взгляды германского флота. М.; Л.: Госвоенмориздат, 1941. С. 83–104.

Денисов Б. Минно-заградительные операции русского флота в Балтийском море в 1914–1917 гг. // Морской сборник. 1934. № 8. С. 155–175.

Ролльман Г. Война на Балтийском море. 1915 год. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1937. 530 стр.

Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских сил РККФ, 1926. 296 стр.

Флот в Первой мировой войне. Т. 1: Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964. 648 с.

Guichard L. The Naval Blockade 1914–1918. London: Philip Allan & Co., Ltd. 1930. 324 p.

Osborne E. W. Britain's Economic Blockade of Germany, 1914–1919. London; New York: Frank Cass, 2004. 226 p.

В. В. Тепляков

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ТРАНЗИТНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПРИБАЛТИКЕ

Формирование новой транзитной политики России в Прибалтике началось с момента распада СССР и обретения государствами Прибалтики независимости. Таким образом, в 1990-е гг. Россия оказалась в зависимом положении от Прибалтики из-за расположенных там морских портов. Однако желание и потребность развития собственной логистической инфраструктуры в данном контексте тесно переплелось с исторической памятью и привело к ряду событий, задавших вектор развития транзита во всем Прибалтийском регионе.

Сектор логистики Литвы, Латвии и Эстонии в современном виде был создан в советский период — тогда руководство СССР поставило перед собой задачу сделать Прибалтику ключевым логистическим звеном советской торговли с Европой. В рамках выполнения этой задачи была проведена комплексная модернизация прибалтийских портов. Новоталлинский морской порт прошел советскую реконструкцию и расширение. Морской порт города Таллина — к моменту распада СССР считался самым дорогостоящим инфраструктурным проектом послевоенной Европы. В рамках строительства нефтепровода «Дружба» — одного из крупнейших проектов СССР в области энергетической инфраструктуры — на ответвлениях этого нефтепровода были построены нефтеналивной терминал Бутинге в литовской Клайпеде и Вентспилский нефтеналивной порт, в котором был запущен один из крупнейших в стране терминалов для транспортировки удобрений и продукции химической промышленности. Клайпедский и Рижский порты были подвергнуты всесторонней модернизации, в результате которой получили возможность обеспечивать транспортировку практически всех существующих видов грузов.

После обретения независимости в государствах Прибалтики произошла резкая трансформация структуры экономики — значительно вы-

росла доля сферы услуг на фоне падения промышленности, в результате значение транзита для республик существенно увеличилось. Итогом либерализации экономики, с одной стороны, стало достижение необходимых макроэкономических показателей, что позволило вступить в ЕС, с другой — значительные социально-экономические издержки: в первую очередь, деиндустриализация; увеличение внешнего долга; возникновение «пузырей» на рынках кредитования и недвижимости за счет притока в прибалтийские экономики «дешевых» денег североамериканских банков; рост трудовой миграции, «утечки мозгов» и в целом сокращение населения и др.¹ Кроме того, как отмечает известный американский экономист А. Ослунд, «экономика стран Балтии страдала от серьезных структурных трансформаций и перекосов, финансовый сектор и строительство почти вытеснили промышленное производство»². В 2008 г. в Латвии и Эстонии финансовый сектор составлял не менее 24% ВВП, что вдвое выше, чем в США на пике «пузыря». Строительный сектор составлял от 8 до 10% ВВП. Этот же период можно назвать периодом наибольшей зависимости России от портовых мощностей Прибалтийских республик³.

В условиях крушения реальной экономики, промышленности и сельского хозяйства транзит не только сохранял старые экономические связи Прибалтики с постсоветским пространством, но и обретал все большую значимость, как важный источник доходов государств.

Примечательно, что Эстония, Латвия и, в несколько меньшей степени, Литва вполне добровольно отказывались от советского промышленного наследия и выбрали бескомпромиссный путь на интеграцию с ЕС. Российский исследователь А. Сергунин отмечает, что после распада СССР и интеграции Прибалтики в Европейский союз, она явно потеряла мотивацию к сотрудничеству с Россией⁴. Действительно, после обретения независимости страны Балтии, как и их соседи по восточноевропейскому региону, встали на путь политического и социально-экономического транзита. Целью и одновременно источником моделей государственного строительства стали Германия и североамериканские страны, хотя на практике многое в политических процессах (включая и собственно политический истеблишмент) было унаследовано от советской эпохи⁵.

Надо сказать, что постсоветская Россия оказалась в весьма сложных условиях, геополитический вес страны уменьшился и влияние на соседние государства значительно сократилось. Это было связано как с внутренними проблемами — экономическим и политическим кризисом, так и с внешними проблемами — переориентация соседних государств на другие военные и политические блоки. Российская экономика являлась неконкурентоспособной, промышленность страны отставала от западной на одно или даже два поколения. По оценке американского политолога

Дж. Фридмана, постсоветская Россия была не способна конкурировать с Западом на открытых мировых рынках — только внутри закрытой империи, состоящей из не менее отсталых республик⁶.

Негативным фактором для России стало и сокращение территории, которое привело к приближению границ ЕС до минимального расстояния к Санкт-Петербургу, Калининградская область стала эксклавом России в окружении недружественно настроенных государств⁷.

В Латвии, Литве и Эстонии критически относятся к именованию себя постсоветскими государствами. Действительно, вопрос о том, что связывает эти страны с советским прошлым сегодня, остается важнейшим ценностно-политическим вопросом. Страны Балтии, с момента получения независимости, всячески дистанцируются от совместных с Россией интеграционных проектов, а в Литве еще в 1992 г. как составная часть Конституции был принят специальный «Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам».

Уже в 1992 г., в рамках курса на сближение с ЕС и НАТО, Прибалтика потребовала вывода российских войск со своих территорий. Это было обусловлено озабоченностью Латвии, Литвы и Эстонии своей безопасностью, страхом перед Россией. Они обратились за помощью к международным организациям и влиятельным странам Запада. Так, 10 июля 1992 г. в Хельсинки на встрече в верхах ОБСЕ был разработан и подписан документ, который призвал Россию по возможности быстрее вывести войска и заключить двусторонние договоры с прибалтийскими государствами. Аналогичный призыв был включен в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1992 г. Не менее важное значение имела поддержка США, а также усилия премьер-министра Швеции Карла Бильдта, выступавшего в роли посредника на переговорах с Россией. При этом западные страны оказывали странам Балтии не только политическую и моральную поддержку, но и материальную. Россия ратифицировала договор о выводе войск только в октябре 1995 г.⁸

Таким образом, в отношениях между Россией с государствами Прибалтики изначально присутствовал конфронтационный элемент. Однако, хотя во взаимодействии России и стран Балтии речь не идет об институциональной составляющей, конкретные практики политического, экономического и гуманитарного сотрудничества говорят о сохранении этой связи. Таких примеров можно найти множество. Это и роль фактора-ирританта⁹, которая традиционно отведена России во внутриполитической борьбе и электоральных кампаниях в странах Балтии, и так называемая «оккупационная доктрина», определяющая внутри- и внешнеполитическую стратегию, и тесно связанная с ней проблема

«демократического дефицита», или, проще говоря, сохранение института «неграждан» (в Эстонии их называют «лицами с неопределённым гражданством»), количество которых на 1 января 2016 г. составляло в Латвии 252 017 чел. (11,75% численности населения), в Эстонии — 81 238 чел. (6,1%). И практически несменяемость правоконсервативных элит у власти и сохранение значительной доли теневой экономики (до 40% в Латвии). И тот факт, что страны Балтии продолжают оставаться в российском культурном пространстве. Наконец, ностальгия по советскому прошлому, причем не только у русскоязычного, но и «титового» населения — особенно она проявляется в ситуации, когда заявления политиков противоречат социально-экономическим реалиям. В результате оказывается, что, несмотря на присоединение к зоне евро, страны Балтии находятся в числе последних стран в ЕС по покупательной способности населения¹⁰.

В приоритете для Прибалтики было присоединение к НАТО и вступление в ЕС, что противоречило интересам России. Возможно, основной причиной явной заинтересованности прибалтийских стран в данном вопросе были опасения относительно военных планов России, расширения границ. Россия как раньше, так и сейчас часто воспринимается как угроза для национальной безопасности прибалтийских стран¹¹.

Вступление прибалтийских стран в НАТО вызвало явную негативную реакцию России и спровоцировало не только охлаждение в двусторонних отношениях с прибалтийскими государствами, но и подтолкнуло Россию к пересмотру своей военной стратегии и концепции безопасности.

Таким образом, как Россией, так и Прибалтикой особо остро стали восприниматься вопросы безопасности.

Кроме того, помимо обеспечения безопасности немаловажным фактором формирования транзитной политики стали не только движение к конфронтации, но и открытое проявление враждебности.

Так, Латвия стала первой страной в мире, против которой Россия ввела экономические санкции: после того как в 1998 г. в Риге полицейские избili демонстрацию русских пенсионеров, Москва прекратила нефтяной транзит через Вентспилс и запретила импорт латвийских продуктов. А крупный российский бизнес в порядке частной инициативы ввёл неофициальные санкции против Литвы: после того как правящие «ландсбергисты» отказались от продажи «Лукойлу» Мажейкяйского НПЗ, предпочтя коррупционную сделку с американцами, крупнейшие нефтяные компании России отказались поставлять нефть в терминал Бутинге¹².

Монополия на порты позволяла странам Балтии безбоязненно проводить свою максимально враждебную по отношению к России и русским

политику: делить своих жителей на граждан и неграждан, поддерживать чеченских боевиков, требовать «компенсаций за оккупацию», предъявлять территориальные претензии. В Таллине, Риге и Вильнюсе понимали, что Москве всё равно деваться некуда: прибалтийский транзит для российского Северо-Запада был безальтернативен, поэтому с балтийскими странами всё равно пришлось бы продолжать сотрудничество.

При таком развитии отношений зависимость от транзитных стран была в итоге осознана в Москве как угроза национальной безопасности.

Поэтому с 2000 г. создание новой логистической инфраструктуры, позволяющей избавиться от бывших советских республик, становится в России официальным стратегическим курсом. Газопровод «Северный поток», система нефтепроводов БТС-2 (Балтийская трубопроводная система) и российские грузовые порты в Ленинградской области (Усть-Луга, Выборг, Приморск) начали строиться в рамках этого курса¹³.

Антироссийская политика Литвы, Латвии и Эстонии привела к коллапсу транзитной сферы в Прибалтике. В ответ на геополитическую функцию «сдерживания России» Российская Федерация разработала стратегию по диверсификации транзитных маршрутов, позволяющую осуществлять поставки нефти крупнейшим европейским покупателям, не завися до такой степени от транзитных стран. Изменения во внешнеэкономической политике, законодательстве, нацеленность российского руководства на повышение конкурентоспособности в регионе обусловили «экономическое чудо» в портовой сфере России. Стремительное развитие портов Приморск, Усть-Луга, Санкт-Петербург, запуск «Северного потока» и другие мероприятия по улучшению транспортной инфраструктуры позволили России стать одним из ключевых игроков в торгово-экономической сфере в регионе Балтийского моря.

Своеобразным дополнительным толчком к развитию собственной транспортной инфраструктуры России стало изменение вокруг нее экономической и политической обстановки как в регионе, так и в мире в целом. В данном контексте речь идет о санкциях, которые начали действовать в отношении Российской Федерации с 2014 г. и по настоящее время со стороны ЕС, США и некоторых других стран, что сильно отражается на российской экономике и политике. Согласно данным СМИ, Евросоюз планирует продлить санкции летом 2019 г.¹⁴

Санкции оказали негативное влияние на отношения между Россией и Прибалтийскими странами, в особенности это коснулось транспортного сектора. Российским руководством было принято решение об увеличении доли собственных портов в международном транзите, установлении более независимого положения от европейских стран. Это привело к уменьшению объемов транзита грузов, перевозимых через страны При-

балтики, что воспринимается ими в качестве экономической катастрофы и угрозы политической нестабильности.

Балтийский регион — это концентрация политического и экономического противоборства государств. Геополитические условия при нестабильности экономического пространства региона и конфронтации Прибалтики привели к тому, что Россия перешла к активным действиям по проведению собственной независимой транзитной политики путем диверсификации транзита с портов Прибалтики на российские. При нынешнем состоянии политических отношений между Россией и Прибалтикой говорить о восстановлении транзитных грузопотоков стран в былых объемах не представляется возможным.

Российский политолог А. Ю. Сунгуров видит два возможных направления развития отношений между Россией и Прибалтикой¹⁵.

а) Россия принимается в качестве «регионального зла» и фактора, обеспечивающего нарастание напряженности. Приверженцы данной точки зрения полагают, что страны Балтийского моря, благодаря своему геополитическому положению и историческому опыту, выступают своеобразным форпостом свободного западного мира и стоят на его страже. Сотрудничать с Россией, по их мнению, надо с большой осторожностью. Прибалтийские политики должны стать советниками западных стран, так как они лучше других знают, как надо вести себя с Россией. Более того, они считают, что на благо самой России необходимо разделить ее на множество небольших частей. В политике стран Балтии по отношению к Российской Федерации есть некоторое подтверждение данной позиции. В статье исследователя А. Буткуса описывается концепция сдерживания России для снижения имперских амбиций России. Идея деления России на несколько частей находит также свое подтверждение в поддержке сепаратистских тенденций в России со стороны балтийских политиков.

б) Россия принимается в качестве естественного соседа прибалтийских стран, поэтому для обеих сторон наилучшей перспективой будет конструктивное решение всех накопившихся проблем и разногласий. Этот оптимистичный сценарий может способствовать не только налаживанию двусторонних отношений, но и превращению Прибалтики в посредника между Россией и Европой. По мнению исследователя М. Д. Портнягиной, такому позитивному раскладу мешает тот факт, что и с российской, и с балтийской стороны есть множество политиков, желающих решить внутренние проблемы с помощью нагнетания ситуации извне, с помощью поиска внешнего врага¹⁶.

Учет интересов ЕС и РФ прибалтийскими странами при выстраивании своей политики — важное условие для налаживания межгосударственных отношений, обеспечения стабильного экономического развития

региона, однако на деле этого не происходит и из связующего звена Прибалтики превратилась в достаточно агрессивный форпост Запада.

Петербургский профессор Н. М. Межевич отмечает, что России и Прибалтике в срочном порядке необходимо принимать меры по деполитизации торгово-экономических отношений, однако на практике на данном этапе взаимоотношений это не представляется осуществимым. Для России на балтийском направлении завершена долгая эпоха компромиссов по принципиальным позициям в политике и экономике. Санкционные режимы, культивируемые в Прибалтике, закрывают вопрос о соотношении экономической целесообразности и политической необходимости. Для кого-то торговля с врагом является нормой, для России этот путь не представляется оправданным¹⁷.

В перспективе улучшения политических отношений между странами ожидать не приходится, из этого следует, что налаживание конструктивного диалога между Россией и Прибалтикой не представляется возможным в сколь-нибудь обозримом будущем. Хотя предложения для исправления ситуации в последнее время звучат все чаще. Например, эстонское руководство заявило, что цены в транзитной сфере не выдерживают конкуренции, в связи с чем все чаще звучат предложения снизить тарифы и поменьше раздражать Россию¹⁸. Проведение такой политики представляется малоосуществимым, поскольку транзит, как правило, идет туда, где есть благоприятный политический и бизнес-климат. В Прибалтике в целом и в Эстонии в частности подобный благоприятный бизнес-климат был и кончился навсегда в 2007 г. Предыдущая модель сотрудничества России и Балтии теперь нецелесообразна, потому что прибалтийские страны ведут антироссийскую политику.

А. Пасечник, руководитель аналитического управления фонда национальной энергетической безопасности, отмечает, что если бы в отношениях между Россией и Прибалтикой не было такого политического накала, российскую сторону вполне бы устраивали прибалтийские порты, «та неконструктивная позиция, которую заняли страны Балтии по отношению к России, в принципе, подвигла (Россию) к таким диверсификационным мотивам»¹⁹.

Таким образом, если бы хорошие добрососедские отношения со странами Балтии сохранились, об альтернативных вариантах доставки грузов не было бы и речи.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что именно изначальная конфронтационная политика стран Прибалтики, желание стать членами ЕС и НАТО, и, как следствие, искусственное разрушение экономической инфраструктуры советского периода, препятствование развитию российского бизнеса на территории Прибалтики привели к появлению

российской альтернативы прибалтийским портам. Между тем транзит до сих пор играет существенную роль в экономике республик, а падение грузопотока — как следствие отказа России от сотрудничества, вызывает все большее беспокойство у властей Прибалтийских государств. Так, звучат призывы сделать порты Прибалтики экономически более привлекательными для российских грузов: снизить тарифы, облегчить таможенный досмотр. Идет работа и с китайским направлением — Прибалтика ожидает свое участие в рамках китайского проекта «Один пояс — один путь» — беспрецедентного по масштабам логистического коридора.

Однако уже сейчас между морскими портами России и Прибалтики наблюдается острое экономическое противоборство, они обладают различной конкурентоспособностью — теперь, помимо политических разногласий и желания России обеспечить свою безопасность, Россией движет и коммерческий интерес.

В итоге, можно отметить, что улучшения политических отношений между странами ожидать не приходится, кроме того, в стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 г., а также в транспортной стратегии обозначен четкий вектор развития своих перевалочных мощностей и логистики. Таким образом, можно утверждать, что Прибалтика раз и навсегда потеряла российский транзит, и даже новые исторические реалии, изменение политического климата вряд ли смогут изменить ситуацию и повлиять на ставшую практически независимой транзитную политику России в Балтийском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Воротников В. В.* 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз. Постсоветское пространство М., 2016 С. 13

² *Ослунд А.* И последние станут первыми. Финансовый кризис в Восточной Европе. М., 2011: С. 111–112

³ Там же.

⁴ *Sergunin A.* Russia and the European union in the European union in the Baltic region: a treacherous path to partnership // Baltic region. 2013. № 4 (18). P. 38–47.

⁵ *Межевич Н. М.* Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований Серия 2. Социально-экономическое развитие. С. 12

⁶ *Фридман Дж.* «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб: Питер. 2016, С. 271.

⁷ Доклад ИА РЕГНУМ. Прибалтика для России: Транзит. Калининград. Белоруссия. Финляндия. Польша / URL: <https://regnum.ru/news/polit/2231985.html> (дата обращения 16.03.2019)

⁸ *Тарасов М. Я.* Вывод российских войск с территории Эстонии, Латвии и Литвы в 90-е годы 20 века // *Материалы работы круглого стола 22 мая 2008 г.: «Экономические интересы государств на Севере Европы и в Балтийском регионе, их влияние на военно-политические отношения Российской Федерации с определенными государствами. История и современность».* СПб., 2008. С. 54.

⁹ *Смирнов В. А., Сутырин В. В.* Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010–2011 годов: экспертный взгляд // *Балтийский регион.* 2011. № 2(8). С. 146–153

¹⁰ Там же.

¹¹ *Делягин М.* Ландсбергис в очередной раз напугал Запад Россией. URL: <http://www.rubaltic.ru/news/25022016-landsbergis-rossiya/> (дата обращения: 14.03.2018); Ринкевичс Э. Пока Латвия сидит, как зайчик под елкой, рядом бродит страшный волк URL: <https://ru.sputniknews.lv.com/Latvia/20170126/3742886/rinkevichas-sejmvystuplenie-vneshnjaja-politika.html> (дата обращения: 14.03.2019); Экспертное мнение интернет издания Sputnik Латвия: хотят ли русские войны. URL: <https://m.ru.sputniknews.lv.com/opinion/20170301/4047645/issledovanie-minoborony-latvija-russkie-latyshi-vojna-jeksperty-mnenie.html> (дата обращения: 14.03.2019).

¹² Как Прибалтика теряла российский транзит. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/270416-tranzit/> (дата обращения: 12.03.2019).

¹³ Там же.

¹⁴ Евросоюз согласовал продление санкций против России: [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c6d906b9a7947edcd633c8ehttps://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c6d906b9a7947edcd633c8e> (дата обращения: 22.02.2019).

¹⁵ *Портнягина М. Д.* Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е годы — начале XXI в. СПб., 2014. С. 30–31.

¹⁶ Там же. С. 31.

¹⁷ *Межевич Н. М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М., 2016. С. 21–22.

¹⁸ Эстонский транзит больше не рентабелен [Электронный ресурс] URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/119562/> (дата обращения: 27.02.2019).

¹⁹ Россия откажется от портов Прибалтики до 2018 года // Сайт Россия24 <http://www.vestifinance.ru/articles/74910> [Видеозапись] <https://www.youtube.com/watch?v=G1A8fsicg3c/> (дата обращения: 13.03.2019).

ЛИТЕРАТУРА

Воротников В. В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз. Постсоветское пространство МОСКВА: Изд-во МГИМО, 2016. 23 с.

Межевич Н. М. Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. 2017. 58 с.

Межевич Н. М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик» // Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. 270 с.

Ослунд А. И последние станут первыми. Финансовый кризис в Восточной Европе. Москва: Мысль, 2011. 238 с.

Портнягина М. Д. Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е годы — начале XXI в. СПб: Изд-во СПбГУ, 2014. 166 с.

Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

С. Е. Ивлева

ИЗДАНИЯ О СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ СОБРАНИЯХ. БИБЛИОТЕКА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШЕГО

Осенью 1924 г. в Русский музей через структуры Государственного музейного фонда поступило около двухсот книжных томов (русских и иностранных) в роскошных с золотым тиснением и золотым обрезом цельнокожаных переплетах. На форзацы всех изданий был наклеен экслибрис в виде двенадцатилучевой звезды с императорской короной в центре. Под короной на звезде — вензельные инициалы «Н. Н.»¹. На каждом книжном томе имелась карандашная помета «Зн. Б.».

Поступившие в Русский музей книги были частью некогда обширной библиотеки великого князя Николая Николаевича — старшего (1831–1891) — третьего сына императора Николая I. В передаточных описях рядом с названием книг имелись пометки «соотв. профилю». Для музея были отобраны труды по русскому и зарубежному искусству, дневники путешествий, иллюстрированные путеводители по городам России и Европы, описания архитектурных памятников России, учебные пособия по рисунку, живописи, архитектуре, иллюстрированные труды по русской истории, мемуары. Среди книг библиотеки были и издания, посвященные Прибалтийским губерниям и странам Северной Европы, преимущественно Финляндии.

Третьему сыну Николая I — Николаю Николаевичу Старшему² с детства была уготована военная карьера. В лейб-гвардии Саперный батальон он был записан с самого рождения и тогда же стал шефом лейб-гвардии Уланского полка, прошел путь до высшего военного чина в армии России — генерал-фельдмаршала, руководил Российской гвардией.

За русско–турецкую войну 1877–78 гг. Николай Николаевич, как главнокомандующий русской армией на Балканах был награжден орденом Святого Георгия высшей, первой степени³. Вся его деятельность была связана с переустройством вооруженных сил Империи, особенно в области инженерного дела и кавалерии.

Николай Николаевич не был коллекционером в традиционном понимании. Он не занимался активной собирательской деятельностью, не стремился создать, как некоторые представители императорского дома, коллекций европейского или даже российского масштаба. По воспоминаниям современников, в его резиденции — Николаевском дворце, находилось немало произведений живописи и скульптуры, в том числе картины Айвазовского, Боголюбова, Виллевалде, Макарова⁴, но все они являлись привычным фоном жизни княжеского дома.

То же можно сказать и про книжное собрание великого князя. Оно складывалось постепенно, начало формироваться практически с детских лет, пополнялось в течение всей жизни, значительно прибавилось после женитьбы Николая Николаевича в 1856 г. на дочери принца Ольденбургского — Александре Петровне, ценительницы богословской и художественной литературы. Книги, как и в любом личном собрании, характеризовали профессиональные интересы владельца, его литературные, общекультурные и научные пристрастия. Николай Николаевич, как многие представители Императорского дома, состоял почетным членом различных научных сообществ, в том числе Русского географического общества⁵. Многие книги его библиотеки являлись специальными подносными экземплярами, результатом деятельности этих организаций. Тематическое разнообразие изданий было отражено в рукописном «Каталоге русских книг» великого князя Николая Николаевича Старшего⁶, где нашли место книги по многим отраслям знаний: военное дело, всеобщая и российская история, государственное строительство, «Полный свод законов Российской империи», история гвардейских полков, справочники по садоводству, земледелию и цветоводству. Значителен был список русской литературы: от сочинений Жуковского, Пушкина и Гоголя до комедий Островского и даже романа Писемского «Тысяча душ».

В «Каталоге» значились: «Записки» и «Отчеты» Русского географического общества, путеводители по Москве, Новгороду, Варшаве, Киеву, Полтаве. Большая часть изданий с иллюстрациями посвящались архитектурным памятникам древнерусских городов, Петербурга и Москвы. Книги «Скандинавской» тематики, количественно составили лишь небольшую часть книжного собрания великого князя. Но это были издания, принадлежавшие к «лучшим и ярчайшим книжным образцам». Издания, выпущенные русскими типографиями в основном с начала 1830-х

до конца 1850-х гг., объединяла тема культурно-исторического изучения, прежде всего, Финляндии, путешествия по различным ее частям, изучение исторических и архитектурных памятников финских городов. Кроме того, почти все «финские» издания были связаны с конкретными вехами биографии Николая Николаевича и, наверное, напоминали ему о годах юности и первых путешествиях.

Император Николай Павлович, желавший дать сыновьям блестящее образование и достойное нравственное воспитание, назначил в 1837 г. наставником семилетнему Николаю и его шестилетнему брату Михаилу генерала Алексея Илларионовича Философова⁷, «выдающегося по образованности и душевным качествам» человека. Выпускник Пажеского корпуса, генерал А. И. Философов участвовал почти во всех войнах первых десятилетий XIX в. Он отличился при взятии крепостей Эривань, Ахалкалаки и Силистрия. В составе французского экспедиционного корпуса побывал в Алжире, участвуя «в делах против арабов». Несомненно, генерал Философов примером своей героической жизни и службы оказал большое влияние на «умственное и нравственное» формирование личности великих князей и до конца дней пользовался их уважением. Философов искренне разделял убеждения Николая Павловича об огромном значении «образовательных» путешествий в процессе воспитания молодого поколения.

В апреле 1838 г. А. И. Философов вместе с юными великими князьями отправился в первое «образовательное» путешествие по Германии и Швеции. Напоминанием об этом вояже, возможно, стало издание «Летние прогулки по Финляндии и Швеции в 1838 г.»⁸ с 4 литографированными видами Стокгольма из библиотеки Николая Николаевича.

В 1843 г. молодые великие князья по «плану учения» Философова посетили Ревель и другие прибрежные места Балтийского побережья. Вполне вероятно, что под руководством наставника Николай Николаевич изучил имевшийся в библиотеке экземпляр «Путеводителя по Ревелю и его окрестностям» (СПб., 1839) с двумя гравированными на меди видами города. Он мог рассматривать и издание «Живописная Россия», где среди прочих достопримечательностей Империи было несколько литографированных видов Финляндии⁹. Готовясь к путешествию, великий князь мог прочесть и путеводитель «Красоты Финского залива» с видами Ревеля и Гельсингфорса¹⁰. Его автор, Николай Лызлов, сообщал будущим путешественникам не набор конкретных сведений о достопримечательностях, а скорее передавал общие впечатления от увиденного. В оформлении изящного, карманного формата в 16-ю долю листа издания, были применены две популярные иллюстрационные техники — литография и ксилография.

Напоминал о путешествии и литографированный альбом Валерия Лангера «Шесть видов Финляндии» («Six Vues de Finlande») ¹¹. 6 литографий на китайской бумаге представляли виды Выборгской крепости, усадьбы Монрепо и Иматры. Все они были отпечатаны в заведении известного петербургского литографа Тюлева. К теме культурно-исторических путешествий по Финляндии относилась и книга академика Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки» (СПб., 1847). Книга была посвящена посещению Гротом мест, связанных с путешествием по Северной Финляндии в 1819 году Александра I. Иллюстрации специально для гротовского издания в технике ксилографии выполнил Лаврентий Серяков.

В княжеской библиотеке находилось значительное собрание карт и атласов. Одним из самых интересных из «скандинавских» атласов был роскошный, в цельнокожаном переплете размера фолио «Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом, заключающий в себе Генеральную меркаторскую карту и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленных... вице-адмиралом Гавриилом Сарычевым» (СПб., 1812). Знаменитый гидрограф и полярный исследователь Гавриил Андреевич Сарычев был другом и родственником Философова, и присутствие в библиотеке «Атласа» говорило о знакомстве великого князя с трудами адмирала-гидрографа.

В феврале 1854 г. уже совершеннолетний великий князь вместе с отцом, императором Николаем Павловичем, совершил поездку по Финляндии для осмотра береговых укреплений и прибрежных крепостей. Возможно, об этой поездке Николаю Николаевичу напоминала еще одна книга его библиотеки «Виды России». Гравированная на стали в военной типографии книга состояла из 7 отдельных тетрадей. В трех из них были виды Финляндии, увиденные во время инспекционной поездки: «Крепость Свеаборг», «Або до пожара». «Иматра», «Площадь в Гельсингфорсе». Могли будить ностальгические воспоминания и тома иллюстрированного журнала «Живописный сборник» за 1857 и 1858 гг. ¹², находившиеся в библиотеке. В журнале за 1857 г. был помещен очерк «Эстляндия и нравы и обычаи ее жителей» ¹³. Очерк содержал описание эстонских городов, исторические, статистические и даже климатические заметки. Но наибольшее внимание было уделено этнографии, обычаям и суевериям населения Эстляндии. Текст сопровождался иллюстрациями — гравюрами с рисунков уроженца Прибалтики академика Василия (Вильгельма) Федоровича Тимма.

В 1858 г. в «Живописном сборнике» были напечатаны очерки «Финляндия и финляндцы». Главным источником рассказов о Финляндии стала книга известного путешественника, князя Эммануила Михайловича Голицына «Финляндия». Двухтомное сочинение князя вышло в 1852 г.

в Париже на французском языке. Очерки были переведены на русский и печатались в трех номерах «Живописного сборника»¹⁴, их сопровождали иллюстрации в тексте, которые, скорее всего, и привлекли внимание Николая Николаевича. Виды Финляндии гравировали в лучшей парижской ксилографической мастерской Беста и Лелуара по заказу издателя «Живописного сборника» В. Е. Генкеля.

Великий князь Николай Николаевич — старший обладал многими положительными и деловыми качествами, но главным его недостатком была чрезвычайная расточительность. Он умер 13 апреля 1891 г. в возрасте 59 лет, оставив сыновьям Николаю и Петру многочисленные долги и заложенный Николаевский дворец.

В мае 1894 г. Николаевский дворец был продан в казну для устройства в нем женского института имени Великой княгини Ксении Александровны.

Большая часть княжеской библиотеки была перевезена в имение «Знаменка» — любимое пригородное владение всей семьи, находящееся рядом с Петергофской Александрией. Последним владельцем Знаменки и наследником отцовской библиотеки стал младший сын Николая Николаевича — Петр. Петр Николаевич получил военное образование, был генерал-инспектором инженерных войск, но главным призванием его были живопись и архитектура. Он бережно сохранял оставшуюся часть библиотеки отца. В 1918 г. Петр Николаевич уехал в Крым. В 1919 г. из крымского имения Дюльбер, возведенного по его эскизу, младший Николаевич с семьей отправился в эмиграцию.

Знаменка была национализирована, в ней расположился детский дом и встал вопрос о перемещении находящихся там культурных ценностей. По отчетам комиссии Музейного фонда библиотека занимала 9 комнат Знаменского дворца, а «общий вес ее томов составлял более 1000 пудов»¹⁵. Книги, 7000 томов, было решено перевезти на склады Государственного книжного фонда¹⁶ и распределить между различными организациями, в том числе и Русским музеем. На отобранных, готовых к перемещению экземплярах была сделана специальная пометка «Зн. Б» — «Знаменская библиотека». Неожиданно возникли трудности с транспортировкой. Огромного веса томов не могли выдержать подводы. Решено было везти книги в город баржами и выгружать на ближайших от складов Книжного фонда причалах.

В конце 1924 г. отобранные для музея книги из Знаменки, в том числе и издания о Финляндии, поступили в состав библиотеки Художественно-го отдела Русского музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Худoley В. В.* Книжные знаки и семья Романовых. СПб., 2003. С. 94.

² Николай Николаевич стал официально называться «старшим» после рождения сына Николая в 1856 г.

³ Кавалеры императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степени. 1769–1916. Рига, 1993. С. 66.

⁴ Самые значительные художественные произведения были перечислены в «Общем Реестре гравюрам, литографиям, картинам Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича». Об этом см.: *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи в Высшем свете и на войне. СПб., 2002. С. 322.

⁵ *Кузьмин Ю. А.* Российская Императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005. С. 277.

⁶ *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи в Высшем свете и на войне. С. 87

⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1901. С. 129–130.

⁸ Летние прогулки по Финляндии и Швеции. СПб., 1839.

⁹ Живописная Россия или историческо-статистическая панорама Государства Российского, составленное при содействии некоторых отечественных литераторов В. Филимоновым. В четырех тетрадях. СПб., 1837–1839.

¹⁰ *Лызлов Н.* Красоты Финского залива. М., 1840.

¹¹ *Langer V.* Six Vues de Finlande par. Dans la Lithographie de Tuleff. 1832.

¹² Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития. Издания А. Плюшара и В. Генкеля. СПб., 1857, 1858.

¹³ Живописный сборник. 1857 № 3. С. 90–102.

¹⁴ Там же. 1858, № 2. С. 46–57; № 3. С. 86–92; № 4. С. 125–143.

¹⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1203. Л. 29.

¹⁶ Там же. Д. 305. Л. 260.

ЛИТЕРАТУРА

Белякова З. И. Великие князья Николаевичи в Высшем свете и на войне. СПб.: Logos, 2002. 330 с.

Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал Великий князь Николай Николаевич Старший. Исторический очерк его жизни и деятельности. 1831–1891. СПб.: типография товарищества М. О. Вольф, 1911. 248 с.

Кузьмин Ю. А. Российская Императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Булганин, 2005. 382 с.

Худoley В. В. Книжные знаки и семья Романовых. СПб.: Золотой век, 2003. 239 с.

В. Е. Возгрин

НОВОЕ ПЛАТЬЕ НОРМАНИЗМА

Идея западнославянского, а не норманского происхождения Рюрика довольно стара. В XIX и XX веках она подвергалась критике как вполне обоснованной, так и не слишком, со стороны профессиональных историков и филологов, а также разного рода любителей-дилетантов. А потом о ней вообще забыли, просто за ненадобностью — эта полемика имела смысл лишь в XIX веке, когда образование государства связывали с происхождением династии. Хотя даже автор ключевого средневекового источника «Повести временных лет» Нестор отдельно отвечал на три вопроса: «откуда пошел» славянский народ, кем были Рюриковичи и, наконец, как возникла сама Русь. Примерно такого же подхода придерживается сегодняшняя историческая наука. Уже давно ясно, что процесс образования государства не всегда зависит от этнической принадлежности правящего рода. Тем не менее упомянутая полемика не столь давно была реанимирована по причинам, к которым перейдём чуть позже.

В наше время защищать идею автохтонного происхождения княжеской власти на Руси взялись крайние антинорманисты А. Г. Кузьмин, его ученик В. В. Фомин, ориенталистка Л. П. Грот и примкнувший к ним А. А. Романчук¹. Цель этой статьи — не только подтвердить испытанную временем историческую истину о корнях династии Рюриковичей, но и избавить отечественных историков от необходимости отвлекаться на проблему «шведского готицизма», не столь давно привлечённой антинорманистами для доказательства своей правоты. Приведу отклик на этот счёт учёного, не нуждающегося в рекомендациях — одного из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессора Л. С. Клейна: «Сам факт того, что противостояния норманизма и антинорманизма не существует нигде, кроме России, и поддержка антинорманизма нынешней властью России (министр культуры В. Р. Мединский и др.) говорит о том, что вся программа антинорманизма зиждется на национальном комплексе неполноценности и униженности,

корни которого отнюдь не в глубокой истории, а в отставании России, которое в тех или иных формах чувствуется с петровского времени»².

Но вернёмся во времена, несколько отдалённые от сегодняшней действительности. Во второй половине XX века антинорманисты-патриоты получили уже официальную поддержку власти и государства, развернувшего борьбу с космополитизмом и «иностранными влияниями» в различных сферах жизни советского общества. Причину этого явления раскрывает антинорманистка Л. П. Грот. Она пишет, что с сер. 1990-х гг., когда Б. Н. Ельцин призвал к созданию национальной идеи, началось широкое обсуждение этого проекта, причём на исторической почве — отсюда и оживление антинорманизма³. Причём не без оснований — в пользу норманской теории приводились новые аргументы, подкреплённые отечественными и зарубежными источниками, свежими археологическими данными⁴, но главное — новыми историографическими разработками в России и за рубежом одного из формационных процессов, а именно факта *смены вождества*⁵ племенным княжением. И хотя «историографическое изучение славянского политогенеза только начинается»⁶, тем не менее для нашей скромной цели материалов уже достаточно.

Вникнем глубже в суть обоих терминов. Вождество — это промежуточная форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати. Но в ней пока ещё отсутствует легальный репрессивный и принудительный аппарат. То есть вождество, как политическая структура, занимает промежуточное положение между родоплеменным обществом и такой протогосударственной формой, как племенное княжение. В чём же разница между вождеством и княжением? Начать здесь следует с того, что вождей полностью удовлетворял традиционный *status quo* — как личный, так и племенной.

А князья, в отличие от вождей, были способны усилить своё общество путём его целенаправленной централизации и захватов слабых соседей, «собрания земли». Подчинение одним обществом другого — политика, ранее неизвестная, и идея эта, якобы простая, в действительности вызрела долго и трудно. Но скандинавские и иные князья в этой идеологии воспитывались, они вырастали специалистами, готовыми к такого рода деятельности. И когда возникает идея управления при помощи профессионалов, то это понятие включает и наследственных профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Конечно, специалистами-лидерами являлись и вожди, но у профессионалов-князей имелась совсем иная, востребованная эпохой специализация-идеология. Поэтому в ходе данной метаморфозы весьма важным являлся идеологический момент, легитимировавший власть

высшего сословия, в нашем случае во главе с князем. И эту власть старейшины могли предложить не местным (или, скажем, слабым киевским⁷) лидерам, а заморскому Рюрику, подходившему, прежде всего, по своему княжескому происхождению и соответствующему воспитанию.

Вождество может созреть для превращения в княжение, но для этого необходимы конкретно-исторические условия и триггеры, то есть своего рода капсули. Триггером могут служить межплеменные войны, несущие разорение, или, наоборот, удачный захват рабов или сокровищ, а также и появление нового, выдающегося лидера. В истории ильменских словен такой момент настал в пер. пол. X в., когда взимавшие с них ранее дань варяги были изгнаны вместе с их князьями. Словены остались под началом своих племенных вождей, то есть вернулись к архаике, которая их явно не устраивала по причине, предельно ясно указанной в известной летописи — из-за внутренних раздоров. Хотя можно догадаться и об иных побудительных причинах: история обществ есть процесс их взаимного усиления относительно друг друга. Одним из ключевых факторов этой конкуренции является трансформация самих способов социальной организации. Именно в этой логике и возникает нужда в централизованной власти, сначала в форме вождества, а затем — княжества.

Но роль Рюрика и прибывшей с ним когорты таких же профессионалов — более существенна, чем просто зачин княжеской, а потом царской династии. Именно он и его преемники повели с помощью своих дружин объединение славянских и угро-финских племён Восточной Европы. Его предшественники-варяги устанавливали контроль над отдельными участками славянских торговых путей. Он же установил на севере и западе Восточноевропейской равнины более сложную и, как оказалось, перспективную систему власти. Рюрик первым стал управлять землями не через местных вождей, а назначая своих наместников. Позже этой системы придерживались его преемники Олег и Игорь — с известными результатами расширения своей территории до Киева, а потом далеко к востоку и югу от него.

Для исторической науки вполне ясно проступает значение Рюрика при сравнении новой системы с вождеской. Последняя стояла на страже гомеостатического общества, застывшего в вечной повторяемости событий — вроде кочевнического или оседлого инуитского. Общество воспроизводилось, не изменяясь. С Рюриком на Русь пришла пора новой, линейно-поступательной истории. И эти его заслуги не могут не признать даже антинорманисты: «Значение Рюрика для становления и развития русской цивилизации состоит не в его этнической характеристике, а в том, что при нем была создана устойчивая государственность на Руси, способствовавшая слиянию разных племен в единый этнос»⁸.

Таким образом, создалось впечатление, что старинный, бравший начало во времена М. В. Ломоносова и Г. Миллера спор, пришёл к своему логическому завершению. Но, как выяснилось позже, антинорманисты не собирались оставлять своих позиций — по всё тем же причинам, сформулированным Л. С. Клейном и актуальным до сегодняшнего дня. Конечно, они не могли не сознавать зыбкость своих позиций и умозрительных доводов, закономерно приведших всю их теорию к краху.

Казалось бы, выхода не было. Но он нашёлся.

Наши соотечественники, овладев шведским языком, совершили открытие: оказывается не только русские, украинцы и казаки были способны на захват земель, заселённых инородцами. На такую честь претендуют и исторические готы, некогда захватившие всю Южную Европу и значительную часть Западной. Что явно угрожало фантому великорусской исключительности — тем более в эпоху созидания национальной идеи. И антинорманисты с новыми силами повели борьбу с такой конкуренцией в истории путём искусственного совмещения готической и норманистской идей. Правда, им мешала одна проблема: полная типологическая и содержательная чуждость двух названных комплексов. И это уже не говоря об их далёком разбросе во времени (II–III и IX вв.!) и пространстве: где готы и где Русь! Но было бы желание — и эти препятствия оказались преодолимыми. И норманизм IX века сопрягся с готицизмом тьетьего. Первого понятия мы выше коснулись, готицизм же, не столь известный, требует более внимательного ознакомления.

Известно, что XVI в. отмечен в странах Европы активным накоплением исторических знаний друг о друге. Из библиотек извлекались разнообразные, часто не совсем достоверные источники, фиксировалась устная традиция, собирался материал о важных событиях былого. Но наряду с этим стремлением к исторической истине в европейской историографии развилась и другая тенденция — откровенного мифологизирования исторического прошлого народов. В странах Севера при этом наиболее активную роль сыграли представители готицизма.

Чтобы понять его истоки и смысл, следует погрузиться в культурно-политическую атмосферу того периода. В Италии XVI в. национальное движение неотделимо от воспевания действительно славного прошлого. Но почему эта культура не дождала до раннего Нового времени, спрашивали гуманисты. И нашли ответ — вина здесь, конечно, не итальянцев даже с их упадочным Римом. Виноваты чужаки, которые вторглись на Апеннинский полуостров и удушили классическую культуру. И для гуманистов всё германское стало тождественным антикультуре и варварству. Эта теория в век книгопечатанья мигом получила распространение во всей Европе, в том числе её германо-скандинавской части.

Реакцией на это огульное очернение и стал готицизм. Северные авторы привлекли труды античных авторов и стали доказывать, что платоновская Атлантида и иные земли блаженных, описанные античными историками, это и есть Скандинавия. Гиперборейцы же — её древнее население, готы, которые в свою очередь являются предками шведов. В этих трудах готские своды законов, культура и модель жизни идеализировались, прославлялись и их военные победы.

Короче, это была сложная, многоцветная утопия, основанная на отдельных античных фрагментах и дополненная фантазией её автора, создателя новой «Атлантиды», Улофа Рюдбека. Понятно, что первопроходцем в этом ненаучном жанре он не был. Его «Атлантида» была написана в конце XVII в., а «Утопия» Томаса Мора — в 1516 г., то есть полутора веками ранее. Так что шведская утопия была не первой и не последней. Перенесясь через века, мы обнаружим Мордор Толкиена в Англии, а в России — фантастический мир, перенесённый в Уральские горы Павлом Бажовым, также сложный и также высосанный из пальца.

Но не они обратили на себя внимание ряда наших современников-историков. Подобно своим итальянским предшественникам, они избрали мишенью не пороки или превосходные качества утопистов Бажова, Толкиена и затесавшегося между ними Альфреда Розенберга с его оккультным мифом XX в. Антиноманисты обрушились на давно канувший в Лету готицизм. Это мирная утопическая структура, совершенно чуждая истории России, подверглась яростным нападкам наших коллег. Они даже изобрели для этого новый ругательный термин от имени автора «Атлантиды» У. Рюдбека — «рюдбекианизм» — нечто совершенно новое и в самой Швеции неизвестное. А сделав это открытие, антиноманисты искусственно связали с ним норманизм, надеясь, что с камнем «рюдбекианизма» и гирей готицизма на шею он уж точно утонет — окончательно и безвозвратно.

Однако норманизм и в этот раз выплыл. Как нарочно, именно к моменту этой массивной атаки на него и подоспело новое в нашей медиевистике направление, взявшее на вооружение упомянутое системное различие между вожжеством и княжеством. А также все истекавшие из такой качественной метаморфозы исторические последствия — в том числе и связанные непосредственно с именем Рюрика. Он начал своё государственное строительство за век-полтора до того, как нечто отдалённо похожее стало созидаться на киевских холмах. Впрочем, это повторение давно известной истины предназначено не для просвещённого читателя, а для антиноманистов вроде Лидии Грот, последняя книга которой имеет подзаголовок рекламного характера «Норманны, которых не было»⁹. Сильно подозреваю, что это — перевёртыш сокровенной мысли автора: «Норманны. Лучше бы их не было».

И последнее. Антинорманисты в качестве последнего, убойного довода выдвигают утверждение, что в отличие от тюркских языков, в России отсутствовали заимствования из скандинавских — чего не могло бы быть, если бы варяги имели какое-то значение для славянской политической культуры. Тут остаётся развести руками — антинорманисты не знают простой вещи — не только такие вроде бы исконно русские слова, как хибара или лекарь — скандинавского происхождения. Но и свои первые два слова русский ребёнок произносит по-шведски. Это — «мама» и «папа» (а не «мать» или «отец»). Впрочем, не исключены гораздо более древние контакты восточных славян и с готами — языковых заимствований в русском из готского немало. Приведём два из них, соседствующие в известном этимологическом словаре, это «стекло» и «стезя» — от *gotic. stikls* (кубок) и *staigo* (путь).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Последние труды такого рода: *Романчук А. А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. № 5. 2013. С. 283–299; Варяги и Русь: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В. В. Фомин (Изгнание норманов из русской истории. Вып. 5). М., 2015; *Грот Л. П.* Рюрик Ютландский — пример фантомной истории норманистов // *Переформат.ру*. Общественно-научное переформатирование \ <http://pereformat.ru/2018/03/rorik/> (дата обращения: 2018. 03.03).

² *Клейн Л. С.* Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // *Stratum plus*. № 5. 2014. С. 337.

³ *Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012. С. 5–6.

⁴ *Мурашева В. В.* «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // *Российская история*. 2009. № 4. С. 174–180.

⁵ Вождество — «автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя» (*Carneiro R. L.* The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Jones G. D., Kautz R. R., eds. Cambridge, N.Y., 1981. P. 45).

⁶ *Дворниченко А. Ю.* Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2015. № 2. Июль-декабрь. С. 154.

⁷ «Так называемое “Киевское государство” X в. являло собой конгломерат племён, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооружённое Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения даней и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться» (*Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 447).

⁸ *Рыбаков С. В.* История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций. Екатеринбург, 2014. С. 42

⁹ *Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманны, которых не было. М., 2013.

ЛИТЕРАТУРА

Варяги и Русь: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В. В. Фомин. — (Изгнание норманов из русской истории. Вып. 5). М.: Русская панорама, 2015. 504 стр.

Грот Л. П. Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм, 2012. 368 стр.

Грот Л. П. Призвание варягов. Норманны, которых не было. М.: Алгоритм, 2013. 369 стр.

Клейн Л. С. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // *Stratum plus*. № 5. 2014. С. 335–343.

Мурашева В. В. «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // *Российская история*. 2009. № 4. С. 174–180.

Романчук А. А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. № 5. 2013. С. 283–299

Рыбаков С. В. История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 192 стр.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 стр.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд. СПбГУ, 1996. 512 стр.

Carneiro R. L. The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Jones G. D., Kautz R. R., eds. Cambridge, N.Y., 1981. P. 37–79.

А. А. Стерликова

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ СО ШВЕЦИЕЙ В ПИСЬМАХ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ (1716–1717 гг.)

В истории дипломатии эпохи Петра Великого еще имеются неизведанные сюжеты и тайны. Значительный свет на некоторые вопросы могут пролить письма дипломатов той эпохи. Зачастую именно их переписка является источником понимания о хитросплетениях тайной дипломатии.

Главный вопрос: когда начались русско-шведские переговоры о мире. В исторической литературе встречаются версии, что в ноябре 1716 г. (С. Нордманн)¹. С. А. Фейгина относил начало русско-шведских переговоров к лету 1717 г.², Л. А. Никифоров только к концу 1717 г.³ Ответ на столь спорный вопрос могут дать источники, прежде всего переписка русских дипломатов. Переговоры между Россией и Швецией, возможность которых только наметилась летом 1716 г., перешли в более активную фазу из-за конфликта в Северном союзе осенью 1716 г.

В источниках мы находим подтверждение, что русско-шведские переговоры о мире начались осенью 1716 г. Это свидетельства Б. И. Куракина и шведских представителей (Г. Х. Герца, Прейса, Г. Ф. Бассевича), а также англичан, которые следили за действиями русской дипломатии и знали о возможности сепаратного мира между Петром I и Карлом XII.

Сопоставление данных иностранной историографии с данными отечественных источников могут позволить дать более точное и объективное описание процесса русско-шведских переговоров накануне Аландского конгресса, выявить истинные цели русских и шведских дипломатов. Это, прежде всего, опубликованные материалы: «Архив кн. Ф. А. Куракина»⁴ и «Сборник Русского Исторического Общества»⁵. Переписка Б. И. Куракина является важнейшим источником по интересующему нас вопросу, так как он владел полной информацией касательно русско-шведских переговоров. Обширный материал дают материалы фондов Российского Государственного Архива Древних Актов (РГА-

ДА): «Голландские дела» (Ф. 50) и «Шведские дела» (Ф. 96). Где реляции Б. И. Куракина из Гааги в течение 1717 г. довольно полно обрисовывают международную обстановку, дают подробную информацию об основных проблемах русской дипломатии⁶, а в «Шведских делах» сохранилась переписка главного шведского министра этого времени Г. Х. Герца с русской стороной осенью 1717 г., которая дает много новых сведений касательно переговоров о мире⁷. Это и условия будущего мира Г. Х. Герца, и планы его визита в Петербург⁸.

Начинался 1717 г. и не так, как хотелось бы Петру I. Не удавалось договориться с датским и английским монархами о совместных действиях против шведов, а в феврале разразился скандал по поводу яковитского заговора в Англии и причастности к нему русского двора. Данное обстоятельство не способствовало урегулированию русско-английских отношений, которые на рубеже 1716–1717 гг. оставались довольно прохладными.

Поэтому русская дипломатия приходит к мысли найти посредника в Европе для мирных переговоров со Швецией. Вопрос о французском посредничестве в русско-шведских переговорах о мире был поднят в январе 1717 г.⁹ Для активизации переговоров с Францией Петр I принимает решение о поездке в Париж. Визит Петра (май-июнь) закончился подписанием Амстердамского договора, который сыграл свою роль в принятии Карлом XII решения пойти на непосредственные переговоры с Россией¹⁰. Также во Франции вновь активировались контакты русской стороны со шведскими представителями.

Предварительные русско-шведские переговоры о мире в июле-сентябре 1717 г. можно разделить на несколько этапов. Первый этап — лето 1717 г. Еще во время пребывания Петра I в бельгийском городе Спа в июле 1717 г. туда приехал представитель Карла XII генерал С. Понятовский, с которым встречались Б. И. Куракин и Р. Арескин¹¹.

Далее в июле 1717 г. началась серия встреч Б. И. Куракина и С. Понятовским в Голландии, о которых условились в Спа. На этом этапе возникла неясность с полномочиями шведских представителей. С. Понятовский предлагал Б. И. Куракину сообщить русские условия мира и ждать ответа на них от Карла XII, на что Б. И. Куракин ответил, что условия Петра I давно известны¹². Сообщил С. Понятовский о намерении Г. Х. Герца отправиться к Карлу XII уговаривать его послать представителей на конгресс в Финляндию для заключения мира с Россией. Была также передана просьба Г. Х. Герца сделать ему русский паспорт для проезда в Швецию, так как он опасался ареста со стороны англичан. Русская сторона пошла навстречу шведским представителям и паспорт был выдан¹³. Кроме этого, русский царь послал письма к губернаторам

Риги и Ревеля с просьбой оказать всякое содействие голштинскому барону.

2 августа начались переговоры между еще одним представителем Карла XII Прейсом и Б. И. Куракиным, который поставил шведов в известность о согласии Петра I на съезд полномочных представителей с обеих сторон в Финляндии, предложив для того остров Аланд с тем, чтобы съезд назначали в течение ближайших двух или трех месяцев¹⁴. Кроме того, русская сторона оговаривала, что мир может быть заключен только со всеми Северными союзниками (прусским и польским королем)¹⁵.

12 августа произошла встреча Б. И. Куракина и с Г. Х. Герцем в голландской провинции Гельдерн в замке Лоо, на которой вновь говорилось о созыве мирной конференции на Аландах¹⁶. В иностранной литературе фигурирует факт встречи самого Петра I с бароном Г. Х. Герцем¹⁷. Исследователь Дж. Чэнс указывал, что Г. Х. Герц как бы «случайно» встретил Петра I в Лоо, но беседовал только с Б. И. Куракиным¹⁸. Отечественные исследователи считали, что Петр I не встречался с Г. Х. Герцем в Лоо. Б. И. Куракин, который в своих заметках упоминал обо всех закулисных делах русской дипломатии, писал только о своей встрече с Г. Х. Герцем в Лоо¹⁹.

В переговорах со шведской стороны участвовала целая группа дипломатов: генерал С. Понятовский, К. Ранк, Прейс, М. Веллинг и Г. Х. Герц, который и руководил всеми²⁰. Подобная чехарда с участниками переговоров, а также неясность с их полномочиями не могла привести к положительному результату. Кроме этого, сами шведские представители вызывали сомнения у русской стороны, особенно генерал К. Ранк, находящийся на службе гессен-касселя и генерал С. Понятовский.

В РГАДА хранится перевод письма генерала С. Понятовского князю Б. И. Куракину. Он пишет о неких выстрелах в Амстердаме во время пребывания там Петра I, в которых якобы обвиняют польского генерала. Имеется и ответ Петра I. Царь не думал обвинять генерала²¹. Письмо С. Понятовского представляется довольно странным, так как в литературе нигде не встречаются упоминания о подобном инциденте²². Вскоре Понятовский перестал фигурировать в русско-шведских переговорах.

Таким образом, летом 1717 г. русско-шведские контакты заметно активизировались и Г. Х. Герц отправился к Карлу XII, чтобы добиться от него согласия на мирный конгресс с Россией.

Второй этап предварительных русско-шведских переговоров начался в сентябре. В начале месяца Петр I побывал у ландграфа Гессен-Кассельского, где встретился с генералом К. Ранком, разговор шел о мирных

переговорах²³. К. Ранк явно пытался оттеснить Г. Х. Герца²⁴, это объясняется желанием гессенского министра привлечь к переговорам Англию и надавить на Петра I. Поэтому решение царя не вступать в дальнейшие переговоры с К. Ранком²⁵ являлось единственно верным в сложившейся обстановке.

В это же время Б. И. Куракин ведет переговоры со шведскими представителями М. Веллингом и Прейсом. Петр I настаивал на включении в проект соглашения территориальные претензии прусского и польского королей²⁶. Ни на какие территориальные уступки, кроме Финляндии без Выборга, царь не соглашался²⁷.

В сентябре к русско-шведским переговорам пытался подключиться и прусский двор. Во время пребывания Петра I в Берлине там оказался и Г. Х. Герц. О переговорах шведского министра с немецкими представителями писал в конце сентября П. П. Шафирову из Берлина и А. И. Головкин²⁸. 27 сентября (с. ст.) прусский министр М. Ильген предложил Г. Х. Герцу встретиться с представителями Пруссии и России в местечке Бриц под Берлином²⁹. Однако Г. Х. Герц отказался вести переговоры, пока прусский король не прекратит осаду крепости Висмар³⁰. Позже Г. Х. Герц уверял П. П. Шафирова, что отказался от переговоров в Пруссии, узнав о нежелании самого Петра I вести их там. Г. Х. Герц указывал, что лучше вести русско-шведские переговоры самостоятельно, без вмешательства прусского или какого иного двора³¹.

Следующий этап контактов Б. И. Куракина с М. Веллингом и К. Ранком в октябре не принес результатов: они закончились, не успев начаться, так как Веллинг передал Б. И. Куракину, что он не имеет полномочий для переговоров³². К. Ранк же пытался перехитрить русских дипломатов: делая вид, что намерен вести переговоры о мире с Россией, одновременно пытался договориться с англичанами и действовал, скорее всего, по указанию Гессен-Кассельской партии и без ведома Карла XII³³. Сам шведский король ещё в 1716 г. отверг условия Англии и находился под влиянием Г. Х. Герца, который был ориентирован на мир с Россией.

Б. И. Куракин решил прибегнуть к хитрости и проверить, что шведские представители будут говорить по отдельности, не сговариваясь друг с другом, для этого отправил секретаря русского посольства Карадина к М. Веллингу в Бремен, а потом к К. Ранку в Кассель³⁴. Последние, как и предполагалось, начали хитрить и запутывать дело.

Карадин встретился с М. Веллингом, который сообщил, что он полномочий не имеет, но что Карл XII настроен примириться с Петром I³⁵. Затронул М. Веллинг и самую болезненную проблему для русской дипломатии: практический распад Северного союза, указывая на выгоду союза России со Швецией³⁶. М. Веллинг коснулся и условий будущего мирного

договора: поднял вопрос о Ревеле, высказывая надежду, что Петр I вернет этот порт Швеции и это обстоятельство существенно облегчит переговоры³⁷. М. Веллинг во всем ссылался на К. Ранка, к которому Карадин и отправился, сообщив только желание Петра I вести переговоры в Финляндии подальше от европейских шпионов.

К. Ранк был немало удивлен известием о разговорах Карадина с Веллингом. Генерал в свою очередь обнадежил русского представителя, что Карл XII пришлет нужные инструкции для ведения переговоров³⁸. Но это был очевидный обман. После возвращения Карадина Б. И. Куракин отправил Петру I обширное донесение и отчет секретаря о его поездке³⁹. Петр I велел больше не иметь никаких дел с М. Веллингом и К. Ранком, а ждать известий от Г. Х. Герца⁴⁰.

Что касается Г. Х. Герца, то во время своей поездки в Швецию (через Ригу) он продолжал вести переговоры с русским двором посредством переписки с П. П. Шафировым и даже предполагал заехать в Петербург⁴¹. Однако этот визит так и не состоялся.

Несмотря на то, что именно Г. Х. Герц уговорил Карла XII начать мирные переговоры с Россией, он все время пытался оказать давление на русских дипломатов и вынудить Петра I отказаться от большей части завоеванных территорий. Будучи уже на полпути к Швеции, Г. Х. Герц неожиданно предлагает свои «пропозиции» к миру: русский царь должен возвратить шведскому королю все отвоеванные у него земли, кроме Санкт-Петербурга, а также содействовать возвращению Стральзунда⁴². Конечно же, о мире на подобных условиях не могло быть и речи⁴³.

Невидимая борьба русской дипломатии за мир со Швецией продолжалась. Лишь в 20-х числах ноября (ст. ст.) Преис сообщил Б. И. Куракину, что его Карл XII согласен на мир⁴⁴. 29 ноября такое же письмо получили в Петербурге от Г. Х. Герца. Шведской стороной предлагался мирный конгресс Аландских островах⁴⁵.

В конечном итоге русско-шведские переговоры начались на Аландском конгрессе, который открылся 10 мая 1718 г. в городе Лёве. Переговоры со Швецией переходили в новую фазу: мирный, открытый конгресс вместо тайных переговоров⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Nordmann C. J. La crise du nord au debut du XVIII sieclé. P. 73.

² Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 158.

³ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 155.

⁴ Архив кн. Ф. А. Куракина / Под. ред. М. И. Семевского. СПб.: Тип. Балашева. 1890. Кн. 2. С. 126–135; 1891. Кн. 3. С. 34–71, 380–381,

⁵ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1881. Т. 34; 1888. Т. 61. С. 380–428.

⁶ Российский Государственный Архив Древних Актов (далее: РГАДА). Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6, 8.

⁷ Там же. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 11–90.

⁸ Там же. Л. 19–64.

⁹ Там же. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 27–27 об.

¹⁰ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения... С. 155–156.

¹¹ *Chance J. F. George I and the Northern war. L., 1909. P. 135; Nordmann C. J. La crise du nord au debut du XVIII sieclé. P., 1956. P. 112.*

¹² Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. 2. С. 130.

¹³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 2–10.

¹⁴ Там же. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 12. Л. 1–3.

¹⁵ *Chance J. F. George I and the Northern war. P. 236.*

¹⁶ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 12. Л. 3 об.

¹⁷ *Handlingar rörande Skandinaviens historia. Stockholm. 1816–1834. Vol. XVIII. S. 410; Jägerskiöld S. Sverige och Europa. S. 164–166; Nordmann C. J. La crise du Nord... P. 113.*

¹⁸ *Chance J. F. George I and the Northern war. P. 236.*

¹⁹ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 3. С. 91.

²⁰ *Handlingar rörande Skandinaviens historia. Vol. XVIII. S. 416.*

²¹ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 3. С. 33.

²² Журнал ежедневного пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. СПб., 1841. № 4. С. 401–413.

²³ Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. С. 127–128.

²⁴ Там же. С. 128.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 129.

²⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 5. Л. 1–5.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7574. Л. 2.

²⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 11–12.

³⁰ Там же. Л. 13–14.

³¹ Там же. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 22–22 об.

³² Там же. Л. 66.

³³ Там же. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 78.

³⁴ Там же. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 79 об.

³⁵ Там же. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 95–96.

³⁶ Там же. Л. 96–96 об.

³⁷ Там же. Л. 85.

³⁸ Там же. Л. 92.

³⁹ Там же. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 85–86.

⁴⁰ Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. 3. С. 35.

⁴¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 22–23, Л. 34.

⁴² Там же. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 30.

⁴³ Там же. Л. 30 об. —31.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1, 1717 г. Д. 6. Л. 127.

⁴⁵ Там же. Ф. 96. Оп. 1, 1717 г. Д. 3. Л. 62–63; Журнал, или поденная записка Петра Великого... С. 57.

⁴⁶ *Фейгина С. А.* Аландский конгресс. С. 196.

ЛИТЕРАТУРА

Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб.: Тип. Балашева, 1890. Кн. 2. 362 с.; 1891. Кн. 3. 451 стр.

Журнал ежедневного пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. СПб., 1841. № 4. С. 401–413.

Журнал, или поденная записка, блаженные и вседостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира / Напечатан с обретающихся в кабинетной архиве списков, правленных собственной рукою его императорского величества /. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1772. Ч. II. Отд. I, II. 764 стр.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. 279 стр.

Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 1–633.

Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 1–633.

Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд. АН СССР, 1959. 546 стр.

Chance J. F. George I and the Northern war. London: Smith, Elder, & Company, 1909. 516 p.

Handlingar rörande Skandinaviens historia. Bd. XVIII. Stockholm: På A. Wiborgs Förlag, 1833. 516 S.

Jägerskiöld S. Sverige och Europa. Ekenäs: Ekenäs Tryckeri, 1937. 488 S.

Nordmann C. J. La crise du nord au debut du XVIII sieclé. P., 1956. 318 p.

Д. Р. Лобанова

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В XX веке изучение истории советско-финляндских отношений в СССР, безусловно, носило политический характер. Вплоть до конца 1980-х гг. отечественная историография, рассматривая взаимоотношения двух стран, полностью следовала официальным концепциям. Согласно утверждавшимся тогда представлениям «агрессивно настроенные» финские политические круги, пришедшие к власти после поражения финляндских рабочих в 1918 г., рассматривали СССР как своего главного врага и в любой удобный момент выступали против своего восточного соседа. Советское же правительство стремилось предотвратить конфликты и выступало за проведение миролюбивой политики¹.

В период 1918–1950-е гг. в отечественной историографии практически не существовало отдельных сугубо научных исследований, посвященных проблемам гражданской войны в Финляндии. В 1920–30 гг. вышел ряд работ очевидцев событий, которые предприняли попытки провести анализ предпосылок и самой войны². В основном в обусловленный период имели место публицистические работы, носящие лишь общие сведения об истории Финляндии, в которых в общих чертах были описаны географические, политические и социальные особенности устройства Финляндии³.

Событиям, произошедшим в Финляндии, разумеется, давалась в Советской России абсолютно иная оценка, нежели в «белой» Финляндии. Здесь, вслед за «красными финнами», часть из которых после поражения в гражданской войне оказалась в эмиграции, указывали на установление в Финляндии режима, который «посредством самой кровавой диктатуры душил пролетариат Финляндии»⁴. Особенно подчеркивалось, что произошедшее утверждение власти «белофиннов» происходило весьма жест-

ко⁵. В СССР также делался исключительный акцент на зверства «белого» правительства, выделялась несоразмерность той жестокости, которую проявляла «белая» армия, в сравнении с действиями красногвардейцев. В итоге изначально в литературе можно было встретить такие термины, как «белый террор», «белые оргии» и т. п.⁶ Данные формулировки сохранились и в последующих исследованиях⁷, дойдя уже до наших дней⁸, квалифицируя победителей не иначе как «палачей финляндской революции».

Продолжая прежнюю традицию отечественной историографии 1950-х гг. в последующем советские исследователи также активно стремились затрагивать влияние Октябрьской революции на ситуацию в Финляндии⁹. Кроме того, подробно освещались общие финские революционные события, а также проблемы создания финской красной гвардии и борьбы Совета Народных Уполномоченных с «белофиннами».

Однако уже в 1960-е гг. в существе исследований, касающихся проблем истории Финляндии, четко произошел своеобразный перелом. Причем сама новая тенденция к активному изучению данного вопроса продолжала четко сохраняться вплоть до 1990-х гг. Также сохранялся и характер самих исследований. Изменения имели, однако, не столько качественные характеристики, сколько количественные.

В данный период приоритетной для исследователей продолжала оставаться проблема влияния Октябрьской революции на предоставление Финляндии независимости. Кроме того, активно начали еще изучать вопросы, касающиеся определения особенностей революционного движения в Финляндии в 1917–1918 гг., а также финского вектора восточной политики Германии в годы Первой мировой войны. При этом характерным являлась попытка противопоставления «миролюбивой политики» Советской России в отношении Финляндии и «хищническим планам» германского империализма¹⁰. Но одновременно, в новых условиях, советские историки начали уже активно привлекать зарубежные, в частности немецкие и финские исследования и мемуарную литературу.

В этом отношении, в частности, начиная с 1960-х гг. внимание исследователей было сосредоточено на проблеме собственного участия Финляндии в Гражданской войне на Северо-Западе России, а также советско-финляндским отношениям этого периода в целом. Конкретно вопросы, связанные с внешней политикой Финляндии в 1918–1920 гг. были рассмотрены в работах этноского историка Х. Арумяэ и московского исследователя В. Петрова¹¹. Советские авторы в этих своих работах явно стремились показать, как молодое финляндское государство «было вовлечено» в захватнические планы Германии, а затем Антанты. Более того, сами «походы» финнов на территорию Карелии в 1918 и 1919 гг. четко

рассматривались как происки западных государств. Таким образом, по мнению авторов, Финляндия не имела собственной международной политики и полностью зависела от Германии, а позднее — от Антанты. С другой стороны, Финляндия пыталась создать блок государств, направленный против Советской России, именуемый «Балтийский союз».

В этот период, однако, была также предпринята одна из первых попыток осуществить разработку и проблем финского интернационалистического движения. В частности, ленинградским историком М. М. Короненом была подготовлена, а затем опубликована в 1969 г. монография «Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов»¹². Эта работа, безусловно, содержала много фактического материала, который позволял осветить роль и место финнов в борьбе за советскую власть на фронтах Гражданской войны в России. В том числе и проследить их противостояние соплеменникам — ингерманландским финнам.

Особое место в отечественной историографии тогда также заняла работа московского историка к. и. н. В. В. Похлебкина¹³. Его труд строится на материалах в основном русской дореволюционной, советской и финской исторической литературы, но в малой степени использования архивных материалов. Две главы исследования, в частности, были посвящены взаимоотношениям Финляндии и России в 1918–1920 гг. Сам подход к написанию работы стал довольно нестандартным. В. В. Похлебкин выбрал наиболее острые, дискуссионные вопросы развития российско-финляндских отношений на протяжении 260 лет и на основе зарубежной литературы предложил оригинальные, но часто умозрительные концептуальные положения.

Достаточно спорным моментом его исследований является то, что автор отрицает в политике Российской империи в конце XIX — начале XX в. русификаторское направление, тогда как, по его мнению, речь шла об уравнивании социально-экономических, правовых и политических условий между Россией и Финляндией¹⁴. Однако важным элементом работы В. В. Похлебкина является рассмотрение мирных переговоров между Советской Россией и Советом Народных Уполномоченных (СНУ) Финляндии, т. е. правительством «красных», имевшее место в 1918 г. Следует отметить, что проблема взаимоотношений СНУ и Советской России обычно опускалась в отечественной историографии.

Показательно, что данная работа первоначально была издана на финском языке в Хельсинки и названа весьма выразительно — «Финляндия как враг и как друг»¹⁵. Затем, спустя несколько лет, в Москве эта книга уже появилась на русском языке и с новым названием. Причем интересным тогда стало то, что исследование даже удостоилось особого вни-

мания со стороны президента Финляндии У. К. Кекконена. Такой чести ни разу не удостоивался ни один историк в Советском Союзе. В произнесенной 27 ноября 1969 г. Кекконеном речи на ежегодном собрании Общества Ю. К. Паасикиви книга В. В. Похлебкина была названа «замечательной работой» и «весьма полезной». Свою оценку У. К. Кекконен объяснил тем, что эта работа освещает отношения между Финляндией и Россией и затем между Финляндией и Советским Союзом с точки зрения советского исследователя, которую финнам необходимо знать, даже если они не совсем согласны с ней¹⁶.

Интересным для изучения гражданской войны в Финляндии также является другая работа историка, посвященная уже самому У. К. Кекконену¹⁷. Для рассмотрения событий истории финской гражданской войны, несомненно, здесь важной является глава, описывающая то, как Кекконен, будучи еще 17-летним юношей, вступил в отряды щюцкора и участвовал в гражданской войне на стороне «белых», причем по окончании этой войны он был даже назначен командиром отделения, которое должно было расстрелять пленных красногвардейцев¹⁸.

С другой стороны, в книге, естественно, самим событиям войны уделено крайне мало внимания. Однако автор в своей работе привел достаточно интересное наблюдение, что «белые» отряды были хорошо организованы и отлично питались, тогда как «красные» не имели нормального вооружения и испытывали крайний голод¹⁹. По мнению автора, исход войны был очевиден изначально, у «красных» не было шансов²⁰. Похлебкин уделяет особое внимание тому, что будущий президент, будучи очень юным, не понимал истинного хода событий, но погружаясь в них все глубже, постепенно утрачивал энтузиазм, с которым он вначале работал в «охранных отрядах»²¹.

Но с точки зрения изучения самой гражданской войны в Финляндии несомненный вклад тогда внесла исследовательская деятельность петрозаводского историка, профессора И. И. Сюкияйнена. В 1962 г. была издана его монография, которая конкретно касалась революционных событий в Финляндии 1917–1918 гг.²² В этой работе автор, несомненно, вел в научный оборот значительное количество советской, финской, а также германской научно-исследовательской и мемуарной литературы. Причем он весьма подробно стремился описывать классовую борьбу на территории Финляндии, связывая ее с предшествующей политической ситуацией октября 1917 г. в России. И. И. Сюкияйнен также особое внимание стремился еще уделить проблеме развития взаимоотношений между финскими социал-демократами и российскими революционерами.

Важной частью исследования стал также довольно подробный историографический анализ работ предшественников. В нем он вполне обо-

снованно отметил достаточно малую научную исследованность в СССР революционных событий в Финляндии. Монография, безусловно, является значимой, несмотря на то что автор четко придерживался официальной точки зрения на финскую проблему, сложившуюся тогда в Советском Союзе. В результате, по его мнению, советское правительство предоставило «угнетенному царским режимом» Великому Княжеству Финляндскому независимость, но захватившая там власть «буржуазия» являлась основным носителем антисоветских настроений, тогда как народные массы стремились к более тесным контактам с молодым советским государством²³. При этом И. И. Сюкияйнен еще справедливо отмечает, что развернувшаяся здесь гражданская война была порождена, прежде всего, социальными условиями развития Финляндии, а не была организована исключительно русскими революционерами. В целом, что является важным, работа раскрывает новые аспекты изучения революционного движения как в Финляндии, так и в России.

Революция в Финляндии, гражданская война и германская вооруженная интервенция также были обстоятельно исследованы в 1960–1970-е гг. московским историком к. и. н. В. М. Холодковским²⁴. На основе обширной источниковой базы в своей фундаментальной монографии «Революция в Финляндии и германская интервенция» автор стремился рассмотреть особенности финского рабочего движения, которое, по его мнению, сложилось в результате не совсем типичного государственного положения в составе Российской империи и имело большее количество сходств с западноевропейским рабочим движением, нежели с российским²⁵. Более того, исследователь прямо отмечает, что в Финляндии после подавления революции еще больше обострилась классовая ненависть, а «белое» правительство еще долгое время находилось в страхе перед повторением «восстания». Именно это, по мнению исследователя, не позволило Финляндии, пока положение в соседнем государстве было еще крайне не стабильно, начать войну против Советской России.

В. М. Холодковский подробно также рассмотрел военно-стратегические, политические и экономические цели немецкой интервенции в Финляндии. В ходе своего исследования он, в частности, не упустил из вида влияние противоборства Германии и Антанты на финляндскую политику Берлина. Безусловно, значимой частью работы стал подробный разбор работ зарубежных историков, посвященных событиям в Финляндии.

Далее, в 1975 г., была опубликована вторая крупная монография В. М. Холодковского²⁶. Центральной проблемой исследования стали российско-финляндские отношения в 1918–1920 гг. Данная работа занимает центральное место в отечественной историографии 1960–1980-х гг., касающейся вопроса роли Финляндии в гражданской войне в Карелии. Но-

вая работа В. М. Холодковского построена на внушительном количестве научной литературы и источников. Автор подробно анализирует истоки зарождения идей «великой Финляндии», а также проблему взаимоотношений союзников на Севере России, где переплелись интересы различных сторон, где особо рассматривает, в частности, отношение Германии к планам Финляндии присоединить территорию восточной Карелии. Кроме того, впервые в отечественной историографии Холодковский рассматривает еще проект операции «Шлюсштайн»²⁷.

Несомненной заслугой В. М. Холодковского следует считать также попытку осмысления проблемы формирования общего курса внешней политики Финляндии. Автор явно стремился понять глубинную мотивацию смены финской ориентации с Германии на Антанту, а также причины в новых условиях приятия явного желания Хельсинки к созданию «Балтийского союза». Особый интерес в работе при этом представляют взгляды Холодковского на процесс мирных переговоров с Советской Россией, а также влияние внутривнутриполитических группировок на эти процессы.

Выход в свет работ Холодковского вызвал ряд откликов, как в отечественной, так и в зарубежной печати. Так, в «Скандинавском сборнике» была опубликована рецензия эстонских исследователей Э. Маттизена и А. Хельбе, которые дали весьма положительную оценку этой монографии²⁸, тогда как финский ученый, профессор С. Юнгар, наоборот, достаточно критично подошел к проделанной Холодковским работе²⁹. Как он отметил, внимание автора к внутривнутрикарельским проблемам и национальному движению крестьян оказались все же недостаточным, в то время как в финляндской историографии, по мнению С. Юнгара, данные вопросы традиционно занимали весьма важное место³⁰.

Общие тенденции изучения финской истории времени гражданской войны, обозначившиеся в предшествующий период, продолжали в целом сохраняться и в последующем. В конце 1980-х гг. — начале 1990-х гг. российских исследователей по-прежнему волновала та же проблема — Октябрьская революция в России и предоставление Финляндии независимости. Статьи академика П. В. Волобуева «Историческое место Финляндской революции 1918 г.», а также историка В. Ю. Черняева «Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости» проводили все те же идеи, высказанные в отечественной историографии еще в 1960-е гг.³¹

Важной проблемой в изучении в СССР истории финской революции является еще вопрос, касающийся создания, а также деятельности в Финляндии органов советской власти. В частности, истории создания и деятельности Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих посвящены ряд работ, а также кандидатской диссертации петро-

заводского исследователя Е. Ю. Дубровской³². Автором было привлечено большое количество источников и использована широкая историографическая база. Автор впервые подробно рассматривает вопрос о роли русских матросов и солдат, находившихся в Финляндии, в динамике развития здесь событий в марте — октябре 1917 г. Также Е. Ю. Дубровская, рассматривая политическую жизнь в крае, ниобольшее свое внимание четко уделяла особой роли Гельсингфорского совета. В результате этого комплексного анализа исследователь осветила историю создания Совета, а также смогла исторически выверенно охарактеризовать основные направления его работы, заострив наибольшее внимание на роли Гельсингфорского совета в революционном и демократическом движении в столице Финляндии.

Анализируя литературу, вышедшую на территории СССР, становится очевидно, что с конца 1950-х гг. и вплоть до 1990-х гг. намечился своеобразный перелом в распространении публикаций, касающихся проблем истории Финляндии. При этом из общего объема литературы, непосредственно имеющих отношение к гражданской войне в Финляндии, исторических работ, непосредственно касающихся финской гражданской войны, было все же не так много. Причем большинство исследований продолжало носить более или менее общий характер. Внимание историков в значительной степени обращалось прежде всего к проблемам советской Карелии, либо касалось непосредственно российско-финляндских отношений.

В этом плане тем не менее выделяется ряд уже сугубо научных исследований, которые четко касались научного осмысления событий финской гражданской войны. Еще в 1960-е годы был явно сделан определенный качественный «задел» в изучении отечественными историками гражданской войны в Финляндии. Он выразился в появлении в это время двух весьма обстоятельных работ советских историков И. И. Сюкияйнена и В. М. Холодковского. Эти работы фактически обозначили уже, безусловно, новый, в большей степени научный этап в осмыслении истории гражданской войны в Финляндии, что создавало определенную перспективу дальнейшего глубокого исследования данной проблемы.

В целом в 1950–1990-х гг. особое внимание отечественных историков привлекали проблемы революционных событий, коснувшихся Финляндии в 1917–1918 гг. Но авторы исследований придерживались общей официальной точки зрения на финскую проблему. При этом никаких существенных изменений здесь не проявилось. Новые направления не развивались, единственно важным аспектом историографии второй половины XX века становится более подробное изучение политических взаимодействий между Советской Россией и Финляндией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Страхова Н. В.* Становление и развитие советско-финляндских отношений. 1917–1940. Иваново, 2003. С. 10

² См.: *Барышников В. Н.* Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19(2). 2018. С. 56–67.

³ *Игельстром В. А.* Финляндия. М., Л., 1925. 68 с.; *Гессен С. Я.* Окраинные государства: Польша, Финляндия, Латвия и Литва. Л., 1925. 150 с.; *Эйде И.* Финляндия и ее внешняя политика. Л., 1931. 92 с.; *Ильинский Я.* Финляндия. М., 1940. 70 с.

⁴ См.: *Куусинен О. В.* Избранные произведения (1918–1964). С. 14. См. также: Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 6–7.

⁵ *Лобанова Д. Р.* Гражданская война в Финляндии в работах деятелей финского коммунистического движения (1920- пер. пол. 1940-х гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17(1). 2016. С. 225–235.

⁶ *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 181.

⁷ См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 292.

⁸ См.: *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 г. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2012. С. 27.

⁹ *Ильинский Я. С.* Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 60–79; *Коронен М. М.* Финны — участники Октября // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 17–29.

¹⁰ *Ихалайнен П. И.* Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии // Ученые записки Карельского пединститута. 1959. Т. 9. Петрозаводск, 1960. С. 3–17; *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав. Петрозаводск, 1961; *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975; *Бартенев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976; *Соболев Г. М.* Октябрьская революция и независимость Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 20–35; *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; *Коронен М. М.* Дружба, рожденная Великим Октябрем (Сов.-финлянд. отношения: история и современность). Л., 1978 и др.

¹¹ *Арумяэ Х.* За кулисами «Балтийского союза». (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920–1925 гг.) Таллин, 1966; *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 гг. Книга была издана под псевдонимом. Настоящая фамилия В. Петрова — В. Г. Федоров.

¹² *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов.

¹³ *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973.

- ¹⁴ Там же. С. 164
- ¹⁵ *Pohlebkkin V. V. Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967.* Porvoo-Hels., 1967.
- ¹⁶ См.: *Барышников Н. И.* О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 103.
- ¹⁷ *Похлебкин В. В.* Урхо Калева Кекконен. 1985. М., 1985.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ Там же. С. 31.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 35.
- ²² *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск. 1962.
- ²³ Там же. С. 25.
- ²⁴ *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция.
- ²⁵ Там же. С. 3–6.
- ²⁶ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М., 1975.
- ²⁷ Данная операция должна была преследовать несколько целей: предотвращение восстановления Восточного фронта; борьбу против большевистского правительства, но самой преобладающей, а затем и единственной целью операции являлся захват Петрограда и создание, вследствие этого, дестабилизирующей обстановки на Северо-Западе и в России в целом (См.: Там же. С. 47–52).
- ²⁸ *Маттизен Э., Хельбе А.* Исследование советско-финляндских отношений в 1918–1920 гг. (В. М. Холодковский. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975.) // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. № 22. С. 271–277.
- ²⁹ *Jungar S.* Intressant sovjetarbete om Finlands ostpolitik 1918–1920 (V. M. Holodkovskij Finlandia i Sovetskaja Rossija. 1918–1920. Moskva, 1975) // Historisk tidskrift för Finland. 1976. Arg. 61. № . 2. S. 177–182.
- ³⁰ Ibid. S.180.
- ³¹ *Волбуев П. В.* Историческое место Финляндской революции 1918 // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 15–25; *Черняев В. Ю.* Революция 1917 и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–44.
- ³² См.: *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март-октябрь). Петрозаводск. 1992.

ЛИТЕРАТУРА

Алахвердов Г. Г., Рыбаков М. В. Крах иностранной интервенции на Севере // Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 году. М., 1960. С. 212–235.

Барышников В. Н. «Скандинавский сборник» и особенности изучения в СССР истории стран Северной Европы (1950–1960 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2019. № 20 (2). С. 177–190.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2019. № 20 (1). С. 26–38.

Барышников В. Н. Международное признание в 1917 г. советского правительства и Финляндия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Исследование и публикации по истории античного мира. Вып. 18. № 2. СПб., 2018. С. 215–234.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19(2). 2018. С. 56–67.

Барышников В. Н., Вассара В.-Т. Отто Вилле Куусинен без маски // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660–672.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 362 с.

Барышников Н. И. О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 137–142.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.

Волобуев П. В. Историческое место Финляндской революции 1918 // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 15–25.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорский совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март–октябрь). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 173 стр.

Ильинский Я. С. Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 60–79.

Ихалайнен П. И. Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии // Ученые записки Карельского пединститута. 1959. Т. 9. Петрозаводск, 1960. С. 3–17.

Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. 225 стр.

Коронен М. М. Финны — участники Октября // Вопросы истории. 1967. № 6. С. 17–29.

Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М.: Политиздат, 1966. 687 стр.

Куусинен О. В. Финляндия без маски. М.: Госполитиздат, 1943. 80 стр.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016. № 17 (1). С. 225–235.

Маттизен Э., Хельбе А. Исследование советско-финляндских отношений в 1918–1920 гг. (В. М. Холодковский. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975.) // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. № 22. С. 271–277.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 286 стр.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 298 стр.

Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 г. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2012. С. 3–33.

Похлебкин В. В. СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М.: Международные отношения, 1975. 408 стр.

Похлебкин В. В. Урхо Калева Кекконен. 1985. М.: Международные отношения, 1985. 288 стр.

Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920: сбор. док. / отв. сост. М. В. Зеленев; сост. Н. А. Лысенко и др. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия. 2017. 502 стр.

Рюэмя М. Октябрьская революция в Финляндии // Международная жизнь. 1957. № 9. С. 51–61.

Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920. СПб.: Дмиртий Буланин, 1999. 439 стр.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18(1). С. 219–227.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» историко-графические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени, № 9. СПб., 2012. С. 80–93.

Соболев Г. М. Октябрьская революция и независимость Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 20–35.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 312 стр.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 388 стр.

Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918–1920. М.: Наука, 1975. 266 стр.

Черняев В. Ю. Революция 1917 и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–44.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь Мир, 2010. 472 стр.

Jungar S. Intressant sovjetarbete om Finlands ostpolitik 1918–1920 (V. M. Holodkovskij Finlandia i Sovetskaja Rossija. 1918–1920. Moskva, 1975) // Historisk tidskrift för Finland. 1976. Arg. 61. № . 2. S. 177–182.

А. А. Полевая

ОРГАНИЗАЦИЯ В НОРВЕГИИ «ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИГИ» (ПРОГРАММА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

Норвегия межвоенного периода — это страна, находившаяся в экономическом, социальном и политическом кризисе¹. Именно в начале 1920-х гг. там начали зарождаться праворадикальные движения, которые пытались влиять на расстановку сил в государстве. Некоторые из них возникали вследствие политизации армии, другие — вдохновляясь итальянским и немецким примером². «Отечественная лига» была ни тем и ни другим, преследуя иные цели.

Движение было образовано в 1925 г. норвежским инженером Йоакимом Лемкулем под знаменем объединения «Венстре», «Хейре», «Аграрной партии» и «Умеренных Венстре». Такой альянс должен был выступить против нарастающего рабочего движения и преодолеть политический кризис, образовав сильное правительство. Надо сказать, что подобная идея была вполне логична, так как к моменту создания движения в Норвегии уже полноценно действовали отдельные социал-демократическая и коммунистическая партии, а силу «Рабочей партии» нельзя было игнорировать. На парламентских выборах 1924 г. она набрала всего на 1 412 голосов меньше, чем «Венстре»³. Таким образом, главная цель Лиги состояла в консолидации умеренно правых и центристских партий⁴.

После создания «Отечественная лига» снискала большую популярность. Основная причина заключалась в том, что в ее работе принимали участие два известных деятеля того времени: Фритьоф Нансен — гордость норвежской науки, известный исследователь и лауреат Нобелевской премии 1922 г.⁵, и Кристиан Микельсен — первый премьер-министр независимой Норвегии, которому Й. Лемкуль являлся племянником⁶. В этом смысле интересен феномен лидерства в Лиге. Движение совсем не ассоциировалось с именем её создателя — более известные имена в политике перекрывали его деятельность и личность. В сущности, и сам

Й. Лемкуль никогда не блистал лидерскими способностями, он редко писал и произносил агитационные речи, не ездил по отделениям движения в других населенных пунктах и уж точно не владел харизмой, которая должна была быть присуща главе крупного движения⁷.

Той же популярностью, только отрицательной, Лига пользовалась и в кругах «Рабочей партии». Её члены относились к ней крайне негативно и называли «реакционной буржуазией»⁸, а позже — обвиняли в фашизме, что, однако, членам движения удавалось парировать⁹.

Так как «Отечественная лига» была создана прежде всего как политическое движение, сильной обоснованной по пунктам программы у нее не было. Однако были определены основные положения, среди которых значились: противостояние революции, укрепление солидарности внутри общества и приостановление классовой борьбы, построение общества на личностях и гарантия свобод. Идеологическая основа базировалась на понятии нации, поэтому в целом Лига ставила во главу угла не партийные интересы, направленные на определенные слои населения, а национальность. Кроме национализма, Лиге был также присущ антипарламентаризм.

До конца 1920-х гг. организация успешно развивалась, её численность в пике развития была равна около 100 000 членов¹⁰. Вероятно, эта цифра была меньше, поскольку членство в объединении было необязательным. К 1927 г. была образована четкая структура «Отечественной лиги», обновлена политическая линия, создана «Молодежная лига». Примерно в это же время движение начало работать с изданием, под названием «Норьес Фремтид», с которой они шли бок о бок до 1932 г. Помимо него, Лига очень тесно сотрудничала с либеральной газетой «Тиденс Тегн».

Однако свою главную цель даже при большом количестве поддержки Лига выполнить не смогла. Выборы 1927 г. ознаменовались «плохими новостями» для движения. Впервые в истории «Рабочая партия», объединившись с «Норвежской социал-демократической партией», набрала рекордное для левых количество голосов — 368 108, что составило 36,8% от общего числа проголосовавших¹¹. Первое в истории правительство, сформированное лейбористами, однако, долго не продержалось, просуществовав всего лишь 18 дней¹².

Помимо неудачи на выборах 1927 г., «Отечественная лига» также предприняла ряд опрометчивых политических инициатив. В 1926 г. она предложила петицию-объявление Рабочей и Коммунистической партий вне закона, которая, разумеется, была отклонена¹³. А позже лидеры движения, объединившись с редактором «Тиденс Тегн», предложили выдвинуть Ф. Нансена в качестве независимого лидера страны. Он, по плану, должен был объединить всю нацию и справиться с государственными

кризисами 20-х гг., сформировав правительство, не обремененное партийными разногласиями¹⁴. Подобные шаги не только не возымели благосклонности по отношению к движению, но и начали отталкивать союзников. Постепенно от нее откололись «Умеренные Венстре», а «Хейре» разделились на две части, одна из них — поддерживала Лигу, другая, во главе с Й. Хамбро — пыталась с ней бороться¹⁵.

Все перечисленное выше, а также постепенная радикализация движения, происходившая из-за расширения движения, привело к тому, что в 1930-х гг. количество членов «Отечественной лиги» стало падать. Были, однако, выборы 1930 г., которые стали небольшой победой для Лиги. Несмотря на то, что «Рабочая партия» снова заняла лидирующие позиции, «Хейре» на этих выборах также показали отличный результат, набрав, по сравнению с выборами 1927 г. на 36% больше голосов¹⁶. Это произошло в том числе благодаря пропаганде движения.

Тем не менее действительность к 1933 г., следующим парламентским выборам, ознаменовалась тем, что на политическое поле вышла новая партия — «Национальное единение» В. Квислинга. Она, и многие другие ультрарадикальные движения того времени, в каком-то смысле переманила почти весь реакционный электорат «Отечественной лиги», которая, в свете этих партий, уже не казалась привлекательной. А сами парламентские выборы явились окончательным разгромом идеи движения. В 1933 г. победила «Рабочая партия», набрав в 2 раза больше голосов, чем «Хейре»¹⁷. Уже в 1935 г. она смогла образовать правительство, просуществовавшее 10 лет.

В этот переломный момент «Отечественная лига» сменила курс. Было принято решение о переформировании движения в партию и выдвигении своих списков¹⁸. Вместе с решением преобразования была принята «Норвежская программа», содержащая основные идеи, которые собиралась отстаивать Лига с этого момента¹⁹. Она была более обширна, чем предыдущие, и затрагивала ряд важных моментов: национальное и моральное возрождение национальной религии, социальная справедливость, запрет на забастовки, реорганизация бюджета, борьба с безработицей, пересмотр политики в сторону сельского хозяйства и традиционных отраслей, пересмотр политической системы²⁰.

Почему же «Отечественная лига» так внезапно сменила курс? На это имелось ряд причин. С одной стороны, подобное решение было вполне закономерным и вытекающим из опыта предыдущих лет. За почти 8 лет существования Лиги ситуация только ухудшалась, и все это было похоже на цикличность, которую рано или поздно стоило прервать. В конце концов, не было никакой гарантии, что в ближайшее время правым удастся набрать большинство и начать реализовывать свои планы²¹. К тому же

Лига не имела столь сильных авторитетных лидеров, что просто заставило её сформировать более четкий политический курс²².

С другой стороны, мудрым решением в сложившейся ситуации было удержание тех участников движения, которые еще не перешли в «Национальное единение» Квислинга. В это смысле интересна деятельность «Молодежной лиги», которая в то время начала издавать новую газету и более активно проявляла себя²³. Именно эта часть движения могла трактоваться как ультрарадикальная, она положительно отзывалась о правительствах в Италии и Германии, хотя и замечала, что подобная система не может подойти для стран, которые чрезвычайно отличаются от Италии и географическим положением, историей и культурой²⁴. Именно в ее рядах зародилась идея «Норвежской программы».

Дальнейшая история существования «Отечественной лиги» — это история упадка. Довольно небольшое число поддерживающих движение ранее фактически вступило в партию. Последний всплеск политической активности пришелся на выборы 1936 г., где Лига выступала в едином блоке с «Умеренными Венстре». По итогам выборов партиями было получено всего лишь 19 236 голосов²⁵.

«Отечественная лига» была запрещена в 1940 г. с приходом к власти «Национального единения». Таким образом, одно из самых сильных правых движений, которое когда-либо видела Норвегия, прекратило своё существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С 1920 по 1935 г. в Норвегии сменилось 11 правительств.

² Движения, возникшие вследствие политизации армии: «Взаимопомощь Норвегии» (1920), «Самооборона» (1923). Они не были политически активными и выступали в качестве силовой поддержки умеренно правых партий. Пример партий, образованных по немецкому или итальянскому образу — «Национальный легион!» (1928), «Национал-социалистическая рабочая партия Норвегии» (1932), «Национальное единение» (1933). Большинство из них вело активную политическую борьбу, однако имело малое число последователей.

³ «Венстре» набрали 180 979, «Рабочая партия» — 179 567. См. подробнее: Norges offisielle statistikk. VII 176. Stortingsvalget 1924. Oslo, 1925. P. 117.

⁴ Garau S. Anticipating Norwegian Fascism: The Radicalization of Urban Right-Wing Nationalism in Inter-war Norway. Routledge, 2015. P. 691.

⁵ Greve T. Fridtjof Nansen. 2: 1905–1930. Oslo, 1974. P. 240.

⁶ Wyller T. C. Christian Michelsen: politiker. Oslo, 1975. P. 188.

⁷ Norland A. Hårde tider: Fedrelandslaget i norsk politikk. Oslo, 1928. P. 52

⁸ Kongressen 1925 dagsorden og protokoll. Oslo, 1926. P. 9.

⁹ Halle R. Mot 1930!: veileder for agitasjon og studiearbeide. Oslo, 1928. P. 110.

¹⁰ Ibid. P. 109.

¹¹ Norges offisielle statistikk. VIII. 69. Stortingsvalget 1927. Oslo, 1928. P. 116.

¹² Эти выборы интересны и тем, что на них первые участвовала ультрарадикальная партия «Национальный легион». См. подробнее: Tiden. 1927. 13 oktober. P. 2.

¹³ Lindstrom U. Fascism in Scandinavia: 1920–1940. Stockholm, 1985. P. 89.

¹⁴ Nævestad E. Nansenoppropet — parlamentarisk samling eller fascistisk kupp? // Fortid. Universitetet i Oslo. 2011. № 3. P. 83.

¹⁵ Й. Хамбро — известный консервативный политик, президент стортинга 1926–1933 гг.

¹⁶ 1927 — 240 091 голосов; Norges offisielle statistikk. VIII. 157. Stortingsvalget 1930. Oslo. 1932. P. 123.

¹⁷ «Рабочая партия» получила 69 мандатов, «Хейре» — 30. Подробнее: Norges offisielle statistikk. IX. 26. Stortingsvalget 1933. Oslo. I kommisjon hos h. Aschehoug & CO, 1934. P. 164.

¹⁸ Norland A. Hårde tider: Fedrelandslaget i norsk politikk. P. 226.

¹⁹ Et norsk program. Vedtatt på Fedrelandslagets landsmøte. 1930

²⁰ ABC. 1933. 30 september. P. 1–2.

²¹ Norland A. Hårde tider: Fedrelandslaget i norsk politikk. P. 244.

²² Микельсен умер в 1925 году, Хансен — в 1930.

²³ Hyvik J. Et norsk program. Fedrelandslagets landsmøte. P. 50.

²⁴ ABC. 1933. 30 september. P. 1.

²⁵ Norges offisielle statistikk. IX. 107. Stortingsvalget 1936. Oslo, 1937. P. 138.

ЛИТЕРАТУРА

Et norsk program. Vedtatt på Fedrelandslagets landsmøte. Oslo: Fedrelandslaget, 1930. 3 p.

Garau S. Anticipating Norwegian Fascism: The Radicalization of Urban Right-Wing Nationalism in Inter-war Norway // European History Quarterly. 2013. Vol. 43, № 4. 603–627 p.

Greve T. Fridtjof Nansen. 2: 1905–1930. Oslo: Gyldendal, 1974. 319 p.

Kongressen 1925 dagsorden og protokoll. Oslo: Arbeidernes aktietrykkeri, 1926. 394 p.

Lehmkuhl J. Norges vei: et angrep på norsk borgerlig politikk og et forslag til nasjonal arbeidsplan. Oslo: Fedrelandslagets forlag, 1933. 109 p.

Lindstrom U. Fascism in Scandinavia: 1920–1940. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 196 p.

Halle R. Mot 1930!: rettleidar for agitasjon og studiearbeid Oslo: Fedrelandslagets forl., 1929. 130 p.

Hyvik J. Et norsk program. Fedrelandslagets landsmøte. 1930. // Historie. Popularhistorisk magazin, № 3, 1995. p.46–51

Norges offisielle statistikk. VIII. 69. Stortingsvalget 1927. Oslo, I kommisjon hos h. Aschehoug & CO, 1928. 126 p.

Norges offisielle statistikk. VIII. 157. Stortingsvalget 1930. Oslo. I kommisjon hos h. Aschehoug & CO, 1932. 131. p.

Norges offisielle statistikk. IX. 26. Stortingsvalget 1933. Oslo. I kommisjon hos h. Aschehoug & CO, 1934. 169. p.

Norges offisielle statistikk. IX. 107. Stortingsvalget 1936. Oslo. I kommisjon hos h. Aschehoug & CO, 1937. 148. p.

Norland A. Hårde tider: Fedrelandslaget i norsk politikk. Oslo: Dreyer, 1973. 349 p.

Nævestad E. Nansenopppet — parlamentarisk samling eller fascistisk kupp? // Fortid. Universitetet i Oslo. № 3, 2011. p.82–89

Wyller T. C. Christian Michelsen: politikeren. Oslo: Dreyer, 1975. 250 p.

П. В. Петров

ДОКЛАД НЕМЕЦКОГО КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ В НОРВЕГИИ «ФИНСКО-РУССКАЯ ВОЙНА НА МОРЕ 1939/1940» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Отчет Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКН) об обобщении опыта боевых действий Красной армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. уже ранее рассматривался¹. Причем из данного документа становилось ясно, что немецкое командование, изучив опыт боевых действий Рабоче-Крестьянской Красной армии в ходе «зимней войны», сделала в целом верные выводы о достоинствах и недостатках в её оперативном искусстве, тактике, боевой подготовке, боевом управлении и технической оснащённости. Но при этом интересно было узнать, а был ли извлечен германским командованием аналогичный опыт из боевой деятельности Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота в этой войне. Благодаря любезной помощи норвежского военного историка, профессора истории Бергенского университета Рольфа Хобсона, удалось получить выявленный в фондах немецкого Федерального военного архива в Фрайбурге (Bundesarchiv-Militärarchiv) (ВА-МА) документ, выполненный в форме доклада, в котором уже касаются анализа действий военно-морских сил Советского Союза в ходе «финско-русской войны на море 1939/1940»².

Судя по сопроводительному письму к этому аналитическому документу, становится понятным, что он был подготовлен штабом командующего немецкими войсками в Норвегии и был направлен 28 апреля 1941 г. в оперативный отдел командования военно-морских сил Германии (ОКМ)³. К сожалению, процесс подготовки данного документа изучить невозможно, но стоит отметить одну интересную особенность. Практически одновременно в немецком специализированном журнале «*Marine Rundschau*» («Военно-морское обозрение»), в январском и февральском номерах за 1941 г. вышла большая статья немецкого автора Ф. В. Боргмана и финского автора Мюнттиниemi под названием «Советско-финлянд-

ская морская и прибрежная война в Балтийском регионе 1939–1940 гг.»⁴. Судя по её содержанию, многие положения данной статьи были использованы в вышеупомянутом аналитическом документе.

В первой его части дается краткий обзор об истории создании и структуре ВМС Финляндии в предвоенный период. Следует отметить, что сведения о финском военно-морском флоте и береговой обороне, которые содержатся в документе, вполне соответствуют действительности, поскольку с информацией об этом особых проблем для составителей не было. Во второй части работы авторы предприняли попытку анализа военно-морской стратегии СССР, кратко описали структуру и состояние флотов на морских театрах и боевую деятельность Балтийского и Северного флотов в ходе советско-финляндской войны. К сожалению, раздел о Советском ВМФ грешит большим количеством неточностей или явной дезинформации. Причиной тому был строгий режим секретности в отношении Вооруженных Сил СССР, соблюдавшийся в Советском Союзе, а также, очевидно, эффективная работа советской контрразведки.

Составители доклада сразу же предупредили, что «о военно-морском флоте русских имеются только скудные сведения», а распределение военно-морских сил ВМФ СССР «известно еще хуже, чем состав»⁵. Основой плана боевых действий Краснознаменного Балтийского флота, по данным немецкого командования, являлось «восстановление господства над всем Финским заливом»⁶. Среди боевых задач Балтфлота, в первую очередь, здесь упоминались десантные операции КБФ по захвату островов в восточной части Финского залива, операции по огневой поддержке корабельной артиллерией южного фланга сухопутных войск на Карельском перешейке и минные постановки⁷, поскольку они выполнялись и частично были решены Краснознаменным Балтийским флотом в ходе войны. Об остальных боевых операциях советского флота на Балтике (уничтожение финского военно-морского флота, блокада побережья Финляндии) немецкая сторона пребывала либо в неведении, либо знала крайне мало.

Про военно-морские силы на Крайнем Севере сообщалось лишь то, что «на Ледовитом океане русские планомерно наращивали морскую мощь». В документе прямо указывалось: «В то время русские питали преувеличенные надежды на морской путь севернее Сибири. Руководящая структура Северного морского пути (Главсевморпуть) насчитывала в 1937 г. 36 тысяч человек. Нужно было считаться с постоянным наращиванием судоходства в устьях больших сибирских рек»⁸. Вероятно, в определении численности Главного Управления Северного морского пути (ГУ СМП) была допущена явная ошибка. В указанную в документе цифру, скорее всего, был включен личный состав территориальных управ-

лений Главсевморпути, политотделов, а также все научные работники, капитаны и экипажи судов, хозяйственные и партийные руководители, сотрудники морских баз, лётчики, полярники и работники центрального аппарата.

При описании тактико-технических характеристик советских крупных боевых кораблей (типа линкора «Марат», крейсера «Киров», а также лидера эсминцев «Ленинград», эсминцев типа «Гневный») серьезных ошибок допущено не было. Все указанные цифры в принципе соответствовали действительности⁹. Важно отметить, что составители документа, однако, явно не знали точного количественного состава надводных, подводных, военно-воздушных и береговых сил КБФ, которые существовали накануне советско-финляндской войны. Это объяснялось, опять же, общим режимом секретности в отношении информации военного характера в СССР. Например, из того факта, что из открытых источников стало известно, что в праздновании Дня ВМФ на Балтийском флоте в июле 1939 г. приняло участие 50–70 боевых кораблей, был сделан вывод, что «это число соответствовало числу кораблей, позднее принявших участие в войне с Финляндией»¹⁰.

Кроме того, при описании предвоенного состояния советских флотов немецкая сторона допустила еще ряд очевидных неточностей. Например, утверждалось, что «одна подводная лодка затонула 24 июля 1939 г. (День Военно-Морского Флота) вместе с экипажем в 34 человека на военно-морском параде в Мурманске»¹¹. На самом же деле, во время праздничных мероприятий подобного инцидента не было. Реальный случай потери субмарины на Северном флоте имел место лишь три месяца спустя — 20 октября 1939 г., когда в Кольском заливе подлодка «Щ-424» столкнулась с рыболовным траулером «РТ-43» и затонула. При этом погибло 32 члена экипажа подлодки¹².

Далее авторы доклада переходят собственно к теме советско-финляндской войны. В тексте документа содержится довольно странная информация о том, что Краснознаменным Балтийским флотом «30 ноября была, наверное, предпринята попытка выставить мины перед Гельсингфорсом»¹³. Трудно сказать, что легло в основу этого нелепого предположения, поскольку в плане боевых действий КБФ, утвержденном Военным советом флота 23 ноября 1939 г., этой задачи вообще не было¹⁴.

Самая первая боевая операция флота — десантная операция Отряда особого назначения КБФ по захвату островов Сейсаари и Лавенсаари 30 ноября 1939 г. была описаны следующим образом: «Нападение на острова было первой русской „победой“ на море. Четыре матроса береговой охраны с Сейсаари пытались спастись на моторном катере. Русский эсминец обстрелял катер, тот сел на грунт. Матросы были убиты

при пулеметном обстреле»¹⁵. Здесь немецкий отчет недалек от истины — при захвате острова Сейскаари 30 ноября 1939 г. эсминцем «Карл Маркс» был действительно захвачен моторный катер финнов, но находившиеся на его борту трое членов экипажа вовсе не были убиты, а лишь взяты в плен¹⁶.

Переходя к дальнейшему описанию боевых действий на море, следует подробно остановиться на эпизоде с обстрелом крейсера «Киров» финской береговой 234-мм батареи Руссарэ 1 декабря 1939 года. Здесь практически всё изложение событий не соответствует действительности. «...1 декабря в 09.37 с Руссарэ наблюдали крейсер и три эсминца. Крейсер (вероятно, «Киров»), который, как на нем считали, находился вне досягаемости береговых батарей, открыл с дистанции 2300 метров огонь. 16 залпов, сделанных за 16 минут, быстро вразумили его. Уже в 10.00 это морское сражение завершилось»¹⁷. Во-первых, непонятно, откуда вдруг взялся третий советский эсминец, — ведь в бою с батареей Руссарэ, помимо крейсера «Киров», участвовали эсминцы «Сметливый» и «Стремительный». Во-вторых, финская батарея сделала не 16, а 25 залпов. В-третьих, хронометраж этого боя указан не совсем верно: в 10.54 (по советскому времени) финская батарея на острове Руссарэ открыла огонь по крейсеру «Киров», а в 11.10 крейсер завершил стрельбу¹⁸.

«С берега результаты попаданий плохо просматривались, однако посты наблюдения в шхерах сообщили: один эсминец потоплен, крейсер поврежден тяжело и еще один эсминец легко. Русские корабли быстро отошли. Повреждения «Кирова» были столь серьезны, что позднее ходили слухи о его гибели. С двумя зияющими пробоинами в борту и многими ранеными он пришел в Ревель. Оттуда в начале февраля крейсер с помощью трех буксиров отправился на ремонт в Либаву»¹⁹.

Однако на основании документов советской стороны, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ), можно с уверенностью утверждать, что крейсер «Киров» в ходе этого скоротечного боя никаких повреждений не получил, а экипаж не понес потерь. Это не подтверждается ни вахтенным журналом крейсера «Киров»²⁰, ни журналом боевых действий КР «Киров»²¹, ни отчетом по боевой операции крейсера «Киров» и двух эсминцев 1-го дивизиона²², ни сведениями о безвозвратных потерях КБФ в ходе войны²³. Никаких двух пробоин «Киров» в бою не получал, и ушел он вовсе не в Таллин, а в Либапу (Либаву), причем пришел туда уже ночью 2 декабря²⁴. То же самое можно сказать и по поводу «потопления» одного из советских эсминцев — ни один из участвовавших в операции эсминцев 1-го дивизиона («Сметливый» и «Стремительный») не были потоплены и даже не получили повреждений.

С ошибками дается описание событий по захвату десантными частями КБФ 3 декабря 1939 г. острова Суурсаари (Гогланд). «Гогланд, на котором не было ни одного человека, в течение пяти дней обстреливался эсминцами и бомбардировался авиацией. 7 декабря он был „захвачен“ прекрасно организованным десантом. Финская береговая охрана уже, конечно, давно была эвакуирована»²⁵. На самом же деле, остров Гогланд был захвачен силами КБФ не 7, а 3 (!) декабря²⁶. Кроме того, остров обстреливался кораблями Отряда особого назначения КБФ лишь один день — 3 декабря 1939 г., в ходе высадки десанта. В остальные дни он подвергался лишь эпизодическим бомбардировкам советской морской авиации. В то же время факт поспешной эвакуации финнов с острова, сопровождавшейся оставлением большого количества разного военного имущества, подтверждался данными советской стороны²⁷.

Далее настала очередь рассмотрения действий подводных лодок КБФ в Балтийском море. «5 декабря около Уте русская подводная лодка без предупреждения обстреляла немецкий грузовой пароход “Олива”, совершавший рейс из Гельсингфорса в Мантилуото. Выстрелы, вероятно, производились с предупредительной целью, но судно получило попадания и было повреждено. Подобные атаки подводных лодок имели место и в дальнейшем. Так 12 декабря 1939 г. немецкий транспорт “Боллхайм” был потоплен 15 выстрелами у Мантилуото. При этом погибло три человека. Спустя неделю немецкое судно “Пиннау” было обстреляно в Ботническом заливе. Но ни один из 57 выстрелов не попал в цель»²⁸. Любопытно заметить, однако, что командование советского ВМФ и руководство НКВД СССР вначале не признавало факты обстрела ряда германских транспортов на Балтийском море. В частности, 5 декабря 1939 г. — парохода «Олива» и 12 декабря — парохода «Хельга Боega», и весьма неохотно признало факт потопления нашей подводной лодкой парохода «Большейм»²⁹. Пароход «Олива» был действительно обстрелян советской подлодкой Щ-323, которая выпустила четыре 45-мм снаряда по судну, но после его остановки и изучения судовых документов командир подводной лодки отпустил его³⁰. Что касается уничтожения транспорта «Большейм», то для этого подлодкой «С-1» было потрачено 4 снаряда 100-мм калибра и 35 снарядов 45-мм калибра, а также три торпеды (из которых две не взорвались, а одна не попала в цель)³¹. Странно, что авторы доклада ничего не знали об обстоятельствах потопления своего же собственного транспорта. Что касается атаки немецкого транспорта «Пиннау», атакованного советской подлодкой «С-3» 17 декабря 1939 г., то здесь картина выглядит более-менее достоверно: по судну было выпущено 48 45-мм снарядов, которые действительно не попали в цель³².

В документе еще указывается: «Способнее оказалась русская подводная лодка, атаковавшая 13 января шедший на запад конвой. Так как финский флот не имел эсминцев, давно запланированных к постройке, охранение было поручено двум сторожевым кораблям. Одним из них была президентская яхта “Аура” (563 брт, 12узлов), подаренная в 1936 г. государству частным лицом. “Аура”, охранявшая конвой с кормы, получила попадание торпеды и затонула». Но на самом деле, финский сторожевой корабль «Аура II» взорвался из-за детонации своих же собственных глубинных бомб при отражении атаки советской подлодки «Щ-324» на финский конвой, после чего затонул вместе с командиром и 25 матросами (15 человек было спасено)³³.

Кроме того, в докладе указывается, что «предполагается, что несколько дней спустя русская подводная лодка погибла на финском минном поле». Скорее всего, здесь речь идет о советской субмарине «С-2», подорвавшейся на минах и утонувшей со всем экипажем в 50 человек 3 января 1940 г. в проливе Сёдра-Кваркен³⁴. Информация о гибели подлодки уже тогда была известна финской и шведской сторонам. Однако это событие имело место на 10 дней раньше, чем указанное в докладе.

Оцениваются операции надводных кораблей КБФ в докладе также подчеркивается: «Между тем русские корабли, несмотря на полученный “Кировым” урок, продолжали обстрел финских береговых укреплений, особенно батарей на Бьерке (Койвисто). Эти батареи представляли угрозу при продвижении правого фланга на Карельском перешейке. Следствием этого стало то, что 19 декабря линкор “Октябрьская революция” получил столь тяжелые повреждения, что вынужден был вернуться в базу»³⁵. Но и в этом утверждении содержатся очевидные неточности. Во-первых, в обстреле финской 254-мм береговой батареи Сааренпя 19 декабря принимал участие линкор «Марат», а не «Октябрьская революция». Во-вторых, несмотря на ряд близких разрывов финских снарядов, линкор не получил никаких повреждений от огня финской береговой батареи (как, впрочем, и линкор «Октябрьская революция» в ходе двух предыдущих обстрелов батареи 10 и 18 декабря). Наоборот, своим огнем линкор «Марат» привел к молчанию орудие № 5 батареи Сааренпя, которое от близкого разрыва 305-мм снаряда было засыпано землей, камнями и древесными стволами³⁶.

Неточности в документе на этом не заканчиваются. В частности, в докладе указывается: «14 декабря батареями внешних шхер Або был потоплен новый эсминец класса “Торький”, а 15 декабря уничтожен сторожевой корабль у Аспэ. В борьбе береговых батарей и боевых кораблей подтвердилась старая истина о превосходстве береговой артиллерии»³⁷. Здесь описание событий полностью не соответствует действительности

сти. Прежде всего, абсолютно неверно идентифицирован тип советского эсминца — класс «Горький» (!). На самом деле, это был тип новейшего крейсера (!) проекта 26-бис, а эсминец был типа «Гневный» (проект 7). В ходе операции эсминцев «Гневный» и «Грозный» по обстрелу финской 152-мм береговой батареи на острове Лильхару 14 декабря 1939 г. советские корабли не получили попаданий и уж тем не более ни один из них не затонул³⁸. Аналогичная ситуация наблюдается и с оценкой результатов набеговой операции КБФ по разведке подходов к районам Питкопас-Пуккио и Аспэ-Котка 15 декабря 1939 г., в которой приняли участие корабли Отряда легких сил (лидер «Минск», эсминцы «Стерегающий» и «Гневный») и 3-го дивизиона эскадренных миноносцев КБФ (эсминцы «Карл Маркс» и «Энгельс»). В ходе обстрелов финскими береговыми 203-мм батареями Пуккио и 254-мм батареями Кирккомансаари советские боевые корабли неоднократно находились в зоне поражения огня неприятельской артиллерии, но ни один из них не был потоплен или даже поврежден³⁹. Поясняя все эти ситуации с мнимыми потоплениями боевых кораблей КБФ, можно высказать предположение, что во время операций 14 и 15 декабря 1939 г. советские корабли неоднократно ставили с целью прикрытия дымовые завесы⁴⁰, которые могли быть приняты финскими наблюдателями за попадания своих снарядов.

С другой стороны, про боевую деятельность финского ВМФ составители доклада вообще сказали крайне мало. В документе подчеркивается: «После бедоустава о финском флоте рассказывать почти нечего. Он пережил еще многое, но об этом почти ничего не известно. Один корабль имел в пасмурную ночь контакт с двумя всплывшими лодками, во время которого в непосредственной близости от него увидели четыре пенистых следа торпед, идущих одна за другой. Командир одной из финских подводных лодок упустил самый большой шанс в своей жизни произвести удачную атаку на русский корабль. Неожиданно налетевший снежный заряд спутал его планы»⁴¹. Возможно, здесь речь идет о неудавшейся торпедной атаке финской подлодки «Ветехинен» ледокола «Ермак» в районе Лиепаяи 7 декабря 1939 г.⁴²

Отдельного упоминания удостоились операции военно-воздушных сил КБФ против финских броненосцев береговой обороны в ходе войны. В документе лишь указывается: «Броненосцы «Вянемаянен» и «Ильмаринен» не принимали участия в морских боях, но зато поучаствовали в воздушной войне. При своей отличной маскировке они использовались в качестве плавучих зенитных батарей, появляясь то ту, то там, впрочем, в пределах Абосских шхер. Их позиции первоначально были неизвестны русским, поэтому при воздушных налетах броненосцы открывали неожиданный и эффективный огонь. В один из дней они сбили не менее

12 самолетов. В другой раз половина авиационной группы противника значительной численности была уничтожена»⁴³. Причем опять приведенная здесь цифра сбитых финской зенитной артиллерией советских самолетов является совершенно мифической. В реальности лишь в ходе налета 2 марта 1940 г. было потеряно 3 самолета из состава ВВС КБФ (1 бомбардировщик «ДБ-3», 1 бомбардировщик «СБ» и 1 истребитель «И-153»). Причем, огнем зенитных орудий финских броненосцев был сбит лишь бомбардировщик «ДБ-3», а два других самолета сбиты финскими истребителями⁴⁴. В ходе остальных авиационных налетов на финские броненосцы советская морская авиация не понесла потерь.

Кстати, составители доклада почему-то почти ничего не сказали о боевой деятельности авиации Краснознаменного Балтийского флота в ходе войны. В частности, не были рассмотрены массированные действия ВВС флота против финских портов и транспортов на море. Ничего не говорилось о минных постановках с самолетов. Была также опущена боевая деятельность Ладужской военной флотилии по поддержке правого фланга 13-й армии.

В конце доклада составители внезапно обратились к событиям на Северном флоте и представили весьма загадочную информацию: «В конце февраля 1940 г. сообщение о появлении английского крейсера у побережья Ледовитого океана вызвало всеобщее возбуждение. Нарком ВМФ Кузнецов лично вылетел в Мурманск, чтобы изучить ситуацию. То, что британский крейсер оперировал в данном районе, сомнению не подлежит. Однако его появление не имело никакого влияния на события финско-русской войны»⁴⁵. Трудно сказать, откуда вообще могли появиться сведения о срочном вылете наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова на Север из-за появившегося там английского крейсера. И, кроме того, непонятно, для чего вообще нужно было наркому лично лететь туда лишь для оценки обстановки, которую вполне мог сделать Военный совет Северного флота.

Подводя итог оценке доклада «Финско-русская война на море 1939/1940», следует указать, прежде всего, на его достаточно малую информативность и поверхностность. В отличие от аналогичного доклада Генштаба сухопутных войск Германии о боевых действиях РККА в «зимней войне», немецкий доклад о действиях советского ВМФ сильно проигрывает в плане достоверности и общего анализа. Очевидно, что за год, прошедший после завершения советско-финляндской войны, можно было уже собрать вполне надежную информацию и не заниматься одними предположениями. В то же время необходимо признать, что возможностей для сбора необходимых материалов по боевой деятельности РКВМФ было значительно меньше, чем в отношении Красной армии, по понятным причинам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Петров П. В.* Красная Армия глазами финского командования: Уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 275–282.

² Bundesarchiv-Militärarchiv (далее: ВА-МА). RM 7/877.

³ Ibid. P. 1.

⁴ *Borgman F. W., Munttiniemi.* Der Finnisch-Sowjetische See- und Küstenkrieg im Ostseeraume 1939–1940 // Marine Rundschau. Januar 1941. S. 14–22. Februar 1941. S. 87–96.

⁵ ВА-МА. RM 7/877. P. 10.

⁶ Ibid. P. 9.

⁷ Ibid. P. 9.

⁸ Ibid. P. 10.

⁹ Ibid. P. 11.

¹⁰ Ibid. P. 11.

¹¹ Ibid. P. 11.

¹² Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 189–196. Петров П. В. Гибель «Щ-424» // Тайфун. 1999. № 7. С. 21–24.

¹³ ВА-МА. RM 7/877. P. 13.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 211–218.

¹⁵ ВА-МА. RM 7/877. P. 14.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-654. Оп. 2. Д. 63. Л. 1. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 103.

¹⁷ ВА-МА. RM 7/877. P. 14.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 16.

¹⁹ ВА-МА. RM 7/877. P. 14–15.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-172. Оп. 2. Д. 2241. Л. 81. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 613. Л. 8.

²¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 560. Л. 446–447.

²² Там же. Д. 559. Л. 15–16.

²³ Там же. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 24, 25.

²⁴ Там же. Ф. Р-172. Оп. 2. Д. 2241. Л. 83. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 613. Л. 8.

²⁵ ВА-МА. RM 7/877. P. 15.

²⁶ *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008. С. 14–16.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 13–14.

²⁸ ВА-МА. RM 7/877. P. 15–16.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 39, 40.

³⁰ *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Щуки». Легенды Советского подводного флота. М., 2008. С. 58–59.

³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 573. Л. 31–32. Д. 574. Л. 47. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 612. Л. 7–8. *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. С. 35–36.

³² *Морозов М. Э., Кулагин К. Л.* «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. С. 40.

³³ Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki-Jyvaskyla, 1979. S. 137. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота. С. 61; *Jari Aromaa. Finnish Navy in World War II* // <http://www.aromaat.net/Navygallery/index.html> (дата обращения: 18.04.2019).

³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 56. Петров П. В. Гибель подлодки «С-2» // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 115–126. Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. С. 128–129.

³⁵ ВА-МА. RM 7/877. P. 16.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 560. Л. 2, 16, 72, 125–131. Ф. Р-266. Оп. 5. Д. 4. Л. 6–7. Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. С. 68–74, 76–78.

³⁷ ВА-МА. RM 7/877. P. 16.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 546–56. Д. 560. Л. 169–171. Петров П. В. Разведывательно-набеговые операции Отряда лёгких сил и 3-го дивизиона эсминцев в советско-финляндской войне // Тайфун. 2000. № 9. С. 13–14.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 70–74, 78–80. Ф. Р-654. Оп. 2. Д. 63. Л. 2. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 621. Л. 41–43. Петров П. В. Разведывательно-набеговые операции Отряда лёгких сил и 3-го дивизиона эсминцев в советско-финляндской войне. С. 14–16.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 641. Л. 3–5.

⁴¹ ВА-МА. RM 7/877. P. 17.

⁴² *Jari Aromaa. Finnish Navy in World War II.*

⁴³ ВА-МА. RM 7/877. P. 17–18.

⁴⁴ Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. С. 202.

⁴⁵ ВА-МА. RM 7/877. P. 18.

ЛИТЕРАТУРА

Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Щуки». Легенды Советского подводного флота. М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008. 176 стр.

Морозов М. Э., Кулагин К. Л. «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008. 128 стр.

Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. 480 стр.

Петров П. В. Гибель подлодки «С-2» // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 115–126.

Петров П. В. Гибель «Щ-424» // Тайфун. 1999. № 7. С. 21–24.

Петров П. В. Красная Армия глазами финского командования: Уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 275–282.

Петров П. В. Разведывательно-набеговые операции Отряда лёгких сил и 3-го дивизиона эсминцев в советско-финляндской войне // Тайфун. 2000. № 9. С. 8–19.

Borgman F. W., Munttiniemi. Der Finnisch-Sowjetische See- und Küstenkrieg im Ostseeraume 1939–1940 // *Marine Rundschau*. Januar 1941. S. 14–22. Februar 1941. S. 87–96.

Talvisodan historia. Os. 4. Porvoo-Helsinki- Jyvaskyla: WSOY, 1979. 406 S.

Барышников В. Н.

**«ЭКСПОРТ РЕВОЛЮЦИИ»
ИЛИ БОРЬБА С ИТОГАМИ «КОНТРЕВОЛЮЦИИ»?
(К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТЕРИЙОКСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»)»***

Официально в Финляндии традиционно деятельность «народного правительства», провозглашенного в декабре 1939 г. в поселке Терийоки, рассматривают в качестве марионеточного формирования, созданного в СССР в условиях начала «зимней войны». При этом возникает вопрос, насколько значительна была роль в возникновении идеи его образования бывших «красных» эмигрантов, покинувших в 1918 г. Финляндию после поражения рабочей революции и начавшегося в стране белого террора.

Действительно, связь между происходившим в Финляндии в 1918 г. и в Терийоки в 1939 г. прослеживается. Главой провозглашенного «народного демократического правительства» стал О. В. Куусинен, являвшийся членом революционного правительства 1918 г. При этом «терийокское правительство» явно рассматривало себя фактически продолжателем дела ранее существовавшего до поражения в мае 1918 г. рабочей революции. Более того, известно, что само поражение в революции 1918 г. на долгие годы оставило глубокую травму у части населения Финляндии. Решительно настроенные представители левых сил считали, что борьба на этом не закончена. Причем победа «белых» сопровождалась организованным в стране массовым террором. В результате в Финляндии от «белых» погибло всего 27 тыс. финнов¹, что явно указывает на невероятное остервенение, с которым армия Маннергейма закрепляла свою победу в гражданской войне.

С другой стороны, из документов основанной летом 1918 г. в Москве Коммунистической партии Финляндии видно, что был взят курс на то,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

чтобы вести дальнейшую борьбу «против установленного в стране буржуазного строя», за восстановление утраченной после поражения революции власти². Не впадая в преувеличение, можем констатировать, что многие из тех, кто покинул Финляндию, продолжали думать и верили, что рано или поздно наступит такое время, когда «решительный удар пролетариата уничтожит капиталистическую систему» в стране³.

Для этих людей, ставших в большинстве своем коммунистами, характерным являлось проявление сильного революционного духа. Находившееся в эмиграции в СССР руководство финских коммунистов осуществляло связь с левыми силами Финляндии и вырабатывало конкретную тактику их действий в ходе политической борьбы в стране. По-прежнему главной целью являлось свержение «путем пролетарской революции» антинародного, как тогда говорилось, «правительства лахтарей [мясников. — В. Б.]»⁴. В одном из обращений к финским трудящимся за шесть лет до начала «зимней войны» компартия выступала с весьма определенным призывом: «Финляндия должна быть республикой рабочих и крестьян! Пусть поражение революции 1918 г. явится той ступенькой к победе, по которой поднимается к власти рабочий класс Финляндии под руководством КПФ»⁵. Естественно, это четко говорило о желании пересмотреть итоги своего поражения в революции, продолжив дело, начатое еще в 1918 г.

Все это ясно характеризовало направленность линии, которая проводилась компартией Финляндии. Взгляды ее и конкретные призывы, естественно, были хорошо известны финскому государственно-политическому руководству. Поэтому с момента своего основания партия находилась в Финляндии вне закона, а члены ее преследовались. В целом сложившаяся после поражения революции ситуация создавала для деятельности КПФ достаточно сложную ситуацию. Ее, естественно, признавали и в руководстве Коминтерна. Там в феврале 1939 г. отмечали, что партия «работает на слишком узкой базе», поэтому «она должна еще много укрепить свои ряды и свое влияние в массах прежде, чем она может быть уверена в том, что она в предстоящих трудных боях рабочего класса Финляндии и в критических поворотах сумеет выполнить те требования, которые могут быть поставлены действительно большевистской партией»⁶.

В результате на пороге войны ни о каких признаках возникновения и развития революционной ситуации в Финляндии не могло вестись вообще и речи. Сам Куусинен отмечал это за четыре месяца до начала «зимней войны». Он писал, делая тогда анализ политической обстановки в стране, что характерным для нее стало снижение революционной активности масс, а «давление» на правительство с их стороны являлось в данном случае «слишком слабым и недостаточным»⁷.

Нелепо, следовательно, думать, что в такой обстановке перед руководством КПФ мог возникнуть вопрос о реализации своих революционных идей в надежде на вооруженное восстание в стране и необходимости в связи с этим срочно формировать «народное правительство».

Если же допустить мысль о том, что расчет делался на внешние силы, т. е. на Советский Союз, то для этого, очевидно, надо было входить в узкий круг его руководства, где принимались ответственные политические и военные решения. Но как Куусинен, так и другие члены ЦК КПФ слишком далеки были от Сталина и его ближайшего окружения. Представителей Коминтерна или зарубежных компартий могли лишь посвятить в принятое решение на этапе реализации его.

Все это дает основание полагать, что идея создания «народного правительства» не могла принадлежать деятелям КПФ. Постановка такого вопроса исходила, совершенно очевидно, только от советского руководства, причем не в порядке дискуссионного обсуждения. Вместе с тем нельзя не учитывать несомненно и того, какое влияние оказывали тогда любые сталинские оценки политической обстановки на зарубежных коммунистов. Советская линия имела, как не трудно понять, определяющее здесь значение для позиции Куусинена и тех, кто затем вошел в состав создававшегося «правительства». К тому же, представляя собой революционную часть финской эмиграции в СССР, они действительно были полны решимости возобновить проигранную прежде борьбу. Если тогда, в 1918 г., с помощью кайзеровской Германии победили «белые», так почему же теперь не вернуть утраченное и нанести поражение всем тем, кто достиг своей победы, осуществив объективно контрреволюцию?

Так, в частности, вспоминая о своем муже, писала Айно Куусинен: «Поражение красных в 1918 году было для него незаживающей раной». Далее она уже отметила, что «он хотел взять реванш» и «имел лишь одну цель: пройти победным маршем по земле своей родины»⁸. Да, в то время так думал не только он. Похожие мысли, например, выражал тогда в одном из своих писем Тойво Вякя — активный участник революции 1918 г. в Финляндии, решительно поддерживавший идею создания «народного правительства»: «Бесконечно счастлив, — заявил он, — что также, как 22 года назад, имею возможность и силы в борьбе за освобождение моего народа»⁹.

В такой ситуации, признавая этот факт, очевидно любопытно посмотреть, каким образом историографически эволюционизировали экспертные взгляды в Финляндии на проблему борьбы КПФ за пересмотр итогов революции 1918 г.

Прежде всего оценка «революционной» деятельности «правительства» Куусинена стала появляться в воспоминаниях государственных и политических деятелей Финляндии. В них четко выразались те чув-

ства, что в Финляндии «никто серьезно не воспринимал заявления ”народного правительства”», а сам «этот политический ход говорил все же о том, что Москва планирует поглотить Финляндию»¹⁰. Современники произошедших событий подчеркивали всю абсурдность самой идеи создания в Финляндии революционного «правительства», пытались при этом разобраться и понять причины, связанные с его появлением. Как отметил в 1945 г. в своих воспоминаниях известный финский политический деятель К. О. Фрич, «возникновение правительства Куусинена нельзя объяснить ничем иным, как то, что Москва имела представление, что в Финляндии действительно существовали открытые противоречия между народом и правительством... и что в СССР обстановка оценивалась на основе искаженных данных». Далее автор замечал: «Неизвестно, кто давал советскому правительству эти роковые, приведшие к ошибочным представлениям сведения»¹¹.

Однако параллельно с этим, начиная с 1950-х гг., в Финляндии стали появляться и первые работы оценочного характера представителей финских коммунистов. В них, естественно, стремились прежде всего показать, почему именно их партия оказалась причастной к организации этого «правительства» и какие цели оно преследовало. Требовалось объяснить: была ли идея создания такого «правительства» их инициативой или же они выполняли волю Москвы? Что конкретно оно хотело изменить в политике Финляндии?

Так бывший «министр» этого «правительства» Тууре Лехен на страницах партийных изданий постарался дать ответ на вопрос: какие задачи стояли тогда перед КПФ?¹² По его словам, в условиях начала между СССР и Финляндией войны финские коммунисты пытались сразу ее прекратить путем отстранения от власти тех, кто привел страну к ней, и сформировать такое правительство, которое «стремилось бы к прекращению войны и восстановлению мира». Созданное же «терийокского правительства», собственно, и должно было «обеспечить прочный мир»¹³. При том Тууре Лехен подчеркивал, что «можно иметь какое угодно мнение о необходимости создания такого правительства, но нельзя отрицать того, что цель, к которой стремились, создавая его, была правильной»¹⁴.

С другой стороны, Т. Лехен в ряде своих интервью, которые он давал финской печати, обращал внимание также на то, что не следует все же преувеличивать значение «терийокского правительства». Оно, как Лехен отметил, «было очень кратковременным» и «в своих делах не сделало совершенно ничего»¹⁵. Что же касалось самого факта его возникновения, то бывший член «правительства» заявил, что, «несмотря на хорошие побуждения, изложенные в заявлении об образовании правительства, создание его можно считать политико-тактической ошибкой»¹⁶.

В отношении же того, кто был инициатором создания «правительства» Куусинена, то представители КПФ и сами его участники не пытались отрицать своей непосредственной причастности к произошедшему, давая понять, что его появление явилось вполне самостоятельным решением руководства КПФ и крайне необходимым для финских левых сил шагом¹⁷.

Однако одновременно с этим в Финляндии продолжало усиливаться мнение, что вопрос об образовании «терийокского правительства» был не только «поставлен Сталиным и Молотовым»¹⁸, но и сама появившаяся у них «идея с Куусиненом явилась большим промахом Сталина»¹⁹. Весьма примечательным в данном случае стали воспоминания бывшего министра иностранных дел Финляндии периода «зимней войны», лидера финской социал-демократической партии Вяйно Таннера²⁰. Он в своих мемуарах подчеркивал, что «терийокское правительство» и его «отношения» с руководством СССР указывают на то, что в Москве еще до начала войны «тщательно готовили создание» этого «правительства», а сам факт появления «кабинета» О. Куусинена раскрыл по существу истинные цели Советского Союза, которые заключались в «завоевании Финляндии и одновременно с этим учреждении здесь большевизма»²¹. Что же касалось самого «терийокского правительства», то он его рассматривал как «первое правительство» Финляндии, «предавшее родину»²².

В подтверждение сказанного В. Таннер привел сведения, которые ему стали известны от одного из бывших лидеров КПФ Арво Туоминана, относительно обстановки в коммунистическом движении Финляндии накануне начала «зимней войны»²³. Утверждения Туоминана стали тогда уже широко распространяться в Финляндии и, более того, были затем также изложены в его воспоминаниях²⁴. Этот деятель, занимавший руководящее положение в КПФ в 1920–1930-е гг., накануне «зимней войны» фактически порвал с нею. Оправдывая свое решение, он на страницах воспоминаний стремился рассказать обо всех известных ему негативных сторонах деятельности партии. Туоминан также попытался приоткрывать занавес и над тем, что происходило в процессе создания «правительства» Куусинена. Причем делалось это так, чтобы оправдать его ренегатство из рядов КПФ²⁵.

Однако эти скромные сведения превратились затем для исследователей Финляндии чуть ли не в главный источник для раскрытия процесса образования «народного правительства» и его деятельности. Но, естественно, что столь ничтожная источниковая база не позволяла в полной мере представить суть той работы, которая предшествовала образованию «народного правительства», а также коснуться его практической деятельности. Поэтому многие последующие публикации в финской

исторической литературе о «зимней войне» лишь в предположительном плане касались тех задач, которые решали в годы войны члены этого «правительства».

Обратимся, однако, к конкретным работам финских историков, в которых затрагивались проблемы, связанные с «народным правительством». В первом ряду таких авторов стоит книга Макса Якобсона, посвященная внешней политике Финляндии в период «зимней войны» 1939–1940 гг.²⁶ В этой работе исследователь достаточно подробно остановился на деятельности «правительства» Куусинена и выдвинул ряд важных положений. Однако, ввиду крайней узости источниковой базы, все они были основаны исключительно на личных представлениях самого автора.

В частности, М. Якобсон поставил задачу определить конкретные цели этого «правительства» в ходе начавшейся советско-финляндской войны. Отводя весьма большое место КПФ, он фактически представил чуть ли не главной задачей «правительства» Куусинена взятие финскими коммунистами реванша за поражение рабочего правительства Финляндии в 1918 г. Очевидно, что подобное утверждение требовало соответствующего научного подтверждения, основанного на архивных источниках. Но, поскольку такового не имелось, то все сказанное в данном случае носило скорее предположительный, нежели доказательный характер.

Другое суждение, которое выдвинул М. Якобсон, заключалось в том, что для советского руководства создание «правительства» Куусинена являлось своеобразным прикрытием для нападения на Финляндию и являлось для СССР «необходимым идеологическим камуфляжем»²⁷. Сказанное также, естественно, требовало архивного подтверждения, которое в работе отсутствовало.

Показательно и то, как автор определял конкретно тех, кто, по его мнению, нес груз ответственности за принятие решения о создании «народного правительства». Чуть ли не центральную роль в этом Якобсон отвел руководителю Ленинградского обкома и горкома партии, секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову. Характеризуя его, как «агрессивного, высокомерного и фанатичного молодого коммунистического лидера», М. Якобсон представил его «наиболее решительным из сторонников жесткой политики» СССР в отношении Финляндии²⁸. При этом Жданов, по мнению автора, имел в данном вопросе «восторженную поддержку» Куусинена, который, как указано в работе, «был в значительной степени ответственным в убеждении советских лидеров в гнилости капитализма в Финляндии»²⁹.

В результате следовало заключение: именно эти два человека сумели «убедить более осторожного Сталина, что непокорные финны могут оказаться быстро и безболезненно под каблуком» СССР³⁰. Причем, по мне-

нию автора, вера в возможность начала революции в Финляндии была определяющей в этом смысле. Как он отмечал, «Куусинен... должно быть вообразил, что в течение двадцати одного года его эмиграции из Финляндии в Россию страна осталась неизменной подобно спящей принцессе, ожидающей поцелуя освобождения от прекрасного принца»³¹. Из всего этого видно, что Якобсон еще весьма приблизительно представлял механизмы принятия крупных политических решений в Советском Союзе, а образные выражения и аллегории, представляющие партийных руководителей, как достаточно наивных людей в данном случае лишь свидетельствовали об отсутствии у автора необходимого фактического материала.

В целом же М. Якобсон положил начало общему направлению в финской историографии, когда путем аналогий, приблизительных реконструкций и предположений предпринимались попытки воссоздать историю, связанную с «терийокским правительством».

В этом смысле ярким примером работ такого характера стало произведение известного историка-политолога, профессора Хельсинкского университета Осмо Юссила. Он уже в середине 1980-х гг. опубликовал небольшую работу, которая целиком была посвящена проблеме, относившейся к истории «правительства» Куусинена³². Исходя из того, что тема, касающаяся «терийокского правительства», была тогда далеко еще не исчерпана, О. Юссила отмечал: «Из событий истории Финляндии больше всего приковывает внимание... зимняя война, особенно ее начало, связанное с выстрелами у Майнилы, и терийокское правительство»³³.

Несмотря на то, что автору заметно не хватало фактического материала для написания задуманного, он тем не менее постарался все же максимально привлечь доступные ему источники и литературу. В частности, наряду с мемуарами Арво Туоминена использовались сведения, которые уже появились о «правительстве» Куусинена ранее или которые можно было почерпнуть из немногословных упоминаний о нем бывших его членов. Тогда о своей деятельности в «кабинете» Куусинена стали уже отчасти рассказывать бывшие его «министры» Аармас Эйкия и Тууре Лехен. Кроме того, автор имел возможность активно использовать в ходе написания своей работы периодическую печать того времени и, прежде всего, газеты, издававшиеся этим «правительством». В результате О. Юссила смог без особых подробностей очертить основные направления деятельности «кабинета» Куусинена. Но само изложение носило скорее историографический характер и не раскрывало существа вопроса. Более того, ввиду узости источниковой базы автор не избежал очевидных неточностей. Особенно они относились к процессу создания т. н. «финской народной армии»³⁴.

Главным, как можно судить по содержанию работы, для Юссила было определить, для чего «народное правительство» было создано и какие цели оно преследовало. Решая эту задачу, автор пытался прежде всего показать, что созданное «правительство» необходимо было СССР с целью «захватить всю Финляндию». Не имея для такого утверждения соответствующего документального подтверждения, О. Юссила избрал метод использования исторических параллелей и аналогий, сравнивая историю образования «терийокского правительства» с событиями в Прибалтике, на Украине, в Средней Азии и Закавказье. В частности, рассматривалось, как эти районы присоединялись к России и вошли в конечном счете в состав СССР. В результате все это увело автора еще дальше от самого хода изложения событий, связанных с историей «правительства» Куусинена. Содержание работы приобрело при этом явно политико-публицистический характер, став весьма уязвимым для критики, определенной части финской печати³⁵. Удивительным было и то, как автор в конце работы заверил читателя: «Если бы в 1939 г. был бы еще жив Ленин, то ни зимней войны, ни правительства Куусинена не было бы»³⁶. Это утверждение уже совсем удалило изложение от принципа историзма. Но при этом благодаря этой, а также некоторым другим работам, написанным О. Юссила в середине 1980-х гг. о советско-финляндских отношениях, он, по мнению крупнейшего финского современного историка профессора М. Клинге, превратился в Финляндии «в самого заметного историка своего времени»³⁷.

Тем самым работа профессора О. Юссила побуждала к дальнейшему серьезному исследованию проблем, связанных с историей «терийокского правительства». Однако политико-публицистическая направленность в подходе к изложению этих острых вопросов все еще продолжала доминировать в Финляндии.

С этих позиций неоднократно также выступал историк Тимо Вихавайнен³⁸. Давая прежде всего оценку книги О. Юссила, он особо отмечал, что в его работе «терийокское правительство великолепно подходит для раскрытия генеральной линии в отношениях между Финляндией и Советским Союзом»³⁹. Идя использованным О. Юссила путем сопоставлений, Т. Вихавайнен обращается к событиям в Прибалтике и Польше в период Второй мировой войны. Он также, прибегая к методу приближительной реконструкции, пытался дать ответ на вопросы, связанные с деятельностью «терийокского правительства». При этом его обычным способом убеждать читателя в «истинности» своего мнения является изложение материала без ссылок на источники, но с применением сослагательного наклонения: «что было бы». Не удивительно, что такой метод исследования, далекий от научного исторического осмысления происхо-

дивших событий, уже получил остро негативную оценку в финской печати. Так, в частности, отмечалось, что в результате работы Вихавайнена была «предпринята попытка поставить с ног на голову всю историю Финляндии целого столетия»⁴⁰.

И тем не менее все же во второй половине 1980-х — 1990-е гг. чисто исторический метод в исследовании рассмотренной темы стал также применяться в работах финских историков, касающихся деятельности «терийокского правительства». В этом смысле прежде всего написал ряд научных статей, посвященных отдельным аспектам деятельности «правительства» О. В. Куусинена, профессор Охто Маннинен⁴¹. Среди них одной из первых, посвященных раскрытию данной темы, явилась публикация материала, в котором он касался деятельности «народной армии» «терийокского правительства»⁴². И хотя приводимые в ней сведения являлись не полными, а количество упоминавшихся там воинских формирований было меньшим, чем реально существовало на самом деле, сам факт появления этой статьи уже свидетельствовал о том, что финские ученые переходили к более обстоятельному историческому исследованию существа данного вопроса.

К тому же, в отличие от других финских историков, О. Маннинен стремился делать соответствующие выводы на основе советских архивных документов, поскольку к тому времени ранее закрытые фонды российских архивов стали доступны для исследователей. Интересной в этом отношении была одна из обзорных работ, опубликованная им в ведущем научном историческом журнале Финляндии «Хисториаллинен Айкаккускиря». В ней он тогда отметил, что познакомился с рядом документов, касавшихся появления в СССР замыслов относительно образования и деятельности «народного правительства Финляндии»⁴³. Правда, им особо не конкретизировалось сказанное.

В целом интерес к изучению в Финляндии истории возникновения «терийокского правительства» продолжал расти. Свидетельством тому было появление еще ряда работ исследователя Маркку Саломаа. На рубеже 1980–1990-х гг. он особенно активно включился в изучение рассматриваемой темы, что выразилось в публикации ряда статей в финских периодических изданиях⁴⁴. Содержание их указывало на достаточно серьезный подход к исследовавшимся вопросам.

В них автор впервые вводит в научный оборот весьма обстоятельные интервью, полученные от бывшего «министра просвещения» в «терийокском правительстве» Инкери Лехтинена, а также редактора печатного органа этого «правительства» Антти Хювенена. Эти интервью позволили М. Саломаа передать саму атмосферу, царившую в процессе деятельности «кабинета» О. В. Куусинена, и уточнить ряд деталей, касавшихся его

создания и последующего функционирования. Опираясь на эти источники, он особо подчеркивает, какую активную позицию занимали финские коммунисты в ходе образования «терийокского правительства». В этой связи М. Саломая ссылается на следующее высказывание И. Лехтинен: «Мысль об образовании правительства исходила от самих финнов. Решение приняли коммунисты-эмигранты. Главную работу осуществлял прежде всего Куусинен»⁴⁵.

М. Саломая вместе с тем показывает, что главную цель члены «правительства» видели в том, чтобы добиться прекращения вспыхнувшей войны. Здесь исследователь определенно поддержал утверждение руководства КПФ о том, что необходимость создания «правительства» заключалась в достижении мира между СССР и Финляндией. Это прослеживается и в той части изложения, где автор разбирает подписанный 2 декабря 1939 г. Куусиненом договор с СССР о дружбе и взаимной помощи⁴⁶.

Тем не менее в работах М. Саломая далеко не на все вопросы содержатся ответы и это можно понять, поскольку он не имел возможности воспользоваться советскими архивными документами. На это, кстати, обратили внимание и его критики⁴⁷.

И именно в это время в финской печати развернулась оживленная дискуссия, одним из активных участников которой был известный исследователь финского левого движения Хейкки Микко Вийтала. В ходе дискуссии сосредоточилось внимание на дальнейшем выяснении целей «народного правительства» и определением, кто был его реальным организатором. Вместе с тем Х. М. Вийтала привлек внимание к тому, как схожи были положения договора, который подписало «правительство» Куусинена в 1939 г. с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенном между СССР и Финляндией в 1948 г.⁴⁸ Это, по мнению ученого, определенно указывало на весьма ограниченные цели руководства Советского Союза в «зимней войне» и в подходе к использованию «терийокского правительства» с задачей возможного присоединения затем Финляндии к СССР. Вийтала ссылался при этом на то, что финское руководство уже в конце 1940-х годов проявило понимание в этом смысле⁴⁹. Что же касается «правительства» Куусинена, то оно, как считал исследователь, пыталось также сохранить независимость своей страны. В подтверждение этого Вийтала привел высказывание Тууре Лехена, в котором тот подчеркивал, что «Терийокское Народное правительство исходило из того, что Финляндию мог связывать с Советским Союзом лишь договор о взаимопомощи»⁵⁰.

При обсуждении вопроса о создании «терийокского правительства» особо рассматривалась роль Арво Туоминена. По мнению Х. М. Вий-

тала, утверждение о том, что его вызывали именно для того, чтобы он участвовал в «народном правительстве», могло не соответствовать реальной ситуации. По мнению Вийтала, Куусинен лишь «хотел усилить свой штаб в Москве в условиях обострившихся финляндско-советских отношений»⁵¹. Такую же точку зрения высказывали тогда и современники тех событий, участвовавшие в деятельности КПФ еще до войны. Так, известный политический деятель Финляндии Лео Суонпяя прямо заявил в этой связи, что положение Туоминена тогда в партии было уже явно уязвимым и даже щекотливым: «о нем не хотели и слышать в Москве»⁵². Таким образом, дело обстояло не так просто, как это представлял Туоминен в своих мемуарах, и его версия откровенно ставилась под сомнение.

Дискуссионные обсуждения вместе с тем не давали ответа на то, были ли какие-либо силы в Финляндии, которые могли бы поддержать «терийокское правительство». Устойчивое представление, созданное еще в годы «зимней войны» о полном единстве финского народа в это время, не имело серьезного научного подтверждения, поскольку финские историки все же уходили от рассмотрения репрессивных мер со стороны политической полиции по отношению к оппозиционным деятелям Финляндии⁵³. Реально получалось так, подчеркивал финский исследователь профессор Ханну Сойкканен в конце 1980-х гг., что «мы не знаем многого о позиции КПФ в отношении зимней войны». Факт же возникновения широкого движения за дружбу с СССР после ее окончания, отмечал он, «говорит о том, что уже в ходе зимней войны зарождалось то, что способствовало достижению мира»⁵⁴.

Не привела дискуссия и к выяснению того, кто же все-таки был инициатором создания «терийокского правительства»? В 1980–1990-е гг. уже большинство рассматривающих этот вопрос исследователей и политических деятелей Финляндии склонялись к мнению, что представители финской коммунистической партии не могли быть инициаторами образования этого «правительства». Более того полученная вскоре возможность познакомиться с определенной частью документов, относящихся к истории КПФ и хранящихся в Москве, позволила даже прийти к выводу о том, что со стороны финских коммунистов «не было ничего сделано для образования терийокского правительства»⁵⁵.

Тогда твердо стало складываться представление, что «народное правительство Финляндии» являлось «творением Сталина, Жданова, Молотова и генералов»⁵⁶. Но вместе с тем существовавшее утверждение о стремлении Сталина «поглотить» Финляндию получало все большую поддержку. Как отметил известный финский историк академик Эйно Ютиккала, «правительство» О. В. Куусинена было исключительно «учреждено... для захватываемой страны»⁵⁷.

Вместе с тем в плане раскрытия конкретной деятельности «терийокского правительства» стали уже появляться исследования, в которых затрагивались сугубо исторические события, связанные с фактами образования «правительства» О. Куусинена. В частности, в этом отношении заслуживает внимание работа Эрки Хуянена. Она была связана с раскрытием судьбы финского населения, оставшегося на занятой советскими войсками территории в районе Суоярви⁵⁸. В этих местах оказалось наибольшее количество финских граждан, которые собственно и должны были превратиться в подданных «народного правительства». Опираясь на данные, полученные от находившихся в этом районе людей, автор раскрыл происходившие там события. Более того, совместно с А. Хаасио им тогда же была опубликована уже целая книга, получившая весьма звучное название «Заложники государства. Жизни суоярвцев во время Зимней войны»⁵⁹. Однако при всей новаторской ценности этой работы подтвердить приводимые в ней сведения комплексом советских документальных источников авторам все же не удалось, что, естественно, создало пока еще весьма одностороннее представление о происходивших там событиях.

Но наряду с рассмотрением политики «народного правительства» в Карелии в начале 1990-х гг. заметно вырос интерес в Финляндии и к деятельности «народной армии» этого «правительства». В этом отношении очередной шаг вперед сделал исследователь Маркку Саломаа, продолживший свои научные изыскания. Теперь он сосредоточил основное внимание на изучении проблем, связанных с военными формированиями «красных финнов», существовавших в СССР в 1920–1930-е гг. Это была уже диссертация, представляющая собой обстоятельный научный труд⁶⁰.

И хотя основной оппонент на защите диссертации М. Саломаа профессор О. Юссила высказал ряд критических замечаний по поводу его работы⁶¹, бесспорным являлось то, что автор впервые из числа финских исследователей смог углубиться в рассмотрение процесса формирования и деятельность «финской народной армии». Здесь явно проявился научный подход в изложении материала и не допускалось прежних неточностей, которые содержались в более ранних работах финских исследователей. Однако существенным недостатком было то, что историком также не использовались уже доступные из ранее закрытых советских документов материалы. Это ослабляло исследование, поскольку в России уже активно вводились в научный оборот новые документы, касающиеся функционирования «терийокского правительства».

Действительно, уже с конца 1980-х гг. в Советском Союзе стали уже публиковаться ранее сверхсекретные документы и материалы, раскрывающие процессы, связанные как с созданием, так и последующем функ-

ционированием «правительства» О. В. Куусинена⁶². Весьма полезными стали и сведения, которыми начали делиться ряд советских дипломатов и разведчиков, связанных с их деятельностью в Финляндии накануне начала «зимней войны»⁶³.

В этом отношении, несомненно, заслуживали своего внимания книги Киммо Рентола⁶⁴, в которых, опираясь на ряд фондов российских архивов, он стремился посмотреть на события, связанные с деятельностью «терийокского правительства», во многом глазами советского руководства. Исследователь здесь явно отбросил всякую идею стремления КПФ активно влиять на происходящие события в период «зимней войны», подчеркивая, что «нет необходимости доказывать заблуждение этого мышления»⁶⁵. Он четко стремился рассматривать действия Куусинена, как прямую попытку осуществления экспорта революции, но при этом, подчеркивая, что «в Советском Союзе создание народного правительства Финляндии являлось частью камуфляжа агрессии его агрессии»⁶⁶, и финские коммунисты фактически этим и стремились заниматься. Единственное, что при этом, вероятно, следовало особо учитывать, было то, что сам Куусинен еще в 1918 г. лично выступал против экспорта революции, о чем четко тогда писал: «Всякая попытка вызвать революцию тогда, когда для этого нет на-лицо [так в тексте. — Авт.] исторических предпосылок, противоречит марксистской тактике. В эту ошибку особенно часто впадали эмигранты после неудавшихся революций, с закрытыми глазами назначая день для начала революции в такие моменты, когда история не давала ни малейшей точки опоры для революционного выступления»⁶⁷.

Тем не менее со сходных с Киммо Рентола позиций по данному вопросу также подошел и исследователь Антеро Уйтто. Он смог подготовить принципиально важную для изучения истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. книгу, касающуюся деятельности советской военной разведки перед началом т. н. «зимней войны»⁶⁸. Но, однако, его обращение к значению деятельности «терийокского правительства» в другой своей работе, относящейся уже к биографии О. В. Куусинена⁶⁹, показало, что у него явно преобладал принцип заимствования и во многом комплементарный метод изложения представленного в работе материала⁷⁰.

В целом обзор литературы, касающейся вопросов, связанных с историей «терийокского правительства», указывает на то, что эта тема еще находится в стадии своего активного осмысления. Но, с другой стороны, в Финляндии явно настало время, когда уже следует начать последовательное изложение всех событий, касающиеся «народного правительства», и таким образом четко определить границы, разделяющие «экспорт революции» и борьбу с итогами «контрреволюции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хентила С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010 С. 144; Подробно см.: *Paavola J. Valkoinen terrori*. Helsingi, 1967. Кроме того, в Финляндии в годы гражданской войны погибло порядка 2 тыс. русских (*Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17/№ 2/*. Тематический выпуск. Выборг, 2016. С. 72).

² Suomen kommunistinen puolue. Puoluekokousten ja keskuskomitean plenumien päätöksiä. 1. Leningrad, 1935. S.4.

³ Ibid. S.67–68.

⁴ Ibid. S.450.

⁵ Ibid. S.453.

⁶ Коминтерн и Финляндия. М., 203. С. 281.

⁷ Куусинен О. Накануне парламентских выборов в Финляндии // Коммунистический интернационал. 1939, № 6. С. 36.

⁸ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. Петрозаводск, 1991. С. 214–215.

⁹ Ленинская правда, 1989, 24 июня.

¹⁰ *Mannerheim C. G. Muistelmat. Osa II*. Helsinki, 1952. S. 146.

¹¹ *Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet*. Helsinki, 1945. S. 165.

¹² Лехен Т. Партия и так называемая зимняя война (1939–1940 гг.) // Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 117.

¹³ Там же. С. 117–118.

¹⁴ Там же. С. 118.

¹⁵ *Aamulehti*. 1969,1.12.

¹⁶ *Kommunisti*. 1979, s. 823.

¹⁷ См.: *Kansan Uutiset*. 1984, 22.12.

¹⁸ *Kansan Lehden Vastaus*. 1969,1.12.

¹⁹ *Helsingin Sanomat*. 1961,16.9.

²⁰ *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana*. Helsinki, 1950 (Пер. на англ. яз.: *Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940*. Standford, 1957).

²¹ *Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940*. P. 103.

²² Ibid. P. 104.

²³ Ibid. P. 104–105.

²⁴ *Tuominen A. Sirpin ja vasaran tie. Muistelmia*. Helsinki, 1956; *Tuominen A. Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933–39*. Helsinki, 1956.

²⁵ Ibid. S. 9.

²⁶ *Jakobson M. Diplomaattien talvisota*. Porvoo, 1955.

²⁷ *Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War*. Cambridge, 1961. P. 169.

²⁸ Ibid. P. 145.

²⁹ Ibid. P. 145–146.

³⁰ Ibid. P. 145.

³¹ Ibid. P. 170.

³² *Jussila O. Terijoen hallitus. 1939–40*. Porvoo-Helsinki-Juva, 1985.

- ³³ См.: Historiallinen Aikakauskirja. 1983, № 1. S. 13.
- ³⁴ *Jussila O.* Terijoen hallitus. S. 26–27.
- ³⁵ См.: *Salonen E.* Matala profiili edenytt Terijoille // Tiedonantaja, 1985, 26.2; *Jokinen U.* Historiallista pikku typeryyttä // Tiedonantaja, 1985, 5.3 и др.
- ³⁶ *Jussila O.* Terijoen hallitus. S. 206.
- ³⁷ *Klinge M.* Osmo Jussila 1938–2019 // Helsingin Sanomat. 2019. 1.04.
- ³⁸ *Vihavainen T.* Stalin ja suomalaiset. Helsinki, 1998 (пер. на русский яз.: *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000); *Vihavainen T.* Marssi Helsinkiin. Helsinki, 1990.
- ³⁹ *Vihavainen T.* Terijoen hallituksen paikka historiassa // Historiallinen Aikakauskirja. 1985, № 2. S. 146.
- ⁴⁰ Tiedonantaja. 29.01.1999.
- ⁴¹ *Manninen O.* Kuusisen armeijasta // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 2; *Manninen O.* Kuusisella oli lentokoneitakin // Sotilasaikakauslehti. 1991. № 10; *O. M. (Manninen O.).* Kakisalmen hallitus eli kuultakoon toista puolta // Historiallinen Aikakauskirja. 1991. № 3.
- ⁴² *Manninen O.* Kuusisen armeijasta. S. 121–127.
- ⁴³ *O. M. (Ohto Manninen).* Kakisalmen hallitus eli kuultakoon toista puolta. S. 290.
- ⁴⁴ *Salomaa M.* Kuusisen hallitus ryseli kadonneista SKP: n jäsenistä // Kansan Uutiset. 1984, 22.12; *Salomaa M.* Terijoen hallituksen mysteeri // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 1.
- ⁴⁵ *Salomaa M.* Kuusisen hallitus ryseli kadonneista SKP: n jäsenistä.
- ⁴⁶ *Salomaa M.* Terijoen hallituksen mysteeri. S. 33.
- ⁴⁷ *Jussila O.* Kysymyksiä Terijoen hallituksen «mysterista» // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 2. S. 120.
- ⁴⁸ *Viitala H. M. O. W.* Kuusinen, Terijoen hallitus ja YYA-sopimus // Tiedonantaja. 1988, 11.08.
- ⁴⁹ Pyöreän pöydän keskustelu: Otto Wille Kuusisen ja SKP: n tiet // Tiedonantaja. 1988, 22. 04.
- ⁵⁰ *Viitala H. M. O. W.* Kuusinen, Terijoen hallitus ja YYA-sopimus.
- ⁵¹ *Viitala H. M.* SKP marssilla Terijoelle. Tarjottiinko Poika Tuomiselle pääministerin paikkaa? // Kansan Uutiset. 1989, 25.7.
- ⁵² Vanha kommunistiveteraani Leo Suonpää usko: Arvo Poika Tuominen ei olisi kelvannut Terijoen hallituksen // Helsingin Sanomat. 1989, 09.07.
- ⁵³ См.: *Hietaniemi H.* Lain vartiassa. Poliisi suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki, 1992. S. 208–214.
- ⁵⁴ Kansan Uutiset. 1989, 28.04.
- ⁵⁵ Helsingin Sanomat. 1989, 10.07.
- ⁵⁶ Kansan Uutiset. 1989, 14. 02.
- ⁵⁷ *Jutikkala E.* Mahdoton tapahtui // Helsingin Sanomat, 1997, 06.12.
- ⁵⁸ *Hujanen E.* Terijoen hallitus kokeili hallintoaan Suojärvellää // Helsingin Sanomat. 1990, 09.09.
- ⁵⁹ *Haasio A., Hujanen E.* Tasavallan panttivangit. Evakuoimatta jääneiden suojärveläisten vaiheet talvisodan aikana. Jväskylä, 1990.
- ⁶⁰ *Salomaa M.* Punaupseerit. Porvoo-Hels. — Juva, 1992. См. также: *Salomaa M.* Punaupseerien nousu ja tuho. Helsinki, 2018.

- ⁶¹ *Jussila O.* Punainen paperipeto // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1992, № 1. S. 68.
- ⁶² Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939–1940 годов // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. 1989. № 22; *Документы внешней политики СССР*. Т. XXII, XXIII. Кн. 1. М., 1992, 1995; *Коминтерн и вторая мировая война*. Ч. I. М., 1994; *Коминтерн и Финляндия 1919–1943*. Документы. М., 2003; *Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассеченных архивов*. СПб., 2000.
- ⁶³ *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996.
- ⁶⁴ *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Porvoo-Hels. — Juva, 1994; *Rentola K.* Stalin ja suomen kohtalo. Keuruu, 2016.
- ⁶⁵ *Rentola K.* Stalin ja suomen kohtalo. S. 31.
- ⁶⁶ *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. S. 106.
- ⁶⁷ *Куусинен О. В.* Революция в Финляндии (самокритика). Петр., 1919. С. 59.
- ⁶⁸ *Uitto A.* Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939. Hämeenlinna, 2011.
- ⁶⁹ *Uitto A.* Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen. Juva, 2013 (переведена на русский язык: *Уйitto А.* «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб., 2017).
- ⁷⁰ См.: *Барышников В. Н., Вассара В.-Т.* Отто Вилле Куусинен без маски // *Вестник СПбГУ. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660–672.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 362 с.
- Барышников В. Н., Вассара В.-Т. Отто Вилле Куусинен без маски // *Вестник СПбГУ. История*. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660–672.
- Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2010. № 4. С. 244–256.
- Коминтерн и Финляндия. Документы. М.: Наука, 2003. 420 стр.
- Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. Петрозаводск: «Карелия», 1991. 240 стр.
- Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М.: Издательство политической литературы, 1966. 687 С.
- Куусинен О. В. Революция в Финляндии (самокритика). Петр.: Издательство Коммунистического интернационала, 1919. 64 стр.
- Лехен Т. Партия и так называемая зимняя война (1939–1940 гг.) // *Из истории коммунистической партии Финляндии*. М., 1960. С. 110–120.
- Хентия С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // *Политическая история Финляндии 1809–2009*. М., 2010. С. 127–256.
- Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Helsinki: Tammi, 1945. 574.
- Haasio A., Hujanen E. Tasavallan panttivangit. Evakuoimatta jääneiden suojärveläisten vaiheet talvisodan aikana. Jvaskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1990. 141 S.
- Hietaniemi H. Lain vartiossa. Poliisi suomen politiikassa 1917–1948. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1992. 320 s.

Hujanen E. Terijoen hallitus kokeili hallintoaan Suojärvellä // Helsingin Sanomat, 1990, 9.9.

Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Porvoo: WSOY, 1955. 399 S.

Jussila O. Terijoen hallitus. 1939–40. Porvoo-Helsinki.-Juva: WSOY, 1985. 220 S.

Jutikkala E. Mahdoton tapahtui // Helsingin Sanomat, 1997, 6.12.

Mannerheim C. G. Muistelmat. Osa II. Helsinki: Otava, 1952. 526 s.

Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota: 1937–1945. Porvoo-Hels.-Juva: WSO, 1994. 691 s.

Rentola K. Stalin ja sbomen kohtalo. Keuruu: Otava, 2016. 240 S.

Salomaa M. Kuusisen hallitus ryseli kadonneista SKP: n jäsenistä // Kansan Uutiset, 1984, 22.12; 2.

Salomaa M. Punaupseerien nousu ja tuho. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 2018. 559 S.

Salomaa M. Punaupseerit. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1992. 468 S.

Suomen kommunistinen puolue. Puoluekokousten ja keskuskomitean plenumien päätöksiä. Osa 1. Leningrad: Kirja, 1935. 514 s.

Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki: Tammi, 1950. 434 S.

Tuominen A. Kremlin kellot: muistelmia vuosilta 1933–1939. Hels.: Tammi, 1956. 393 s.

Tuominen A. Sirpin ja vasaran tie: muistelmia. Hels.: Tammi, 1956. 314 s.

Uitto A. Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939. Hämeenlinna: Kariston Kirjapaino Oy, 2011. 232 s.

Uitto A. Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen. Juva: Paasilinna, 2013. 415 s.

Viitala H. M. O. W. Kuusinen, Terijoen hallitus ja YYA-sopimus // Tiedonantaja, 1988, 11.8.

Viitala H. M. SKP marssilla Terijoelle. Tarjottiinko Poika Tuomiselle pääministerin paikkaa? // Kansan Uutiset, 1989, 25.7.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Мусаев

КОНФЛИКТЫ ВОКРУГ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБИТЕЛЕЙ НА ЛАДОГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Положение русских православных обителей на островах Ладожского озера — Спасо-Преображенского монастыря на Валаамском архипелаге и монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы на острове Коневец, оказавшихся с 1811 г. в составе автономного Великого княжества Финляндского, в XIX — начале XX в. было двойственным. С одной стороны, можно было говорить о расцвете монастырей, особенно Валаамского, с хозяйственной и культурной точки зрения. С другой стороны, в условиях сохранения в силе на территории Великого княжества старых шведских законов, ограничивавших права других конфессий, помимо евангелическо-лютеранского, правовое положение обоих монастырей было весьма шатким. Свою негативную роль играло и общее усиление в Финляндии на рубеже столетий антирусских и антиправославных настроений, вызванное обострением отношений с имперским центром, взявшим курс на ограничение финляндской автономии.

Весьма напряжённая ситуация вокруг православных ладожских обителей сложилась к началу 1910-х гг. В конце 1900-х гг. возникла конфликтная ситуация из-за попыток местных властей обложить монастырские владения налогами, несмотря на то, что, согласно статьям 32 и 33 V тома Свода законов Российской империи, все недвижимые имущества духовного ведомства, которые не сдавались в аренду и не приносили дохода, были свободны от обложения налогами. Валаам к тому же был освобождён от налогов особыми высочайшими грамотами. Однако волостной старшина г. Кроноборга предъявил монастырю требование об уплате ежегодного оброка в размере 64 марок 54 пенни. А община Пюхьярви

на Карельском перешейке, приравняв земли Коневского монастыря к частновладельческому, на основании § 78 Высочайшего постановления о сельском общинном управлении от 15 июня 1898 г., в 1909 г. обложила монастырь общинным налогом¹. Напряжённость также была связана с обострением имущественных разногласий на Ладогe, сторонами которого были оба монастыря. В особенности это касалось Валаама. «Московские ведомости» напоминали о том, что для Валаамского монастыря по-прежнему действовал установленный в 1878 г. запрет на приобретение недвижимой собственности, хотя, согласно указам 1901 и 1903 гг., российские подданные имели право свободно приобретать землю в Финляндии. Газета настаивала на том, что это ограничение должно было как можно скорее быть отменено². Об этом же писала и «Финляндская газета», обращая внимание на то, что Коневский и Линтульский монастыри правом приобретения недвижимости пользовались³.

Между тем Валаамский монастырь не только не мог думать о каких-либо новых приобретениях, но ему приходилось отстаивать своё право на владение несколькими находившимися в его собственности ладожскими островами. Некоторые острова, принадлежавшие монастырю, сделались предметом вожделения со стороны окрестных жителей. Как сообщалось в прессе, финны решили воспользоваться действовавшим в Великом княжестве законом, согласно которому недвижимое имущество любого собственника, если оно является необходимым для общественных надобностей, ради таковых могло быть экспроприровано. Газета «Колокол», в частности, писала: «Местные финны подали в Сенат прошение, в котором наивно доказывали, что эти острова имеют “огромное общественное значение”, так как они представляют собой лучшие места для рыболовного промысла, а монастырь, захватив эти острова, якобы тормозит развитие этого промысла на Ладожском озере»⁴.

К Сенату была обращена просьба об отчуждении у монастыря семи островов. Сенат назначил для расследования дела особую комиссию, которая осенью 1909 г. посетила и исследовала упомянутые острова и составила ряд условий, некоторые из которых сообщались в прессе: «§ 1. Рыболовы могут, не ограничивая права монастыря и не увеличивая своего права на рыбную ловлю, высадиться ради последней на принадлежащие Валаамскому монастырю острова. § 2. Рыбаки имеют право на безвозмездный отпуск от монастыря помещения для жилья и дрoв. § 3. Монастырь отпускает рыбакам лес на приготовление весел, а также и на другие, необходимые при ловле рыбы, предметов. § 6. Условия эти имеют силу не менее пяти лет». «Колокол» так комментировал эти условия: «Все эти условия поражают своей дерзостью и экспроприаторской неприкосновенностью, а § 6, кроме того, является наглым нарушением

Высочайшего постановления от 14 июля 1898 г. за № 27. В самом деле, финны, захватив фактически эти острова, будут наивно утверждать, что они “не ограничивали прав мон[астыря] на рыбную ловлю”; а § 3 своей неопределённостью и растяжимостью даёт им большой простор завладеть монастырскими лесами, под предлогом “приготовления весел и других необходимых при ловле предметов”. Извольте доказывать, что финны не на весла рубят беспощадно лес. По Высочайшему постановлению от 14 июля 1898 г. отчуждение собственности для общественных надобностей может быть произведено только на 4 года, а финны в своих притязаниях требуют, чтобы это отчуждение имело силу не менее пяти лет». Газета заключала: «Экспроприаторские ухищрения финнов шиты белыми нитками по-чёрному. Кто же не понимает, что все это дело в корне своём имеет желание финнов нанести материальный ущерб русской цитадели православия — Валаамскому монастырю, но так как прямыми средствами это они сделать бессильны, то хотяг соблюсти лояльность, поставив вопрос на законную, якобы, почву»⁵. Добиться отчуждения островов финской стороне, как явствует из прессы, всё же не удалось: Сенат весной 1911 г. рассматривал тяжбу Валаамского монастыря с финляндской казной о праве владения несколькими островами и признал право владения спорными островами за монастырём, хотя и отказал ему в просьбе о возмещении судебных издержек⁶.

Другим вопросом, ставшим предметом переговоров между монастырём и сенатской комиссией, стало право местных рыбаков высаживаться на монастырских островах во время непогоды или в силу поломки судов. В «Церковных ведомостях» цитировалось сообщение газеты «Лаатокка» об этих переговорах: «Назначенная сенатом комиссия для ведения переговоров с владельцами островов на Ладожском озере о предоставлении рыбопромышленникам права во время ненастной погоды и в иных случаях, по мере надобности, приставать и сходить на берег островов, закончила предварительные переговоры. Валаамский монастырь через своих уполномоченных заявил, что в принципе он ничего не имеет против этого, но жалуется, что рыбопромышленники, в былое время, причинили монастырю много беспокойств, что и послужило причиной, что монастырь вынужден был запретить рыбакам доступ на монастырские острова»⁷. Комментируя это сообщение, «Ведомости» указывали, что рыбаки уже пользовались таким правом, что приводило к всевозможным недоразумениям: «Рыбаки располагались на монастырских островах, как дома, и вели себя как хозяева; торговали водкой, табаком и т. п. недопустимыми в монастырях предметами, рубили монастырские леса и сожгли на одном острове весь монастырский лес. Сделано ли это по неосторожности или по злобе — неизвестно, но факт тот, что монастырь лишился цен-

ного леса. Возможна и злая воля, так как не раз дело доходило до кощунств и преступного осквернения “культурными” и “лояльными” финляндцами православной святыни». Это и вынудило монастырь запретить посещение своих владений без особой надобности. Разрешить доступ на острова вновь он не возражал, но хотел бы «гарантировать себя от тех беспокойств и бесчинств, которыми уже зарекомендовали себя финляндские рыбаки»⁸.

Между тем основания опасаться самых неприятных последствий от посещения Валаамских островов местными рыбаками действительно имелись. Становились известными факты, когда финны ловили рыбу и промышляли тюленей в монастырских владениях, воровали или портили монастырские снасти. Как сообщалось в газете «Свет», когда дело дошло до судебного разбирательства, виновные были оштрафованы на 20 марок каждый. Такой незначительный штраф не только не умерил пыл рыбаков, но и придал им храбрости: они стали приезжать на острова десятками⁹. В августе 1911 г. имел место вопиющий случай святотатства на принадлежавшем Валаамскому монастырю острове Сосновец. Деревянная часовня на этом острове была подвергнута полному разгрому: окна часовни были перебиты, стены изрешечены дробью; находившиеся в часовне образа Богоматери с младенцем и святых Сергия и Германа были изрезаны ножом. Ещё один неприятный инцидент произошёл в ночь на 1 сентября, когда из десяти только что поставленных монастырских сетей три были украдены, остальные изрезаны¹⁰.

Финляндский генерал-губернатор Ф. А. Зейн предписал Выборгскому губернатору произвести дознание и привлечь виновных к ответственности. О ходе дознания сообщали «Окраины России»: «Согласно недавно поступившему донесению Выборгского губернатора, полицейскими властями, производившими дознание, обнаружены новые веские улики против некоторых окрестных крестьян и рыбаков, причём дознанием установлено, что несколько рыбаков минувшим летом неоднократно посещали означенную часовню, которая служила местом для развлечений и ночлега для них и нескольких местных крестьянских девиц. Выборгским губернатором отдано предписание салминскому ленсману, выступающему в уездном суде в качестве общественного обвинителя по настоящему делу, требовать присуждения виновных к высшей мере взыскания»¹¹. В декабре 1911 г., по сообщению «Голоса Москвы», коронный ленсман сердобольского участка донёс Выборгскому губернатору о высадке на принадлежавшем монастырю острове Мэккерикэ 40 рыбаков, «начавших там производить воровскую ловлю рыбы». Полицейским констеблям Валаама не удалось удалить этих рыбаков с острова, и губернское правление командировало им в подкрепление 10 констеблей из Выборга¹².

Подобными происшествиями проблемы Валаамской обители не ограничивались. В прессе стали появляться сообщения о хулиганских выходках финских «экскурсантов» в ходе «увеселительных» поездок на Валаам. Один такой случай, имевший место в июле 1911 г., был описан в нескольких финских газетах, материалы из которых были перепечатаны в русской прессе. Одна из заметок об этом инциденте была помещена в «Церковных ведомостях»: «В ночь на 11 июля (нового стиля, т. е. 28 июня по старому стилю; в некоторых других газетных сообщениях этот инцидент был датирован 16 июля н. ст., т. е. 3 июля ст. ст. — В. М.) пароход "Karjala" прибыл на Валаам с гуляющей публикой из Ляскеля. В числе этой публики было несколько пьяных рабочих Ляскельского завода. Со страшным шумом они пошли к монастырской гостинице и стали стучаться, требуя впуска. Монахи, естественно, не хотели принимать пьяных скандалистов, но эти последние ворвались насильно и подняли внутри гостиницы такой скандал, что спавшие жильцы повскакали и были охвачены ужасом, тем более что финляндцы начали вламываться в некоторые комнаты. Громадная монастырская гостиница, содержащая около 900 номеров, была набита битком. Незадолго перед тем был Петров день, один из главнейших праздников монастыря, и на Валаам стеклось от 5 до 6 тысяч богомольцев. Значительная часть их ещё оставалась в обители. Так как финляндские насильники даже избивали монахов, которые старались унять их, то пришлось позвать полицейских чинов, находящихся на острове. Они выгнали хулиганов. В цветниках перед гостиницей хулиганы тоже натворили много вреда. Прекрасные декоративные растения частью срезывали ножами, частью вырывали с корнями и растаптывали»¹³.

Тем же летом при проведении крестного хода вокруг монастыря прибывшие на остров финны, как сообщалось в «Земщине», «во время процессии явно издевались над религиозным чувством присутствующих: не снимали демонстративно перед проходящими образами своих шапок, смеялись, орали, безобразничали, потом, во время трапезы, кричали служкам — "жрать пора, давай обедать!"». Несколько человек вошли в церковь и начали ломиться в алтарь¹⁴. Даже в самой финской прессе стали появляться статьи с осуждением поведения дебоширов на Валааме. В «Церковных ведомостях» была приведена заметка из газеты «Райя Карьяла»: «Неужели, однако, таким образом с нашей стороны оплачивают за радушный прием и гостеприимство, которое выказывается монастырём приезжим? Ведь там каждого приезжего кормят даром, дают приют и вообще любовно принимают! Если же такое бесстыдство по отношению к монастырю со стороны финнов будет продолжаться, то монастырские власти будут вынуждены прекратить доступ в монастырь

и благопристойным нашим гражданам, что лишило бы многих из них случая знакомиться не только с чуждою для них монастырской жизнью, но и любоваться красивыми видами монастырского острова»¹⁵. Газета «Россия» по поводу инцидентов на Валааме замечала: «Более образованные из финнов, посещающих монастырь, ведут себя довольно чинно и лишь потом не могут удержаться о того, чтобы в своих газетах не поглумиться над виденными в монастыре обрядами православия. Финны попроще, начитавшись таких глумлений, позволяют себе в монастыре и скандалы, к великой досаде и огорчению как самих монахов, так и русских и карельских богомольцев»¹⁶.

Разного рода инциденты имели место и на острове Коневец. О них общалось, в частности, в корреспонденции, помещённой в одном из номеров «Православного Финляндского сборника»: «Посещающие монастырь финны, при всяком удобном и неудобном случае, проявляют явное недоброжелательство. Приезжающие в летнее время на лодках, в особенности в большие летние праздники, ведут себя невозможно, не только на острове, но даже и в самом храме, покупают свечи и поступают с ними неподобающе; приобретают образки св. угодников и прикрепляют их на верхнее платье в виде розеток; в устроенном у гостиницы садике вырывают беспощадно цветы, ломают заграждения, и даже часто бывает оскорбление святынь; так в святом колодце, существующем с основания монастыря, каждый раз, особенно после массового появления финнов, находят различные непристойные отбросы до окурков и спичек включительно, несмотря на то, что колодец закрыт частой проволочной решёткой и над ним водружён крест. (...) В осеннее глухое время положение обитатели ещё более ухудшается: прибрежные рыбаки высаживаются на острове, где им вздумается, и распоряжаются, как полновластные хозяева, пользуясь отсутствием русских властей: рубят на топливо лес, разводят костры, которых по отъезде своём никогда не тушат, сети свои ставят вблизи монастырских»¹⁷. В корреспонденции указывалось на бездеятельность властей, неспособных или не желавших пресекать подобные недоразумения: «За всё время таких неприятностей только один раз, в 1909 г., монастырь настоял, чтобы полицейский задержал некоторых лиц, производивших особенные беспорядки во время храмового праздника у святых ворот; а по обыкновению или не добиться от финских властей никаких результатов, или тот же полицейский за массою безобразничающих не может или не хочет установить точно личности виновных»¹⁸.

В очерке «Православная Карелия» был помещён рапорт настоятеля Коневского монастыря игумена Никандра в Финляндскую духовную консисторию от 20 октября 1911 г., в котором сообщалось о поведении финнов на острове. В рапорте говорилось, что финские рыбаки в тёмное

время суток приставали к берегам острова, бесконтрольно разводили костры, нередко становившиеся причиной лесных пожаров, разоряли монастырские огороды, воровали вещи из рыбацкого дома на мысе Варгусы. О поведении «экскурсантов», приезжавших на остров в летние праздничные дни, настоятель сообщал: «Не говоря уже о шуме и безобразиях при самой высадке на берег Коневца, производимых подобными посетителями, приезжающими, по большей части в пьяном виде, они дерзают нарушать благочиние и в самом храме Божьем. Ежеминутно, в сопровождении своих дам, с топотом входят и выходят они из церкви, грубо толкают богомольцев и нарушают молитвенное настроение присутствующих, что особенно бывает прискорбно в более торжественные минуты богослужения. Неприличие их поведения на острове доходит до невозможного: драки пьяных между собой, торговля привозимой с материка водкой, картёжная игра, песни, пляска, курение табаку у Св. ворот, вырывание с корнем молодых древесных насаждений и цветов, злые насмешки над братией и угрозы ножом на делаемые замечания о неблагопристойности их поступков — самые обычные явления, сопровождающие увеселительные поездки на Коневец культурных финляндских граждан. Наблюдались также случаи осквернения часовен и других мест благоговейного почитания верующих»¹⁹.

Руководство Линтульского женского Свято-Троицкого монастыря на Карельском перешейке также неоднократно обращалось в канцелярию генерал-губернатора с жалобами на акты вандализма, которые позволяли себе местные жители на монастырских землях. Архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) вынужден был обращаться к местным властям с ходатайством о пресечении самовольных порубок деревьев в принадлежавших монастырю лесах²⁰.

Ещё с конца 1909 г. стал подниматься вопрос об организации охраны ладожских монастырей военной силой. В ноябре 1909 г. игумен Коневского монастыря Никандр обратился к архиепископу Сергию «с ходатайством об оказании содействия к защите названного монастыря от обид и оскорблений, чинимых ему со стороны финляндцев, и о размещении в сих видах, по близости от почтовой станции Сортанлахти небольшой воинской части, под охраной которой древняя и чтимая обитель сия могла бы быть спокойна за свою неприкосновенность»²¹. Генерал-губернатор Ф. А. Зейн обратился к командиру 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Ольховскому, который сообщил в ответ, «что в виду большой трудности установления воинской охраны Коневского и Валаамского монастырей как меры постоянной или хотя бы временной, он полагал бы соответственным направлять время от времени в Сердоболь команды разведчиков для производства обычных упражнений, об организации

коих, начиная с ближайшего времени, им уже ныне отдано распоряжение». Ф. А. Зейн всё же продолжал настаивать на размещении в Сердоболе, по возможности, отдельной воинской части, исходя, помимо прочего, из тех соображений, что «постоянное присутствие значительного количества русских людей в этом городе, который является исходным пунктом панфинских влияния в Карелии, несомненно будет благотельно в смысле протиговеса натиску финской культуры среди искони русского населения». Кроме того, он предписал Выборгскому губернатору и начальнику Финляндского жандармского управления усилить наблюдение в районе расположения обоих монастырей²².

17 декабря 1909 г. военный министр В. А. Сухомлинов уведомил премьер-министра П. А. Столыпина о том, что командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич отдал распоряжение о посылке в Коневский монастырь для его охраны воинской команды из состава Выборгского гарнизона²³. Архиепископ Сергей 11 февраля 1910 г. сообщал Ф. А. Зейну, что, по мнению монастырского руководства, о командировании воинских команд в монастыри для их охраны следует ставить вопрос лишь в крайнем случае. Пока же было достаточно мер, уже принятых в целях организации охраны монастырей²⁴. В итоге из Выборга и Вильманстранда в том же месяце были командированы две команды из состава 22-го корпуса, общей численностью в 130–150 человек, в Сердоболь и Сортанлахти, первоначально на неделю, после чего их пребывание при необходимости можно было продлить. Мера, видимо, возымела действие, так как по прошествии назначенной недели архиепископ Сергей выражал благодарность генерал-губернатору от себя и от имени руководства Коневского монастыря за содействие в умиротворении положения²⁵. Однако, как видно из изложенного выше, инциденты на монастырских островах имели место и позднее.

Следствием скандалов на Валааме и Коневце стали новые запретительные меры. В середине января 1912 г. появился приказ генерал-губернатора Ф. А. Зейна о запрещении лицам лютеранского вероисповедания посещать Валаамские острова и остров Коневец²⁶. В марте 1912 г. указом Выборгского губернатора было издано объявление, которым «всем лицам, принадлежащим к рабочему классу, а также местным жителям городов и приходов, граничащих с Ладожским озером, за исключением лиц православного вероисповедания», запрещалось, под угрозой штрафа в 25–250 марок, «совершать увеселительные поездки или иные экскурсии в Валаамский и Коневский монастыри и на принадлежащие им острова без особого распоряжения монастырского начальства»²⁷.

В создавшихся условиях возник вопрос о присоединении Валаамских островов и Коневца с расположенными на них православными мона-

стырями к России²⁸. «Церковные ведомости» приводили мнение некоей финской газеты о том, что любые попытки отделить от Финляндии Выборгскую губернию или её часть встретят негативную реакцию, «но если речь идёт лишь об отделении монастырских островов Валаама и Коневца, то это можно произвести, не нарушая финляндских законов»²⁹. Когда в 1910 г. появился проект о присоединении к России двух волостей на Карельском перешейке — Кивеннапа и Уусикиркко (Новая Кирха), некоторые российские газеты стали высказываться в том духе, что вместо этих волостей важнее было бы решить вопрос с православными обителями на Ладогe. Авторы «Русского знамени», к примеру, писали: «Нам грустно тут только одно — неужели древняя Валаамская обитель менее значительна и важна, чем интересы дачников и господ собственников? Если решаются позаботиться об этих собственниках и дачниках, то почему же оставляют в пренебрежении Православную обитель? Валаамский монастырь был только что разгромлен финнами, на Валаамском острове у самого монастыря финны, как в своей земле, устроили гостиницу с продажей водки и табаку и — ни обсуждения по этому поводу в совете министров, ни комиссии, ни законопроекта, ни товарища министра С. Е. Крыжановского... И в то время как хлопочут присоединить к русскому государству дачные местности Кивинебского и Новокирхского приходов, и не думают о том, чтобы оградить русской границей православную святыню, равнодушно оставляя её на поругание полудиких финнов»³⁰. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер в июне 1912 г. лично выезжал на ладожские острова в связи с вопросом об их возвращении России. Синодальные круги придерживались, однако, того мнения, что ввиду важности для всей Русской церкви миссионерской и просветительской деятельности Валаамского и Коневского монастырей в Финляндии выводить их из состава Финляндской епархии было бы нецелесообразно³¹.

После 1917 г. ладожские обители оказались на территории независимой Финляндии. При всех сложностях, которым насельникам монастырей пришлось пережить в изоляции от России и от Русской церкви, следует признать, что в Советской России судьба монастырей могла оказаться значительно более тяжёлой, о чём свидетельствует участь многих русских православных обителей в конце 1910-х — 1920-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Финляндская газета. 1913. 25 октября (7 ноября).

² Московские ведомости. 1912. 3 апреля.

³ Финляндская газета. 1913. 25 октября (7 ноября).

⁴ Колокол. 1910. 30 декабря.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Речь. 1911. 3 мая.
- ⁷ Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 13. С. 589.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Свет. 1911. 28 сентября.
- ¹⁰ Колокол. 1911. 11 сентября; Русское знамя. 1911. 16 сентября; Новое время. 1911. 27 сентября; Земщина. 1911. 28 сентября.
- ¹¹ Краины России. 1912. 14 января.
- ¹² Голос Москвы. 1911. 24 декабря.
- ¹³ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 40. С. 1676. См. также.: Финляндская газета. 1911. 10 (23) июля; Россия. 1911. 14 июля; Голос Москвы. 1911. 21 июля.
- ¹⁴ Земщина. 1911. 27 августа.
- ¹⁵ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 41. С. 1732–1733.
- ¹⁶ Россия. 1911. 14 июля.
- ¹⁷ Православный Финляндский сборник. 1910. № 2. С. 104–105.
- ¹⁸ Там же. С. 104.
- ¹⁹ Православная Карелия. Очерк. Пг., 1914. С. 50–51.
- ²⁰ Kansallisarkisto. Kenraali-kuvernöörin kanslia (далее: КА. ККК). 1916, Fb 1161.18:3
- ²¹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 250. Л. 3.
- ²² Там же. Л. 4–5.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 12–13.
- ²⁵ КА. ККК 1909, Fb 454.XLIII.
- ²⁶ Земщина. 1912. 20 января.
- ²⁷ Православная Карелия. С. 55.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 51. Д. 111. Л. 33 об. — 34.
- ²⁹ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 26. С. 1143.
- ³⁰ Русское знамя. 1911. 18 августа.
- ³¹ Утро России. 1912. 20 июня.

ЛИТЕРАТУРА

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2014. 546 стр.

Православная Карелия. Очерк. Пг.: Гос. тип., 1914. 143 стр.

Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 500 стр.

Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. 202 стр.

Anttila R. Karjalan luostarit: Valamo, Petsamo, Konevitsa, Lintula. Humpvila: KR-kirjat, 1994. 128 s.

Arseni, arkkimandriitta. Valamo — Pietari: hengellisiä, aineellisia ja kulttuuriyh-
teyksiä Laatokan Valamon ja Pietarin välillä 1716–1917. Heinävesi: Valamon luostari,
2003. 155 s.

Arseni, pappimunkki, Korhonen A. Konevitsan luostari. Keuruu: Otava, 1993.
144 s.

Finni S. Valamo — sinisen kukan saari. Helsinki: Tammi, 1990. 348 s.

Kohonen N. Valamo ja sen sanoma. Helsinki: Valamon seura, 1982. 287 s.

А. Д. Поднебенная

АРХИТЕКТУРА ВЫБОРГА XVIII ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборг, как приграничный город, на протяжении столетий принадлежавший разным государствам и менявший свой облик в зависимости от этой принадлежности, очень интересен своей архитектурой. Каждая эпоха стремилась изменить архитектурный облик Выборга, вписывая его старые постройки в новый контекст. В исследованиях, посвященных выборгскому строительству, как правило, недостаточно подробно рассматривается архитектура XVIII века — времени, когда Выборг вошел в состав Российской империи. Нет и отдельного исследования, посвященного этому вопросу. В этой работе предпринята попытка систематизировать библиографию на русском и иностранных языках, привлекая графические источники из архивных фондохранилищ, с целью сформулировать дальнейшие перспективы изучения архитектуры Выборга XVIII века. Предметом изучения является городская застройка, в связи с чем парк Монрепо, Анненские укрепления и форштадты остались вне ракурса исследования.

Самые ранние письменные свидетельства об облике Выборга в XVIII веке сохранились в мемуарах и путевых заметках современников. Это прежде всего опубликованные мемуары Андрея Тимофеевича Болотова, бывавшего в Выборге в 1750 г., и заметки российского ученого Эрика Густавовича Лаксмана, который приезжал в город в феврале 1795 г. Известны также записки Василия Михайловича Севергина, учинившего путешествие в российскую Финляндию в 1804 г., и шведки Аделаиды Хаусвольф, которая в ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. в качестве военнопленной оказалась в Выборге в июле 1808 г. Однако в целом город в оставленных воспоминаниях особенно не описывается, разве что кратко упоминают отдельные постройки или приметные детали, например, балконы на каменных домах.

Редкие исследовательские работы, связанные с этой темой, часто представляют собой путеводители, где кратко дается история отдельных

зданий, преимущественно самых известных и хорошо сохранившихся. Но о XVIII веке, как правило, говорится мало — только о памятниках конца столетия, когда в Выборге оживилась строительная деятельность.

Исследователь Выборга Евгений Евгеньевич Кепп в 1978 г. выпустил небольшую книгу «Город Выборг. Памятники архитектуры и истории», своеобразный каталог построек, где каждый объект сопровождается кратким описанием его истории и внешнего облика. Из городской архитектуры XVIII века там упомянуты бывший Дворец наместника (1779–1784), Спасо-Преображенский (1787) и Петропавловский (1793–1799) соборы и бывший дом губернского правления. Более подробно эту тему автор развивает в книге «Выборг. Художественные достопримечательности» (1992). Здесь в каждой главе он раскрывает один из аспектов жизни города в разные периоды истории. Например, в главе «Город у границы» он пишет о том, что требование Екатерины II поручить переделать чертежи реконструкции города в 1794 г. архитектору Кваренги свидетельствует о том, что она стремилась придать городу черты «провинциального классицизма», символизирующего уют небольшого города, а самое большое внимание на него оказала расцветающая архитектурная школа Петербурга¹. В главе «Архитекторы Петербурга» исследователь сосредотачивается на описании строительства и перестроек исторических зданий города и о его зодчих. В связи с XVIII веком он пишет прежде всего об Иоганне Брокмане, одном из первых губернских архитекторов Выборга. Вместе с этим звучат имена инженер-поручика Якова Ялчининова, перестраивавшего Часовую башню, и петербургского архитектора Николая Львова, исполнившего первоначальный эскиз Преображенского собора, доработанный Брокманом. Е. Е. Кепп пишет и об утраченных памятниках (в т. ч. Новая ратуша /1795–1797/ и дом коллежского советника Рехенберга по проекту Строльмана /1794–1796/).

Петербургский историк архитектуры Михаил Исаевич Мильчик в ряде работ обращался к градостроительному развитию Выборга¹. Опираясь преимущественно на графические источники, М. И. Мильчик выделяет строительные периоды Выборга на основании структурных градостроительных изменений. К началу XVIII века город представляется на примере рисунка Эрика Дальберга 1682 г. и гравюры Алексея Ростовцева из Марсовой книги. Этому у Михаила Исаевича посвящена отдельная статья — «Панорама Выборга на рисунке Эрика Дальберга и гравюре Яна ван Авеелена». Важной частью градостроительной истории является и смещение административно-общественного центра в сторону Вала в 1770-х гг. В книге также сказано о влиянии на городскую структуру двух крупных пожаров — 1738 и 1793 гг. Причем второй пожар автором отмечается особенно, поскольку, как считается, он стал причиной

для утверждения нового генерального плана, вследствие которого город был перестроен практически полностью. В контексте этого плана упоминаются имена наместника Карла фон Гинцеля, сменившего его Федора Щербатова, а также архитекторов Иоганна Брокмана и Джакомо Кваренги³. Отдельно описана история перестроек нескольких важных для города объектов, таких, как башня Ратуши, Круглая башня с воротами, Горнверк (то есть Вал) и городские храмы. При обращении к архитектуре Петропавловского собора М. И. Мильчик ссылается на труды искусствоведа Нонны Мурашовой, доказавшей, что храм был спроектирован Ю. М. Фельтеном, почти полностью повторившем петербургский проект лютеранской церкви св. Екатерины. Мильчик провел самое подробное исследование о выборгской архитектуре именно с урбанистической точки зрения — в его работе прослеживается, как развивался город, какую роль отдельные здания играли в городском ансамбле и как их перестройка на него влияла. Очень ценно то, что исследователь привлекает обширный круг чертежей и рисунков, хранящихся в российских и финских архивах.

В учебном пособии по историческому краеведению «Вехи выборгской истории», выпущенном в 2005 г., тоже есть раздел, посвященный XVIII веку. Здесь уже больше внимания уделено мастерам — упоминаются имена подрядчиков Якова Лунда, Буйбина и др. Также в книге говорится об интенсивных восстановительных работах после вступления в город войск Петра I и об организации мастерских по производству строительных материалов. Как и в других исследованиях, отдельно говорится о самых известных памятниках, среди которых упоминается и дом Якова Лунда, построенный по проекту Брокмана в 1799 г.

В книге Любови Геннадьевны Волковой «Площади Выборга» прослеживается история формирования ансамблей выборгских площадей. Для XVIII века в этом контексте важны прежде всего Новая Ратушная (Соборная) и Парадная (ныне Театральная площадь), куда к концу столетия сместился общественный центр. Каждое здание рассматривается именно как часть целостного комплекса площади. Также следует упомянуть альбом-путеводитель по Выборгу Я. А. Максимовича, где сообщаются и детали из истории города, в том числе и касающиеся строительства. Помимо общих работ выпускались и публикации об отдельных памятниках. Так, Юрию Иеронимовичу Китнеру принадлежит статья, посвященная Спасо-Преображенскому собору, где он приводит первоначальные чертежи Николая Львова и чертежи Иоганна Брокмана, рассказывая об этапах постройки здания. У Ирины Владимировны Троховой в книге «Церковная история Выборга и его окрестностей» есть глава, посвященная Ильинской церкви, тоже спроектированной Брокманом.

В целом российские исследователи сосредотачиваются на основных процессах, происходящих в Выборгском строительстве, не так много концентрируясь на деталях. Больше всего в их трудах освящены такие постройки, как Спасо-Преображенский собор и Петропавловская церковь, о гражданских постройках же почти не говорится. Наиболее полно тему Выборгского строительства освещают труды Е. Е. Кеппа и М. И. Мильчика, у других авторов же подробно прорабатываются какие-то отдельные ее аспекты.

Из зарубежных исследователей — выделяется автор самого развернутого труда по истории Выборга финский историк Йохан Вильгельм Руут. Он развивает мысль о том, что на «оживление» строительной деятельности с 1780-х гг. повлияло внедрение типовых проектов. Важным стимулом, по его мнению, было стремление муниципалитета и горожан «перещеголять» друг друга в постройке домов в условиях господствующего стиля. У каменных построек конца XVIII века выделяются общие черты: треугольные фронтоны, закругленные углы, изящные балконные решетки, гирлянды и др.⁴ Введение должности губернского архитектора свидетельствует о том, что в Выборге уже тогда стали придавать значение регулированию строительства и гармоничным ансамблям.

Одной из главных книг о Выборге остается «Уютный старый Выборг» финского архитектора Юхани Виисте, которая является уникальным собранием материалов о городе — карт, чертежей, фотографий, рисунков. Особенно он отмечает Атлас Финляндской губернии, созданный в нескольких экземплярах в конце XVIII века. Книга структурирована по отдельным сюжетам, поэтому о XVIII веке говорится фрагментарно — в частности, в рассказах об отдельных памятниках (например, соборах). Ю. Виисте волновал вопрос, откуда Й. В. Руут получил собрание типовых проектов фасадов, и он рассказывает, как случайным образом нашел редкий экземпляр такого собрания екатерининского времени в библиотеке Турку⁵. Помимо построек, возведенных в XVIII веке, он пишет и о более древних, которые на тот момент сохранялись и продолжали использоваться, тоже влияя на облик города: например, здание губернского правления и таможенное управление города, оба XVII века. Виисте говорит про те жилые и общественные здания, о которых практически никто из исследователей не упоминает: таковы дом семейства Вааль, дом семейства Теслефф, дома по современной Подгорной и Прогонной улицам, здание женской городской школы и план строительства приюта для военных сирот.

Об истории Выборгской архитектуры писал другой архитектор, работавший в Выборге — Отто Меурман. Он объясняет «строительный застой» первой половины XVIII века тем, что не была отлажена система

административного строительного контроля, и процесс получения разрешения на строительство или ремонт был очень сложным, а в 1784 г. ситуация улучшилась с введением должности губернского архитектора. Книга О. Меурмана, выпущенная в 1977 г., разделена на небольшие главы, посвященные архитекторам Выборга. Первым губернским архитектором у него указывается Якоб Фридрих Рампо, о котором известно лишь по записи о крещении его сына, так как он не успел ничего сделать для города⁶. Меурман поднимает вопрос о степени участия Иоганна Брокмана в проектировании многих общественных зданий. Также в связи в XVIII веке упоминается имя Йохана Хенрика Строльмана как «механика». Автор признает, что при том, что проекты Брокмана и Строльмана выдают руку профессионалов, не совсем понятно, где они обучались.

Финский археолог, историк и писатель Карл Якоб Гардберг занимался написанием краеведческих работ, в том числе и посвященных Выборгу. В книге «Выборг — каменный город» (1996), он, как и О. Меурман, пишет о влиянии административного аппарата на городское строительство. Но, что не менее важно, Гардберг одним из первых поднимает вопрос о возможности шведского архитектурного влияния на Выборг: о строительстве в 1790-х гг. он пишет, что это могло выражать идею Екатерины II о «европеизации русского города». По его мнению, на Выборг значительно повлияла «строительная культура» Петербурга, и хоть эти же стилевые тенденции были характерны для тогдашней Швеции, художественный язык в российской столице был богаче шведского⁷. Он особенно выделяет бывший дворец наместника, который сопоставляет с Мраморным дворцом по проекту Ринальди. Но, сравнивая детали архитектуры Выборга с тогдашней шведской архитектурой, авторы признают значительные различия: в т. ч. отсутствие мансардной крыши, распространенной в шведских буржуазных домах. О строительстве в Швеции Гардберг писал ранее в книге «С мастерком и топором», изданной на шведском языке, где упоминается и выборгское строительство⁸.

Наверное, самым крупным современным исследователем архитектуры Выборга можно назвать финского архитектора Петри Неувонена. Ему принадлежит подробный путеводитель по городу, где его соавторами выступили финские архитекторы, а также искусствовед Любовь Кудрявцева, некоторые данные были предоставлены архитектором Виктором Дмитриевым. Неувонен подробно пишет о каждом здании по отдельности. Он же является автором публикации «Выборг: архитектура семи веков» в издании финского литературного общества.

В целом финские и шведские исследователи концентрируются не столько на описании отдельных памятников, сколько на процессах, которые влияли на строительство в городе. Они поднимают вопросы

о том, почему на протяжении большей части столетия в городе почти ничего не строили, кто составлял проекты, откуда были мастера и где они могли выучиться. Также подробнее разрабатывается тема влияния архитектуры Санкт-Петербурга и возможного влияния архитектуры близлежащих стран. Больше, чем в русскоязычных источниках говорится о малоизвестных памятниках и гражданских постройках, предпринимаются попытки их стилистического анализа.

Более всего сведений о внешнем облике города нам могут предоставить графические источники. По данному периоду сохранилось несколько атласов, топографических планов, чертежей, гравюр и рисунков. Большинство из них относятся к последнему двадцатилетию XVIII века. В основном они хранятся в Финляндии — в Национальном архиве, Провинциальном архиве города Миккели, Коллекции исторических карт Университета города Ювяскюля. Немало материалов сохранилось и в российских архивах — в Государственном архиве Военно-морского флота, Военно-историческом архиве. Многие из них опубликованы в трудах М. И. Мильчика и Ю. Виисте.

О том, как выглядел город на начало XVIII века, можно судить по уже упоминавшимся рисунку Эрика Дальберга, гравюре Яна ван Авелена и гравюре Алексея Ростовцева из «Книги Марсовой». На карте 1736 г., подписанной Кристофером Шварцем, намечена городская стена, но не отмечены постройки. План застройки Выборга 1738 г. из книги «Сила Российской империи» включает разбивку на кварталы с выделением нескольких отдельных построек. Карту, традиционно датированную 1739 г., из коллекции Университета Ювяскюля, Виисте подвергает эту дату сомнению, утверждая, что она выполнена до пожара 1738 г. Карта 1756 г.⁹, составленная инженер-капитаном Иваном Зайцевым и кондуктором Алексеем Масловым, уже отображает каждую постройку внутри крепости — очевидно, что основная часть города отличается от Вала по плотности застройки. На плане из Атласа карт, составленного инженер-генералом Мордвиновым в 1780 г., тоже нанесена только сетка улиц и некоторые из зданий, но в том же Атласе имеется акварельная панорама, где облик Выборга передан очень подробно, вплоть до каждого дома. В Военно-историческом архиве сохранилась карта, подписанная Карлом фон Гюнтцелем и Иоганном Брокманом, где цветом обозначена степень повреждения зданий после пожара 1793 г. Аналогичная карта с планом города на 1794 г. и подробной легендой находится в фондах РГА ВМФ¹⁰. Сопоставление этих двух карт показывает, что больше всего зданий после пожара уцелело ближе к Абовскому мосту.

Об облике Выборга в конце столетия можно судить по подробному плану из Национального архива Финляндии с полным изъяснением, где

цветом выделены каменные здания, деревянные здания и руины, оставшиеся после пожара. Схожий план есть и в Атласе Выборгской губернии 1799 г. из Военно-исторического архива. Ценнейшим источником является «Атлас Финляндской губернии», созданный на рубеже веков в нескольких экземплярах. Помимо карт там есть большое количество чертежей фасадов и планов отдельных сооружений, подробно изображенных на нескольких разворотах. При этом в Атласе не присутствует изображений жилых домов горожан. По словам исследователей, некоторые из чертежей мог составлять сам Иоганн Брокман. Кроме того, существуют и другие чертежи отдельных зданий в Выборге, относящиеся и к 1740 г., и к 1780–1790 г. Также в Военно-историческом архиве хранятся типовые проекты фасадов авторства Кваренги, датированные 1794 г., от которых, по всей видимости, архитекторы Выборга должны были отталкиваться. Вероятно, существуют и другие аналогичные материалы по данной тематике.

Собранные воедино, обнаруженные материалы дают представление об изменении города на протяжении века и открывают возможности дальнейших исследований. Перспективным представляется ведение дальнейших изысканий в архивах Финляндии и Швеции. Особый интерес представляют неизученные вопросы о том, что происходило в строительной жизни города до 1780 г. и как выглядели гражданские постройки того периода. До сих пор неясна роль отдельных выборгских архитекторов — например, их образование, и степень участия того или иного зодчего (напр. И. Брокмана) в каждом из проектов. Наконец, вслед за финскими исследователями, следует поднять вопрос о степени влияния на Выборг также архитектуры Петербурга и архитектуры Швеции рассматриваемого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кенп Е. Е.* Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 7.

² *Кайппи У.-Р., Мильчик М. И.* Выборг — столица Старой Финляндии. Хельсинки, 1993; *Мильчик М. И.* Этапы градостроительной истории Выборга и библиотека Аалто // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Т. 1. М., 2007.

³ *Кайппи У.-Р., Мильчик М. И.* Выборг — столица Старой Финляндии. С. 132.

⁴ *Ruuth J. W.* Viipurin kaupungin historia. Osa III (vuodet 1710–1812). Helsinki, 1975. S. 119.

⁵ *Viiste J. O. V.* Viihtyisä vanha Wiipuri. Porvoo, 1948. S. 58.

⁶ *Meurman O.-I.* Viipurin Arkkitehdit // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 2. Helsinki: VSKS, 1977. S.19.

⁷ *Gardberg C. J., Welin P. O.* Viipuri — kivistä rakennettu kaupunki. Helsinki: Schilds, 1996. S. 45.

⁸ *Gardberg C. J. Med murslev och timmerbila. Helsingfors, 1957.*

⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 349. О 7. Д. 34.

¹⁰ Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 1350. Оп. 1. Д 196.

ЛИТЕРАТУРА

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. Т. 1: 1738–1759. М.: ТЕРРА, 1993. 560 стр.

Волкова Л. Г. Площади Выборга. СПб.: Остров, 2011. 96 стр.

Кауппи У.-Р., Мильчик М. И. Выборг — столица Старой Финляндии. Хельсинки: Раума, 1993. 140 с.

Кепп Е. Е. Выборг. Художественные достопримечательности. Выборг: Фантакт, 1992. 250 стр.

Кепп Е. Е. Город Выборг. Памятники архитектуры и истории. Л.: о-во «Знание» РСФСР, 1978. 14 стр.

Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб.: Тип. ИАН, 1890. 491 стр.

Максимович Я. А. Выборг, 1293: альбом-путеводитель. СПб.: Центр Сохранения Культурного Наследия, 2012. 112 стр.

Неувонен П., Пёхья Т., Мустонен Т. Выборг. Архитектурный путеводитель. Выборг: СН, 2006. 166 стр.

Севергин В. М. Обзорение российской Финляндии или минералогические и другие примечания, учиненные во время путешествия по оной в 1804 году. СПб.: Тип. ИАН, 1805. 56 стр.

Трохова И. В. Церковная история Выборга и его окрестностей. СПб.: Русская классика, 2007. 205 стр.

Вехи выборгской истории: учеб. пособие по ист. краеведению / Л. Г. Волкова, Л. В. Геращенко, Т. А. Коробова и др.; под ред. Ю. И. Мошник. Выборг, 2005. 317 стр.

Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Т. 1. М.: Ком Книга, 2007. 476 стр.

Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб.: Крига, 2016. 444 стр.

Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М.: Наука, 1988. 479 стр.

Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1995. М.: Наука, 1996. 608 стр.

Gardberg C. J., Welin P. O. Viipuri — kivistä rakennettu kaupunki. Helsinki: Schilds, 1996. 143 S.

Meurman O.-I. Viipurin Arkkitehdit // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 2. Helsinki: VSKS, 1977. 204 S.

Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia. Osa III (vuodet 1710–1812). Helsinki: Torckelin säätö, 1975. 306 S.

Viiste J. O. V. Viihtyisä vanha Wiipuri. Porvoo: WSOY., 1948. 162 S.

А. Н. Шувалова

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПОХВАЛЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СТОКГОЛЬМЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

В конце XVI в. единственной возможной для исповедания религией в Швеции было лютеранство. Положение изменилось после заключения Столбовского мирного договора (1617), когда на территории Швеции появилось многочисленное православное население¹. После окончания Великой Северной войны шведские власти тоже вынуждены были уделять немалое внимание вопросу об иноверцах². Веротерпимость при этом рассматривалась властями Шведского государства как вынужденная мера³.

В 1700 г. посланник России князь А. Я. Хилков привёз в Стокгольм своего священника и церковную утварь для домовых церкви. Однако в связи с начавшейся войной посланник был арестован, а церковь прекратила свое существование.

После заключения Ништадского мира (1721) появилась возможность снова создать православную церковь в Стокгольме⁴. В Швецию приехал министр при королевском дворе М. П. Бестужев-Рюмин (позже Н. Ф. Головин). Церковь при заграничной миссии поэтому находилась в ведении Коллегии иностранных дел. В 1725 г. священником посольской церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы был иеромонах Вениамин Фальковский. 20 июня 1732 г. Коллегия иностранных дел потребовала для чрезвычайного посланника в Стокгольме М. П. Бестужева-Рюмина и российских купцов, живущих в Швеции по 3–4 года, прислать священника. На этой должности с 6 декабря 1733 г. находился вдовый поп Иван Михайлов, но уже 15 октября 1736 г. он был освобожден от должности. Новый причт назначили только в 1737 г., но в 1741 г. священнослужителей выслали в Ревель из-за начавшейся войны со Швецией. После заключения Абоского мира церковь перестроили и назначили нового священника Александра Львова.

2 декабря 1744 г. по требованию Коллегии иностранных дел посылались сведения в Синод о имеющихся при иностранных дворах церквах⁵.

Согласно ведомости, полномочный министр при шведском дворе барон И. Л. фон Люберас доложил о необходимости иметь православную церковь в Стокгольме. Тогда 11 января 1736 г. в церковь были определены бывший священник церкви Николая Чудотворца Маркел Хрисанфов с дьяконом и двумя церковниками с назначением им жалованья. 20 марта 1741 г. указанный священник доносил о неурожае в Стокгольме. Он был вынужден тратить выделенные церковные средства — 800 талеров на себя из-за дороговизны в городе. На содержание самой церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы выделялось, по указу, 50 рублей в год.

19 июня 1745 г. Коллегия иностранных дел потребовала от Синода отправить в Стокгольм для исправления церковных дел новых священнослужителей. Этим лицам полагалось определенное жалованье: священнику в размере 300 рублей, дьякону — 150 рублей, церковникам — по 50 рублей каждому. 17 сентября 1746 г. в Санкт-Петербургской епархии выбирали священника, которого следовало отправить в Швецию. Священник на момент отъезда за границу должен был закончить своё обучение в школе и быть в сане священника. Согласно указу от 11 октября 1746 г., были выбраны следующие лица: протопоп церкви святого Исаакия Далматского Александр Львов и дьякон церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы Василий Козмин, а также церковники из студентов семинарии. 4 ноября 1746 г. все лица были отправлены в Швецию. Но уже 28 ноября 1746 г. сообщалось, что дьякон Василий Козмин не мог больше находиться при церкви в Стокгольме по причине своих «невозможностей». По указанной причине дьякона уволили от службы. А 17 июня 1749 г. поступило в Святейший Синод прошение священника церкви Александра Львова об определении на его место другого священнослужителя⁶. В прошении сказано, что в Стокгольме имеется публичная церковь греко-российского исповедания, которую посещает немалое количество местных русских людей. В церкви часто проводятся церковные обряды. Священник церкви сообщал о своем слабом здоровье, что не может больше проводить службы. Он просил назначить на свое место иного священника. А. Львов также просил Синод о выделении денежных средств на содержание церкви в Стокгольме, так как церковь была ветхой.

10 июня 1750 г. поступило в Синод еще одно прошение священника А. Львова. В нем он сообщал о непристойном поступке причетника Андрея Жарова в церкви⁷. Местный житель рыбак Григорий Федотов, ранее плененный шведами, доносил, что 15 апреля, в день святой Пасхи, он явился в здание церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы и застал церковника Андрея Жарова вместе с девушкой-шведкой наедине. Доноситель сообщал, что двери церкви были заперты изнутри и рыбак долго

пытался их отпереть, однако потом двери приоткрылись. Рыбак заметил у алтаря девушку, а Жаров тем временем бросился в ноги рыбаку и просил прощения. Позже дьячок А. Жаров кричал бранные слова в адрес Г. Федотова. На другой день Федотов при свидетелях спросил Жарова об этом случае, однако тот ответил, что с упомянутой девушкой храма не осквернял. Поэтому 18 мая 1750 г. священник просил взять Жарова под караул до выяснения обстоятельств дела. Священник просил у Синода резолюции по этому делу. 11 августа 1750 г. Жаров на допросе в Синоде признал грехопадение в церкви. За этот поступок ему был назначен штраф. Жарову на тот момент было 25 лет. В 1747 г. он был отправлен в Стокгольм. Кроме того, известно, что в Санкт-Петербурге дьячок имел трех малолетних братьев. Во время пребывания в столице Жаров находился под надзором в Александро-Невском монастыре. 31 декабря 1750 г. Жаров прилюдно просил прощения за свой поступок.

13 декабря 1754 г. новый священник церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы Петр Алексеев извещал о деятельности церкви⁸. Согласно его прошению от 12 сентября 1750 г. он находился там с дьячком Николаем Антоновым и семинаристом Троицкой Александро-Невской семинарии Галактионом Новенковым. Священник писал о дороговизне в Стокгольме. Кроме того, он не мог получить какой-либо помощи от посла Н. И. Панина. 11 ноября 1754 г. по этой причине священник просил уволить его от должности. Из документов дела можно узнать и о происходившем в церкви в предыдущие годы. 11 сентября 1741 г. из Швеции в Россию прибыл бывший священник Маркел Хрисанфов, который вывез из Стокгольма церковную утварь (ризы штофные, пелена, книги: Евангелие, Треник Большой, церковные сосуды, ораль штофный и др.). Синод принял тогда отставку Маркела и церковную утварь. Священник передал остаточные деньги (56 руб. 32,5 коп.), которые были записаны в приходскую книгу за 16 октября 1744 г. Сам Петр Алексеев сообщает, что изначально находился в Стокгольме при церкви с дьяконом Петром Дмитриевым и подьячим, студентом Московской академии Николаем Антоновым. 20 марта 1752 г. дьякон церкви Петр Дмитриев сообщал, что на положенное ему жалованье (150 руб.) невозможно прожить вместе с женой. 7 января 1753 г. уже священник церкви писал, что на выделенное жалованье едва можно питаться. По этой причине 19 ноября 1753 г. дьякон был возвращен в Россию. Его жалованье разделили между священником церкви и причетниками, чтобы они не имели больше нужды. Несмотря на указ Анны Иоанновны (1736), по которому следовало выдавать прибавку священнослужителям церковей за границами страны, реально прибавки не было и нужда в денежных средствах сохранялась. К примеру, причетникам к 50 руб. следовало добавлять еще по 50 руб.

Однако 13 декабря 1754 г. священник церкви сообщал, что больше полугода не получал никакого жалования. Он просил поэтому увольнения в Россию. 13 апреля 1755 г. студент семинарии Галактион Новенков был отправлен от церкви в Россию (а на его место был назначен ученик Новгородской семинарии Тимофей Яковлев). Священнослужителям церкви были вновь выданы денежные суммы, но «нищета» при церкви все равно продолжалась. В начале 1760-х гг. при новом после в Стокгольме И. А. Остермане был назначен уже новый священник Ефим Григорьев.

25 мая 1756 г. снова потребовались сведения обо всех православных церквях, находящихся в «чужестранных» государствах. Коллегия иностранных дел доложила о существовании такой церкви в Швеции. Позже следовало отправлять в такие церкви библии в переплете из Московской типографии⁹.

Итак, приведенные сведения о православной церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы в Стокгольме показывают, что она постоянно пребывала не в лучшем состоянии: денег на её содержание и на жалование священнослужителям в XVIII в. постоянно не хватало. Сохранившиеся архивные материалы показывают, какова была жизнь православного притча в столице Шведского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Швеции. М., 1974. С. 5; Мелин Я., Юханссон А. В. История Швеции. М., 2002. С. 8; Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. Т. 9. 2017. № 3. С. 113–127; Балабейкина О. А., Тюрикова М. О. Конфессиональная принадлежность населения Северной Европы как пример средства самоидентификации // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС — социальное и культурное измерения. СПб., 2018. С. 31.

² Чернышева О. В. Церковь и демократия. Опыт Швеции. М., 1994. С. 262; Чернышева О. В. Новая роль церкви в мультикультурной Швеции // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 39; Сванидзе А. А., Чернышева О. В. Религия и церковь Швеции. От эпохи викингов до начала XXI века. М., 2015. С. 244; Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1999. С. 10; Сванидзе А. А. Дохристианские верования в средневековой Скандинавии // Средние века. Т. 68. 2007. № 3. С. 9.

³ Лункин Р. Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. № 2 (46). С. 125–137; Лункин Р. Н. Протестанские церкви и общество в Швеции: христианство на фоне секуляризации // Религия и право. 2011. № 1. С. 37.

⁴ Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 4.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 25. Д. 735. Л. 1–4, 11, 49, 65, 113, 116, 121, 127.

⁶ Там же. Оп. 30. Д. 284. Л. 1–4 об.

⁷ Там же. Оп. 31. Д. 110. Л. 1–17 об., 20, 34, 48, 50, 50 об., 51, 56, 59 об.

⁸ Там же. Оп. 35. Д. 531. Л. 1–27, 37, 39, 45, 71, 79, 86, 88, 98, 102, 124, 136, 274, 284, 332.

⁹ Там же. Оп. 37. Д. 226. Л. 1–3, 7, 9, 9 об.

ЛИТЕРАТУРА

Андерссон И. История Швеции. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 408 с.

Балабейкина О. А., Мартынов В. Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. Т. 9. 2017. № 3. С. 113–127.

Балабейкина О. А., Тюрикова М. О. Конфессиональная принадлежность населения Северной Европы как пример средства самоидентификации // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС — социальное и культурное измерения. СПб., 2018. С. 30–35.

Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм: Шведский институт, 1999. 164 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.

Лункин Р. Н. Протестанские церкви и общество в Швеции: христианство на фоне секуляризации // Религия и право. 2011. № 1. С. 33–37.

Лункин Р. Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. № 2 (46). С. 125–137.

Мелин Я., Юханссон А. В. История Швеции. М.: Весь Мир, 2002. 399 с.

Сванидзе А. А. Дохристианские верования в средневековой Скандинавии // Средние века. Т. 68. 2007. № 3. С. 9–26.

Сванидзе А. А., Чернышева О. В. Религия и церковь Швеции. От эпохи викингов до начала XXI века. М.: Наука, 2015. 533 с.

Чернышева О. В. Новая роль церкви в мультикультурной Швеции // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 39–49.

Чернышева О. В. Церковь и демократия. Опыт Швеции. М.: Наука, 1994. 188 с.

О. А. Кривдина

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДАТСКИХ СКУЛЬПТОРОВ В КАТАЛОГЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В 2016 г. издательство Государственного Эрмитажа выпустило в свет каталог коллекции западноевропейской скульптуры XIX—XX веков¹. Автор каталога хранитель западноевропейской скульптуры, кандидат искусствоведения Елена Ивановна Карчѐва. Один из разделов посвящен Дании (Denmark). В каталог включены произведения Карла Фредерика Хольбека (Carl Frederick Holbech), Бертеля Торвальдсена (Bertel Thorvaldsen) и Нильсине Каролины Петерсен (Nielsine Caroline Petersen)².

Раздел скульптуры Дании открывают два мраморных портрета датского короля Кристиана IX (1818–1906) и его супруги королевы Луизы (1817–1898), выполненные Н. К. Петерсен (1853–1916). Для нас изображенные интересны тем, что являются родителями датской принцессы Дагмар, ставшей российской императрицей Марией Федоровной (1847–1928), супругой императора Александра III. Особое внимание автор каталога обращает на историю бытования этих портретов и указывает на факт существования таких бюстов в парке дворца Фреденсбург близ Копенгагена.

В каталог включены сведения на 14 произведений Б. Торвальдсена (1770–1844), которые высечены из мрамора за исключением статуэтки «Меркурий, победитель Аргуса», выполненной из цинка. Сразу же отметим, что опубликованная информация о данной работе свидетельствует, что она является уменьшенным повторением статуи Торвальдсена и имеет подпись основателя литейной фирмы в Копенгагене Л. Расмуссена, с 1883 года назначенного королевским придворным литейщиком, производившим бронзовые и цинковые работы по моделям известных скульпторов.

Эрмитажная коллекция произведений Торвальдсена включает портреты и работы на античные сюжеты. Кроме статуй здесь представлены и рельефы.

Рассмотрим опубликованные в каталоге портреты. Портретная статуя графини Е. А. Остерман-Толстой поступила в Эрмитаж в 1923 г. из Музея Академии художеств, куда ее подарил А. И. Остерман-Толстой в 1837 г. Статуя была заказана Торвальдсену во время пребывания Остерман-Толстых в Италии в 1814–1815 гг. В 1815 г. модель статуи была выполнена в мастерской Торвальдсена в Риме. Автор каталога Е. И. Карчёва приводит отзывы, данные этому произведению современниками скульптора и последующими поколениями исследователей, оценивающих статую как одно из лучших творений Торвальдсена.

Наиболее полная аннотация дана на портрет императора Александра I, который был вылеплен с натуры в 1820 г. во время пребывания императора и скульптора в Варшаве. Бюст оказался настолько популярен, что Е. И. Карчёва указывает о наличии в записях бухгалтерских книг мастерской Торвальдсена восемнадцати мраморных экземпляров. Этот факт подтверждают и слова русского ученика Б. Торвальдсена Б. И. Орловского, что мастер «...не успевает удовлетворять требований, посылаемых ему изо всех краев света, о бюсте нашего Монарха... И так могу... доставить из мастерской Г. Торвальдсена и за его именем прекраснейший бюст Государя Императора, за 200 червонных и весьма скоро...»³, — отвечал из Рима Орловский на просьбу П. П. Свинына в 1824 г.

Третий портрет работы Торвальдсена в Эрмитаже представляет великую княгиню Елену Павловну. Во время пребывания в 1829 г. великой княгини Елены Павловны в Риме скульптор вылепил ее портрет, гипсовая модель которого хранится в Музее Торвальдсена в Копенгагене. Мраморный экземпляр бюста до 1895 года находился в Михайловском дворце, когда он был продан в казну и стал Русским музеем императора Александра III. С 1929 г. портрет великой княгини Елены Павловны входит в коллекцию Эрмитажа. Автор каталога приводит данные об атрибутировании портрета и его перемещении из Михайловского дворца в особняк герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого (наб. р. Фонтанки, д. 46).

К наиболее известным статуям Торвальдсена относится «Ганимед», модель которого была создана в 1816 г., а выполнение из мрамора было осуществлено с 1819 по 1821 г. В каталоге названы заказчики и сменявшие друг друга владельцы, дата поступления в собрание Эрмитажа в 1926 г. Аналогичный мраморный экземпляр хранится в Музее Торвальдсена в Копенгагене.

Группа «Пастух» пользовалась популярностью и многократно повторялась в мастерской Торвальдсена. Е. И. Карчёва обоснованно утверждает, что «эрмитажная группа — это первый переведенный между 1819 и 1822 в мрамор экземпляр»⁴. Интересны сведения о возможных прототипах, способствовавших созданию этого произведения.

«Ганимед», «Пастух» и «Амур, играющий на лире» были приобретены Я. фон Краузе и хранились в его имении Вайштроп близ Дрездена. Автор каталога отмечает, что «Амур, играющий на лире» поступил в 1826 г. в Эрмитаж в числе «вещей, оставшихся после покойного»⁵ графа М. А. Милорадовича. О дальнейших перемещениях этого произведения Торвальдсена подробно сообщается в аннотации.

Два рельефа «Амур у Вакха» и «Амур у Анакреонта» поступили в Эрмитаж в 1929 г. из особняка Орловых-Давыдовых (ул. Чайковского, д. 27). Рельефы выполнены как парные композиции: «...решение обоих произведений свидетельствует о желании автора объединить их: фигуры Вакха и Анакреонта повернуты друг к другу, а тирсы направлены в противоположные стороны, усиливая впечатление зеркальности. Пышные мраморные рамы эрмитажных рельефов, аналогичные друг другу, также могут свидетельствовать, что оба произведения изготавливались как парные», — указано в каталоге⁶. Выполнение моделей рельефов относится к 1810 г.

Серия барельефов «Власть Амура над стихиями» включает четыре композиции: «Амур со львом», «Амур на орле», «Амур на дельфине» и «Амур с Цербером». Модели этих барельефов были выполнены Торвальдсеном в Риме в 1828 г. 14 декабря 1838 г. мастерскую Торвальдсена посетил великий князь Александр Николаевич, обративший внимание на мраморные барельефы «с амурчиками», которые в 1839 г. были приобретены для него за 870 скуди. Гипсовые модели и аналогичная серия рельефов из мрамора находятся в Музее Торвальдсена, аналогичные мраморные барельефы имеются в Стоук Парк, Букингемшир в Англии.

Группа «Ганимед с орлом» определена автором каталога как работа, выполненная по оригиналу Торвальдсена 1817 г. в середине XIX века.

На произведениях Торвальдсена из эрмитажного собрания имеются несколько разновидностей подписей скульптора: «TORVALSEN F.», «THORWALDSEN» и монограмма скульптора, в которой буква «А» расположена над буквой «Т». Написание буквы «А» определено тем, что во время жизни в Риме имя Бертель было заменено на Альберто.

Знакомство с каталогом произведений Торвальдсена из Эрмитажа свидетельствует о прекрасных произведениях, виртуозно высеченных из мрамора и приобретенных из мастерской скульптора.

Помощник Торвальдсена К. Ф. Хольбек, переведивший ряд работ учителя в мрамор, жил в Риме с 1841 г. Его авторская статуя «Дремлющий Вакх» была создана в 1860 г. В Эрмитаж произведение поступило в 1922 г. из особняка А. Д. Шереметева. Карчёва отмечает стилистическое сходство образов Торвальдсена и Хольбека, находившегося под влиянием творчества своего учителя.

В аннотации к каталогу говорится о стремлении автора представить углубленный и всесторонний научный анализ скульптуры, что, несомненно, удалось. Рассматривая метод научного изучения датской скульптуры, отметим точные каталожные данные, выверенные факты истории создания произведений, время выполнения моделей и перевода в мрамор, даты приобретений и имена владельцев. Единственное упущение в подготовке каталога — это отсутствие биографий скульпторов. Но автор не ставил перед собой данной задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Западноевропейская скульптура XIX–XX веков: каталог коллекции / Е. И. Карчёва; Государственный Эрмитаж. СПб., 2016.

² Данные каталога размещены по странам по алфавиту фамилий скульпторов.

³ Отечественные записки. 1824. № 56. С. 507–510.

⁴ Западноевропейская скульптура XIX–XX веков: каталог коллекции. С. 257.

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Там же. С. 268.

ЛИТЕРАТУРА

Западноевропейская скульптура XIX–XX веков: каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2016. 336 стр.

Под небом Италии...: Произведения скульптуры, созданные в Италии европейскими мастерами: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб.: Славия, 1999. 61 стр.

Кривдина О. А. Некоторые из аспектов изучения произведений датских скульпторов, хранящихся в музейных собраниях России и Дании // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 331–332.

Кривдина О. А. Ваятели и их судьбы. Научная реконструкция творческих биографий российских скульпторов середины и второй половины XIX века. СПб.: Сударыня, 2006. 655 стр.

Мифологический словарь / Сост. М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1959. 227 стр.

Helsted D., Henschen E., Jørnæs B. Thorvaldsen. København: The Thorvaldsen Museum. 2003. 113 S.

Munk. J. P. Danish Sculpture 1694–1889 ny Carlsberg Glyptotek. København: Carlsberg Glyptotek, 1995. 222 S.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

Бажанов Д. А. Взгляд в будущее: контакты депутатов Сейма Финляндии с представителями ВКГД в дни Февральской революции

В предлагаемой статье анализируются обстоятельства контактов между представителями политической элиты Финляндии, к которым относились в первую очередь депутаты Сейма, с членами новых революционных властей, формировавшихся в дни Февральской революции. Основным мотивом стало стремление членов Временного комитета Государственной думы распространить свое влияние на территорию Финляндии и ликвидировать возможный, с их точки зрения, очаг сопротивления революции там. Это соответствовало интересам финской стороны. Результатом стала полная смена царской администрации, в дальнейшем повлекшая снятие ограничительного законодательства в отношении Финляндии. При этом были намечены дальнейшие вопросы для обсуждения с Временным правительством, пришедшим на смену ВКГД.

Bazhanov D. A. Looking to the future: contacts of the deputies of the Seimas of Finland with the representatives of the Provisional Committee of the State Duma during the February revolution

The article analyzes the circumstances of contacts between the representatives of the political elite of Finland, which were primarily members of the Seimas, with the members of the new revolutionary authorities formed during the February revolution. The main motive was the desire of the members of the Provisional Committee of the State Duma to extend its influence on the territory of Finland and to eliminate the possible, in their point of view, the center of resistance to the revolution there. This was in the field of interests of Finland. The result was a complete change of the tsarist administration, which subsequently led to the removal of restrictive legislation against Finland. This was outlined further issues for discussion with the Provisional government that replaced the State Duma Committee.

Ключевые слова: 1917 год, Февральская революция, Временный комитет Государственной думы, Сейм Финляндии, К. Стольберг, Д. Д. Протопопов, Ф. И. Родичев.

Keywords: 1917, February revolution, Provisional Committee of the State Duma, Seimas of Finland, K. Stolberg, D. D. Protopopov, F. I. Rodichev.

Балащенко Ю. Д. «Братья меньшие» в жизни русского художника И. Е. Репина

Наши «братья меньшие» — собаки, но не коты, сопровождали великого русского художника Илью Ефимовича Репина (1844–1930) с раннего детства и до глу-

бокой старости. Их изображения художник включал в композицию своих картин, этюдов и зарисовок. Началом галереи «братьев меньших» можно считать акварель 1861 года, где изображен одинокий путник с посохом, бредущий по улице Чугуева, где родился художник. Впереди путника трусит маленькая черная собачка. Охотничий пес Пегас и лохматый красавец Норд удостоились индивидуальных портретов. Другие собаки попали на многочисленные фотографии, запечатлевшие весь жизненный путь живописца. Последней картиной с изображением собаки стал неудавшийся портрет Ф. И. Шаляпина с псом Булькой на коленях.

Balatsenko Yu. D. «The smaller brothers» in the life of the Russian artist I. E. Repin

Our 'smaller brothers', the dogs, though not cats, were companions of the great Russian artist Ilya Efimovich Repin (1844–1930) from early childhood to his very old age. The artist included their images in the composition of his paintings, etudes and sketches. It can be considered that the 'smaller brothers' gallery began with a watercolor of 1861, which depicts a lone traveler with a staff, wandering along a street in Chuguev town where the artist was born. In front of the traveler, a little black dog is trotting.

The hunting dog Pegasus and the shaggy handsome Nord were honored with individual portraits. Other dogs got fixed in numerous photographs depicting the entire life path of the artist. The last painting with a dog was a failed portrait of F. I. Chaliapin with his dog Bulka on his lap.

Ключевые слова: История, Репин И. Е., история культуры, домашние животные.

Keywords: History, Ilya E. Repin, history of culture, domestikanimals.

Барышников В. Н. «Экспорт революции» или борьба с итогами «контрреволюции»? (к проблеме изучения в Финляндии деятельности «терийокского правительства»)

В статье рассматривается эволюция взглядов на характер деятельности «финского народного правительства» в историографии Финляндии. Обращается внимание на оценку этой деятельности как реализация идеи «экспорта революции» из СССР. Также дается анализ тезиса финских коммунистов о продолжении революции 1918 года и борьбы с «контрреволюцией». В целом обзор финской литературы, касающейся вопросов, связанных с историей «терийокского правительства», указывает на то, что эта тема еще находится в стадии своего активного осмысления.

Baryshnikov V. N. «Export revolution» or the struggle against «counter-revolution»? (to the problem of studying the activities of the «Terijoki Government» in Finland)

The article discusses the evolution of views on the activities of the «Finnish people's government» in the historiography of Finland. Attention is paid to the assessment of this activity as the realization of the idea of «exporting revolution» from the USSR. It also provides an analysis of the thesis of the Finnish Communists on the continuation of the 1918 revolution and the struggle against the «counter-revolution». In general, a review of the Finnish literature on issues related to the history of the «Terijoki Government» indicates that this topic is still at the stage of its active reflection.

Ключевые слова: финская историография, советско-финляндские отношения, «зимняя война», «финское народное правительство», «терийокское правительство», О. В. Куусинен, контрреволюция.

Keywords: Finnish historiography, Soviet-Finnish relations, Winter war, Finnish people's government, Terijoki government, O. W. Kuusinen, counter-revolution.

Барышников В. Н. Маршал К. Г. Маннергейм и наступление советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке

В 1944 г. советские войска смогли в своем наступлении на Карельском перешейке за неделю прорвать финские укрепления, а 20 июня взять Выборг. Тем не менее не ясно, какую роль при организации отражения советского наступления сыграл К. Г. Э. Маннергейм.

Анализ источников и литературы показывает, что неспособность финских войск отразить советское наступление объясняется во многом взглядами Маннергейма. Он здесь совершил явную ошибку. Причиной же этой ошибки стали его субъективные *политические представления*. В результате Маннергейм не смог предвидеть масштаб советского наступления. В этом отношении прав оказался премьер-министр Э. Линкомиес, который в своих воспоминаниях просто указал, что Маннергейм «не был непогрешимым гением... Он был человеком, к тому же еще старым и очень уставшим человеком, который также делал ошибки...».

Baryshnikov V. N. Marshal C. G. Mannerheim and the Soviet offensive on the Karelian Isthmus in June 1944

In 1944, the Soviet troops were able to break through the Finnish fortifications in a week, and on June 20 to seize Vyborg in their attack on the Karelian Isthmus. Nevertheless, it is not clear what role, when organizing the reflection of the Soviet offensive, was played by Marshal K. G. E. Mannerheim..

An analysis of the sources and literature shows that the inability of the Finnish troops to repel the Soviet offensive is explained by the views of Mannerheim. Marshal made a clear mistake here. The reason of this error was his subjective *political views*. As a result, Mannerheim could not foresee the scale of the Soviet offensive. In this respect, Prime Minister E. Lincomies was right. He pointed out in his memoirs that Mannerheim «was not an infallible genius ... He was a person, but he was also an old and very tired person who also made mistakes...».

Ключевые слова: К. Г. Маннергейм, маршал Финляндии, история Финляндии, история Второй мировой войны, история Карельского перешейка, советское наступление на Карельском перешейке, 1944 год.

Keywords: C. G. Mannerheim, Marshal of Finland, history of Finland, history of the Second World War, history of the Karelian Isthmus, Soviet offensive on the Karelian Isthmus, 1944.

Васара В.-Т. Значение Вестерботтена и Финнмарка для деятельности Академического карельского общества

Статья посвящена деятельности в межвоенный период Академического карельского общества Финляндии, в программе которого значилось создание «Великой Финляндии», то есть территориально расширившейся за счёт возврата областей, некогда принадлежавших финнам: части Карелии, Ингерманландии и других. Однако в программу Академического общества входили не только экспансионистские планы. В западном направлении за границами страны, в шведском Вестерботтене и норвежском Финнмарке постоянно проживало финноязычное население. В их отношении члены Общества предусматривали сохранение языка, культуры, прав национального меньшинства. Поскольку же со временем стали обнаруживаться всё новые попытки норвежский и ещё более шведских властей принимать меры по аккультурации зарубежных финнов среди иноязычного большинства, то члены Академического общества стали на защиту своих соплеменников. Эта деятельность Общества выражалась двояко: поддержкой национальной культуры финнов Вестерботтена и Финнмарка и, с другой стороны, лишению шведских и норвежских властей возможностей к искусственной ассимиляции собственных граждан-финнов. В этих направлениях и развивалась деятельность

Общества, не пренебрегавшего при этом и опорой на международную поддержку. Однако в конце 1930-х гг., когда надвинулась реальная опасность новой мировой войны, в деятельности Общества старые задачи и цели утратили актуальность и оно переключилось с проблем Вестерботтена и Финнмарка на более актуальные внешнеполитические и конкретно оборонительные программы, имевшие и мобилизационное значение.

Vasara V.-T. Significance of Västerbotten and Finnmark for the activities of the Academic Karelian Society

The article analyzes the activities during the interwar period of the Academic Karelian Society of Finland, whose program included the creation of "Great Finland" that is, territorial expansion due to the return of areas that once belonged to the Finns: parts of Karelia, Ingermanlandia and others. However, the program of AKS included not only expansionist plans. In the western direction, beyond the borders of the country, Finnish-speaking people resided permanently in Swedish Västerbotten and in Norwegian Finnmark. In their regard, members of the Society provided for the preservation of language, culture, and the rights of a national minority. This activity of the Society was expressed in two ways: by supporting the Finnish national culture of Västerbotten and Finnmark and, on the other hand, by depriving the Swedish and Norwegian authorities of the possibilities for artificially assimilating their own Finnish citizens. The activities of the Society developed in these areas, while not neglecting the support of international support. However, at the end of the 1930's, when the real danger of a new world war had advanced, the old tasks and goals of the Society lost relevance and it shifted from the problems of Västerbotten and Finnmark to more relevant foreign policy and concretely defensive programs that had mobilization significance.

Ключевые слова: Академическое карельское общество, межвоенный период, Вестерботтен, Финнмарк.

Keywords: Academic Karelian Society, Interwar Period, Västerbotten, Finnmark.

Веригин С. Г. Разведывательно-диверсионная деятельность финской дальней разведки в 1941–1944 гг.

Статья посвящена слабо изученной теме в отечественной историографии Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются основные направления разведывательно-диверсионной деятельности отрядов финской дальней разведки в период войны между СССР и Финляндией в 1941–1944 гг. Эта работа во многом зависела от особенностей боевых действий на Карельском фронте: первый этап (июнь — декабрь 1941 г.) — наступление финских войск; второй этап (январь 1942 — июнь 1944 гг.) — позиционная война на советско-финском участке фронта; третий этап (июнь 1944 — осень 1944 гг.) — наступление советских войск, освобождение оккупированных территорий и выход Финляндии из войны. Автор показывает как результативность деятельности разведывательно-диверсионных групп финской дальней разведки, так и недостатки и провалы в этой работе. В статье развенчиваются мифы финляндской историографии об успехах финских диверсантов на примере рейда финских разведчиков в Петровский Ям — тыловую базу Медвежьегорской группировки Красной Армии. Автор показывает, что в ходе данного рейда наряду с другими объектами был уничтожен передвижной полевой госпиталь, погибли врачи, медсестры, раненые, обслуживающий персонал. Отдельный сюжет статьи — это сотрудничество в период позиционной войны финской разведки с немецкой разведкой, совместное проведение операций в глубококом советском тылу. Автор приходит к выводу, что советской контрразведке удалось нейтрализовать действия финской дальней разведки, не позволив ей существенно повлиять на военно-стратегическую ситуацию на Карельском и Ленинградском фронтах в 1941–1944 гг. Статья под-

готовлена на основе архивных источников, российской и финляндской литературы по данной теме.

Verigin S. G. Intelligence and sabotage activities of the Finnish long-distance intelligence in 1941–1944

The article is devoted to a poorly studied topic in the national historiography of the Great Patriotic War. It discusses the main areas of reconnaissance and sabotage activities of Finnish long-range reconnaissance units during the war between the USSR and Finland in 1941–1944. This work was largely dependent on the characteristics of the fighting on the Karelian front: the first stage (June–December 1941) was the offensive of the Finnish troops; the second stage (January 1942 — June 1944) — a positional war in the Soviet-Finnish sector of the front; the third stage (June 1944 — autumn 1944) — the offensive of the Soviet troops, the liberation of the occupied territories and the withdrawal of Finland from the war. The author shows both the effectiveness of the activities of reconnaissance and sabotage groups of the Finnish long-distance intelligence, as well as shortcomings and failures in this work. The article debunks the myths of Finnish historiography about the successes of Finnish saboteurs on the example of a raid by Finnish intelligence officers in Petrovsky Yam — the rear base of the Medvezhiegorsk group of the Red Army. The author shows that during this raid, along with other objects, a mobile field hospital was destroyed, doctors, nurses, wounded, service personnel were killed. A separate story of the article is cooperation during the period of the positional war of Finnish intelligence with German intelligence, joint operations in the deep Soviet rear. The author comes to the conclusion that the Soviet counterintelligence was able to neutralize the actions of the Finnish long-range intelligence, not allowing it to significantly influence the military-strategic situation on the Karelian and Leningrad fronts in 1941–1944. The article was prepared on the basis of archival sources, Russian and Finnish literature on this topic.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, финская дальняя разведка, Красная Армия, Карельский фронт, советская контрразведка, НКВД.

Keywords: USSR, Finland, Finnish long-range intelligence, the Red Army, Karelian Front, Soviet counterintelligence, NKVD.

Возгрин В. Е. Новое платье антинорманизма

Цель статьи — внести ясность в дискуссию двух крупных групп российских учёных о значении князя Рюрика в истории России. Так называемые норманисты полагают, что при Рюрике старая система вождества сменилась принципиально новой системой правления племенных князей. Эта реформа была вызвана объективной необходимостью в начинавшемся укрупнении предгосударственных образований на территории Северо-запада современной России и централизации власти в них. Рюрик, очевидно, обладал некими административными способностями и лидерским опытом, что и побудило словен призвать его к себе с указанной целью. Такая задача была им выполнена, и он основал новую династию, впоследствии ставшую великокняжеской. Против такого освящения начала государственности на Руси выступают антинорманисты. Одни из них считают роль Рюрика в упомянутом процессе ничтожной, другие отдают ему должное, но пытаются доказать его славянское происхождение. При этом они критически рассматривают в своих трудах мифологию готицизма, напрямую связывая её с норманизмом. В статье показана явная неправомерность искусственного сопряжения истории готских походов (III–IV вв.) с деятельностью Рюрика (X в.).

Vozgrin V. E. New Cloths of Anti-Normanism

The purpose of the article is to clarify the discussion of two large groups of Russian scientists about the significance of Prince Rurik in the history of Russia. The so-called Normanists believe that under Rurik the old chiefdom system was replaced

by a fundamentally new system of rule for the tribal princes. This reform was caused by objective necessity in the beginning consolidation of pre-state formations in the territory of the North-West of modern Russia and the centralization of power in them. Rurik, obviously, had some administrative abilities and leadership experience, which let him to achieve his position. He carried out such a task, and he founded a new dynasty, which later became the Grand-Ducal. Against such coverage of the beginning of statehood in Russia are anti-Normanists. Some of them consider the role of Rurik in this process insignificant, others give him his due, but try to prove his Slavic origin. At the same time, they critically examine in their writings the mythology of Gothicism, directly linking it with Normanism. The article shows the obvious illegitimacy of the artificial conjugation of the history of the Gothic campaigns (from 3rd to 5th centuries) with the activities of Rurik (10th century).

Ключевые слова: Рюрик, норманизм, антинорманизм, словене, Средневековье, готы, готицизм, Русь.

Keywords: Rurik, Normanism, Anti-Normanism, Slovene, Middle Ages, Goths, Gothicism, Russia.

Востров А. В. Почтовая дорога Великого княжества Финляндского как фактор традиционного шведского влияния

В статье анализируется шведское влияние Почтовой дороги Великого княжества Финляндского Российской империи, которое особенно заметно проявлялось в первой половине XIX столетия. Кратко рассматривается история Почтовой дороги, напрямую связанная с историей Аландского архипелага; ее статус во время русского периода истории Финляндии. Выделяются основные факторы западной ориентации Великого княжества, подчеркивается основополагающая роль Або (Турку) как бывшего шведского административного центра и конечной точки Почтовой дороги, связывавшей его со Стокгольмом. Изменения социально-экономической ориентации Великого княжества в сторону Санкт-Петербурга связаны, в первую очередь, с резким развитием транспортной инфраструктуры во второй половине XIX столетия. В конце статьи рассматривается влияние Почтовой дороги на Аландский архипелаг и на развитие особой идентичности местных жителей.

Vostrov A. V. The Mail road of the Great Duchy of Finland as a factor of traditional Swedish influence

The article analyses the Swedish influence of the Mail road of the Great Duchy of Finland during the Russian rule. It revealed itself distinctly especially in the first half of the 19th century. The article briefly outlines the history of the road which was directly connected with the history of the Aland Islands. It also states the road status in the Russian period of Finland's history. It highlights main factors of the Western orientation of the Great Duchy and stresses the underlying role of Abo (Turku) as a former Swedish administrative center and a terminal point of the Mail road that bound it with Stockholm. Changes in the social and economic orientation of the Grand Duchy towards Saint Petersburg are connected primarily with the rapid development of the transport infrastructure in the second half of the 19th century. Finally, the article considers the influence of the Mail road on the Aland Islands and the development of specific local identity.

Ключевые слова: Почтовая дорога, Великое княжество Финляндское, Аландские острова, Российская империя, Швеция, Крымская война, Або.

Keywords: the Mail road, the Great Duchy of Finland, the Aland Islands, the Russian Empire, Sweden, the Crimean War, Abo (Turku).

Геуст К.-Ф. Финский корректировочный и наблюдательный пункт в Петергофе 1942–1943 гг.

Весной 1942 г. финское военно-морское командование ожидало возможность прорыва советского Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) из Ленинграда вглубь Финского залива с тем, чтобы занять позиции, которые были оставлены советским флотом осенью 1941 г. Одной из мер, которую финская сторона предприняла, чтобы не допустить этого прорыва, стало минирование акватории залива от Рукоярви и Котка до островов Гогланд и Тютяrsaари. В свою очередь немецкое морское приступило к своему минированию начиная от острова Тютяrsaари и до южного побережья Финского залива. Тяжелая артиллерия (включая железнодорожные батареи, захваченные в Ханко) была перевезена на северный участок побережья от Сейвясстё до Терийоки для использования против советских баз и больших кораблей. Наконец, в Петергофе был создан финский корректировочный и наблюдательный пункт, расположенный на захваченном немецкими войсками участке побережья между Ораниенбаумским плацдармом и Ленинградом. Финский наблюдательный пункт был расположен в Петергофе и приступил к работе с конца мая 1942 г. до замерзания Финского залива в январе 1943 г. В начале лета 1943 г. он возобновил свою деятельность и теперь использовался как наблюдательная станция, поскольку из Кронштадта и Ленинграда артиллерийских обстрелов северного побережья Финского залива не производилось. Далее в конце ноября 1943 г. наблюдательный пункт прекратил свою деятельность и весь его финский персонал довольно успешно эвакуировали.

Geust C.-F. Finnish Fire-Correction and Observation Station in Peterhof 1942–1943

In spring 1942 the Finnish Navy anticipated that the Soviet Red-Banner Baltic Fleet (KBF) will attempt to break-out from the bottom of the Gulf of Finland to where KBF was forced to withdraw in autumn 1941. In order to prevent the foreseen break-out several measures were taken by the Finnish side. In early summer 1942 the Finnish Navy laid the Rukajärvi mine field from Kotka to Hogland and Tytärsaari, and German Kriegsmarine laid the Seeigel mine field from Tytärsaari to the southern coast of Gulf of Finland. Heavy artillery (including railway batteries captured in Hanko) were transported to the northern coast segment from Seivästö to Terijoki to be used against Soviet harbors and big ships. Finally a Finnish fire-correction station was established in Peterhof, located on the German occupied shore segment between Soviet-held Oranienbaum bridgehead area and Leningrad in the east. The Finnish station in Peterhof operated from late May 1942 until Gulf of Finland was frozen over in January 1943. In early summer 1943 the Finnish station in Peterhof was re-established, however now as an observation station only, as no shots were fired at Kronstadt or Leningrad by the cannons concentrated at the northern Finnish shore. The station was closed and all Finnish personnel were rather incredibly successfully evacuated from Peterhof in late November 1943. Soon after Peterhof was liberated by the Red Army in strong and coordinated attacks from Oranienbaum to the east and from the Volkhov front to the east in January 1944.

Ключевые слова: «война-продолжения 1941–1944 гг.», береговая артиллерия Финляндии во Второй мировой войне, финский наблюдательный пункт в Петергофе, 1942–1943 гг., генерал-лейтенант Пааво Талвела.

Keywords: Finnish Continuation war 1941–1944, Finnish Coastal Artillery in WW II, Finnish Fire-Correction and Observation Station in Peterhof 1942–1943, Lt.Gen. Paavo Talvela.

Гехт А. Б., Цвериянашвили И. А. Карл Вильгельм Шееле: вехи биографии и научной деятельности

Статья посвящена жизненному и научному пути выдающегося шведского химика и фармацевта Карла Вильгельма Шееле (1742–1786), одного из самых примечательных естествоиспытателей своего времени. Будучи неблагородного происхождения, своим трудом и знаниями, Шееле, так формально и не получив высшего образования, проложил себе дорогу к признанию в академической среде Швеции, посвятив свою недолгую жизнь исследовательской работе. Он выделил и исследовал множество химических соединений, а также стал первооткрывателем ряда химических элементов, в частности кислорода, тем самым внося существенный вклад в развитие химии в XVIII столетии.

Gekht A. B., Tsvorianashvili I. A. Carl Wilhelm Scheele: landmarks of biography and scientific research

The article is devoted to the life and scientific path of the outstanding Swedish pharmaceutical chemist and mastermind Carl Wilhelm Scheele (1742–1786), one of the brightest scientists of his era. Being of ignoble origin, by his work and knowledge, Scheele — formally he never graduated any university — made his way to Sweden academic sphere's recognition. The scientist completely devoted his short life to research work: Scheele identified and researched many chemical compounds. Also he became a pioneer of researching a number of chemical elements, in particular, oxygen, thereby making a significant contribution to the development of chemistry in the XVIII century.

Keywords: Sweden, history of Sweden, Carl Wilhelm Scheele, chemistry, history of science.

Ключевые слова: Швеция, история Швеции, Карл Вильгельм Шееле, химия, история науки.

Гребенщикова Г. А. «Странно и непостижимо, что адмирал Чичагов не идет ко мне на помощь»: К вопросу о действиях главнокомандующего флотом в войне России со Швецией в 1788–1790 годах

В статье рассматриваются ключевые события на Балтийском театре военных действий в ходе войны России со Швецией при Екатерине II, в 1788–1790 годах. С опорой на архивные материалы из трёх федеральных архивов — Архива внешней политики Российской империи Историко-документального Департамента МИД РФ, Российского государственного архива Военно-морского флота и Российского государственного исторического архива, часть которых вводится в научное обращение, проанализировано соотношение сил России и Швеции на разных этапах войны, степень готовности России к обороне на северо-западных рубежах, ход боевых действий и позиция главнокомандующего Балтийским флотом адмирала В. Я. Чичагова.

Grebenshchikova G. A. «Very strangely and unclear that Admiral Chichagov not going to help me». To the question about Commander-in-Chief's actions in war Russia with Sweden in 1788–1790

In the article are given the important events in Baltic theatre of naval operations during the war Russia with Sweden in 1788–1790, at Catherine the Second's rule. On based of advantage on new archivers documents from large Russian Federation Archivers there are analytical research of Russian and Sweden actions during the war, Russia's preparation to defense of northwest border, naval operations and admiral Chichagov's position.

Ключевые слова: Екатерина II и Густав III, русско-шведские связи, соотношение сил, флот, война, политика, безынициативность и предприимчивость, флотоводческое искусство.

Keywords: Catherine the Second and Gustav the Third, Russian-Swedish relations, force conditions, Fleet, War, Politic, non-initiative, naval actions and tactic.

Ивлева С. Е. Издания о странах Северной Европы в великокняжеских собраниях. Библиотека Николая Николаевича Старшего

Статья посвящена изданиям о Финляндии, преимущественно иллюстрированным, находившимся в библиотеке великого князя Николая Николаевича Старшего (1831–1891), третьего сына императора Николая I. Великий князь не был коллекционером в привычном понимании этого слова, он не создавал специально масштабные коллекции. Его постоянно пополнявшееся книжное собрание являлось привычным фоном жизни Николая Николаевича и отражало профессиональные интересы и литературные пристрастия великого князя. В статье рассматриваются издания о Финляндии, входившие в состав библиотеки. Прослеживается судьба библиотеки после национализации усадьбы «Знаменка», где книги находились после смерти Николая Николаевича.

Ivleva S. E. Publications about North European countries in the collections of Grand dukes. Nicolay Nikolaevich the elder library

The article is dedicated to the publications about Finland, mostly illustrated, which were in the library of the Grand Duke Nicolay Nikolaevich the Elder (1831–1891); the third son of tsar Nicolay the First. We can't call the Grand Duke the collector in the ordinary meaning of this word, he didn't assemble particular great collections. His book-collection was constantly enriched and reflected the habitual background of his life, professional interests and literary preferences of the Grand Duke. The article deals with the publications about Finland in the library of the Grand Duke. The researcher shows the provenance of the library after the nationalization of the estate "Znamenka", that possessed the book-collection after the death of Nicolay Nikolaevich.

Ключевые слова: собрание, библиотека, книга, иллюстрация, дворец, усадьба.
Keywords: collection, library, book, illustration, palace, estate.

Кобчиков Е. Ю. Неизвестный визит французской эскадры в Кронштадт 1824 г.

Статья поднимает вопрос о визите четырех французских кораблей под командованием капитана 1-го ранга барона Луи-Жан-Батиста Ле Купе (в составе фрегата «Аретуза» и трех корветов «Саламандра», «Эжерия» и «Сенна») в Кронштадт в период с 12 июня по 10 июля 1824 года. Этот визит, несмотря на то что курировался послом Франции в России графом де ла Ферроне, остался незамеченным в истории. До настоящего времени неизвестны подлинные цели визита и порядок пребывания французских моряков в России. Обнаруженные архивные документы представляют это событие в том числе как некий курьёз, весьма нестандартно разрешенный.

Kobchikov E. Y. The unknown visit of the French squadron to Kronstadt in 1824.

This article is about the visit of four French ships under command of captain baron Louis-Jean-Baptiste Le Coupe (frigate "Arethuse" and corvettes "Salamandre", "Egeria" and "Seine") to Kronstadt from June 12 to July 10, 1824. Despite the fact that this visit was supervised by the French Ambassador to Russia count de La Ferrone it passed almost unnoticed. Neither the aim nor the programme of the visit is still unknown. The archival documents found by the author present this visit as a curious event ended quite unexpectedly.

Ключевые слова: 1824 год, визит в Кронштадт, эскадра ВМС Франции, фрегат «Аретуза», корветы «Саламандра», «Эжерия», «Сенна», капитан 1 ранга барон Луи-Жан-Батист Ле Купе, посол Франции в России граф де ла Ферроне.
Keywords: 1824, the visit to Kronstadt, the squadron of the French Navy, frigate “Arethuse” and corvettes “Salamandre”, “Egeria” and “Seine”, captain Baron Louis-Jean-Baptiste Le Coupe, French Ambassador to Russia, count de La Ferrone.

Кривдина О. А. Произведения датских скульпторов в каталоге Государственного Эрмитажа

Статья представляет собой обзор произведений датских скульпторов, включенных в каталог коллекции западноевропейской скульптуры XIX—XX веков, вышедший в свет в 2016 году в издательстве Государственного Эрмитажа. Автор каталога хранитель западноевропейской скульптуры, кандидат искусствоведения Е. И. Карчёва. В раздел каталога скульптуры Дании включены произведения Карла Фредерика Хольбека, Бертеля Торвальдсена и Нильсине Каролины Петерсен. Автор каталога даёт углубленный и всесторонний научный анализ скульптуры. Рассматривая метод изучения датской скульптуры, отметим точные каталожные данные, выверенные факты истории создания произведений, время выполнения моделей и перевода в мрамор, даты приобретений и имена владельцев. Единственное упущение в подготовке каталога — это отсутствие биографий скульпторов.

Krivdina O. A. Works of Danish sculptors in the State Hermitage Catalogue

The article is dedicated to the survey of the works of Danish sculptors represented in the West-European sculpture of the XIX–XX century collection catalogue; published in 2016 by the State Hermitage. The catalogue has been prepared by E. I. Carcheva, Ph D of Fine arts, responsible for West-European sculpture. The part devoted to Danish sculpture includes the works of Carl Frederick Holbech, Bertel Thorvaldsen and Nielsine Caroline Petersen. E. I. Carcheva gives the deliberate and detailed analysis of sculpture. Concerning the study approach let us stress the precise catalogue data, convincing provenance, approved facts of the model and original execution, purchasing and the owners' names. The only remark is the absence of the sculptors' biographies

Ключевые слова: скульптор; датская скульптура; памятник; портрет; бюст; композиция; мрамор; бронза.

Keywords: sculptor; Danish sculpture; monument; portrait; bust; composition; marble; bronze.

Коваленко Г. М. От Свеаборга до Ярославля. Дневник прапорщика Брайтхольца

Целью данной статьи является описание дневника Бернда Брайтхольца, попавшего в плен при сдаче Свеаборга, как источника сведений о судьбах шведских офицеров, попавших в плен во время войны 1808–1809 гг. По сравнению с пленными каролинами, о них известно немного. Этот дневник интересен тем, что проливает свет на условия их пребывания в России. Воспоминания о жестоком обращении с полтавскими пленниками породило представление о тяжелой участи шведских пленников последней русско-шведской войны. Между тем дневники Бернда Брайтхольца и другой свеаборгской пленницы Аделаиды Хаусвольф свидетельствуют о том, что шведские пленные, высланные в разные города России, вынесли довольно благоприятные впечатления о пребывании в русском плену.

Они интересны также тем, что, как отметил Михаил Бородкин, «определяя воззрения русских на финляндцев и обратно, нельзя не внять голосу пленных. Их

мнениями не следует пренебрегать по той причине, что по возвращении на родину они служат неопровержимым авторитетом в глазах соотечественников, и их заявления значат иногда более сведений, подчеркываемых из печатных листков».

Kovalenko G. M. From Sveaborg to Yaroslavl. Diary of the ensign Breitholtz

The article aims to describe the diary of ensign Bernd Breitholtz as an additional source of information about destinies of the Swedish officers who were taken prisoner during the war of 1808–1809. Little is known about them in comparison with captured caroleans (karoliner). The diary of Bernd Breitholtz, who was captured during the surrender of Sveaborg is interesting as it sheds light on the conditions of their stay in Russia. Memories of the brutal treatment of Poltava prisoners gave rise to the idea of the plight of Swedish prisoners of the last Russian-Swedish war. Meanwhile, the diaries of Berndt Breitholtz and of another Sveaborg captive Adelaide Hauswolf testify that the Swedish prisoners deported to different towns of Russia got rather favourable impressions about their stay in Russian captivity.

They are also interesting, as Mikhail Borodkin noted, “by defining the views of Russians on Finns and backwards, it is necessary to listen to a voice of prisoners. Their opinions shouldn’t be neglected for the reason, that upon returning to their homeland, they serve as an irrefutable authority in the eyes of compatriots, and their statements mean sometimes more than information taken from the printed leaves.”

Ключевые слова: русско-шведская война 1808–1809 гг., шведские пленные в русской провинции, условия содержания, впечатления от плена.

Keywords: Russian-Swedish war of 1808–1809, Swedish prisoners in the Russian provinces, conditions of keeping, impressions of captivity.

Козлов Д. Ю. Проблема «минной блокады» проливов Оландсгаф и Кваркен в контексте российско-шведских отношений периода Первой мировой войны

Статья посвящена подготовке и проведению минных постановок, осуществленных в 1916 году в проливах Оландсгаф и Кваркен российским флотом Балтийского моря. «Минная блокада» этих проливов была призвана затруднить перевозки в Германию шведской железной руды и одновременно пресечь действия сил германского военно-морского флота в Ботническом заливе. Совместными усилиями военного командования и министерства иностранных дел удалось работать и реализовать решение, вполне корректное с точки зрения международного права и не вызвавшее возражений со стороны правительства Швеции.

Kozlov D. Yu. The problem of the “mine blockade” of the Ålands Hav and Kvarken in the context of Russian-Swedish relations during the First World War

The article is devoted to the preparation and conduct of mine-laying, carried out in 1916 in Ålands Hav and Kvarken by the Russian Baltic Fleet. The “mine blockade” of these straits was intended to impede the transportation of Swedish iron ore to Germany and at the same time to halt the operations of the German navy in the Gulf of Bothnia. By joint efforts of the military command and the Ministry of Foreign Affairs, it was possible to work out and implement a solution that is quite correct from the point of view of international law and did not cause objections from the Government of Sweden.

Ключевые слова: Первая мировая война, Балтийское море, Ботнический залив, Оландсгаф, Кваркен, «минная блокада», международное право.

Keywords: World War I, Baltic Sea, Gulf of Bothnia, Ålands Hav, Kvarken, “mine blockade”, international law.

Кротов П. А. Пролог создания Российского флота на Балтике (новые архивные находки по истории Осударевой дороги 1702 г.)

Морская баталия 27 июля 1720 г., сражение при Гренгаме, — наиболее масштабное сражение галерных флотов на Балтике в ходе Великой Северной войны (1700–1721). Изучение двух не использовавшихся ранее российскими историками шведских рисунков XVIII столетия из Морского музея в г. Карлскруне (Швеция) позволило пролить новый свет на ряд спорных вопросов. Это состав и боевой порядок шведской эскадры адмирала К. Г. Шёблада, атаковавшей русский галерный флот под командованием генерала М. М. Голицына. Подтверждён факт атаки 23 или 24 русских галер в тыл передовой части шведской эскадры К. Г. Шёблада. Показано, что вторая часть шведской эскадры К. Г. Шёблада не приняла реального участия в сражении. Выявлено, что оба шведских рисунка наряду с ценной информацией содержат шведские пропагандистские вымыслы.

Krotov P. A. New sources about battle of Grogam (Swedish drawings of the 18th century)

Sea battle July 27, 1720, the Battle of Grogam, is most ambitious battle of galley fleets in the Baltic during the Great Northern War (1700–1721). The study of two previously unused 18th century Swedish drawings by Russian historians from the Maritime Museum in Karlskrona (Sweden) shed new light on a number of controversial issues. This is the composition and battle line ahead of the Swedish squadron Admiral K. G. Sjöblad, which attacked the Russian galley fleet under the command of General M. M. Golitsyn. The fact of the attack of 23 or 24 Russian galleys in the rear of the advanced part of the Swedish squadron was confirmed. It is shown that the second part of the Swedish squadron did not take a real part in the battle. It is revealed that both Swedish drawings along with valuable information contain Swedish propaganda fiction.

Ключевые слова: морская баталия при Гренгаме (1720), шведские рисунки баталии, генерал М. М. Голицын, адмирал К. Г. Шёблад, капитан-командор Э. Шёблад

Keywords: the sea battle at the Grogam (1720), Swedish drawings of battle, general M. M. Golitsyn, admiral K. G. Sjöblad, captain-commander E. Sjöblad

Лобанова Д. Р. Особенности изучения событий финской гражданской войны в советской историографии во второй половине XX века

С XX века советско-финляндские отношения, безусловно, носили политическую окраску. В период 1918–1950-е гг. в отечественной историографии практически не существовало отдельных научных исследований, посвященных проблемам гражданской войны в Финляндии. Продолжая прежнюю традицию отечественной историографии 1950-х гг., в последующем советские историки также активно стремились затрагивать влияния Октябрьской революции на ситуацию в Финляндии. Своеобразный перелом в распространении исследований, касающихся проблем истории Финляндии, ознаменовали собой публикации 1960-е–1990 г. Историки начали активно привлекать зарубежные, в частности немецкие и финские исследования, освоили значительные пласты материалов советских архивов.

Lobanova D. R. Features of studying the events of the Finnish Civil War in soviet historiography in the second half of the XX-th century

From the 20th century, Soviet-Finnish relations, of course, were politically motivated. In the period 1918–1950-ies. In the national historiography, there were practically no separate scientific studies on the problems of the civil war in Finland. Continuing the old tradition of the national historiography of the 1950s. Subsequently, Soviet historians also actively sought to affect the influence of the October Revolution on the situation in Finland. A kind of turning point in the dissemination of research on

the problems of the history of Finland marked the publication of 1960–1990. Historians began to actively attract foreign, in particular German and Finnish studies, mastered significant layers of materials from the Soviet archives.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, «освободительная» война в Финляндии, историография.

Keywords: Finnish Civil War, «liberation» war in Finland, historiography.

Михайловская А. А. Факторы становления «прогерманских» взглядов в Швеции в первое десятилетие XX века

Статья включает в себе анализ факторов становления шведско-немецких отношений. Попунктно рассматривается каждая предпосылка формирования прогерманских взглядов среди шведской общественности и политических элитах страны. Большое внимание уделяется конфликту Швеции и Норвегии, приведшему к разрыву унии, как к одной из основных причин сближения Швеции и Германии.

Mikhailovskaia A. A. Factors of the formation of “pro-German” views in Sweden in the first decade of the XX century.

This article includes an analysis of the factors of the formation of the Swedish-German relations. Point by point the author considers every prerequisite for the formation of pro-German views among the Swedish public and political elites of the country. Great attention the article paid to the conflict between Sweden and Norway, which led to the rupture of the union, as one of the main reasons for the rapprochement between Sweden and Germany.

Ключевые слова: История Швеции, прогерманизм в Швеции, прогерманизм, Оскар II, Шведско-норвежская уния.

Keywords: History of Sweden, Pro-Germanism in Sweden, Pro-Germanism, Oscar II, Swedish-Norwegian union.

Михалкова Т. К. Память о Микаэле Агриколе в Финляндии и на Карельском перешейке.

В статье рассматриваются памятные места в Финляндии и на Карельской земле, связанные с именем выдающегося деятеля финской Реформации Микаэля Агриколы (1510 /7/ — 1557). Среди этих памятников — скульптурные изображения «отца финской литературы», церковь, названная его именем, памятный знак на месте его гибели, улицы, носящие имя Агриколы. Несмотря на утраченные памятные места, а также большое количество неясностей в биографии просветителя, память о нем сохраняется как в Финляндии, так и в Карелии.

Mikhalkova T. K. Michael Agricola commemoration in Finland and Karelia.

Michael Agricola (1510 /7/ — 1557) is a prominent figure of Finnish Reformation. He is known for his versatile activity in different fields: ecclesiastic, pedagogical, diplomatic, literary, administrative, as well as a perfect interpreter. The article is dedicated to the memorial places in Finland and Karelia, connected with the name of Agricola. These memorial places include sculptural depictions of the “father of Finnish literature”, church which bears his name, the memorial sign at the place of his death, streets named after him. In spite of the fact that some memorial places have been lost in time duration, and the great deal of mystery accompanies Agricola’s fate, the memory of him is alive both in Finland and in Karelia.

Ключевые слова: Агрикола, Реформация, памятник, бюст, посольство, захоронение.

Keywords: Agricola, Reformation, monument, bust, diplomatic mission, tomb.

Мусаев В. И. Конфликты вокруг православных обителей на Ладоге в начале XX в.

В начале XX в. сложилась непростая ситуация вокруг русских православных монастырей на Ладожском озере — Валаамского Спасо-Преображенского и Коневского во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Противоречия с финляндскими властями и организациями возникали из-за юридических и имущественных вопросов. Ещё одной проблемой было недостойное поведение финских рыбаков, а также экскурсантов при их посещениях островов Валаамского архипелага и Коневца. Руководству обоих монастырей даже пришлось обращаться к властям с просьбой о выделении военной силы для охраны обителей. Также делались попытки поставить вопрос о возможной передаче ладожских островов с расположенными на них монастырями в состав коронной России. Руководство Святейшего Синода, однако, придерживалось того мнения, что ввиду важности для всей Русской церкви миссионерской и просветительской деятельности Валаамского и Коневского монастырей в Финляндии и Финляндской Карелии выводить их из состава Финляндской епархии было бы нецелесообразно.

Musaev V. I. Conflicts around the Russian Orthodox Monasteries on the Ladoga Lake in the Early Twentieth Century.

In the early twentieth century tensions aggravated around two Russian Orthodox monasteries on the Ladoga lake — the Transfiguration monastery on the Valaam (Valamo) archipelago and the monastery of the Birth of the Holy Virgin on the isle of Konevets (Konevitsa, Hevossaari). There were conflicts between them and some Finnish structures and organizations because of legal and property issues. One more serious problem was improper behavior of Finnish fishermen and hikers during their visits to the islands. Monasteries even had to apply for assignment of the military units in order to provide their security. Some Russian social activists began to speak out in favor of reuniting the Ladoga islands with Russia proper. The Holy Synod, however, held to the opinion, that in view of importance of missionary and educational activities of both monasteries in Finland and Finnish Karelia it would be impractical to separate them from the Finnish diocese of the Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: Православная церковь, Финляндия, Валаамский, Коневский монастыри

Keywords: the Orthodox Church, Finland, Valaam and Konevets monasteries

Пашков А. М. Роль Северного Приладожья в снабжении русских войск в период русско-шведской войне 1808–1809 гг.

Статья посвящена организации снабжения русских войск в период русско-шведской войны 1808–1809 годов. Проблема организации бесперебойного снабжения русских войск боеприпасами, продовольствием и фуражом возникла, когда русская армия, захватив южную и центральную Финляндию и преследуя отступавшую шведскую армию, вышла на север страны. Поскольку Финляндия была страной малонаселенной, обеспечить перевозку военных грузов силами местного населения было невозможно. Кроме того, в тылу русских войск началось партизанское движение, и финские партизаны постоянно захватывали русские обозы. В этих условиях генерал-провиантмейстер Д. Б. Мертвого организовал снабжение войск водным путем. Военные грузы по Ладожскому озеру доставлялись в местечко Якимваара в северо-западном Приладожье, отсюда сухим путем доставляли до системы Сайменских озер, а затем водным путем до расположения русских войск. Чтобы обезопасить грузы от нападений финских партизан, караваны судов шли в сопровождении канонерских лодок, вооруженных пушками и фальконетами. Такая схема позволила эффективно снабжать русскую армию всем необходимым и в конечном счете обеспечила ее победу в войне.

Pashkov A. M. The role of Northern Ladoga area in the Russian army supply during Russian-Swedish war, 1808–1809

The article devotes to organization of the Russian army supply during Russian-Swedish war (1808–1809). The problem of systematic supply of Russian troops with ammunition, food and forage organization appeared when the Russian army occupied South and Central Finland and reached the North of the country, pursuing retreated Swedish army. As Finland was sparsely populated country, it was impossible to guarantee military goods delivering using local population. In addition, at Russian troops rear guerilla warfare broke out, and Finnish guerillas capture Russian transports regularly. In this condition Russian army General Profitmaster D. V. Mertvago organized supply of troops by water communications. Military goods delivered by Ladoga Lake to the settlement of Jakkimvaara at the North-West shore of Ladoga Lake, then delivered by land to Saimaa Lake system, and from there by waterway to Russian troops positions. For securing of goods against Finnish guerillas attacks convoys of ships moved guarding by gunboats, armed with cannons and falconets. Such arrangement allowed effectively supply Russian army with everything it needed, and finally guaranteed its victory in the war.

Ключевые слова: русско-шведская война 1808–1809 годов, организация снабжения, Северное Приладожье, Якимваара, Д. В. Мертваго.

Key words: Russian-Swedish War (1808–1809), organization of supply, Northern Ladoga area, Jakkimvaara, D. V. Mertvago.

Петров П. В. Доклад немецкого командующего войсками в Норвегии «Финско-русская война на море 1939/1940» как исторический источник

28 апреля 1941 года Штаб командующего немецкими войсками в Норвегии направил в Оперативный отдел Командования Военно-морских сил Германии доклад под названием «Финско-русская война на море 1939/1940». В этом документе содержался обзор предвоенного состояния и боевой деятельности советского и финского флотов в период советско-финляндской войны. Большая часть информации в докладе, касавшейся Краснознаменного Балтийского флота, оказалась не вполне достоверной и поэтому требует детального уточнения. Описание многих боевых операций советского Балтийского флота, и в первую очередь против финских береговых батарей, содержит большое количество ошибок или дезинформации. Особенно это касается мнимых потерь советских боевых кораблей и авиации в ходе боевых действий. В результате этот доклад является весьма поверхностным и не дает объективного представления о роли Краснознаменного Балтийского и Северного флотов в советско-финляндской войне 1939–1940 годов.

Petrov P. V. Report of the German commander in Norway «Finnish-Russian war at sea 1939/1940» as a historical source

On April 28, 1941, the Headquarters of the German Commander in Norway sent a report entitled “The Finnish-Russian War at Sea 1939/1940” to the Operational Department of the Command of the German Navy. This document contained an overview of the pre-war status and combat activities of the Soviet and Finnish fleets during the Soviet-Finnish war. Most of the information in the report on the Red Banner Baltic Fleet was not quite reliable and therefore requires detailed clarification. The description of many military operations of the Soviet Baltic Fleet, and especially against the Finnish coastal batteries, contains a large number of errors or misinformation. This is especially true of the alleged losses of Soviet warships and aircraft during the fighting. As a result, this report is very superficial and does not give an objective idea of the role of the Red Banner Baltic and Northern fleets in the Soviet-Finnish war of 1939–1940.

Ключевые слова: доклад, военно-морской флот, операция, линкор, батарея, подводная лодка.

Keywords: Report, Navy, Operation, Battleship, Battery, Submarine.

Поднебная А. Д. Архитектура Выборга XVIII века: перспективы исследования

В статье ставится задача систематизировать библиографию и графические источники, посвященные архитектуре Выборга XVIII века, с целью обозначить дальнейшие перспективы изучения данной тематики. Из российских исследователей наиболее полно тему выборгского строительства освещают в своих трудах Е. Е. Кепп и М. И. Мильчик, описывающие основные процессы, происходящие в строительной жизни города. Финские и шведские авторы поднимают вопросы происхождения и образования архитекторов, причин строительного застоя первой половины и середины века, а также степени влияния архитектуры Петербурга и близлежащих стран — в частности, Швеции — на архитектуру Выборга. Историю строительства в Выборге можно проследить по графическим материалам, хранящимся в российских и финских архивах — атласам, чертежам, рисункам и гравюрам. Перспективным представляется проведение дальнейших изысканий в архивах Финляндии и Швеции, а также проработка вопросов, поднимавшихся финскими исследователями, в т. ч. об образовании и степени участия в проектах отдельных архитекторов и влияния на облик Выборга архитектуры соседних областей.

Podnebnaya A. D. Vyborg architecture of 18th century: research perspectives

The article systematizes the bibliography and graphic sources devoted to the architecture of Vyborg of the 18th century, with the aim of identifying future research prospects. Among the Russian researchers, this topic is most fully considered by E. E. Kepp and M. I. Milchik, who describe the main processes occurring in the architectural life of Vyborg. Finnish and Swedish authors review the issues of the origin and education of architects, the causes of the construction stagnation of the first half and mid-century, as well as the degree of influence of the architecture of St. Petersburg and nearby countries — in particular, Sweden — on the architecture of Vyborg. The history of Vyborg's architecture can be traced from graphic materials stored in Russian and Finnish archives — atlases, drafts, drawings and engravings. It is promising to conduct further research in the archives of Finland and Sweden, as well as develop the issues designated by Finnish researchers, including education and the degree of participation in the projects of individual architects and the influence of adjacent regions on the architecture of Vyborg.

Ключевые слова: Выборг, архитектура XVIII века, Иоган Брокман, Екатерина II.
Keywords: Vyborg, 18th century architecture, Johann Brockman, Catherine II.

Полевая А. А. Организация в Норвегии «Отечественной Лиги» (программа и деятельность в межвоенный период)

Статья повествует о возникновении, деятельности и динамике развития движения «Отечественная лига» в Норвегии. Она была образована в момент, когда в стране шла волна создания праворадикальных организаций. Среди них Лига выделялась количественным преимуществом и поддержкой политических партий, а также поставленной политической целью. Организация просуществовала с 1925 по 1940 год и за это время смогла побывать и политическим движением, и партией, участвуя в последних выборах перед Второй мировой войной. Почему «Отечественная лига»нискала такую популярность, кто стоял за её созданием и как менялась её политическая позиция за 15 лет — это основные вопросы, которые будут рассмотрены в статье.

Polevaya A. A. The Patriotic League organization in Norway (The program and performance during the interwar period).

The main focuses of this study are emergence, performance and dynamics of the development of the movement «Fatherlands League» in Norway. Movement was formed at a time of the wave of right-wing organizations creation in country. Among them, the League was distinguished by a quantitative advantage and support of political parties,

as well as a decided political goal. Organization existed from 1925 to 1940 and during that time was able to visit both the political movement and the party, participating in the last election before the Second World War. Why the Fatherlands League gained such popularity, who was behind its creation and how its political position has changed over the 15 years — these are the main issues that will be discussed in the article.

Ключевые слова: Праворадикальные партии, правый радикализм, Норвегия, Норвегия в межвоенный период, политические движения, правые политические движения, Ф. Нансен, Отечественная лига, В. Квислинг.

Keywords: Right-wing radical parties, right-wing radicalism, Norway, Norway during the interwar period, political movements, right-wing political movements, F. Nansen, «Fatherlands League», V. Quisling, Fedrelandslaget.

Славнитский Н. Р. Деятельность шаутбенахта И. Ф. Боциса по обороне Выборга и обеспечению его гарнизона провиантом в 1710–1711 гг.

Работа посвящена деятельности И. Ф. Боциса в 1710–1711 гг. Шаутбенахт, командовавший гребным флотом, был занят в то время обороной Выборга, а также обеспечивал охрану провиантских судов, на которых доставляли продовольствие с Котлина острова. Делать это было непросто, так как в период навигации шведская эскадра блокировала Выборг, поэтому И. Ф. Боцису и его подчиненным постоянно приходилось находиться в боевой готовности. Они смогли справиться с основными задачами, и при этом удавалось доставлять к Выборгу провиант, причем в таких случаях И. Ф. Боцис лично сопровождал их.

Slavnitsky N. R. The activities of Schaubenahta I. F. Botsisa for the defense of Vyborg and the provision of its garrison with provisions in 1710–1711

The work is devoted to the activities of I. F. Botsisa in the years 1710–1711. Shautbenaht, who commanded the rowing fleet, was at that time engaged in the defense of Vyborg, and also provided protection for the provisional vessels, which brought food from Kotlin Island. It was not easy to do this, since during the navigation period the Swedish squadron blocked Vyborg, therefore I. F. Botsis and his subordinates constantly had to be on alert. They were able to cope with the main tasks, and at the same time they managed to deliver supplies to Vyborg, and in such cases I. F. Botsis personally accompanied them.

Ключевые слова: Северная война, военно-морской флот, Выборг, Кронштадт, Финляндия.

Keywords: Northern War, Navy, Vyborg, Kronstadt, Finland.

Сорокин П. Е. Взятие Ландскроны

Крепость Ландскрона была построена шведскими войсками в 1300 г. на реке Неве. Русские войска взяли крепость в 1301 г. и разрушили ее. Информация о штурме Ландскроны из русских и шведских документов дополняется новыми археологическими данными. Остатки Ландскроны были раскопаны в 2006–2010 гг. в больших масштабах. Ландскрона была регулярной крепостью в форме каре с восемью башнями и тремя рвами. В первом рву исследованы сгоревшие остатки крепостных стен, а также многочисленные предметы вооружения — наконечники копья, сулицы, стрел и арбалетные болты. Судя по концентрации предметов вооружения, основным направлением штурма Ландскроны было юго-восточное с наименее защищенной стороны.

Petr Sorokin P. E. The Capture of Landskrona.

Swedish troops have built fortress Landskrona in 1300 on the Neva River. Russian troops took the fortress in 1301 and destroyed it. Information about the storm Landskrona

from Russian and Swedish Documents, supplemented by new archaeological data. The remains of Landskrona were excavated in 2006–2010 on a large scale. Landskrona was a regular fortress in the form of a square with eight towers and 3 moats. In the first moat, the burnt remains of the fortress walls, as well as numerous weapons — spearhead, arrows and crossbow bolts were excavated. Judging by the concentration of weapons, the main direction of the assault Landskrona was the South-East the least protected part of Cape.

Ключевые слова: Крепость, штурм, войска, предметы вооружения, наконецники стрел, арбалетные болты, крепостной ров, башня.

Keywords: fortress, troops, storm, weapons, arrowheads, crossbow bolts, moat.

Стерликова А. А. Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.)

В статье рассмотрен процесс зарождения русско-шведских переговоров о мире; основным источником по этому сюжету являются материалы русских дипломатов, как опубликованные, так и архивные. В бумагах русского дипломата Б. И. Куракина наиболее полно освещен процесс русско-шведских переговоров в 1716–1717 гг.: трудности с которыми пришлось столкнуться русской стороне на пути к миру со Швецией.

Sterlikova A. A. Negotiations about Peace with Sweden in letters from Russian diplomats (1716–1717)

The article considers the process of the origin of Russian-Swedish peace negotiations; the main source of this story is the materials of Russian diplomats, including archival. In the papers of the Russian diplomat B. I. Kurakin the process of Russian-Swedish negotiations (1716–1717) is most fully covered: difficulties faced by the Russian side on the road to peace with Sweden.

Ключевые слова: дипломатия, переговоры о мире, Россия, Швеция, Петр I, Карл XII, Б. И. Куракин, Г. Х. Герц, представители, условия мира, посредник, письма дипломатов..

Keywords: diplomacy, peace negotiations, Russian, Sweden, Peter the First, Karl XII, B. I. Kurakin, G. X. Gerc, agent, condition of peace, mediator, papers of the diplomat.

Тепляков В. В. Исторические предпосылки формирования новой транзитной политики России в Прибалтике

В данной исследовательской работе рассмотрены межгосударственные отношения стран Балтии и России за период с 1991 по 2018 год, дана оценка влиянию межгосударственных отношений на прибалтийский транзит. Рассмотрены факторы развития процесса интеграции стран Балтии с ЕС, изменения внешнеполитического курса, ряд резонансных событий, влияющих на транзит. Автором предложено проследить корреляцию между сокращением грузовых перевозок, падением грузооборота прибалтийских портов и событиями, происходящими в межгосударственных отношениях России и республик Прибалтики. Автор делает вывод, что внешняя и внутренняя политика прибалтийских государств привела к тому, что транзитная сфера прибалтийских республик находится на грани коллапса, а также, что для стран Балтии начинают в полной мере сказываться последствия долгосрочной стратегии России на отказ от сотрудничества с ними.

Teplyakov V. V. Historical background to the formation of a new transit policy of Russia in the Baltic States

In this research, the intergovernmental relations of the Baltic States and Russia for the period from 1991 to 2018 are examined, and the impact of intergovernmental relations on the Baltic transit is assessed. The factors of development of the process

of integration of the Baltic States with the EU, changes in foreign policy, a number of resonant events affecting transit are considered. The author proposed to trace the correlation between the reduction in freight traffic, the fall in cargo turnover of the Baltic ports and the events taking place in interstate relations between Russia and the Baltic republics. The author concludes that the foreign and domestic policies of the Baltic states have led to the fact that the transit sphere of the Baltic republics is on the verge of collapse, and also that the consequences of Russia's long-term strategy of not cooperating with them are beginning to fully affect the Baltic countries.

Ключевые слова: страны Балтии, Прибалтика, Латвия, Литва, Эстония, транзит, транзитная политика, Европейский Союз, ЕС, распад СССР, логистика.
Keywords: Baltic countries, Baltic states, Latvia, Lithuania, Estonia, transit, transit policy, European Union, EU, disintegration of the USSR, logistics.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен как переводчик и популяризатор в России скандинавской педагогической и научно-популярной литературы (конец XIX — начало XX в.)

Статья посвящена работе П. Г. Ганзена, датчанина по происхождению, российского подданного в 1887–1917 гг., как переводчика на русский язык, популяризатора скандинавской педагогической и научно-популярной литературы, пропагандиста скандинавских педагогических идей и практики. П. Г. Ганзен предпочитал работы, освещавшие достижения уроженцев Скандинавии мирового уровня. Его особенное внимание вызывали сочинения морально-этического характера и педагогические труды. Свои переводы П. Г. Ганзен снабжал комментариями, приближавшими книги скандинавских авторов к русскому читателю. Он был убежден в передовом характере скандинавских педагогических идей, в преимуществах повседневной жизни в Скандинавии, стремился к распространению этих идей и практики в России.

Frumenkova T. G. P. G. Hansen as a translator and popularizer of Scandinavian pedagogical and popular science literature in Russia (late XIX — early XX century)

The article is devoted to the work of P. G. Hansen, a Danish by origin, a Russian citizen in 1887–1917, as a translator into Russian, a popularizer of Scandinavian pedagogical and popular science literature, a propagandist of Scandinavian pedagogical ideas and practices. P. G. Hansen preferred works that covered the achievements of the natives of Scandinavia world-class. His special attention was paid to the works of moral and ethical character and pedagogical works. P. G. Hansen provided his translations with comments that brought the books of Scandinavian authors closer to the Russian reader. He was convinced of the advanced nature of Scandinavian pedagogical ideas, the advantages of everyday life in Scandinavia, and sought to spread these ideas and practices in Russia.

Ключевые слова: датчанин, переводчик, популяризатор, Скандинавия, педагогические идеи, морально-этические вопросы.

Keywords: Dane, translator, popularizer, Scandinavia, pedagogical ideas, moral and ethical issues.

Шкваров А. Г. Гарнизон крепости Роченсальм в 1790–1850-х гг.

Статья рассматривает изменения состава русского гарнизона Роченсальма в XVIII–XIX от окончания русско-шведской войны 1788–1790 гг. и до Восточной войны 1853–1856 гг. Роченсальм являлся пограничной морской крепостью России против Швеции. Этим определялась его специфика. Поименные списки офицеров и нижних чинов, находящиеся в Национальном архиве Финляндии, дают нам исчерпывающую информацию о количественном и качественном составе

гарнизона в различные годы, рассказывают о преобразованиях, проходивших в армии и на флоте, а также развития крепости в инженерном отношении.

Shkvarov A. G. Garrison of fortress Rochensalm (Finnish — Ruotsinsalmi) in 1790–1850.

The article examines changes in the composition of the Russian garrison of Rochensalm from the end of Russian-Swedish war 1788–1790 till Eastern war of 1853–1856. Rochensalm was a frontier marine fortress of Russia against Sweden. This defines its specificity. The lists of names of companies and different teams, officers, non-commissioned officers and privates from the National archives of Finland give us comprehensive information about quantitative and qualitative composition of the garrison in different years, narrate about the transformations that took place in the army, as well as the development of the fortress in weapons engineering.

Ключевые слова: Русская армия и флот в Финляндии, Роченсальм, морская крепость, пехота, артиллерия, инженерный корпус, именные списки гарнизона.

Keywords: The Russian Army and Navy in Finland, Rochensalm, frontier marine fortress, infantry, artillery, corps of engineers, lists of names of garrison.

Шувалова А. Н. Церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы в Стокгольме в середине XVIII века

Статья посвящена судьбе церкви во имя Похвалы Пресвятой Богородицы в Стокгольме в середине XVIII века. Важным источником по истории этого православного храма являются архивные материалы из фонда Святейшего Синода. В этих документах повествуется о деятельности священников, причетников и прихожан церкви в этот период. Существует также значительное количество источников, описывающих процесс выделения определенных сумм денег из казны на содержание церкви и священников данного православного прихода в Швеции в XVIII веке.

Shuvalova A. N. Church in the name of praise of the Holy Mother of God in Stockholm in the middle of the 18th century.

The article devoted to Church in the name of praise of the Most Holy Mother of God in Stockholm in the XVIII century. An important source on the history of this orthodox church are archival papers of the fond of the Holy Synod. These documents narrative about the activity of various priests, caterers and parishioners of the church in this period. There are also a significant number of sources describing the process of allocation amounts of money from the treasury for the maintenance of the church and the priests of this Orthodox parish in Sweden in the 18th century.

Ключевые слова: Церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, Стокгольм, история XVIII века.

Keywords: Church in the name of praise of the Most Holy Mother of God, Stockholm, history of the 18th century.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажанов Дмитрий Александрович, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, dbazhanov@ Herzen.spb.ru

Балащенко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», yurabal@gmail.com

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spb.ru

Васара Виена-Туули, исследователь, Тампере, viena-tuuli@skinsaw.com

Веригин Сергей Геннадьевич, д. и. н., профессор Петрозаводский государственного университета, verigin@petsu.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Института истории СПбГУ, valerijvozhgrin@mail.ru, v.vozgrin@spb.ru

Востров Алексей Владимирович, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, alex.sinkriver@gmail.com

Геуст Карл-Фридрих, д. н. финское военно-историческое общество, carl.f.geust@gmail.com

Гехт Антон Борисович, к. и. н. доцент Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Гребенищикова Галина Александровна, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, inversiya@bk.ru

Ивлева Светлана Евгеньевна, Государственный Русский музей, ivlevasv@yandex.ru

Коваленко Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, Великий Новгород, gmk49@mail.ru

Козлов Денис Юрьевич, д. и. н., Институт российской истории РАН, kozloff_d@mail.ru

Кобчиков Евгений Юлианович, к. воен. н., Музей истории Кронштадта, kronmus@yandex.ru

Кривдина Ольга Алексеевна, к. и., профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при РАХ, olgakrivdina@yandex.ru

Кротов Павел Александрович, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Михайловская Анастасия Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, anmikh191196@yandex.ru

Михалкова Татьяна Кирилловна, Санкт-Петербург, mtkspb2018@yandex.ru

Мусаев Вадим Ибргимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Пашков Александр Михайлович, д. и. н., профессор Петрозаводского государственного университета, rashkov@mail.petrso.u

Петров Павел Владимирович, д. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Поднебная Алена Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет, apodnebennaya@gmail.com

Полевая Анастасия Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, fluunt.ieiunium@gmail.com

Славинский Николай Равильевич, к. и. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Сорокин Петр Егорович, к. и. н., Институт истории материальной культуры РАН, petrsorokin@yandex.ru

Стерликова Арина Анатольевна, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, arinast@mail.ru

Тепляков Валерий Вячеславович, Санкт-Петербургский государственный университет, Sader656@mail.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, frumentat@yandex.ru

Цверьянашвили Иван Алексеевич, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, konditer14@rambler.ru

Шкваров Алексей Геннадьевич, к. и. н. shkv-aleksej@yandex.ru

Шувалова Анастасия Николаевна, Библиотека РАН (БАН), nastia_220295@mail.ru

Balacenko Yuriy D., I. E. Repin memorial estate «The Penates», yurabal@gmail.com

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. v.baryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru
Bazhanov Dmitriy A. PhD (History), associated professor The Herzen State Pedagogical University of Russia, dbazhanov@herzen.spb.ru
Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associated professor The Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru
Gekht Anton B., PhD (History), associate Professor of The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru
Geust Carl-Fredrik, Dr.Techn. (honoris causa), Finnish Society of Military History, carl.f.geust@gmail.com
Grebenshchikova Galina A. PhD (History), professor of Saint-Petersburg State Marine University, inversiya@bk.ru
Ivleva Svetlana E., The State Russian museum, ivlevasv@yandex.ru
Kozlov Denis Yr. PhD (History), institute of the Russian history of the Russian Academy of sciences, kozloff_d@mail.ru
Kobchikov Eugene Yl., PhD (Military Sciences), Museum of the History of Kronstadt, kronmus@yandex.ru
Krivdina Olga A. PhD (art critic), professor at the Russian Art Department of the Repin State Academic Institute of Painting, olgakrivdina@yandex.ru
Kovalenko Gennady M., PhD (History), Veliky Novgorod, gmk49@mail.ru
Krotov Pavel Alexandrovich, PhD (History), professor of Saint Petersburg University, pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru
Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru
Mikhailovskaia Anastasija A., Saint Petersburg State University, anmikh191196@yandex.ru
Mikhalkova Tatiana Kir., Saint-Petersburg, mtkspb2018@yandex.ru
Musaev Vadim I., PhD (History), the St. — Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. vmusaev62@mail.ru
Pashkov Alexandr M., PhD (History), professor Petrozavodsk State University, pashkov@mail.petrso.ru
Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru
Podnebnaya Alena D., Saint Petersburg State University, apodnebnaya@gmail.com
Polevaia Anastasiya A., Saint Petersburg State University, fluunt.ieiunium@gmail.com
Shkvarov Aleksei G., PhD (History), shk-aleksej@yandex.ru
Shuvalova Anastasiia N., The Library of the Russian Academy of Sciences, nastia_220295@mail.ru
Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St.-Petersburg, slavnitski@bk.ru

Sorokin Petr Eg., PhD (History), The Institute of the History of Material Culture Russian Academy of Science, petsorokin@yandex.ru

Sterlikova Arina A., PhD (History), associate professor Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,, arinast@mail.ru

Teplyakov Valery V., Saint Petersburg State University, Sader656@mail.ru

Tsverianashvili Ivan Al., The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, konditer14@rambler.ru

Vasara Viena-Tuuli, Researcher, Tampere, viena-tuuli@skinsaw.com

Verigin Sergei G., PhD (History), professor Petrozavodsk State University, verigin@petsu.ru

Vostrov Alekty V. Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vozgrin60@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Preface	7
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	
<i>Т. К. Михалкова</i>	
Память о Микаэле Агриколе в Финляндии и на Карельском перешейке	9
<i>Т. Г. Фруменкова</i>	
П. Г. Ганзен как переводчик-популяризатор в России скандинавской педагогической и научно-популярной литературы (конец XIX — начало XX в.)	19
<i>Н. Р. Славнитский</i>	
Деятельность шаутбенахта И. Ф. Боциса по обороне Выборга и обеспечению его гарнизона провиантом в 1710–1711 гг.	27
<i>Г. М. Коваленко</i>	
От Свеаборга до Ярославля. Дневник прапорщика Брайтхольца	33
<i>А. Г. Шкваров</i>	
Гарнизон Роченсальма в 1790–1850-х гг.	41
<i>Ю. Д. Балаценко</i>	
«Братья меньшие» в жизни русского художника И. Е. Репина	50
<i>В. Н. Барышников</i>	
Маршал К. Г. Маннергейм и наступление советских войск в июне 1944 г. на Карельском перешейке	60
<i>А. Б. Гехт, И. А. Цвериаишвили</i>	
Карл Вильгельм Шееле: вехи биографии и научной деятельности	74
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА	
<i>П. Е. Сорокин</i>	
Взятие Ландскроны	83
<i>А. В. Востров</i>	
Почтовая дорога Великого княжества Финляндского как фактор традиционного шведского влияния	93
<i>А. А. Михайловская</i>	
Факторы становления «прогерманских» взглядов в Швеции в первое десятилетие XX в.	101
<i>Д. А. Бажанов</i>	
Взгляд в будущее: контакты депутатов сейма Финляндии с представителями ВКГД в дни Февральской революции	108

<i>В.-Т. Васара</i>	
Значение Вестерботтена и Финнмарка в деятельности Академического карельского общества.....	120
<i>С.-F. Geust</i>	
Finnish Fire-Correction and Observation Station in Peterhof 1942–1943	128
<i>С. Г. Веригин</i>	
Разведывательно-диверсионная деятельность финской дальней разведки в 1941–1944 гг.	136

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

<i>П. А. Кротов</i>	
Пролог создания Российского флота на Балтике (новые архивные находки по истории Осударевой дороги 1702 г.)	146
<i>Г. А. Гребенщикова</i>	
«Странно и непостижимо, что адмирал Чичагов не идет ко мне на помощь» (К вопросу о действиях главнокомандующего флотом в войне России со Швецией в 1788–1790 годах)	159
<i>А. М. Пашков</i>	
Роль Северного Приладожья в снабжении русских войск в период русско-шведской войны 1808–1809 гг.	190
<i>Е. Ю. Кобчиков</i>	
Неизвестный визит французской эскадры в Кронштадт 1824 г.	196
<i>Д. Ю. Козлов</i>	
Проблема «минной блокады» проливов Оландсгаф и Кваркен в контексте российско-шведских отношений периода Первой мировой войны.....	200
<i>В. В. Тепляков</i>	
Исторические предпосылки формирования новой транзитной политики России в Прибалтике	209

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

<i>С. Е. Излева</i>	
Издания о странах Северной Европы в великокняжеских собраниях. Библиотека Николая Николаевича Старшего.....	219
<i>В. Е. Возгрин</i>	
Новое платье норманизма.....	225
<i>А. А. Стерликова</i>	
Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.).....	232

<i>Д. Р. Лобанова</i>	
Особенности изучения событий финской гражданской войны в советской историографии во второй половине XX века	239
<i>А. А. Полевая</i>	
Организация в Норвегии «Отечественной лиги» (программа и деятельность в межвоенный период)	250
<i>П. В. Петров</i>	
Доклад немецкого командующего войсками в Норвегии «Финско-русская война на море 1939/1940» как исторический источник	256
<i>В. Н. Барышников</i>	
«Экспорт революции» или борьба с итогами «контрреволюции»? (к проблеме изучения в Финляндии деятельности «терийокского правительства»).....	266

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>В. И. Мусаев</i>	
Конфликты вокруг православных обителей на Ладогe в начале XX в.	283
<i>А. Д. Поднебенная</i>	
Архитектура Выборга XVIII века: перспективы исследования.....	294
<i>А. Н. Шувалова</i>	
Церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы в Стокгольме в середине XVIII века	302
<i>О. А. Кривдина</i>	
Произведения датских скульпторов в каталоге Государственного Эрмитажа	307
РЕЗЮМЕ / ABSTRACT	311
Краткие сведения об авторах	331

Научное издание

Санкт-Петербург и страны Северной Европы
Материалы Девятнадцатой ежегодной научной
конференции (24–25 апреля 2018 г.)

ISSN 2411-8796

Директор издательства *А. А. Галат*
Корректор *Л. В. Рябова*
Верстка *В. А. Смолянинов*
Художник *О. Д. Курта*

Подписано в печать 16.04.2019
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ № 417

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-65;
факс: (812) 571-30-75
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://rhga.ru>

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199